

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiy.maxim.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки
1921–1935. Максим Горький

Сомов и другие
Пьеса
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сомов.

Анна – его мать.

Лидия – его жена.

Яропегов.

Богомоллов.

Изотов.

Дуняша – горничная.

Фёкла – кухарка.

Троеруков.

Лисогонов.

Силантьев.

Титова.

Арсеньева – учительница.

Дроздов.

Терентьев.

Людмила.

Крыжов.

Китаев.

Семиков.

Миша.

Сомов – инженер, лет 40, говорит суховато; под его сдержанностью чувствуется сильное нервное напряжение, в сценах с матерью – резок и даже груб, в сцене с женой, обнаруживая своё честолюбие, откровенен не потому, что говорит искренно, а потому, что проверяет себя.

Анна – его мать, – лет 60, женщина бодрая, хороших «манер».

Лидия – лет 27, ленивые движения, певучий голос, жить ей одиноко и скучно; Арсеньева оживляет воспоминания юности её, и потому она тянется к ней.

Яропегов – лет 40–42, – школьный товарищ Сомова, человек, которого Лидия объясняет правильно.

Богомоллов – лет 60, – обижен, обозлён.

Изотов – лет 55, – картёжник, любит поесть, выпить.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Троеруков – неудавшийся авантюрист, человек, способный на всё из мести за свои
неудачи.

Титова – лет 45, – толстая, пошлая, неглупая.

Арсеньева – лет 30, – человек, увлечённый своим делом.

Терентьев – лет 35, – рабочий, директор завода, добродушен.

Дроздов – лет 30, – красив, суров, недоверчив.

Китаев – лет 30.

Крыжов – за 60 лет.

Семиков – лет 25–23, – вялый парень.

Миша – лет 20.

Дуняша – тоже.

Людмила – 18–20 лет.

Фёкла – за 60 лет.

Лисогонов – тоже.

Силантьев – лет 45.

Первый акт

Новенькая, деревянная дача. Терраса; у стола – Анна Сомова, в капоте, пенснэ;
читает газету; пред нею – кофейный прибор.

Дуняша. Спекулянт масло принёс.

Анна. Во-первых: надо говорить – частник, а не спекулянт.

Дуняша. Мы так привыкли.

Анна. Спекулянт – обидное слово, обижать людей – дурная привычка. Во-вторых: где
Фёкла?

Дуняша. Ушла куриц покупать, что ли...

Анна. Пусть Силантьев подождёт.

Дуняша. Он денег хочет.

Анна. Просит, а не – хочет.

Дуняша. Не хотел бы, так не просил.

Анна. Вы говорите много лишнего. Пусть придёт сюда. – (Сердито, через газету
смотрит вслед Дуняше. Отшвырнув газету, подходит к перилам террасы. На лестнице
Силантьев, мужик лет 45.) Здравствуйте, Силантьев!

Силантьев. Доброго здоровья, Анна Николавна.

Анна. Ну, что у вас, как – дочь?

Силантьев. Плохо.

Анна. Не помогает доктор?

Силантьев. Нет. Да ведь какой она доктор, извините...

Анна. Что ж она говорит?

Силантьев. Да ведь что ей говорить? Она не её, она – меня всё лечит. Не так, видишь ты, думаю я, не её мыслями. Я ей говорю: «Ты – брюхо лечи, а не душу, душу лечить – дело не твоё! Ты, говорю, себе душу-то полечи».

Анна. Очень жаль, что Маша захворала, я так привыкла к ней.

Силантьев. Новая-то у вас бойка больно.

Анна. Да, вот до чего дожили мы, Силантьев!

Силантьев. Не говори! Дышать нечем. Комсомол этот, Мишка: «На Кавказ, говорит, надобно Марью-то». Это – в старину солдат на Кавказ посылали, а она девка.

(Сомов вышел, стоит у стола, разбирая газеты, прислушивается.)

Силантьев. Учит меня: «Ты, говорит, богатый, а для дочери денег жалеешь».

Анна. Они – завистливы на чужое богатство.

Силантьев. Ну да! Понимают, что человек без денег – как птица без крыльев...

Анна. А всё, что у нас отняли, – промотали...

Сомов. Надо бы кофе...

Анна. Ах, ты здесь? Позвони...

Сомов. Не действует звонок. Вы уж сами...

Анна. Идите в кухню, Силантьев, я там расплачусь с вами.

Силантьев. Дрова тут возил я вам. Да за двух зайцев...

(Силантьев уходит.)

Анна. Хорошо, хорошо! (Подходит к двери, звонит.) Звонок действует.

Сомов. Не одобряю я эти твои беседы.

Анна. Ах, вот почему не звонит звонок! Ты что хочешь, чтоб я онемела, когда все кругом возмущены?

Сомов. А ты организуешь возмущение, да?

Анна. Мне кажется – с матерью не следовало бы говорить иронически! И даже не поздоровался.

Сомов. Прости. Но твои «беседы с народом», вроде этого торгаша, Лисогонова и...

Анна. Ты считаешь глупыми? Нет, уж ты разреши мне это! Ты живёшь с умниками, а я привыкла жить с глупыми, но честными...

Сомов. Я должен сказать, что мне особенно не нравится этот, хотя и полуумный, но подозрительный учитель пения...

Анна. Он – учитель истории, а пению учит по нужде. Ты ведь знаешь, что теперь в России истории нет...

Сомов. Послушай, мама...

(Входит Яропегов.)

Яропегов. Бонжур [1], мадам! Николай, у тебя в спальне мухи есть?

Сомов. Есть.

Яропегов. Советую: бей мух головной щёткой!

Сомов. Нелепая у тебя привычка начинать день глупостями!

Яропегов. Это – не глупости, а ценное открытие. Я вчера, ложась спать, перебил щёткой несколько десятков мух. Кстати – об открытиях: Иваненко сообщает, что открыл богатейшие залежи полиметаллической руды. Везёт советской власти!

Анна. А – кто везёт? Это – вы, вы везёте! Страшно подумать, что вы делаете... (Возмущена почти до слёз, уходит, говоря.) Только и слышишь: там открыли, тут нашли... Ужас!

Яропегов. Боевое настроение мамыши всё повышается...

Сомов. Здесь это ещё более неуместно, чем в городе.

Яропегов. Ты хотел весной отправить её и Лидию за границу?

Сомов. Неудобно было хлопотать.

(Дуняша вносит кофе.)

Яропегов. Как спали, Дуня?

Дуняша. Лёжа, Виктор Павлович.

Яропегов. А что во сне видели?

Дуняша. Ничего не видала, я сплю закрыв глаза.

Яропегов. Браво!

(Дуняша уходит.)

Сомов. Дерзкая девчонка.

Яропегов. Очень милая курочка!

Сомов. Я смотрю на неё не с точки зрения петуха.

Яропегов. Ты что сердисься? Не выпался?

Сомов. Вчера Терентьев наговорил мне комплиментов, с этим, знаешь, чугуном его простодушием. И кончил так: «Замечательный, говорит, вы работник, товарищ Сомов, люблюсь вами и думаю: скоро ли у нас свои такие будут?»

Яропегов. Ну, и – что ж? Чувствует, что мы не товарищи, а или гуси или свиньи.

Сомов. Ты всё шутишь, Виктор, грубо и неумно шутишь. Смазываешь себя жиром шуточек, должно быть, для того, чтоб оскорбительная пошлость жизни скользила по твоей коже, не задевая души.

Яропегов. Какой язык!

Сомов. И забываешь о том, что нам необходимо полное доверие с их стороны.

Яропегов. Я склонен думать, что пользуюсь таковым.

Сомов. Ты! Доверие необходимо нам всем, а – не единице! Против нас – масса, и не надо закрывать глаза на то, что её классовое чутьё растёт. Ты читаешь им что-то такое, ведёшь беседы по истории техники, что ли... они принимают это как должное...

Яропегов (смеётся). Они лезут ко мне в душу, точно в карман, где лежат их деньги. Говоря правду – мне это нравится.

Сомов. То есть тебя это забавляет, но ты ошибаешься, думая, что они относятся к тебе лучше, более доверчиво, чем ко мне, Богомолу.

(Входит Фёкла.)

Фёкла. Николай Васильич...

Сомов. Что вам нужно?

Фёкла. Анна Николаевна спрашивает: придёт к завтраку кто-нибудь?

Сомов. Да. Двое.

Фёкла. А что готовить?

Сомов. Ну... Всё равно!

Яропегов. Что у вас есть?

Фёкла. Курочка есть хорошая.

Яропегов. Опять курочка! Побойтесь бога...

Фёкла. Нет уж, покорно благодарю, боялась, да перестала! Телятина есть.

Яропегов. Фёкла Петровна, – неужто бога-то не боитесь?

Фёкла. Нет, Виктор Павлыч, весёлый человек, не боюсь! Я – старушка неверующая, мне бог столько судьбы-жизни испортил, – вспомнить горестно! Так чего же готовить? Мозги есть.

Яропегов. Мозгов у нас своих избыток.

Фёкла. А – не хватает завтрак заказать.

Сомов. Послушайте, идите к жене...

Фёкла. Почивает ещё.

Сомов. Ну... Вы мешаете нам!

Фёкла. Так я – ушла. А опоздает завтрак, уж не моя вина. [Уходит.]

Сомов (раздражён). Удивляюсь, как ты можешь болтать с этой дурой!

Яропегов. Это, брат, замечательная старуха! Жизнь её – сплошная драма, но она рассказывает её в юмористическом тоне!

Сомов. Ах, пошли ты её к чёрту!

Яропегов. Нет, ты попробуй, вообрази драму в юмористическом тоне...

Сомов. Послушай, ты нарочно дразнишь меня?

Яропегов. Тебя вот оцарапало простодушие Терентьева, и ты уже – готов! Воспринимаешь жизнь трагически.

Сомов. Брось болтать чепуху, Виктор.

Яропегов. У тебя, брат, кислая дворянская закваска, а у меня: дед – дьякон, отец – унтер-офицер...

Сомов. Ах, не говори пошлостей...

Яропегов. Ну, брат, классовая заквасочка – не подлость, это ты бухнул зря!

(Пауза.)

Сомов. Геологи чересчур много открывают. Рентабельность этих открытий весьма сомнительна. Протасов сравнивает геологов с девицами, которые, торопясь выйти замуж, слишком декольтируются.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Яропегов. То есть хотят угодить властям? Я слышал, что последний доклад его –
насквозь антисоветская пропаганда.

Сомов. Челуха! Просто он – как всегда – грубовато говорил...

Яропегов. Вообще у вас тут атмосферочка ядовитая. Это – что? Воздействие
шахтинского процесса?

Сомов. Ядовитости – не замечаю, а «самокритика» сильно растёт. Ну, разумеется, и
шахтинское дело нельзя забыть. Кроме того, разлад в Кремле...

Яропегов. Возбуждает надежды?

Сомов. Говорит о том, что товарищи трезвеют.

Яропегов. Гм? Так ли? По-моему, лучшие из них – неизлечимые алкоголики от
идеологии. Идеологии у них – девяносто процентов.

Арсеньева (входит на лестницу). Лидия Борисовна дома?

Сомов. Да. У себя. Пожалуйста...

Яропегов. Это – что?

Сомов. Учительница, подруга жены по гимназии.

Яропегов. Какая... гм! Партийка?

Сомов. Не знаю, не знаю! Слушай, Виктор, к завтраку приедет Богомолов...

Яропегов. Настраиваюсь благоговейно.

Сомов. Он, вероятно, начнет говорить о фабрике Лисогонова, о её восстановлении,
расширении и так далее. Я – решительно против этого. Не вижу смысла
реставрировать и обогащать мелкие предприятия туземцев. Ты знаешь мою точку
зрения: ориентация на европейца, на мощность... Советская власть должна вернуться
к концессиям, иначе...

Яропегов (закуривая). И так далее. В общем – гениально.

Сомов. У Богомолова – личные причины, какая-то старая связь, даже, кажется,
родство с Лисогоновым. (Гудок автомобиля.) О, чёрт! Кто это?

Яропегов. Терентьев. И этот, новый, его заместитель.

Сомов. Не очень приятная фигура.

Яропегов. Интересный парень, кажется.

(Входят Терентьев и Дроздов.)

Терентьев. Почтение строителям!

(Дроздов молча пожимает руки.)

Сомов. Добрый день, Иван Иванович...

Терентьев. День – хорош, да вот из Москвы – нагоняй нам. Читали?

Сомов. Нет. Где?

Терентьев. А – вот!

Яропегов (Дроздову). Курите?

Дроздов. Спасибо.

Яропегов. Охотник?

Дроздов. Балуюсь. А – как вы догадались?

Яропегов. Видел вас в лесу с ружьём.

Дроздов. Ага! (Отходит в дальний угол террасы.)

Сомов. Ну, это пустяки!

Терентьев (вздыхая). Самокритика, конечно...

Сомов. Да, погибают...

(Лидия, Арсеньева – выходят из комнаты.)

Лидия. Может быть, ты позовёшь товарищей к себе?

Сомов. Да. Пожалуйста, Иван Иванович.

Терентьев (пристально и удивлённо смотрит на Арсеньеву, зовёт). Борис – идём!

(Трое ушли. Яропегов остался, сидит на перилах.)

Лидия (звонит). Да, очень скучно! В городе все недовольны, живут надув губы, ворчат, сплетничают на партийцев, рассказывают старые московские анекдоты.

Арсеньева. Город затхлый.

Лидия. И ни одной шляпы к лицу нельзя найти.

Арсеньева. А ты сама сделай.

Яропегов. Зато – легко потерять лицо.

Лидия. Вы зачем тут подслушиваете? Знакомьтесь: Виктор Павлович Яропегов, Екатерина Ивановна Арсеньева.

Яропегов. Весьма рад!

Лидия. Я – не умею делать шляп. И вообще ничего не делаю.

Яропегов. Это – лучше всего гарантирует от ошибок.

Лидия. Жалкая ирония. Вот вы, инженеры, делаете и всё ошибаетесь, и вся ваша деятельность – ошибка.

Яропегов. Совершенно так же думает Анна Николаевна. С её политико-эстетической точки зрения в сельском пейзаже церковь гораздо уместнее, чем фабрика.

(Дуняша – в дверях.)

Лидия. Кофе, Дуняша, кофе! И хлеба. Вы ужасно медленно спешите на звонки.

Дуняша. Наверху была. [Уходит.]

Яропегов. Вы, я слышал, учительница?

Арсеньева. Да.

Яропегов. Совершенно не похожи.

Арсеньева. Это – порицание или комплимент?

Яропегов. Комплименты говорить вам я не решаюсь, да и времени для этого много требуется.

Арсеньева. Мне приятно, что вы дорожите временем.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Лидия. Ты, Катя, осторожнее с ним, он отчаянный ухажёр, как теперь говорят.

(Дуняша приносит кофе.)

Сомов (кричит). Виктор!

Яропегов. Пардон [2] (Уходит.)

Арсеньева. Кто это?

Лидия. Приятель мужа, был женат на сестре его, овдовел. Очень талантливый, забавный, пьяница, немножко – шут, нахал и бабник. Вот, если хочешь замуж...

Арсеньева. Нет, спасибо! После такой характеристики – расхотелось.

Лидия (смеётся). Ты удовлетворена жизнью?

Арсеньева. Нет, конечно. Я даже и не представляю, как можно быть удовлетворённой в наше время.

Лидия (подумав). Это ты сказала что-то серьёзное, я не понимаю!

Арсеньева. Очень просто понять. Людей, для которых жизнь была легка и приятна, – не может удовлетворить то, что она разрушается, а те, кто разрушает, – не удовлетворены, что разрушается она не так быстро, как хотелось бы.

Лидия. Вот какая ты стала... философка! И тебе искренне хочется, чтоб старая жизнь скорее разрушилась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Как просто! Да, и – всё! Но ведь ты сказала, что не партийка?

Арсеньева. Я сочувствую работе партии.

Лидия (вздыхнув). Ты была такая... независимая! Не понимаю, как можно сочувствовать, когда все против партии.

Арсеньева. Все, кроме лучших рабочих. И ведь вот муж твой и его друг...

Лидия. Ну-у, муж!.. Он скрепя сердце, как говорится...

Арсеньева. Разве?

Лидия. А Яропегов, он, знаешь, едва ли вообще способен чувствовать, сочувствовать. Он такой, знаешь... пустой! Вот он – независим. Сочувствовать – значит, уже немножко любить кого-то, а любовь и независимость не соединяются, нет!

Арсеньева. Ты замени кого-то чём-то.

Лидия. Не понимаю! И – вообще – что случилось? Фабрики всегда строили.

Арсеньева. Строили, да – не те люди и не для того, для чего теперь строят. Вот тебе нравится независимость, но она будет возможна для одного только тогда, когда все будут независимы.

Лидия. Это и называется – утопия? Кстати: ты купалась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Удивительно ты говоришь – да! Вот идёт Миша.

Миша. А, чёрт...

Лидия. Он всегда ругается.

Миша. Вовсе не всегда.

Лидия. Надо сказать: здравствуйте, а он говорит: чёрт!

Миша. Китайские церемонии! А у вас тут гвозди торчат, взяли бы молоток да забили.

Лидия. Не хочу забивать гвозди! Садитесь, кофе дам.

Миша. Не хочу. Товарищ Арсеньева...

Лидия. Знаешь, товарищ Арсеньева, Миша влюблён в меня.

Миша. Я? В вас? Ну, уж это – дудочки! Вы даже и не нравитесь мне.

Лидия. Серьёзно?

Миша. Ну, конечно!

Лидия. Я очень рада, если так.

Миша. Да уж так! А радоваться – нечему. И – неправда, что вы рады. Интеллигенты любят нравиться, всё равно кому...

Лидия. Вы успокоили меня, Миша!

Миша. Успокоил? Эх вы... Чем это я вас успокоил? И вовсе вы ничем не беспокоились. Мешаете только...

Лидия. Я – молчу.

Арсеньева. Вы, Миша, не в духе?

Миша. Да что же, товарищ Арсеньева!.. Бюрократ этот, Дроздов, доски для эстрады запретил брать на стройке, как же мы расширим эстраду? Китаев – разрешил, а он – нельзя! Тоска! И тоже всё шуточки шутит, как будто интеллигент какой-нибудь.

Арсеньева. Дроздов – здесь, я поговорю с ним.

Лидия. Пейте кофе, Миша!

Миша. Ладно. То есть – спасибо! И потом к занавесу надобно два полотнища пришить, а он говорит – это пустяки! Флаги истрёпанные, и мало флагов... И, говорит, вы должны действовать самообложением, а – каким чёртом мы самообложимся?

Лидия. Ох, Миша...

Миша (успокоительно). Ну, ничего! Вы сама тоже, поди-ка, здорово ругаетесь, это и по лицу видно. Без этого – не проживёшь... Мы и так за месяц утильсырья сдали на сорок семь рублей да на укреплении плотины заработали семьдесят три, так ведь на ремонт избы-читальни да по ликбезу...

(Терентьев, Дроздов, Сомов.)

Терентьев. Значит – так: вы едете на фабрику, я побегу взглянуть, что делают на стройке.

Арсеньева. Можно вас на пару слов?

Дроздов. Всегда готов! (Идут, Миша за ними.)

Сомов. Хотите кофе, Иван Иванович?

Терентьев (глядя вслед уходящим). С удовольствием. С удовольствием.

Сомов. До свидания. (Ушёл.)

Терентьев. Погода-то, Лидия Петровна, а? Отличная погода!

Лидия. Очень хорошая погода.

Терентьев. Именно! Это... эта женщина – кто такая?

Лидия. Учительница в Селищах, подруга моя.

Терентьев. Та-ак. Что же это я её не видал раньше?

Лидия. Да она здесь только с осени и недавно воротилась из Москвы...

Терентьев. А вы... давно знаете её?

Лидия. В гимназии учились вместе.

Терентьев. В каком городе?

Лидия. В Курске.

Терентьев. Ага! Вот оно что!

Лидия, чтоэтовасобрадовало?

Терентьев. Тут... случай такой! Черносотенный городок! Я был в нём при белых.

Лидия. Ужасные дни!

Терентьев. Да, на войне страшновато. Особенно – ежели отступить. Наступать – это очень легко.

Арсеньева (возвращается). Ну, Лида, мне нужно идти в село.

Терентьев. Погодите-ко, позвольте... то есть – извините! Ведь вы – дочь доктора Охотникова?

Арсеньева. Да. Но я вас не помню...

Терентьев. Ну – где же помнить! Однако это я самый лежал у вас, в квартире, в Курске, раненый...

Арсеньева. Фёдор... забыла как! Узнать вас трудно.

Терентьев. Ещё бы! Почти восемь лет прошло. К тому же я тогда был Степан Дедов, а настоящее имя моё Иван Терентьев. И растолстел, всё в автомобилях живу. Вот видите – встретились, а? Чёрт знает что! Учительствуете?

Арсеньева. Да.

Терентьев. Так. В партии?

Арсеньева. Нет.

Терентьев (несколько огорчён). Почему?

Арсеньева. Сразу не расскажешь.

Терентьев. А я думал, что вы, после того – в партию! Ваше поведение...

Арсеньева. Ну, какое же поведение!

Терентьев. Однако – риск!

Арсеньева. Тогда не одна я рисковала.

Терентьев. Нашли бы меня у вас – пуля вам или – вешалка... Ну, а отец?

Арсеньева. Его, как врача, мобилизовали белые, а на другой день какой-то пьяный офицер застрелил его...

Лидия. Как ты... спокойно!

Терентьев. Та-ак! Хороший был человек! (Лидии.) «Вы, говорит, желаете жить? Ну, так делайте что вам велят!» (Смеётся.) Вот история! И – даёт рыбий жир. Противная жидкость, да и команда эдакая: делай, что велят! А я с девятнадцати лет делал чего не велят, и мне уже было двадцать семь. В тюрьме сидел, в ссылке был, бежал, работал нелегально, считал себя совсем готовым человеком. И – вдруг: делай что велят, пей рыбий жир! Положим, кроме рыбьего жира, питаться нечем было. (Арсеньевой.) Его ведь звали Иван Константинович? Что ж, Катерина Ивановна, – по всем правилам нам следует возобновить знакомство?

Арсеньева. Я – не прочь.

Терентьев. Чудесно! (Лидии.) Заговорили мы вас? То есть это я заговорил...

Лидия. Нет, что вы! Мне интересно... Хорошо встретились вы...

Терентьев. Хорошо? Да, бывает.

Дроздов (за террасой). Катерина Ивановна – ждём! Ваня всегда с дамами.

Терентьев. Это – с больной головы на здоровую.

Дроздов. Ты, Ваня, с Катериной Ивановной осторожно, она – человек враждебный нам.

Терентьев. Не верю!

Арсеньева. Не нам, а – вам, товарищ Дроздов. До свидания, Лида.

Лидия. Ты вечером придёшь?

Арсеньева. Нет.

Лидия. Приходи!

Арсеньева. Не могу, дело есть. (Идёт с Дроздовым.) Так вы не забудете?

Дроздов. Всегда готов служить вам.

Арсеньева. Не мне, а ликбезу. Я в услугах ваших не нуждаюсь.

Дроздов. Строго.

(Арсеньева и Дроздов уходят.)

Терентьев (задумчиво глядя вслед им). Ну, пойду и я. До свидания.

(Лидия одна, позванивает чайной ложкой по графину с водой.)

Дуняша (входит). Лисогонов пришёл...

Лидия. Вы знаете, что Николай Васильевич уехал. Пусть он идёт к Анне Николаевне.

Дуняша. Он вас спрашивает.

Лидия. Я не могу принять его.

(Входит Лисогонов.)

Дуняша (усмехаясь). А он уж кругом обошёл, старый чёрт...

Лисогонов. Разрешите, уважаемая...

Лидия (встаёт). Что вам угодно? Я чувствую себя плохо.

Лисогонов. Все, все плохо чувствуют себя! Местность нездоровая, болото близко, –

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
местность эта не для интеллигентных людей... Рабочие, конечно...

Лидия. Вы именно ко мне, да?

Лисогонов. Именно-с! Вот вы на спектакле сожаление выразили, что теперь нельзя достать кружев старинных. Действуя по симпатии, всё можно достать! И вот-с мамы моей кружева желал бы преподнести...

Лидия. Простите, я должна... распорядиться... (Уходит)

Лисогонов (прячет кружева, ворчит). Дура, дура... (Надулся, покраснел.)

(Анна Сомова, Титова.)

Анна. Здравствуйте, Евтихий Антонович!

Лисогонов. Низайшее почтение!

Титова. Чего в карман прячешь, Евтихий, человек тихий?

Лисогонов. Платок.

Титова. Двадцать лет человека знаю и – хоть бы что! Замариновался, как гриб в уксусе.

Лисогонов. В слезах замариновался.

Титова. Чужих слёз ты много пролил, это известно!

Лисогонов. Любишь ты, Марья Ивановна, насмешки...

Титова. А что мне любить осталось?

Анна. Лидия сказала – кружева продаёте?

Лисогонов. Я? Нет. То есть я хотел... но могу и продать.

Анна (рассматривает кружева). Русские...

Лисогонов. Не знаю-с. (Титовой.) нам, обойдённым людям, смеяться друг над другом не следовало бы.

Титова. Разве я со зла смеюсь? Я – от удивления. Гляжу вот на тебя, сома, и – смешно: как это сом допустил, что ерши на сухое место загнали его и стал он ни рыба, ни свинья?

Анна. Марья Ивановна грубовато говорит, такая у неё манера, а говорит она всегда умно.

Лисогонов. За это, за ум и прощается ей...

Титова (рисуюсь). И на пролетариев смотрю – удивляюсь! Ах ты, думаю, пролетариат, пролетариат, и куда ты, пролетариат, лезешь?

Лисогонов. Н-да... Величайшие умы и силы, от Христа до Столыпина, пробовали жизнь по-новому устроить...

Анна. Надолго испортили жизнь.

Титова. А, бывало, придёшь к частному приставу, дашь ему кусочек денег, скажешь: «Ах, какой вы чудный!» Верит, идиот, и способствует.

Анна. В полиции офицера гвардии служили...

Лисогонов. И все были сыты...

Титова. И везде, на всех видных местах, благожелательные идиоты сидели...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Анна (обиженно). Но – почему же идиоты?

Титова. Так уж теперь считают их, а они, конечно, просто благожелательные были. Я хорошо людей знаю, у меня ведь магазин модный был и отделенъице наверху для маленьких удовольствий. Посещали меня всё богачи да кокоточки, генералы да ренегаты...

Анна. Позвольте, – какие ренегаты?

Титова. Ну, эти... как их? Деренегаты.

Анна. Дегенераты?

Титова. Вот, вот! Попросту – выродки...

Анна. Смешная вы.

Титова. Я – добрая, я никого не хаю, все люди кушать хотят и удовольствия немножко.

Лисогонов. И уж не так жадны, брать – брали, да – не всё! А поглядите, до чего теперь жадно стали жить!

Анна. Да, да! Всякую дрянь собирают, какое-то утильсырьё, это в России-то! Какой стыд перед Европой!

Титова. А что им Европа? Они вон мордву грамоте научили...

(Дуняша – выглянула с половой щёткой в руке.)

Анна. Пойдёмте в лес, посидим там.

Титова.

На песочке, над рекой,
Где приволье и покой.

Лисогонов. Земля у нас золотом плюётся, так сказать...

Анна. Как ваши дела?

Лисогонов. Да – что же? Вокруг – строятся, а мой заводик стоит, как был. Случится что-нибудь... переворот жизни, например, – у всех прибыло, всем – пристроено, а я окажусь, как есть, в нищих...

Титова. Врёшь, Евтихий! Деньжонки у тебя есть...

Лисогонов. Какие? Где?

Титова. Золотые. Спрятаны.

Анна. Сколько же вы хотите за кружево?

Лисогонов. Да... как сказать? Кружево редкое.

(Ушли. Дуняша вышла, убирает со стола, напевая. Метёт.)

(Входит Фёкла.)

Фёкла. Ты что это, Дунька, замёрзла? Скоро час, а у тебя не убрано.

Дуняша. Не хулигань, старуха! Вон тараканы-то, только что выползли отсюда.

Фёкла. Титова-то бо-огатая была! Дом свиданий держала в Москве.

Дуняша. Это что за дом?

Фёкла. Вроде публичного для замужних.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Дуняша. Старик тут о перевороте говорил.

Фёкла. А о чём ему говорить? Они все тут кругом только об этом и говорят. (Взяла два куска сахара.) Без стыда, без страха. Вон они уселись, три мухомора.

Дуняша. Ты бы сахар-то не брала.

Фёкла. Ничего, я – не себе, а ребятишкам сторожа. (Смотрит в деревья.) Ты на кого сердисься?

Дуняша. Рабочая, крестьянская власть, а господа остались, – вот на кого.

Фёкла. Не сердись, они – старенькие, помрут скоро! Глупые. В старости надобно бы хорошо жить, в старости – ни жарко ни холодно, ничему не завидно.

Дуняша. Замолола!

Фёкла. Верно говорю! В молодости живёшь – беспокоишься в кого влюбиться да – как – нарядиться, я вот всё это исполняла, да дурочкой и осталась. (Дуняша ушла, Фёкла, позевнув, дремлет.) А скоро мне, Феклуше, – как! Вот эдак-то и с тобой будет, Дунька... Значит – учись! Все учатся... гляди-ко! Не будешь учиться, – проживёшь как мышь... в погребу...

(Лидия, Богомоллов [выходят] из комнат.)

Лидия (Фёкле). Вы что тут делаете?

Фёкла. Помогаю Дуняшке.

Лидия. А там дверь открыть некому...

Фёкла (уходя). Дверь открыть – просто.

Лидия (Богомоллову). Прислуга совершенно несносна.

Богомоллов. Да, рассуждает. Все, знаете, рассуждают. Мы – работаем. Работаем и получаем за это возмездие, например, в форме шахтинского процесса, понимаете...

Лидия. Яропегов говорит, что в этом случае инженеры действительно шалили.

Богомоллов. Он это говорил? Кому?

Лидия. Мне.

Богомоллов. Шалили?

Лидия. Да.

Богомоллов. Это он... посмешить вас хотел! Он вообще... любит шуточки, словечки.

Лидия. Кажется, – Николай едет.

Богомоллов. Да, да, он! Яропегов, эдакий, понимаете, вроде старинного нигилиста. Ни в чох ни в сон – не верит. Ну и мы ему верить не должны, так?

(Входит Сомов.)

Сомов. Извините, Яков Антонович, – опоздал!

Богомоллов. По-ожалуйста!

Сомов. Завтракаем, Лида?

Лидия. Всё готово...

Сомов. Прошу к столу! А где мать?

Лидия. Идёт.

Сомов. Водочки?

Богомолов. Водку хорошо пить с Яропеговым, – да вот и он! Здравствуйте, дорогой!

(Входит Яропегов.)

Яропегов. Моё почтение.

Богомолов. Я вот только что, знаете, сказал, что вы, умея вносить во всякое дело остроту, эдакую, понимаете... лёгкость...

Яропегов. Водку пью легко?

Богомолов. Что и делает её приятней. Даже, знаете, некролог Садовникова вы написали несколько...

Яропегов. Покойников некрологи не интересуют.

Богомолов (смеётся). Да ведь некрологи-то не для лих и пишутся, а – для нас.

Анна (входит). Здравствуйте, Яков Антонович!

Богомолов. Моё почтение, уважаемая.

Анна. Ф-фу! Посмотрели бы вы на реке – ужас! Мужчины, женщины, совершенно голые...

Богомолов. Да, да! Как в раю...

Анна. Как в аду... это – вернее!

Сомов (подвигая стул матери). Садись, мама!

Богомолов. Эх, замечательная водка была в наше время!

Второй акт

У Терентьева. Тоже новенькая дача с небольшой террасой, на террасу выходит дверь и два окна; с неё до земли четыре ступени. Сад: четыре молодые ёлки, они – полузасохли; под каждой – клумба для цветов, но – цветов нет, клумбы заросли травой. Две окрашенные в зелёную краску скамьи со спинками. У забора – кегельбан, начинается он небольшим помещением, в котором стоит койка, стол, два стула. В двери и окнах мелькает фигура Людмилы, племянницы Терентьева. На террасе играют в шахматы Китаев и Семиков.

Китаев. Не видишь? Шах королеве!

Семиков. Ах ты... Скажи пожалуйста!

Китаев. Тебе, Семиков, на шарманке играть, а не в шахматы.

Семиков. Не Семиков, а Семи-оков! В «Известиях» напечатано о перемене фамилии. Семик – языческий праздник, суеверие, – понял?

Китаев. А ты – играй, двигай!

Семиков. Вот я и вставил оник: Семи-о-ков! Пустой кружочек, а – облагораживает.

Китаев. Да ты – играй! Ну, куда полез? Шах королю!

Семиков. Какой несчастный случай!

Китаев. Ну тебя к чертям! Неинтересно с тобой.

(Закуривает. Вышла Людмила, взяла стул, ушла. Оба смотрят вслед ей, потом друг на друга. Семиков складывает шахматы в ящик. Доносится пение скрипки.)

Семиков. И под стихами приятно подписать: Се-ми-оков.

Китаев. А всё-таки как ловко ни играй на скрипке, – гармонь преобладает её.

Семиков. Теперь стихи легко у меня текут.

Китаев. Как слюни. Я, брат, творчество твоё – не люблю, жидковато оно.

Семиков. Ты не понимаешь, а Троеруков...

Китаев. Он тебя хвалит, потому что – запуганный интеллигент. Хотя – башковатая личность... Правильно говорит: конечно, говорит, существует масса, но – без героев история прекращается. Это – верно: ежели я себя не чувствую героем, так меня вроде как и нет совсем. Тут можно дать такой пример: построили судно, так допустите его плавать, а ежели оно всё на якоре стоит, – так на кой чёрт его нужно?

Семиков. Да, это верно!

Китаев. Или пошлют человека в болото – плавай! А – куда по болоту поплывёшь? Вот, примерно, я...

Людмила. Китаев, ну-ка поди сюда, помоги.

(Китаев уходит.)

(Семиков вынул книжку из кармана, читает, шевелит губами.)

(Входит Миша.)

Миша. Ты чего тут делаешь?

Семиков. В шахматы играл.

Миша. Спевка – здесь, в семь?

Семиков. Да.

Миша. Арсеньеву – не видал?

Семиков. Была, занавес чинить ушла.

Миша. Стихи читать будешь?

Семиков. Могу.

Миша. Старые?

(Людмила в дверях.)

Семиков. Нет, вчера написал:

Года за годами бегут,
А людям жить всё трудней,
И я понять не могу
Бешеный бег наших дней.
Куда они мчатся, куда?

Миша. Ну, ты это брось! Кому интересно, чего ты не понимаешь?

Людмила. Как это, Ванечка, в башке у тебя заводятся такие скушные слова?
Пахинида какая-то...

Семиков. Говорят – «панихида», а не «пахинида».

Людмила. Ну – ладно, сойдёт и пахинида! Сбегай-ко в клуб, там, наверное, дядя, скажи – обед давно готов. И Арсеньеву зови, если она там... (Семиков обижен, уходит. Людмила садится на стул.) Знаешь, как Саша Осипов прозвал его? Стишокрад; он, говорит, чужие стихи ворует, жуёт их и отрыгает жвачку, как телёнок. Ой, Мишка, надоело мне хозяйничать! Учиться хочу, а – как быть?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Уговариваю дядю – женился бы! А я – в Москву, учиться! Ежели здесь останусь –
замуж выскочу, как из окна в крапиву.

Миша (солидно). Замуж тебе – рано!

Людмила. Много ты понимаешь в этом! Не бойся, за тебя не пойду.

Миша. Да я бы и не взял эдакую..

Людмила. Ох, ты.. барашек! Нет, серьёзно, Мишка, ты – умный, ты послушай: дядю
оставить на чужого человека – тоже не годится, работает он, как пятеро хороших,
пить-есть ему – некогда, обшить, обмыть его – некому, о себе подумать – не
умеет.

Миша. Ты с Арсеньевой посоветуйся..

Людмила. Советовалась. Она решает просто – учиться! А мне дядю-то жалко, он меня
на ноги поставил. Начала от скуки цветы сажать. Ну, – люди из сил выбиваются, а
я – цветочки поливаю. Стыдно.

Миша. Да уж.. Смешновато.

Людмила. Костю Осипова не видал?

Миша. Нет. Не понимаю, где он увяз? Третьего дня пошёл в Селище, в сельсовет..

(Арсеньева входит.)

Арсеньева. А я вас ищу, Миша! Вот вам парусина, краска, кисти, лозунги ликбеза,
идите-ка, намалюйте их поскорее, получше.

Миша. Дело знакомое. Людка, у тебя – можно?

Людмила. Иди, только не очень пачкай там.

Миша. Ладно. Буду – не очень.

Арсеньева. Почему у тебя мордочка скучная?

Людмила. Всё потому же..

Арсеньева. Слушай-ка, у Сомовых работает кухарка.

Людмила. Знаю, Фёкла, забавная старуха..

Арсеньева. Не нравится ей там. Вот, давай пристроим её к дяде. Человек она
хороший, честный и неглупа.

Людмила. Поговорить бы с ней. Кто это?

(Крыжов идёт, осматриваясь.)

Людмила. Вам кого, дедушка?

Крыжов. Иван Терентьев здесь живёт?

Людмила. Здесь.

Крыжов. Ну вот, я к нему. Дочь, что ли?

Людмила. Племянница.

Крыжов. А это – жена?

Людмила. Нет ещё.

Крыжов. Невеста, значит.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Людмила. Тоже нет.

Арсеньева. Знакомая, в гости пришла.

Крыжов. Ну, это ваше дело! Умыться бы мне, девушка, да – испить водицы, а?
Запылился старик.

Людмила. Идите сюда.

([Людмила и Крыжов уходят.] Арсеньева идёт в кегельбан, садится к столу, развязывает узел, в нём – потрепанные флаги, щёлкает ножницами, начинает шить. Идут Дроздов, Терентьев.)

Дроздов (угрюмо). Есть песок в машине, есть!

Терентьев. Старые рабочие очень замечают это.

Дроздов. А откуда песок сыплется – непонятно.

Терентьев. Вот, сегодня должен бы старик один придти, могу сказать, – учитель мой...

Арсеньева. Он уже пришёл.

Терентьев. Ага, Катерина Ивановна! Рад.

Дроздов. Я тоже рад.

Терентьев. Он – в горницах, старик?

Арсеньева. Да.

(Терентьев уходит.)

Дроздов. Мы с вами, Катерина Ивановна, встречаемся всегда в хорошие дни.

Арсеньева. Это вы – о погоде?

Дроздов. О ней. Не помню, чтобы встречал вас в дождь, в пасмурный день!

Арсеньева. Редко встречаемся мы.

Дроздов. Значит – надобно встречаться чаще, – верно?

Арсеньева (смеясь). Ловкий вы...

Дроздов. Ничего, парнишка – не промах! И всегда, встречая вас, я чувствую...

Арсеньева. Зависимость погоды от моей личности, да?

Дроздов. Вот – именно! Благодарить вас хочется.

Арсеньева. Не беспокойтесь.

Дроздов. Даже – поцеловать готов.

Арсеньева. А я к этому не готова.

Дроздов. Приготовьтесь.

(На террасу вышел Терентьев с куском хлеба в руках, стоит, прислушивается, хмурясь, пятится в дверь.)

Арсеньева. Вам не кажется, что вы немножко нахал?

Дроздов. Нет, не кажется! Есть песенка:

Ты, говорит, нахал, говорит,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Каких, говорит, немало...
Арсеньева. Не продолжайте, дальше – неверно!

(Терентьев исчез.)

Дроздов.

Но, говорит, люблю, говорит,
Тебя, говорит, нахала...
Арсеньева. Борис Ефимович! Вы бы попробовали отнестись ко мне серьезно, а?

Дроздов. Вы – обиделись?

Арсеньева. Попробуйте! Может быть, это будет более достойно и вас и меня.

Дроздов. Не сердитесь, не надо! Честное слово... у меня к вам – большая симпатия!
Работница вы у нас – что надо! А если я шучу...

Арсеньева. Шутить надобно умеючи, не надоедая. Вы, кажется, у Яропегова шутить
учитесь?

Дроздов. Почему – у Яропегова?

Арсеньева. Не идёт это к вам. Человек вы, я знаю, не плохой...

Дроздов (серьёзно). А – чем плох Яропегов?

(Идут Терентьев, Крыжов, за ними Людмила.)

Людмила. Товарищ дядя! Скажи толком – обедать-то будем?

Терентьев. Отстань! Мы с Борисом закусили, Крыжов – не хочет. Погоди, ещё двое
придут...

Людмила. Что ж ты не сказал мне? Ведь не хватит.

Терентьев. Иди к чертям, Людмила! Борис...

Крыжов. Порядка-то у вас нет?

Терентьев. Ну-ко вот послушай, Борис... Давайте, на солнышко.

(Арсеньева собирает флаги, хочет уйти.)

Терентьев (сухо). Вы не мешаете нам.

Людмила (Арсеньевой). Давай помогу.

Крыжов (набивая трубку). История, братья-товарищи, такая: приехала к нам, на
завод, компания, чтобы, значит, реконструировать, расширить и так и дальше.
Завод действительно заслужил этого, ещё до революции износился, и подлечить его
давно следовало; мы, старьё, три года этого, как милостыню, просили. Ну,
началась работка! Двигается всё туда-сюда, не торопясь, того – нет, того – не
хватает. Командовал старик, моих лет, а раньше – Богомоллов приезжал, тоже
старик.

Дроздов. Яков Антонов?

Крыжов. Кто это?

Дроздов. Богомоллов-то?

Крыжов. Не знаю. Детали рассказывать – не буду, а прямо скажу: устроили так, что
раньше болванка из кузницы ко мне шла четыре часа, а наладили дело – идёт семь
часов. И так и дальше всё. У меня – записано. Я и говорю старикам: как будто
чего-то неладно вышло, братья-товарищи? Видим, говорят, однако – может, так и
надо.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy (Китаев на террасе, мрачно жуёт что-то.)

Крыжов. Всё-таки решили поговорить с директором, он у нас – литейщик с Лысьвенского завода, партизан, красным командиром был, по армии скучает. «Вот, говорим, Демид, брат-товарищ, какие штуковины наблюдаются». – «Вы, говорит, старики, неправильно считаете, и вообще, говорит, специалист, как паук, своё дело знает». И так и дальше. Успокоил.

(Китаев ушёл, потом вынес бутылку пива, сел, пьёт. Постепенно начинает вслушиваться в рассказ, встаёт, подходит к скамье. Людмила шьёт, тихонько напевая, Арсеньева, не переставая шить, внимательно слушает.)

Крыжов. Успокоил, ну – не меня! Я, погода немного, в завком. Там – тоже успокаивают. Ну, тут я поругался, эх, говорю, братья-товарищи, так вас и разэдак. Н-да. Погорячился. Какие, говорю, вы хозяева? И так и дальше. Вызывают в ГПУ, там у нас хороший парень сидит, однако и он тоже: «Ты, говорит, товарищ, разлад в работу вносишь!» А молодёжь начала и высмеивать меня. В стенгазету попал: склочник, бузотёр. Н-да. Только рабкор один, комсомолец Костюшка Вязлов, на моей стороне, ну – ему веры нет, он у меня на квартире живёт. Даже внука моя, тоже комсомолка, и та – против. Ну, ладно! Однако я всё считаю, записываю и вижу – нет, моя правда: нехорошо сделано! Стало так туго мне, что огорчился, выпивать начал. Девятнадцать лет сверлил, тридцать четыре на заводе, всё знаю лучше, чем дома у себя. Понял, что дело моё – плохо, пожалуй, и пить привыкну на старости лет. Ну и решил, скрепя сердце рассчитался и – в Москву! Вдруг тебя, Иван, вижу на станции. И вот я вам, братья-товарищи, прямо говорю: там дело нечисто, повреждённое дело! У меня кетрадка есть, в ней сосчитано всё, все часы, вся волокита...

Дроздов. Можно взглянуть?

Крыжов. На то и писано, чтоб читали. Разберёшь ли? Писатель я – не Демьян... победнее его буду...

Дроздов. Разберу.

Крыжов (Арсеньевой). Ты что глядишь на меня? Понравился?

Арсеньева. Очень.

Крыжов (толкая Терентьева локтем). Слыхал? Хо-хо! Вон оно что! У меня дочь старше тебя, только – дурой выросла. Ребят – родит, а – больше ничего не умеет. Вот внука, так эта – что надо! В Свердловск поехала, учиться. Ты – партийка?

Арсеньева. Нет.

Крыжов. А чего делаешь?

Арсеньева. Ребят учу.

Дроздов. Иван!

Крыжов. Вам, молодым, надобно в партию записываться, круче дела-то погибать. Я вот ехал сюда – горой, водой, лесом, парусом, – как говорится, гляжу: тут – строят, там – строят, инде – выстроили, ух ты, мать честная! Бойко взялись за дело, крепко! Конечно, я и по докладам, по газетам знал, ну, а когда своим глазом видишь, это уж другой номер!

(Дроздов и Терентьев, сидя на другой скамье, рассматривают книжку.)

Терентьев. Склочником он не был.

Дроздов. Да, не похож! А цифры – нехорошо поют.

Китаев. А ты – в партии?

Крыжов. Я – нет. Мне – не надо, я и без того – природный пролетар. До Октября, до Ленина, я даже и понимать не хотел партию. Думал – так это, молодёжь языки чешет. И дело у меня – строгое, требует всех сил. А заседать я – не мастер, да и

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький goriki
грамотой не богат. Года три тому назад хотели меня в герои труда произвести, ну
– я чинов-званий не любитель, упросил, чтобы не трогали.

Китаев. Это – напрасно! Коллектив знает, что делает, ему герой – нужен...

Крыжов. Герой, голова с дырой...

Дроздов. Видишь?

(Терентьев молча кивает головой.)

Дроздов. Зови-ко его в комнаты.

Китаев. Куда же ты едешь?

Крыжов. Вот сюда приехал.

Людмила. Что же обедать – завтра будем? Никто не идёт.

Терентьев. Отвяжись! Подь-ка сюда, Крыжов.

Крыжов (идя). Порядка у тебя, видать, нет насчёт обеда-то? Остался ты, видно, как был, – беспорядочный, а? (Хлопает Терентьева ладонью по спине.) Приятно мне, что встретились!

Людмила (около Арсеньевой). Бестолочь какая! И так – почти каждый день.

Арсеньева. Какой интересный старик!

Людмила. Молодые – интереснее. Дроздов, например, а? Замечаешь, как он присматривается к тебе?

Арсеньева. У него такая служба...

Людмила. Обыкновенная – мужская. А мне инженер нравится.

Арсеньева. Который?

Людмила. Яропегов, конечно! Он в клубе читал лекцию по истории земли, по металлам, – интересно! Весёлый, чёрт!

Арсеньева. Что ж он – ухаживает за тобой?

Людмила. Заговаривает. Смешит. Я – люблю весёлых!

Арсеньева. Ты бы лучше со своим с кем-нибудь веселилась.

Людмила (вздыхая). Свои, свои... Вон Китаев просит записаться с ним.

Арсеньева. Неприятный парень.

Дроздов (с террасы). Катерина Ивановна! Можно вас на минутку?

(Арсеньева идёт.)

Дроздов. Помогите нам расчётец сделать – ладно? Папироску хотите?

Арсеньева. Не курю. Бросила.

Дроздов. Отчего?

Арсеньева. Ребятам дурной пример.

Дроздов. Резонно.

(Ушли. Людмила шьёт.)

Китаев. Скушно по воскресеньям!

Людмила. Тебе и в будни скучно.

Китаев. Так – как же? Сходим, запишемся, а?

Людмила. От скуки?

Китаев. Зачем – от скуки? От любви.

Людмила. У тебя на пиджаке – капуста.

Китаев. Капусту я не ел.

Людмила. Ну, тогда что-нибудь из носу.

Китаев. Ты очень грубая барышня.

Людмила. Вот видишь! А приглашаешь меня в загс.

(Силантьев стоит за углом террасы.)

Китаев. Потому что влюбился. От любви и скучаю.

Людмила. А что чувствуют, когда влюбляются?

Китаев. Это – в зависимости от девушки.

Людмила. Всё-таки?

Китаев. Ну... примерно, как в опере «Деймон» – желаю видеть вечной подругой жизни...

Людмила. А – она?

Китаев. Она, конечно, смеётся. Любовь – дело весёлое, игристое дело!

Людмила. Ух, какой ты глупый, даже страшно!.. (Убежала.)

Силантьев (входит). Здравствуйте, товарищ Китаев! Я – к вам.

Китаев. Ну?

Силантьев. Доски у меня взяли, те самые...

Китаев. Кто взял?

Силантьев. Мишка-комсомол.

Китаев. Так просто – пришёл и взял?

Силантьев. Нет, конечно, за деньги, только он платить стесняется.

Китаев. Почему?

Силантьев. Нету денег у него, погоди, говорит! А мне нужно, я – бедный человек...

Китаев. Ты – не человек, а кулак.

Силантьев. Какой же я кулак? У кулака пальцы сжаты, а у меня – вот они – растопырены, потому – держать мне нечего.

Китаев. От тебя водкой пахнет.

Силантьев. Ну, так что? Водку и немец пьёт.

Китаев. Немец – пиво! У тебя в кармане бутылка.

Силантьев. Она мне не мешает.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.u
Китаев. Ну, ступай! Доски меня не касаются.

Силантьев. Так ведь вы заведуете клубом и всем этим... устройством. Ведь я вам за них...

Китаев. Ступай, ступай! Доски получишь... Водку пьёте, черти...

Силантьев. Эх, трудно с вами, товарищи! Не деловой вы народ! (Уходит.)

(Троеруков навстречу; мимоходом – перешёптываются. Крыжов вышел с бутылкой нарзана, прошёл в кегельбан, прилёг на койку, курит.)

Китаев. Устал, старик?

Крыжов. Есть немножко.

Китаев. Что там у вас, – вредители работают?

(Крыжов не отвечает.)

Китаев. Много вокруг нас чужого народа.

Крыжов. Выметем.

(Троеруков смотрит на часы, щёлкнул крышкой.)

Китаев. А, учитель! Ты – что?

Троеруков. Спевка у меня.

Китаев. Почему – здесь?

Троеруков. Эстрада не готова.

Китаев (щёлкнув пальцем по бутылке нарзана). Аш два о! – Вода, значит. (Отводит Троерукова в сторону.) Стишки мои прочитал?

Троеруков. Как же...

Китаев. Ну – что?

Троеруков. Правду сказать?

Китаев. Обязательно!

Троеруков. Стишки – дрянь, но – от души.

Китаев. То есть – как это?

Троеруков. Очень просто, вы – не обижайтесь, товарищ Христофор. По форме они – дрянь, но по искренности – неплохи.

(Китаев мычит.)

Троеруков. Видите ли: одно дело слова, другое – мелодия. Мелодия – подлинная песня души, то есть – самое настоящее, самая глубокая правда человека, – ваша правда...

Китаев. Угу! Да...

Троеруков (оглядываясь, вполголоса). Например – «Интернационал» можно петь церковно, на третий глас, на шестой. (Поёт.)

Отречёмся от старого мира.

Китаев (удивлён). Ах, чёрт! В самом деле. Это – смешно...

Троеруков. И многие, когда поют «Интернационал», так не отрекаются от старого мира, а взывают к воскресению его; новый-то им уже надоел, понимаете...

Китаев. Верно! Поют некоторые! Ах ты, щучий сын! Замечаешь!

Троеруков. Теперь, возвращаясь к вашим стишкам...

Китаев. Ты смотри, никому не говори, что я сочиняю!

Троеруков. Я – помню! Ни-ни, никому! Так вот, стишки... В чём их недостаток? В том, товарищ Христофор, что вы взялись не за своё дело. По натуре вашей, вы – разрушитель, вам разрушать надо, а вы – строите и воспеваете стройку, казённое, не ваше дело. Поэтому слова не совпадают у вас с мелодией души, с настоящей вашей правдой, – вашей! Понимаете?

Китаев. Верно! Ей-богу, это – верно! Ах, чёрт! Действительно... Я и сам чувствую – не идёт у меня! Не то пишу!

Троеруков. Вот видите!

Китаев (воодушевляясь). Ты – сам посуди: я – кто? Боец! Партизан. Я в армию пошёл, потому что – конюх, смолоду лошадей люблю, скакать люблю. У меня – натура есть, понимаешь! А меня мотали, мотали да – вот, наблюдай, как посёлок строят!

Троеруков. Ну да!

Китаев. Я, бывало... Да я... поголовно истреблял... как собака тараканов! Хлеба не давать? Так я ж их поголовно! Как в сказке: ахну, и – нет ничего, только пыль, брызг и сапоги! Вы – кто? Помещики, дворянство, буржуазия или просто – люди? Да я вас так, что от всей вашей массы только одни уши останутся... А теперь вот...

Троеруков. Время не для вас, не для героев!

Китаев. Понимаешь? Теперь я – кто?

Дроздов (вышел на террасу, оглянулся, идёт в сторону Крыжова, мимоходом). В самом деле, товарищ Китаев, вспомни-ко, – кто ты...

Китаев. Я помню!

Дроздов. Не забывай. (Троерукову.) Вы что тут?

Троеруков. Спевка будет здесь.

(Китаев и Троеруков скрываются за углом дачи. Дроздов, посмотрев на Крыжова, идёт к террасе. Встречу ему Терентьев.)

Терентьев. Ну, что он?

Дроздов. Спит.

Терентьев. Значит: решили – завтра в Москву его?

Дроздов. Ну да. Ты Китаева хорошо знаешь?

Терентьев. Вовсе не знаю. Он сюда недавно прислан.

Дроздов. Дурак он, кажется.

Терентьев. А что?

Дроздов. Чего он возится с этим учителем пения?

Терентьев. Учитель-то, похоже, полуумный. Кстати, Дроздов, ты за Арсеньевой ухаживаешь...

Дроздов. А кому это вредно?

Терентьев. Ты ведь это так, для развлечения...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Дроздов (усмехнулся, напевает).

Эх ты, моя белая,
что ты со мной сделала?
Терентьев. Погоди, я – серьёзно! Она мне вроде как бы жизнь спасла...

Дроздов. Рассказывал ты. Тогда они ещё плохо понимали нас, потому, изредка, и спасали. Если ты серьёзно, так – гляди, не ошибись...

Терентьев. Я, брат, года три бредил о ней... даже вот не женился. Может быть, это достойно смеха... Ты, конечно, моложе меня, красивый.

Дроздов. Ну, ладно...

Терентьев. Так что... вот! Понимаешь эту штуку?

Дроздов. Ладно, понял. Человек она как будто хороший, работница на все руки...

Терентьев. Образованная.

Дроздов. Всё это так! Но не нравится мне приятель её, этот учитель пения, малосольная морда.

Терентьев. Он ей – не приятель, и говорит она о нём – нехорошо.

Дроздов. А что – нехорошо?

Терентьев. Ты лучше сам спроси её.

Дроздов. Мы живём среди хитрого народа, словам надо верить осторожно.

(Людмила вышла, ставит на стол две бутылки пива, стаканы.)

Людмила. Вы что же – откупорили бутылки, а – не пьёте? Испортится.

Терентьев. Это – да!

Дроздов. Вчера у Сомова был большой буржуазный выпивон и разъедон. Жена его, эдакая – просят руками не трогать – в платье сопливенького цвета. Какая-то толстуха в красном... как мясная туша. Троеруков на скрипке пилил, рояль балабонила. Я шёл мимо около полуночи, эх, думаю...

Терентьев. Пускай веселятся, лишь бы честно работали...

Дроздов. Честно! Сие последнее есть самое главное, как говорил один товарищ у нас в кружке... лет пятнадцать тому назад...

Терентьев. Тебе – сколько?

Дроздов. Тридцать три. Шахтинский процесс...

(Входит Миша.)

Миша. Товарищ Дроздов, – за Селищами раненого нашли...

Людмила. Сашу Осипова?

Миша. | Неизвестно ещё...

Дроздов. | Почему ты думаешь, что Осипова?

Людмила. Он говорил мне, что грозят избить его...

Дроздов. Кто?

Людмила. Да – не знаю я!

Дроздов. Ну, надо ехать...

Людмила. Наверно, наверно, Сашу Осипова...

Терентьев. Не кричи! Ещё не установлено.

Людмила. У вас – всё не установлено! И кто клуб поджигал, и кто Маше Валовой голову проломил.

Миша. Я – с вами, товарищ Дроздов, – можно?

Китаев (идёт). Почему шум?

Людмила. Осипова Сашу избили.

Китаев. Хулиганил, наверно...

Людмила. Врёте!

(Крыжов проснулся, слушает, набивая трубку.)

Китаев. Почему – вру?

Людмила. Он про вас в стенгазете писал, вот почему!

Китаев. Кто под пулями гулял, тому стенгазета – муха!

Крыжов. Убили кого-то?

Терентьев. Рабкора ранили.

Крыжов. Эта мода и у нас есть. У нас сразу видно: кто рабкора считает врагом, доносчиком – значит, это чужой человек, не наш.

Людмила. Ай, как хочется мне туда!

Крыжов. На покойника поглядеть?

Людмила. Да – не покойник...

Крыжов (с упрямством старика). В покойнике ничего интересного нету. (Китаеву.) Дремал я тут, слышал, экую чепуху городил ты, парень!

Китаев. Ты – стар, тебе моих мыслей не понять!

Крыжов. Где понять! Глупость – трудно понять. А этот, который с тобой балагурил, – поп, что ли?

Китаев (отходит). Не любишь молодых-то?

Крыжов. Зачем? Молод да умён – два угодья в нём. Осердился. Вот теперь, отдохнув, я бы поел...

Терентьев. Идём.

Людмила. Ну вот, нашли время...

(Уходят. Китаев пьёт пиво. Появляется Троеруков.)

Троеруков. Опаздывают певцы.

Китаев. Придут. Петь – не работать, придут!

Троеруков. Вы, товарищ Китаев, шофёром были?

Китаев. Кто тебе сказал?

Троеруков. Не помню.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Китаев. Ну, а если – был, так – что?

Троеруков. Правда, что шофёр так может срезать человека крылышком автомобиля, что никто не заметит?

Китаев (пристально разглядывая его). И человек этот – не заметит?

Троеруков. О нём – речи нет.

Китаев. Так. А... зачем ты спрашиваешь?

Троеруков. Чтобы знать. Меня ловкость интересует. И – не верю, что это можно сделать безнаказанно.

Китаев (не сразу). Ты – чему учишь? Петь?

Троеруков. Да.

Китаев. Ну и – учи! Автомобиль тебя не касается.

Троеруков. И – хорошо! А то – коснётся крылышком, и – нет меня!

Китаев (смотрит на него). Это... какая же мелодия в башке у тебя?

Троеруков. Это просто любопытство. Вот, начинают собираться наконец! Товарищи! Сильно опаздываете...

(Идут: Дуняша, ещё две девицы, двое рабочих.)

Китаев (посмотрев на них, берёт бутылку пива). Предлагаю выпить! Кто – за? Кто – против? Воздержавшихся – нет? Принято единогласно... (Наливает, пьёт.)

(Собрались певцы. Дуняша и Людмила запевают.)

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Серый селезень плывёт.
(Китаев подошёл и тоже поёт. На террасе – Крыжов, хохочет, притопывая ногой. Терентьев, Арсеньева, глядя на него, тоже смеются.)

Китаев. Эх, мать честная! Здорово, ребята! (Кричит.)

А мы его по макушке
Бац, бац, бац!
Третий акт

У Сомовых. Та же терраса. Поздний вечер. Луна. Лидия – в кресле. Яропегов – шагает мимо неё.

Яропегов. Допустим, что ты говоришь правильно...

Лидия. Говори мне – вы! Тут свекровь ходит.

Яропегов. Несёт дозорную службу.

Лидия. И вообще – довольно! Всегда говори со мной на вы!

Яропегов. Слушаю. Итак – допустим, что ты – пардон, вы – рассуждаете правильно. Но у меня другой рисунок души, и я совершенно не выношу драм.

Лидия. У тебя – нет души.

Яропегов. Решено говорить на вы...

Лидия. Тише!

(Дуняша подаёт Лидии стакан молока.)

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Лидия. Спасибо. Теперь вы свободны.. Вот у Дуняши – есть душа. Она презирает всех нас.

Яропегов. Разве душа – орган презрения?

Лидия. Орган честных чувств. Дуняша честная с людьми.

Яропегов. Какой-то писатель проповедовал честность с собой. Это что-то вроде собаки, – собаки, которая водит слепого.

Лидия. А вы – не честный.

Яропегов. Спасибо. И – Сомов?

Лидия. Вы – все!

Яропегов (закуривая). Виноваты предки. Чёрт их научил избрать местом жительства этот идиотский земной мир! Представьте огромный арбуз, намазанный маслом. Страшно неудобно человеку стоять на нём, – скользишь направо, налево, вперёд, назад.

Лидия. Вы глупо шутите!

Яропегов. Может быть. Но – безобидно.

Лидия. С вами не стоит говорить о серьёзном.

Яропегов. Это – верно, ибо: что есть истина?

Лидия. Я думаю, вы кончите самоубийством.

Яропегов. Н-ну... едва ли!

Лидия. Или – сопьётесь.

Яропегов. Это – возможно.

Лидия. Вы вообще несчастный человек.

Яропегов. Не чувствую себя таковым.

Лидия. Ложь.

Яропегов. Но может случиться, что я пойду к какой-нибудь Дуняше и скажу ей: «Дуня – перевоспитаю меня...»

Лидия. Удивительно пошло и лживо.

Яропегов. Напрасно рычите, Лида, я говорю... от души. В эту весну я особенно близко присмотрелся к рабочим, к мужикам. Рабочий довольно быстро перешивает мужичка на свою колодку, и вообще... дьявольски интересно жить в этой среде! Много свирепого, не мало глупого, но всё, что понято, – понято отлично! Чувствовал я себя там... весьма молодо...

Лидия. Не верю я тебе, ни одному слову не верю! (Идёт к лестнице.)

Яропегов (следуя за нею, касается плеча её). Послушай, – что значит всё это? Откуда, вдруг...

Лидия (стряхивая его руку). Не – вдруг! Тупой человек... Я... не знаю... я не могу понять... (Молча смотрит в лицо ему.) Скажи мне – в двух словах – что такое фашизм?

Яропегов. В двух словах? Н-ну, это... трудно...

Лидия. Не хочешь сказать, да?

Яропегов (пожав плечами). Почему – не хочу? Н-ну... Ты – знаешь: жизнь – борьба,
Страница 28

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy все пожирают друг друга, крупные звери – мелких, мелкие – маленьких. Фашисты – мелкие звери, которым хочется быть крупными, а маленькие зверьки тоже хотят вырасти. Крупный зверь заинтересован в том, чтоб мелкий был жирнее, а мелкий – в том, чтоб маленький жирел. Для этой... доброй цели необходимо... именно то, что существует, то есть полная свобода взаимного пожирания, а для свободы этой необходима частная собственность, – зверячий порядок. Вот большевики и пытаются уничтожить основу зверячьего быта – частную собственность... Понятно?

(Лидия молча идёт с лестницы.)

Яропеггов (вздыхнув). Ничего нового в фашизме – нет, это очень дряхлая и скверненькая катавасия... Зачем понадобилось тебе знать это?

(Ушли. На террасу выходят: Сомов, Богомоллов, Изотов. Сомов несёт миску с крешоном, Изотов стаканы. Затем Сомов плотно закрывает дверь и окна в комнату. Богомоллов отирает платком лицо и шею. Изотов – закуривает.)

Богомоллов. Дышать нечем.

Изотов. Н-да. Хлеба – горят.

Богомоллов. Думаете – неурожай будет?

Изотов. Говорят.

Богомоллов. Недурно бы, знаете, а? (Сомову.) Мы – одни?

Сомов. Да. Но – кажется – мы переговорили обо всём?

Богомоллов. И установлено: оборудование – накаплиется, а строительство, понимаете, задерживается, насколько это возможно.

Изотов. Это – как аксиома.

Богомоллов. Затем: людей, которым наши планы не ясны...

Изотов. Или – ясны, но – не нравятся...

Богомоллов. Или – слишком ясны, – людей этих, понимаете, сдерживать в их стремлении отличиться пред товарищами.

Изотов. Переводить с практической на канцелярскую работу.

Богомоллов. И другими, знаете, приёмами. Вообще – сдерживать!

Изотов. Правильно.

Сомов. Нужно ли повторять всё это?

Богомоллов. Не мешает, знаете, не мешает. (Изотову.) Вы, Дмитрий Павлович, несколько того... понимаете, несколько чрезмерно обнаруживаете ваш пессимизм, тогда как мы должны показывать себя оптимистами, верующими, понимаете, фантазиям товарищей...

Сомов. Они – не глупы, у них есть чутьё. И не всё у них фантазии.

Богомоллов. Именно?

Сомов. Разговоры о пятилетке, социалистическое соревнование...

Изотов. Карьером – далеко не ускачут.

Богомоллов. Но надо нахлестывать, знаете, – нахлестывать! Поощрять фантазии одних, развивать скепсис – других, понимаете... А пессимизм – неуместен в нашем положении.

Изотов. Я не пессимист, но, когда рискуешь головой...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy Bogomolov (возбуждается). Головы, знаете, не имеют особой ценности, ежели они служат для того, чтоб по головам били дикие люди, – да-с! Головы, понимаете, надобно держать выше, чтоб кулак дикаря не доставал до них! Надобно, понимаете, помнить, что руководство промышленным прогрессом страны – в наших руках-с и что генштаб культуры – не в Кремле сидит-с, а – именно в нашей среде должен быть организован, – понимаете! За нас – история, вот что надобно усвоить, – история! Пред нами безграничные возможности. Довольно адвокатов у власти, власть должна принадлежать нам, инженерам, – понимаете?

Изотов. Да, во Франции адвокаты командовали и командуют бездарно.

Сомов. Командует – капитал...

Богомолов. Далее вы скажете, что правительство служит промышленникам и так далее, согласно догматике товарищей. Но – забастовка адвокатов – ничего не может изменить, а если забастовка инженеров? Как вы думаете? То-то! Вы, дорогой, немножко, знаете, заражены нигилизмом Виктора Яропегова.

Изотов. Неприятный мужчина.

Сомов. Он – талантлив.

Богомолов. Н-но!

Изотов. Ему бы фельетончики писать в газетах товарищей.

Богомолов. Он, понимаете, как раз из тех, кого надобно сдерживать. Таких, знаете, следует сажать на бумажки, припиливать к бумажкам...

Сомов. Вы забываете, что такие – грамотны и умеют считать...

Богомолов. Н-ну, мы будем пограмотнее. Мы – похитрее...

Сомов. Тише говорите, здесь – гуляют.

Изотов. В будни-то!

Сомов. За решёткой – дорога к реке. Сегодня снова приходил Лисогонов.

Богомолов. Был и у меня. Всё спрашивает, когда будет пущена его фабрика.

Изотов. Дрянная фабрика. Старьё.

Богомолов. Не брезгуйте, не брезгуйте! На неё можно затратить миллиона три. Можно и больше.

Изотов. Ага! Вы – с этой точки зрения? Ну, омерщвлять капитал такими порциями – длинная история!

Богомолов. Но, между прочим, знаете, и это полезно. Между прочим! Мелочи – незаметны, но туча комаров – одолевает медведя, знаете!

Сомов. У Лисогонова – диабет. Он умрёт скоро, наследников не имеет.

Богомолов. Найдутся!

Изотов. Сын есть.

Богомолов. Сын – помер. Диабет, знаете, и у меня есть. Доктора запретили вино, природа – запретила женщин, осталось одно удовольствие – карты...

Сомов. Яропегов идёт.

Изотов. Пьяный?

(Входит Яропегов.)

Богомолов. Ну, нам – пора! Виктор Павлович! Совершили прогулочку под луной?

Яропегов (выпивши). Именно. И даже – с девицей.

Богомолов. С хорошенькой? Счастливец! Вчера я видел вас тоже... кажется, с племянницей директора завода?

Яропегов. Именно с ней.

Богомолов. Демократ вы! Что ж? Мы все – демократы.

Яропегов. Из принципа: «С волками жить, по-волчьи выть».

Богомолов. Всегда он скажет что-нибудь такое, знаете... остренькое! Дивная привычка! Н-ну, пошли! Да, – чуть не забыл! Виктор Павлович, – дорогой! Заключение ваше по поводу изобретения этого молодого человека... как его?

Яропегов. Которого? Кузнецова или Зибера?

Богомолов. Первого. Оптимистическое заключение! Сосчитали вы – неверно. Слишком оптимистично. Уж – простите! Но в комиссии я буду возражать.

Яропегов. Это – ваше право. И – обязанность.

Богомолов. Да, да, – буду против!

Яропегов. Поспорим.

Богомолов. Ну – всех благ!

(Идут. Сомов провожает. Яропегов пьёт крюшон.)

Сомов. Не знаешь, где жена?

Яропегов. На берегу, с Арсеньевой, Терентьевым. Там комсомольцы рыбу неводом ловят.

Сомов. Терентьев, кажется, ухаживает за учительницей?

Яропегов. Мужчины вообще любят ухаживать за женщинами.

Сомов. А ты всё пьешь?

Яропегов. А я всё пью.

Сомов (шагая по террасе). Тебе не кажется, что учительница эта дурно действует на Лидию?

Яропегов. На неё безделье дурно действует. Ты бы советовал ей заняться чем-нибудь, вот хоть ликвидацией безграмотности.

Сомов. Посоветуй ты...

Яропегов. Я для неё не авторитет. О чём беседовали с Яковом?

Сомов. Так... Вообще о делах.

Яропегов. Сдаётся мне, что он хочет похерить изобретение Кузнецова.

Сомов. Странное подозрение! Какая у него может быть цель?

Яропегов. Удовлетворение злобы.

Сомов. Ты куда?

Яропегов. В гости приглашён, к Троерукову. (Ушёл.)

(Сомов ходит по террасе, остановился, прислушивается. Вошёл в комнату, открыл окно. Идут: Терентьев, Лидия, Арсеньева, Миша и Дуняша.)

Терентьев. Мира – нет, Лидия Петровна, мира и не будет до поры, пока весь рабочий народ всемирной массой своей не обрушится на врага.

Лидия. Вы... верите в это?

Терентьев. Ну, ещё бы не верил! Разве это можно – не верить в то, для чего живёшь – работаешь?

Арсеньева. Идите, Миша, выпейте водки...

Миша. Да я – не пью!

Арсеньева. Грудь и ноги разотрите, а то простудитесь.

Миша. Никогда в жизни не простужался...

Дуняша. А ты – иди! Не форси...

Миша. Ух, надоели! Что я – барышня?

(Миша и Дуняша уходят.)

Лидия. Какой славный мальчик!

Терентьев. У нас – сотни тысяч таких козырей. Недавно одного кулаки подстрелили, в правую сторону груди насквозь. В больницу его без сознания привезли, а пришёл в себя – первое слово: «Долго хворать буду?» Он, видите, к приёму на рабфак боится опоздать, – вот в чём штука! Молодёжь у нас отличной продукции. Конечно, есть и брак, так ведь «в семье не без урода», а семейка-то великовата!

Лидия. Сыро становится. Катя, ты не зайдёшь ко мне?

Арсеньева. Нет. В шесть утра еду в город, надо кое-что приготовить, там районная конференция учителей.

Терентьев. А мне пора к дому. Будьте здоровы!

Лидия. Доброй ночи. Ты – надолго?

Арсеньева. Дней на пять.

Терентьев. Вы, Катерина Ивановна, штучку эту разберёте мне?

Арсеньева. Да. Я уже сделала это.

Терентьев. Отлично!

(Арсеньева и Терентьев уходят.)

(Лидия села на скамью у террасы, вынула папиросу, но, изломав её, швырнула прочь.)

Сомов (через перила). Сыровато, ты бы шла домой.

Лидия. Принеси мне шаль.

(Идут Анна Сомова, Титова.)

Титова. Ведь они – как действуют? Тут у одного мужика, вдовца, дочь заболела...

Анна. Да, да, у Силантьева, знаю!

Титова. Так они её просто похитили и увезли – будто бы в санаторию...

Анна. Ужас!

Титова. Положим, она – комсомолка.

Анна. Полный произвол... Это вы, Лидия?

Лидия. Как видите – я.

Анна. Николай – дома?

(Сомов бросает шаль из окна.)

Титова. Здравствуйте, строжайший человек!

Сомов. Моё почтение.

Анна. Пойдёмте ко мне, сыграем.

Титова. С удовольствием. Чайком угостите?

Анна. Конечно, если горничная соблаговолит. Вы знаете, мы зависим от прислуги...

(Анна и Титова уходят.)

Сомов (жене). Иди сюда, упрямая! Сыро же! (Лидия идёт. Сомов – встречает её на террасе, обнял.) Ты была с Терентьевым и Арсеньевой? Добродушный мужик. Что он говорил?

Лидия. Так много, что половины я не поняла, а другую не помню. Там Дуняша и его племянница пели – «Потеряла я колечко», – смешные слова, но очень грустили песня.

Сомов. Глупая песня. А что такое эта Арсеньева – в конце концов?

Лидия. Она удивительно просто и веско говорит – «да!» и «нет» – тоже веско.

Сомов. Ну, это ты что-то из забытых пьес Ибсена! Скажи, ты не чувствуешь, что она плохо влияет на тебя?

Лидия. Плохо? Почему?

Сомов. Ну... Наводит грустные мысли – и вообще...

Лидия. Нет, я этого не чувствую. А грустные мысли... Вот зеркало наводит их на меня.

Сомов. Это – чепуха. Ты нисколько не изменилась, даже стала красивее.

Лидия. Спасибо! Но мне кажется, что «потеряла я колечко...»

Сомов. И это – чепуха. Я тебя люблю не меньше. Я очень люблю тебя.

Лидия. Я – не о любви, а о том колечке, которое связывает с жизнью...

Сомов. Ну, вот! Вот это – несомненно от Арсеньевой...

Лидия. Как... торопливо ты сказал, что очень любишь меня.

Сомов. Ох, ты опять впадаешь в этот твой новый тон! Знала бы ты, как это неуместно! Нет, тебя необходимо поскорее отправить за границу. Я думаю сделать это осенью...

Лидия. А я – хочу за границу?

Сомов. Это тебя развлечёт. Даже если и не хочешь – нужно ехать. Это удобнее.

Лидия. Для кого?

Сомов. Для тебя. Я же говорил тебе, что возможны крупные события. Это – между нами, и ты, пожалуйста, не откровенничай на эту тему с учительницей...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Лидия. А – на другие темы?

Сомов. Вообще я прошу тебя держаться с ней осторожно, особенно в тех случаях, если она начнёт что-нибудь выпрашивать. Она выпрашивает?

Лидия. Она рассказывает, выпрашиваю я.

Сомов. О чём?

Лидия. О пионерах, комсомольцах, о ликвидации безграмотности...

Сомов. Тебе это интересно?

Лидия. Я не понимаю – какие радости находит в этом молодая, красивая женщина? Арсеньева – находит.

Сомов. Это – радость нищих духом, Лида.

Лидия. А я – не нищая?

Сомов. Что за вопрос? Конечно – нет!

Лидия. Приятно знать. Но – каким скучным голосом сказал ты это!

Сомов. Оставь этот... нелепый тон!

Анна (из комнат). Коля, ты не помнишь кличку собаки вице-губернатора?..

Сомов. Что такое?

Анна (входит). Ах, прости! Как ты кричишь! Я забыла кличку собаки Туманова, которую ты так любил.

Сомов. Джальма! Джальма...

Анна. Мерси. Вы, кажется, ссоритесь?

Сомов. Ничуть. С чего ты взяла?

Анна. Очень рада, если ошибаюсь. Вы оба так нервничаете последнее время. Это – нездорово. (Ушла.)

(Сомов сердито закуривает.)

Лидия. Продолжай.

Сомов. Да. Так вот – неизбежны крупные события...

Лидия. Война?

Сомов. Может быть...

Лидия. И – снова революция?

Сомов. Почему – революция? Переворот, хочешь ты сказать...

Лидия. Ну да, – революция назад. Контрреволюция?

Сомов. Это пустое слово – контрреволюция. Я говорил тебе: жизнь – борьба за власть... за прогресс, культуру...

Лидия. Да, да, я помню. Ты говорил это, когда мы были близки...

Сомов. Не выдумывай! Ты мне всё так же близка.

Лидия. В спальне.

Сомов. Ты хочешь понять меня?

Лидия. О, давно хочу!

Сомов. Ну, так – пойми! Рабочие захватили власть, но – они не умеют хозяйничать. Их партия разваливается, массы не понимают её задач, крестьянство – против рабочих. Вообще – диктатура рабочих, социализм – это фантастика, иллюзии, – иллюзии, которые невольно работой нашей поддерживаем мы, интеллигенты. Мы – единственная сила, которая умеет, может работать и должна строить государство по-европейски, – могучее, промышленное государство на основах вековой культуры. Ты – слушаешь?

Лидия. Конечно.

Сомов. Власть – не по силам слесарям, малярам, ткачам, её должны взять учёные, инженеры. Жизнь требует не маляров, а – героев. Понимаешь?

Лидия. Это – фашизм?

Сомов. Кто тебе сказал? Это... государственный социализм.

Лидия. фашизм – это когда у власти маленькие звери, чтоб ими питались крупные? Нужно, чтоб мелкие звери были жирные?..

Сомов. Что за чепуха! Откуда это?

Лидия. Виктор сказал.

Сомов. Виктор? Чёрт... Но – ты же видишь: он – человек пьяный, он морально разрушается, он уже ничего не понимает в действительности...

Лидия. Ты – крупный?

Сомов. Что?

Лидия. Ты – крупный зверь?

Сомов. Послушай, Лидия, – что ты говоришь? Что с тобой?

Лидия. Я – не знаю. Как ты побледнел, и какие злые глаза у тебя...

Сомов. Я спрашиваю... Я должен знать – что с тобой?

Лидия. Я – сказала: не знаю. Но мне кажется, что ты... двоедушен и что этот противный старик, и волосатый Изотов, и горбун – вы все двоедушные... Подожди, не хватай меня. Я должна бы говорить иначе, но у меня нет сильных слов, нет сильных чувств.

Сомов. Ты становишься истеричкой – вот что! Это – потому, что у тебя нет детей.

Лидия. Детей не хочешь ты...

Сомов. И потому, что ты уже не любишь меня... я – знаю!

Лидия. Ничего не знаешь! Ни-че-го! Всегда бывает так: когда я говорю с тобой как с человеком – ты ведёшь меня в спальню.

Сомов. Неправда!

Лидия. И во всех романах – так: она заговорила с ним как с другом, а он сказал: раздевайся!..

Сомов. Стой, Лидия! Довольно! Слушай и – пойми. Ты... не глупа, ты должна понять. Молчи!.. Я двоедушен? Да! Иначе – нельзя! Невозможно жить иначе, преследуя ту великую цель, которую я поставил пред собой. Я – это я! Я – человек, уверенный в своей силе, в своём назначении. Я – из племени победителей...

Лидия. Крупный зверь?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Сомов. Роль побеждённого, роль пленника – не моя роль! Богомоллов – старый идиот...

Лидия. Ты хочешь быть вождём, Наполеоном? Очень крупным?

Сомов. К чёрту...

Лидия. Не кричи...

Сомов. Лидия! То, что ты сказала, имеет для меня... огромное значение... Тебе надули в уши... Тебя хотят сделать врагом твоего мужа...

Лидия. Нет, Николай, ты – не крупный...

Сомов. Не смей шутить!

Лидия. Да – не кричи же!

Сомов. Ты должна подумать... Может быть, эта Арсеньева...

Лидия. Тише! Кто-то идёт...

(Пение за сценой. Оба слушают. Сомов закуривает папиросу, дрожат руки. Он отходит от жены, глядя на неё изумлённо и тревожно.)

Сомов. Как могло случиться, Лидия, что ты, вдруг...

(Слышно, что поют двое, Яропегов и Троеруков, на голос «Интернационала».)

Любовь считал он чистым вздором,
Тра-та-та-та! Тра-та-та-та-а!
Вдруг пред его учёным взором
Она предстала как мечта.
Сомов. Вот – слышишь? Вот – Виктор...

(Яропегов, Троеруков, за ними – Лисогонов, все трое сильно выпивши.)

Яропегов. Чета супругов при луне... Учитель – катый!

Троеруков. О, как завидно это мне!

(Лисогонов, пытаясь подняться, сел на лестнице.)

Яропегов. Bravo, каналья! Лидочка – извини! Благодаря бога мы – выпили! Мы так весело выпили, что... вообще... выпили! Учитель истории... композитор – пой! На третий глас! Никола, слушай! Учитель – раз-два!

Троеруков.

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног.
Сомов. Прошу прекратить!.. Виктор – ты понимаешь...

Яропегов. Ни черта не понимаю! Страшно рад! Не хочу понимать!

Лидия (смеясь). Виктор! Вы с ума сошли!

Яропегов. Вот именно! Страшно рад. И почему нельзя петь? Разве кто-нибудь дрыхнет?

Сомов. Я прошу тебя...

Троеруков. Простите... Позвольте мне объяснить, я – учитель пения, пре-пода-ватель! Я говорю молодёжи: слова – чепуха! Смысл всегда в мелодии, в основной музыке души, в милой старинной музыке... бессмертной...

Яропегов (Сомовым). Это он – ловко! Это – не без ума! Это, брат, такая ракалья...

Троеруков. Хорошо, говорю я, церковь мы ликвидируем, но идея церковности,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
соборности, стадности... она – жива! (Смеётся.) жива! Я учу владеть голосами...
го-ло-совать. Голое – совать, совать голое слово! Я учу молодёжь.

Сомов. Послушайте! Довольно!

Яропегов. Нет, он – хитрая бестия! Ты – пойми: совать в жизнь пустое, голое слово, а? Замечательно придумал, негодяй! Учитель! Ты – негодяй?

Троеруков. Да!

Яропегов. Видишь – сам понимает! Самосознание, брат... Чёрт знает, как интересно! Лида – интересно?

Лидия. Страшно интересно!

Троеруков. Я – негодяй, да! Я не гожусь в рабы д-дикарей...

(Лидия хохочет.)

Сомов (Троерукову). Вон отсюда! Пьяный дурак!

(Анна идёт.)

Троеруков. Н-нет, не дурак! И – меня нельзя оскорбить...

Анна (строго). Господа! Вы слишком шумно веселитесь...

Яропегов. Одолевает радость бытия...

Троеруков. Вот – Анна Николаевна, она знает, что я не оскудел! Троеруков – не оскудел! Он может бороться, он способен мстить... Его стиснули – он стал крепче! Трагическое веселье, Анна Николаевна. Веселье глубокого отчаяния.

Анна. Я понимаю, но не забывайте, что мы живём в окружении врагов.

Сомов. Я прошу тебя, Виктор, – уведи этого шута!

Яропегов. Слушаю. Я – тоже шут! Беспризорные, за мной! Учитель – шагом марш! Пой.

Троеруков. Я очень прошу...

Яропегов. никто, брат, ни черта не даст! Пой! (Поёт.)

Отречёмся от старого мира
И полезем гуськом под кровать.

Троеруков. Саша Чёрный сочинил, гениальный Саша, талантливейший! Аверченко...
Гениальный! «Сатирикон» – а? Где все они, где? Никого нет, ничего! Всё погибло...

Яропегов. Пой, чёртова шляпа! Лисогонов, варёный идиот, – шагай! (Идут вдвоём, поют в темпе марша.)

Чёрный, гладкий таракан
Тихо лезет под диван.
От него жена в Париж
Не уедет, нет – шалишь!
Яропегов (орёт). Bravo!

(Яропегов и Троеруков уходят.)

Сомов (жене). Пойдём, Лидия...

Лидия. Нет, я не хочу...

Анна. Это – кто? Ах, это – Лисогонов. Вам – плохо?

Лисогонов (опускаясь на колени). Дорогие...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Анна. Что с вами? Зачем вы?

Лисогонов. Любимые... Работайте! Покупайте. Снабжайте! Как я буду благодарен вам...

Лидия. Чего он хочет?

Сомов. Просто – пьян! Нам нужно кончить, Лида...

Лидия. Что – кончить? Подожди...

Анна. Встаньте!

Лисогонов. Не могу. Мне – запретили пить, но я – вот... выпил! Тоска! Один! Сын был... Подлец, и негодяй...

Анна. Николай, помоги ему!

Лисогонов. Пошёл служить им... против отца и нар-рода! Издох, как пёс... заездили! От чахотки. Он смолоду был чахоточный. Жена – первая... его мать, дворянка, тоже чахоточная... Вот как! Николай Васильевич... прошу вас Христом богом...

Лидия. Какой гнусный человек!

Анна. Нужно понять: он – страдает!

Лидия (мужу). О чём он просит тебя?

Сомов. Ты же видишь, он – пьян!

Лидия. А – трезвый?

Анна. Николай, да помоги же мне...

Сомов. Ну, вы! Вставайте...

Анна. Как грубо! Сведи его с лестницы.

Сомов. Идите... Эх вы...

Лисогонов. Родной мой – фабричку-то, фабричку... Об... оборудуйте, пора! Везде – строят, всем – покупают...

(Лидия смеётся.)

Анна. Какой неуместный, какой жестокий смех! Какая жёсткая душа у вас, Лидия. Люди сходят с ума...

Лидия. Вообразите, что я – тоже... (Ушла в комнату.)

Анна (грозя пальцем вслед ей, бормочет). Подожди! Смеётся тот, кто смеётся последний.

Сомов (идёт). Где Лидия?

Анна. Бедный мой Николя! Какая жизнь...

Сомов (шипит). Что вам угодно? Это всё ваши... ваши приятели... (Убежал в комнаты.)

Анна. Боже мой... я не узнаю сына. Боже мой...

Четвёртый акт

Там же, у Сомовых. Поздний вечер. На террасе – Семиков, сидит, пишет, шевелит губами, считает, загибая пальцы; рядом с ним на полу – свёрток чертежей. Из комнат выходит с подносом чайной посуды Дуняша.

Дуняша. Ты всё ещё ждёшь, франтик?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy.semiakov (бормочет). К своей какой-то тёмной цели...

Дуняша. Сочиняешь? Ты бы частушки сочинил на Китаева, на дурака.

Семиков. Китаев – грубый, а не дурак.

Дуняша. Ну, много ты понимаешь в дураках! Вот сочини-ка что-нибудь смешное.

Семиков. Я смешное не люблю.

Дуняша (показав ему язык). Мэ-э! Тебе и любить-то – нечем. Туда же – не люблю..

(Лидия вышла.)

Лидия. Кого это?

Дуняша. Вот – сочинителя. (Ушла.)

Семиков. Лидия Петровна, вы эту книжку читали?

Лидия (взяла книгу). «Одеяние духовного брака». Нет. Что это значит – духовный брак?

Семиков. Тут – вообще... о божестве...

Лидия. Вы верующий?

Семиков. Нет, – зачем же! Но он говорит: хоть не веришь, а – знать надо.

Лидия. Кто это – он?

Семиков. Учитель пения.

Лидия. Он, кажется, чудаков? И пьёт?

Семиков. Нет, он очень серьёзный... Образованный. Я в этой книжке ничего не понял. Тут предисловие Метерлинка, так он прямо говорит, что Рейсбрук этот писал пустынными словами.

Лидия. Вот как?

Семиков. Да. Я вот записал: «Созерцание – это знание без образов, и всегда оно выше разума». Это, по-моему, верно. Мысли очень мешают творчеству, сочиняешь и всё думаешь, чтобы хорошо вышло. А он говорит, что хорошо будет, если не думать, а только слушать музыку своей души, тогда и будет поэзия. В жизни – никакой поэзии нет.

Лидия. Это – вы говорите или он?

Семиков. Он. Но он верно говорит, по-моему. Только я никак не могу без образов. Я вот пишу:

И, в облаках погребена,
Чуть светит бледная луна,
И тёмной массой идут ели
К своей какой-то тайной цели.

Лидия. Что же? Кажется, – это не плохо.

Сомов (выбежал). Э, голубчик, что же вы пришли, а не сказали?

Семиков. Я сказал Дуняше...

Сомов. Давайте чертежи... Дуняша! Вы не для Дуняши работаете. Можете идти! Впрочем – подождите!

Лидия. Вы – скоро?

Сомов. Да. Сейчас. (Ушёл.)

Семиков. Я выписал ещё вот: «При посредстве разума высказывается многое о начале, которое выше разума. Но постижение этого начала гораздо легче при отсутствии мысли, чем при её посредстве».

Лидия (рассеянно). Да...

Семиков. Но – как же без мысли-то? Ведь вот заметно, что и собаки о чём-то думают.

Лидия (потирая лоб). Видите ли, Семиков...

Семиков. Я переименовал фамилию, на Семиоков. Так – лучше для творчества. А то – Семиков, Кузнецов, Горшков, – какая тут поэзия?

(Выходят: Изотов и ещё двое, один – толстый, другой – сутулый; они прощаются с Лидией почтительно и молча.)

Изотов. Могу прислать вам масла.

Лидия. Спасибо, у нас есть...

Изотов. Анна Николаевна сказала – нет. А мёд – есть? Могу прислать. Отличный мёд!

Лидия. Я спрошу свекровь.

Изотов. Имейте в виду: товарищи организуют пищевой голод...

(Лидия указывает глазами на Семикова.)

Изотов. Я, конечно, подразумеваю мужика, он сам всё ест. Он рассердился на город и ест масло, яйца, мясо – всё ест! Дразнит нас, скотина. Вы, дескать, хотите без мужика жить? Гвоздей, ситца не даёте? Так я тоже ни зерна не дам! Хо-хо! Ну, до свидания!

Лидия. В город?

Изотов. Нет, мы здесь ночуем, у Богомолова. Винтить будем. Старик у нас – азартнейший винтёр. Его – маслом не корми, но – обязательно – винт! Всех благ!

Лидия. Вы сегодня весёлый.

Изотов. Дела идут хорошо. Отлично идут дела! (Ушёл.)

Семиков. О рыбах я тоже выписал...

Лидия. Что? О рыбах?

Семиков. О том, что чешуя у рыб – разная и что люди тоже не могут быть одинаковы. Но ведь чешуя-то – одежда, вроде пиджака или толстовки...

(Сомов, Богомолов.)

Сомов. Слушайте-ка, голубчик, вы небрежно работаете! Напутали там чёрт знает как! Можете идти.

(Семиков быстро исчезает.)

Богомолов. Чистенький какой парнишка...

Сомов. Глуповат. Стихи пишет, ну и...

Богомолов. В его возрасте глупость, знаете, только украшает...

Лидия. Чаю выпьете?

Богомолов. Нет, спасибо! Н-да, молодёжь... Большой вопрос. Конечно, она получит

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.u
право носить брюки и галстуки каких угодно цветов, н-но многие потребуют
столыпинских галстуков, а?

Лидия. Вы очень... мрачно шутите...

Богомолов. Живём в эпоху мрачных шуток-с! Да, кстати: Яропегов – писал вам?

Сомов. Один раз.

Богомолов. Ну, как он? Поправился?

Сомов. Вероятно.

Богомолов. Станный случай, а? Ну, я удаляюсь! Старик, болтлив стал... Доброй
ночи! (Идёт.)

Дуняша (входит). Самовар подать?

Лидия. Да. Пожалуйста. Кто это ходит там?

Дуняша. Катерина Ивановна с фёклой. [Уходит.]

Лидия (зовёт). Катя, иди чай пить...

Арсеньева. Спасибо. Минут через десять.

(Арсеньева и фёкла уходят.)

Сомов (проводив Богомолова). Зачем ты позвала её?

Лидия. Чай пить.

Сомов. Ты как будто избегаешь оставаться глаз на глаз со мною после той
истерической сцены...

Лидия. Мы условились не вспоминать о ней...

Сомов. Не избегаешь, нет?

Лидия. Как видишь.

Сомов. Должен признаться, Лида, что всё-таки тот вечер... очень болезненно ушиб
меня! И я продолжаю думать, что эта Арсеньева...

Анна (входит). Ты – об Арсеньевой, да? Она хочет быть любовницей увальня
Терентьева и, кажется, уже добилась этого, об этом все говорят!

Лидия. Например – Титова.

Анна. Это – пошловатая, но очень умная женщина! Мы, конечно, поставлены в
необходимость вести знакомство со всякой швалью, но, Лида, я совершенно
отказываюсь понять, что интересного находишь ты в этой сухой, глуповатой
учительнице и – возможно – шпионке?

Лидия. Вы всё ещё не оставили надежду воспитать меня?..

Сомов. Продолжая в этом тоне, вы поссоритесь, как всегда.

Лидия. Я никогда ни с кем не ссорюсь.

Анна. Но тебе всё более нравится раздражать меня...

Лидия. Не ссорюсь и начинаю думать, что это один из моих пороков.

Сомов. Довольно, Лида! Вы, мама, тоже...

Анна. Ты лишаешь меня права...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Сомов. Тише! Идёт эта... Куда ты, Лидия?

Лидия. Я пройду с нею к реке.

Сомов. Надеюсь, – не до полуночи?

(Лидия уходит. Дуняша вносит самовар.)

Анна. Вы, Дуня, сегодня снова устроили в кухне базар...

Дуняша. Что же нам – шёпотом говорить?

Анна. Нет, конечно, но эти ваши... дикие песни!

Дуняша. Кому – дикие, а нам – приятны. Вы – отпускайте меня вовремя, вот и будет тихо. Я работаю не восемь часов, а тринадцать. Это – не закон! (Ушла.)

Анна (заваривая чай). Разрушается жизнь. Всё разрушается.

(Сомов стоит у перил, смотрит в лес.)

Анна. Как хочешь, Николай, но ты неудачно выбрал жену! Я предупреждала тебя. Такое... своекорыстное и – прости! – ничтожное существо. Ужас! Ужас, Николай... Вообще эта семья Уваровых – морально разложившиеся люди. Отец её был либерал... дядя – тоже, хотя – архиерей. Архиерей – либерал! Ведь это... я не знаю что! И вот теперь ты, такой сильный, умный, талантливый... Боже мой!

Сомов. Вы кончили, да?

Анна. Не так зло, Николай! Не забудь, что говоришь с матерью.

Сомов. Послушайте меня молча, если можете... Я не однажды говорил вам, что в моём положении всякие... пустяки...

Анна. Я надеюсь, что мать – не пустяк?

Сомов. Нет, но она занимается пустяками, которые могут компрометировать меня. Ваше поведение... весьма забавно, но – я не могу относиться к нему юмористически.

Анна. Я не желаю слушать! Ты не имеешь права ограничивать...

Сомов. Не говорите фразами из учебника грамматики...

(Фёкла идёт.)

Анна. Что вам нужно?

Фёкла. Спекулянта-то нашего заарестовали, Анна Николаевна...

Анна (перекрестилась маленьким крестом, почти незаметно). Вот видишь? Это был честный, разумный человек. Наверное, это ошибка, Фёкла...

Фёкла. Да, ошибся, говорят; доски на стройке воровал, что ли. Это, конечно, его дело, да он сегодня должен был доставить разное для кухни...

Анна. Ну, что же! Найдите другого поставщика... Идите!

Фёкла (задумчиво). Тут есть одна баба, тоже кулачиха, да уж очень стерва.

Анна. Прошу не ругаться!

Сомов. От кого вы узнали об аресте?

Фёкла. Мишутка-комсомол сказал.

Анна. Идите, идите... Договоритесь с кем-нибудь...

Фёкла. Ну, хорошо! Я уж с этой... стерлядью. Других-то нету. (Ушла.)

Анна. Вот, Николай, как уничтожают людей! Силантьев был влиятельный мужик. Он, рабочий Китаев, Троеруков...

Сомов. Вор, дурак и пьяный шут, но они могут втянуть... могут поставить вас в положение очень глупое...

Анна. За всю мою жизнь я никогда не была в глупом положении. Ты должен понять, что с тобою говорит не только женщина, которая родила тебя, но – одна из тысяч женщин нашего сословия, оскорблённых, униженных, лишённых права на жизнь, – одна из тысяч!

Сомов. Да, да, хорошо! Я говорил вам... вы знаете, что страна переживает тяжёлый кризис...

Анна. Ты со мной не говоришь, ты мне приказываешь. Со мной говорит Яков Антонович, человек, которого ты должен бы...

Сомов (изумлён). Богомоллов? Что же он?

Анна. Я – всё знаю, Николай! Я знаю героическую его работу, его жизнь подвижника, он – святой человек, Николай! А около тебя этот Яропеггов, и ты так наивно, так детски доверчив с ним... Яков Антонович – в ужасе! Он боится, что Яропеггов предаст и тебя и...

Сомов (с тихой яростью). Богомоллов... старый идиот... болтун... мелкий взяточник, вот – Богомоллов! Что он говорил?

Анна. Николай! Ты с ума сходишь!

Сомов (схватил её за плечи, встряхнул). Молчите! Это вы сошли с ума! Запру в сумасшедший дом! Понимаете? Не смейте говорить с Яковом! И – ни с кем – слышите? Этого... учителя – не принимать!

Анна. Николай! Что ты делаешь? Опомнись! (Плачет.)

Сомов (оттолкнул её). Завтра вы переедете в город.

Анна. Ты делаешь дурное дело! Служить большевикам... ты, которого...

Сомов (резко поднял её со стула). Идите к себе. Завтра – в город! Слышите?

Анна. Пусти меня! Пусти... (Идёт. В двери – оглянулась.) Ты внушаешь мне страшную мысль, – проклясть тебя!

Сомов. Не разыгрывайте трагикомедии... Довольно! ([Анна уходит.] Шагает по террасе. Закуривает. Спички ломаются. Остановился, прислушивается. Бросил коробку спичек за перила.)

Троеруков (на лестнице, с палкой в руке, прихрамывает). Добрый вечер.

Сомов. Что вам угодно?

Троеруков. Спички. (Протягивает коробку.)

Сомов. Что?

Троеруков. Спички упали.

Сомов. К чёрту! Что – вам – угодно?

Троеруков. Записка от Якова Антоновича.

Сомов (взял, читает, смотрит на него). Садитесь. (Взглянул на записку.) Ну-с, что же? Богомоллов предлагает взять вас на место Семикова... Вы это знаете?

Троеруков. Да.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Сомов. Вы... преподавали историю?

Троеруков. Чистописание, рисование. Невеждам говорю, что преподавал историю.

Сомов. Вот как? (Не сразу.) Сидели в тюрьме, да?

Троеруков. Два раза. Четыре месяца и одиннадцать.

Сомов. За убеждения, конечно, да? То есть за болтовню?

(Троеруков молчит. Смотрят друг на друга.)

Сомов. Мало. На месте ГПУ я бы вас – в Соловки. Лет на десять.

Троеруков. Вы шутите или оскорбляете?

Сомов. А – как вам кажется?

Троеруков. Кажется – хотите оскорбить.

Сомов. Ну и что же?

Троеруков. Это – напрасно. Я так отшлифован оскорблениями, что от них не ржавею.
Вы дадите мне работу?

Сомов. Нет.

Троеруков. Можно спросить – почему?

Сомов. Спросите, но я не отвечу.

Троеруков. До свидания. (Встал.) Так и сказать Якову Антоновичу?

Сомов. Так и скажите... Впрочем – постойте! Вы способны говорить откровенно?

Троеруков. Зависит от того – о чём и с кем.

Сомов. О себе. Со мной.

Троеруков. Зачем?

Сомов. Вот как? Таким я вас не представлял. Любопытно. Вы давно знаете Богомолова?

Троеруков. Пять лет.

Сомов. И... что же вы о нём думаете? Можно узнать?

Троеруков. Старый человек, не очень умный, обзлённый и – неосторожный...

(Сомов молча смотрит на него. За террасой голоса Арсеньевой, Лидии.)

Троеруков. Могу уйти?

Сомов. Нет. Пойдёмте-ка ко мне... Вы как будто... человек неглупый, а?

Троеруков. Не имею оснований считать себя дураком.

Сомов. И не плохой актёр?

Троеруков. Все люди – актёры.

(Ушли. Входят женщины.)

Арсеньева. Не знаю, как я могла бы помочь тебе.

Лидия. И я не знаю.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Арсеньева. Уж очень ты слабовольна.

Лидия. Вот это я знаю. Будем пить чай?

Арсеньева. Да. И детей нет.

Лидия. Он – не хочет. Да и – какая я мать?

Арсеньева. Он очень эгоистичен?

Лидия. Он – честолюбив. И – чёрствый. Он вообще... мало похож, – совсем не похож на того человека, каким я видела его до замужества.

Арсеньева. Ты – сильно влюбилась?

Лидия. Да. Впрочем – не знаю. Может быть, я просто хотела скорее выйти замуж. Отец ненавидел революцию, рабочих и всё... И меня тоже. Он стал такой страшный. Мы жили в одной комнате, иногда мне казалось, что он хочет убить меня. Он говорил: «Если б не ты, я бы дрался с ними». Ты помнишь его?

Арсеньева. Смутно.

Лидия. Ночью он молился, рычал: «Господи, покарай, покарай!» Я не могла уснуть, пока он сам не уснёт. Утром проснусь, а он сидит на диване и смотрит на меня – так, что я не могу пошевелиться.

Арсеньева. Разведись, Лида, поживи со мной; у меня есть мальчик, приёмш, беспризорный, удивительно забавный, талантливый.

Лидия. Я такая... дрянь! Знаешь, мне даже противно видеть себя в зеркале. Такое ненавистное, чужое лицо...

Арсеньева (гладит её плечо, голову). Перестань.

Лидия. Особенно гадко вспомнить себя... ночью. Он любит, чтоб в спальне горел огонь, понимаешь? Он такой... чувственный и заражает меня. Потом – думаешь: какое несчастье, какой позор быть женщиной!

Арсеньева. Мне очень... грустно с тобой...

Лидия. Грустно? И только?

Арсеньева. Ты была такая... прозрачная, правдивая, так серьёзно училась, думала.

Лидия. А я и тогда вижу себя ничтожной. Теперь стала хуже... глупее, нечестной.

Арсеньева. У меня, Лида, нет... мягких слов, я не умею утешать.

Лидия. Ты всегда была такой.

Арсеньева. Я преданно... искренно люблю людей, которые – вот видишь – строят новую жизнь. И все другие, кроме их, мне уже непонятны. Я даже и себя, иногда, не понимаю. Мне стыдно вспомнить, что я могла думать и чувствовать иначе, не так, как теперь.

Лидия. Как горячо ты...

Арсеньева. Люди, как Дроздов, Терентьев, действительно – новые люди. Они – в опасном положении, у них гораздо больше врагов, чем друзей.

Лидия. Рабочие так страшно упрощают всё.

Арсеньева. Они упрощают правду...

Лидия. Кто-то идёт?

Яропегов (в охотничьих сапогах, с двустволкой за плечами, с чемоданом в руке). Пардон, медам! Я, кажется, втяпался в лирическую сцену? Чай? О, дайте мне скорее

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
чаю! Из оперы «Князь Игорь» – не замечаете?

Арсеньева. Как ваша голова?

Яропегов. Работает – как всегда: гениально!

Лидия. А болит ещё?

Яропегов. Немножко. Скорее – из вежливости, чем по необходимости.

Лидия. Где ты... где вы были?

Яропегов. Чёртова глушь. Шестьдесят три километра от ближайшей станции. Леса. Бурелом, валежник, гниль и вообще все прелести лесов, где никто, кроме лешего, не хозяйничал. Проводят ветку – адова работа, но – весело! Николай дома? (Рассказывая, он снимает ружьё, ставит его в угол; вынул из кармана револьвер, положил его на подоконник, прикрыл шляпой.)

Лидия. Кажется, вы чем-то встревожены?

Яропегов. И сам себе – зубы заговариваю, – как вы любите выражаться?

Арсеньева. Ну, Лида, я пойду!

Лидия. Посиди ещё немножко.

Яропегов. Это не я спугнул вас?

Арсеньева. О, нет, я не пуглива.

Лидия. Посиди!

Яропегов. А я пойду, взгляну, где Николай. (Ушёл.)

Арсеньева. Какой он жизнерадостный.

Лидия. Нет, это только слова у него такие, а он – несчастный и притворяется. Я его знаю. Он чем-то встревожен. Он притворяется, но не умеет. И лгать не умеет.

Арсеньева. Его очень любит молодёжь.

Лидия. Он всегда заговаривает зубы себе и всем. Он был женат на двоюродной сестре мужа, а она ушла с каким-то англичанином в Сибирь и там умерла. У тебя муж – кто был?

Арсеньева. Плохой человек.

Лидия. Тоже?

Арсеньева (смеясь). Ах ты... Дитя ты ещё! Муж мой был журналист, после Октябрьской революции он показал себя так, что мы разошлись...

Лидия. Он – где?

Арсеньева. Убит в гражданской войне. Он – белый, корниловец.

Троеруков (поспешно вышел из комнаты, схватил палку). Извините! (Сбежал с лестницы.)

Лидия. Вот противный человек.

Арсеньева. Да. Очень.

Сомов (из комнаты). Лида!

Лидия. Что?

Сомов. На минуту!

Лидия (ушла, быстро возвращается). Пойдём ко мне наверх...

Арсеньева. Мне пора домой...

Лидия. Нет, – пойдём! Ты так хорошо говорила со мной сегодня!

Арсеньева. Далеко я живу.

Лидия (ведёт её). Да, очень далеко от меня, далеко! Но мне так хочется побыть с тобой.

(Ушли. Через минуту Сомов – вышел, за ним – Яропегов.)

Сомов. Здесь удобнее.

Яропегов. Чем? (Наливает чай.)

Сомов. Всегда видишь, кто идёт...

Яропегов. Есть такой балет: «Тщетная предосторожность». (Ожёг руку.) А, чёрт...

Сомов. Ты ничего не говорил жене?

Яропегов. Я вскочил на террасу и при этой учительнице заорал, как мальчишка-газетчик: «Попов приехал из-за границы и на вокзале арестован...»

Сомов (ходит). Выхватывая из нашей среды таких, как он, товарищи обезоруживают себя. В конце концов – всё против них.

Яропегов. Ты думаешь? Гм...

Сомов. Богомоллов будет... встревожен...

Яропегов. Дуреет старик. Загнал фабрику в трущобу, а можно было построить километров на тридцать ближе к путям и на сухом месте. Вообще работу он ведёт не очень грамотно и спустя рукава. Пристыдят его товарищи, когда разберутся. А они скоро начнут понимать, из их среды уже появляются весьма остроумные парни.

Сомов. Не замечаю.

Яропегов. Ты из-за проектов и бумаг людей не видишь. (Пауза.) Напрасно меня выдернули вы из живого дела. На практической работе я чувствовал себя лучше и пил меньше. У вас тут атмосфера низкого давления и какая-то... всё чихать хочется, а чихнуть – некуда.

Сомов. Виктор! Когда автомобиль свалил тебя...

Яропегов. Числа – не помню.

Сомов. Я не об этом. Шофёр не возбуждает у тебя никаких подозрений?

Яропегов. Подозреваю, что он был пьян, идиот. Трезвый не поедет с погашенными фонарями.

Сомов. Странно, что ты не заметил шофёра и кто сидел с ним...

Яропегов. Когда на человека налетает автомобиль, так человек прежде всего замечает машину, затем – столкновение машины с его брюхом, далее он замечает, что его швырнуло на панель и что башка его неприятно стукнулась о какое-то твёрдое тело. После этого человек утрачивает на некоторое время способность замечать что-либо. А очухавшись, деловито соображает, насколько он испорчен. При всём этом – нет времени знакомиться с шофёром.

Сомов. Это забавно, Виктор, но...

Яропегов. Почему ты вспомнил этот случай?..

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Сомов. Видишь ли, ты – извини! Но мне кажется, что автомобиля вообще не было, а просто ты упал...

Яропегов. Будучи в пьяном виде? На этом и согласимся.

Сомов. Тут всё время ищут шофёра, этот... товарищ Дроздов, должно быть, подозревает хулиганство и, может быть...

Яропегов. Мне следует заявить, что это я сам, в пьяном виде, наскочил на автомобиль? Что ж, можно и заявить. Но гражданин, который поставил меня на ноги...

Богомоллов (идёт поспешно, с зонтиком под мышкой, говорит негромко, задыхаясь, заикается). Виктор Павлович... Действительно – Попов, а?

Яропегов. Именно – он.

Богомоллов. Странно как, знаете? И – почему, а?

Яропегов. Сие – неизвестно. Что вы – с зонтиком?

Богомоллов. От собак. Я думал – палка. Как же это... случилось?

Яропегов. Очень просто: его встретили люди, которые в таких случаях встречают...

Богомоллов. В каких случаях?

Яропегов. Ну, вот – в этих, когда человека арестовать надо...

Сомов. Не так громко, Виктор...

Богомоллов. Надо? Надо... мотивы иметь!

Яропегов. Вероятно, у них есть и мотивы.

Богомоллов (озлобляясь). Вы шутите! Вы всё шутите...

Яропегов. Привычка. Свыше мне дана.

Сомов. Яков Антонович, мне надобно сказать вам несколько слов...

Богомоллов. Сейчас, подождите! (Яропегову.) Ну, встретили и... что же?

Яропегов. И повели.

Богомоллов. Сказали что-нибудь?

Яропегов. Не слышал.

Богомоллов. Портфель у него? Багаж?

Яропегов. Да – что я? Багажный кондуктор? Я видел, что Попова любезно ведут, а он... идёт! И это – всё!

Богомоллов. Любезно! Ой, как нехорошо говорите вы! У вас... коллегиального чувства нет-с! Вы... не понимаете – кто арестован! Кто!

Яропегов. Я сказал: арестован – Попов, вы знаете его, да? Ну, вот. И – чего вы кричите на меня? По какому праву?

Богомоллов. Право старшего товарища... – Иду, Сомов, иду! Не возмущаться такими актами бесправия... (Сомов шепчет в ухо ему.) Да... Иду! Вы извините, Виктор Павлович, но... я – старый человек и – возмущён, знаете! Николай Васильевич – надо сказать Изотову...

Сомов. Да, но мне некого послать...

Богомоллов. Подождите... Тут должен быть... (Кричит.) Кирик Валентиныч, вы – где? (Сбежал с лестницы. Из-за деревьев – Троеруков, шепчутся. Яропегов изумлён.)

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Сомов, нахмурясь, следит за ним. Богомоллов – возвратился.) Идёмте! Какие волнения... На старости лет...

(Богомоллов и Сомов уходят.)

(Яропегов протёр пальцами глаза, щупает затылок, крутит бородку, бормочет что-то, берёт чемодан, ружьё.)

Фёкла (входит). Здравствуйте, Виктор Павлыч, – приехали?

Яропегов (как сквозь сон). Очевидно... приехал! Как живём, премудрая?

Фёкла. Стряпаю да кормлю, вот и всё житьишко! Денег надобно, а взять не у кого, старшая хозяйка – заперлась, не допускает до себя, молодая – пищей не интересуется... Поправились от ушиба-то?

Яропегов. Вполне. Хоть жениться могу...

Фёкла. Жениться вам – самое полезное дело. И женитесь – на молодой, вы – весёлый, с вами и молодая скучать не станет.

Яропегов (хочет идти). Так я и сделаю...

Фёкла (собирая посуду со стола). А у нас тут всё скандалы, всё аресты. Шпекулянта Силантьева арестовали, Китаева, они, слышь, материал со стройки привыкли красть. Ведь вот какая это дурная привычка – воровать! Ну, Силантьев – пёс его возьми! А рабочему-то воровать не надо бы! Подумал бы: у кого ворует? Сам у себя ворует.

Яропегов (поставил чемодан на пол). Правильно! Китаева, говорите, зацапали?

Фёкла. Да, да! И слышно, что будто бы он пьяный хвастался, что на человека наехал, – не он ли это на вас?

Яропегов. Не-ет... Мало ли таких... которые наезжают.

Фёкла. Задумчивый вы нынче.

Яропегов. Устал, должно быть.

Фёкла. Ну – отдыхайте, отдыхайте... (несёт посуду в комнату.)

(Яропегов уступает ей дорогу, а из двери, оттолкнув Фёклу, бежит Богомоллов.)

Богомоллов (задыхаясь). Нет-с, это невозможно. Я – протестую! Это – ваше дело, а – не моё! Это – ваш план! Возражаю! Это вы... перешагнули за рубеж... географический и разума-с!

Сомов. Разрешите напомнить, что Яропегов не посвящён..!

Богомоллов. Не верю-с! Хладнокровием рисуетесь? И в хладнокровие не верю-с! Вот как, Виктор Павлович? Шуточки – шутили? Ловко!

Яропегов. В чём дело, Николай?

Сомов. Как видишь – Яков Антонович в панике.

Богомоллов. Я? В панике? Ложь! Я – возмущён. Я – стар, в старости – ничего не бояться! (Плачущим голосом.) В старости... нечего терять... нечего, да!

Яропегов. Ясно, что в этой интимной беседе третий человек – лишний.

Сомов. Давайте обсудим спокойно...

Богомоллов. Спокойно? После сказанного вами? Нет, знаете...

Сомов. Вы сделали целый ряд глупостей...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Богомолов. Я? Да – что вы? Вы... Наполеоном себя считаете? Позвольте... чёрт возьми!
Это – не пройдёт!

Сомов. Подождите.

Богомолов. Мне ждать от вас нечего...

Сомов. Не от меня... Молчите... Слышите?

Богомолов. Что такое? Что... слышать?

(Сомов – быстро сунул руки в карманы и – сквозь зубы негромко рычит. Богомолов, выпрямляясь, качается на ногах. На террасу входят четверо агентов ГПУ.)

Агент (очень вежливо). Николай Васильевич Сомов?

Сомов. Это – я.

Агент. Вы арестованы. Выньте руки из карманов. А вы – кто?

Богомолов. Яков... Богомолов. Яков Антонович... Богомолов...

Агент. Вы – тоже арестованы. Здесь живёте, нет?

Богомолов. Я... случайно. То есть – пришёл в гости. Этот арест... явное недоразумение...

Агент. Здесь должен быть ещё... Яропегов, Виктор Павлов.

Яропегов (в двери). Вот он.

Агент. Подлежите аресту и вы.

Яропегов. Неприятно.

Агент (усмехаясь). Никогда не замечал, что этот акт приятен для тех, кого арестуют.

Яропегов. Не замечали? Странно.

Агент (Сомову). Ваш кабинет?

Сомов. Я не держу здесь бумаг.

Агент. Всё равно, мы должны произвести обыск.

Сомов. Пожалуйста. (Садится на подоконник.)

Агент. Вы не желаете показать, где ваш кабинет?

Сомов. Вы же будете обыскивать всю дачу, кабинет – в ней. (Нащупал револьвер под шляпой Яропегова.)

Агент. Хорошо. При обыске отказываетесь присутствовать? Товарищи, займитесь там. (Сел к столу, вынимает бумаги из портфеля. Количество агентов постепенно увеличивается.)

Яропегов (схватил Сомова за руку). Ну, ну, это, брат, не игра! (Вырывает револьвер.) И нельзя стрелять, не подняв предохранитель. (Один из агентов берёт у него оружие.) Не подумайте, что он хотел стрелять в вас.

Агент (за столом). Нет, мы этого не подумаем, будьте спокойны.

(Богомолов – сидит, у него поза человека, который дремлет или крепко задумался. Около Сомова два агента. Яропегов, сидя на перилах, закуривает, наблюдая всех.)

Сомов (Яропегову). Ты... свинья!

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy Яропегов (спокойно). Потому что не признаю за тобой права самоликвидации? Нет, это их право...

(Из комнат выходят Анна, Арсеньева, Лидия, их сопровождает агент.)

Анна (на слова Яропегова). Что, Николай? Я говорила тебе, я говорила!

Агент. А что, собственно, говорили вы?

Сомов. Это – моя мать... она психически ненормальна.

Анна. Николай! Что ты сказал!

(Богомоллов встал и тоже порывается вперед, хочет сказать что-то, но, махнув рукой на Сомова, снова сел.)

Лидия (негромко). Николай... Это – серьезно?

Сомов. Не беспокойся.

Лидия. Нет... Виктор – что это значит?

Яропегов. Я думаю – ликвидация малограмотности...

Анна. Балаганный шут...

(Лидия хочет схватить со стола револьвер Яропегова, Арсеньева удерживает её руку, агент – оружие.)

Яропегов (испуган). Что ты, что ты! Ты же не умеешь стрелять!

Лидия (кричит). Я хочу... я должна убить себя... я – маленький зверь... Имею право...

Анна. Не притворяйтесь, – вы! Истеричка!

Арсеньева (агенту). Можно увести её?

Сомов. Веди себя прилично, Лидия!

Лидия. Нет, Николай... Я не могу больше... не могу...

Агент (товарищу). Уведи её в комнату, останься там.

Лидия. Катя, – не оставляй меня...

(Навстречу ей и Арсеньевой – Фёкла, Дуняша, агент.)

Фёкла. Ба-атюшки, народу-то сколько! Здравствуйте, товарищи!

Дуняша (агенту). Не толкайся! Я – не арестованная!

Агент. Нечаянно...

Фёкла. Виктор Павлыч, – ох! Неужто и вас заарканят?

Яропегов. Уже.

Фёкла. Ну, вас, наверно, по пьяному делу!

Агент. Не шуми, старушка!

Фёкла. Да – разве я шумлю? Я тоже не арестованная.

Дуняша. Наша власть, а – толкаетесь. Неучи!

Фёкла. Зря это – рычите вы, товарищ.

Дуняша. Прислуга за господ не отвечает...

Агент. Довольно!

Фёкла. Ну, давай молчим, Дуняшка...

(Агент, с чемоданом в руке, вводит на террасу Троерукова. Богомоллов, видя его, поднимается со стула, качаясь на ногах.)

Агент. Гражданин этот бежал куда-то с чемоданом...

Троеруков. Я его нашёл в лесу...

Богомоллов. Этот... чемодан... этот человек...

Агент. Гражданин, не волнуйтесь!.. Мы разберём, кто этот человек и что в чемодане...

(Богомоллов, всхрипнув, падает.)

Фёкла. Ой, глядите, старичок-то...

Анна (крестясь). Вот...

Сомов (с надеждой, почти с радостью). Умер?

(Возня вокруг Богомоллова. Троеруков сделал какой-то знак Сомову, тот – усмехнулся. Погас огонь.)

Агент. Кто погасил? Света! Что с ним?

Яропегов. Должно быть – удар.

Агент. А где арестованный с чемоданом?

(Двое агентов вводят на террасу Троерукова, один из них говорит: «Гражданин этот хотел бежать».)

Троеруков. Неправда! Просто, – я в темноте упал через перила...

Агент. Ловко падаете! Послать машину за доктором, и авто скорой помощи. Есть на фабрике такое авто? Живо! Что там, с обыском? (Троерукову.) Ваше имя, гражданин? Род занятий?

Троеруков. Кирик Валентинов Троеруков, учитель пения.

Егор Булычов и другие

Сцены

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Егор Булычов.

Ксения – его жена.

Варвара – дочь от Ксении.

Александра – побочная дочь.

Мелания – игуменья, сестра жены.

Звонцов – муж Варвары.

Тятин – его двоюродный брат.

Мокей Башкин.

Василий Достигаев.

Елизавета – жена его.

Антонина,

Алексей – дети от первой жены

Павлин – поп.

Доктор.

Трубач.

Зобунова – знахарка.

Пропотей – блаженный.

Глафира – горничная.

Таисья – служанка Мелании.

Мокроусов – полицейский.

Яков Лаптев – крестник Булычова.

Донат – лесник.

Первый акт

Столовая в богатом купеческом доме. Тяжёлая громоздкая мебель. Широкий кожаный диван, рядом с ним – лестница во второй этаж. В правом углу фонарь [3], выход в сад. Яркий зимний день. Ксения, сидя у стола, моет чайную посуду. Глафира, в фонаре, возится с цветами. Входит Александра, в халате, в туфлях на босую ногу, непричёсанная, волосы рыжие, как и у Егора Булычова.

Ксения. Ох, Шурка, спишь ты..

Шура. Не шипите, не поможет. Глаша – кофе! А где газета?

Глафира. Варваре Егоровне наверх подала.

Шура. Принеси. На весь дом одну газету выписывают, черти!

Ксения. Это кто – черти?

Шура. Папа дома?

Ксения. К раненым поехал. Черти-то – Звонцовы?

Шура. Да, они. (У телефона.) Семнадцать – шестьдесят три.

Ксения. Вот я скажу Звонцовым-то, как ты их честишь!

Шура. Позовите Тоню!

Ксения. До чего ты дойдёшь?

Шура. Это ты, Антонина? На лыжах едем? Нет? Почему? Спектакль? Откажись! Эх ты, – незаконная вдова!.. Ну, хорошо.

Ксения. Как же это ты девушку-то вдовой зовёшь?

Шура. Жених у неё помер или нет?

Ксения. Всё-таки она – девушка.

Шура. А вы почему знаете?

Ксения. Фу, бесстыдница!

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Глафира (подаёт кофе). Газету Варвара Егоровна сама принесёт.

Ксения. Больно много ты знаешь для твоих лет. Гляди: меньше знаешь – крепче спишь. Я в твои годы ничего не знала...

Шура. Вы и теперь...

Ксения. Тьфу тебе!

Шура. Вот сестрица шествует важно. Бонжур, мадам! Комман са ва? [4]

Варвара. Уже одиннадцать, а ты не одета, не причёсана...

Шура. Начинается.

Варвара. Ты всё более нахально пользуешься тем, что отец балует тебя... и что он нездоров...

Шура. Это ты – надолго?

Ксения. А что ей отцово здоровье?

Варвара. Я должна буду рассказать ему о твоём поведении...

Шура. Заранее благодарна. Кончилось?

Варвара. Ты – дура!

Шура. Не верю! Это не я – дура.

Варвара. Рыжая дура!

Шура. Варвара Егоровна, вы совершенно бесполезно тратите энергию.

Ксения. Вот и учи её!

Шура. И у вас портится характер.

Варвара. Хорошо... хорошо, милая! Мамаша, пойдёмте-ка в кухню, там повар капризничает...

Ксения. Он – не в себе, у него сына убили.

Варвара. Ну, это не резон для капризов. Теперь столько убивают...

(Ушли.)

Шура. А если бы у неё красавца Андрюшу ухлопали, вот бы взвилась!

Глафира. Зря вы дразните их. Пейте скорее, мне здесь убирать надо. (Ушла, унося самовар.)

(Шура сидит, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, руки – на затылке рыжей, лохматой головы.)

Звонцов (с лестницы, в туфлях, подкрался к ней, обнял сзади). О чём замечталась, рыжая коза?

Шура (не открывая глаз, не шевелясь). Не трогайте меня.

Звонцов. Почему? Ведь тебе приятно? Скажи – да? Приятно?

Шура. Нет.

Звонцов. Почему?

Шура. Оставьте. Вы – притворяетесь. Я вам не нравлюсь.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Звонцов. А хочешь нравиться, да?

(На лестнице – Варвара.)

Шура. Если Варвара узнает...

Звонцов. Тише... (Отошёл, говорит поучительно.) Н-да... Следует взять себя в руки. Надобно учиться...

Варвара. Она предпочитает говорить дерзости и пускать мыльные пузыри с АНТОНИНОЙ...

Шура. Ну и пускаю. Люблю пускать пузыри. Что тебе – мыла жалко?

Варвара. Мне жалко – тебя. Я не знаю – как ты будешь жить? Из гимназии тебя попросили удалиться...

Шура. Неправда.

Варвара. Твоя подруга – полоумная.

Звонцов. Она хочет музыке учиться.

Варвара. Кто?

Звонцов. Шура.

Шура. Неправда. Я не хочу учиться музыке.

Варвара. Откуда же ты это взял?

Звонцов. Разве ты, Шура, не говорила, что хочешь?

Шура (уходя). Никогда не говорила.

Звонцов. Гм... Странно. Не сам же я выдумал это! Ты, Варя, очень сердито с ней...

Варвара. А ты слишком ласков.

Звонцов. Что значит – слишком? Ты же знаешь мой план...

Варвара. План – это план, но мне кажется, что ты подозрительно ласков.

Звонцов. Глупости у тебя в голове...

Варвара. Да? Глупости?

Звонцов. Сообрази сама: уместны ли в такое серьезнейшее время сцены ревности?

Варвара. Ты зачем сюда спустился?

Звонцов. Я? Тут... объявление одно в газете. И лесник приехал, говорит: мужики медведя обложили.

Варвара. Донат – в кухне. Объявление – о чём?

Звонцов. Это, наконец, возмутительно! Как ты говоришь со мной? Что я – мальчишка? Чёрт знает...

Варвара. Не кипятись! Кажется – отец приехал. А ты в таком виде.

(Звонцов поспешно идёт вверх, Варвара – встречать отца. Шура в зелёной тёплой кофте и в зелёном колпаке бежит к телефону, её перехватил и молча прижал к себе Булычов, за ним идёт поп Павлин, в лиловой рясе.)

Булычов (сел к столу, обняв Шуру за талию, она гладит его медные, с проседью, волосы). Народа перепортили столько, что страшно глядеть...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Павлин. Цветёте, Шурочка? Простите, не поздоровался...

Шура. Это я должна была сделать, отец Павлин, но папа схватил меня, как медведь...

Булычов. Стой! Шурка, смиренно! Куда теперь этот народ? А бесполезных людей у нас и до войны многовато было. Зря влезли в эту войну...

Павлин (вздыхнув). Соображения высшей власти...

Булычов. С японцами тоже плохо сообразили, и получился всемирный стыд...

Павлин. Однако войны не только разоряют, но и обогащают как опытом, так равно и...

Булычов. Одни – воюют, другие – воруют.

Павлин. К тому же ничто в мире не совершается помимо воли божией, и – что значит ропот наш?

Булычов. Ты, Павлин Савельев, брось проповеди... Шурок, ты на лыжах бежать собралась?

Шура. Да, Антонину жду.

Булычов. Ну... ладно! Не уйдёшь, так я тебя – минут через пяток – позову.

(Шура убежала.)

Павлин. Выровнялась как отроковица...

Булычов. Телом – хороша, ловкая, а лицом – не удалась. Мать у неё некрасива была. Умная, как чёрт, а некрасива.

Павлин. Лицо у Александры Егоровны... своеобразное... и... не лишено привлекательности. Родительница – откуда родом?

Булычов. Сибирячка. Ты говоришь – высшая власть... от бога... и всё такое, ну а Дума то – как? Откуда?

Павлин. Дума, это... так сказать – допущение самой власти к умалению её. Многие полагают, что даже – роковая ошибка, но священно-церковно-служителю не подобает входить в рассуждение о сих материях. К тому же в наши дни на духовенство возложена обязанность воспламенять дух бодрости... и углублять любовь к престолу, к отечеству...

Булычов. Воспламенили дух да в лужу и – бух...

Павлин. Как известно вам – убедил я старосту храма моего расширить хор певчих, а также беседовал с генералом Бетлингом о пожертвовании на колокол новостроящегося храма во имя небесного предстателя вашего, Егория...

Булычов. Не дал на колокол?

Павлин. Отказал и даже неприятно пошутил: «Медь говорит, даже в полковых оркестрах – не люблю!» Вот вам бы на колокол-то хорошо пожертвовать по причине вашего недомогания?

Булычов (вставая). Колокольным звоном болезни не лечат.

Павлин. Как знать? Науке причины болезней неведомы. В некоторых санаториях иностранных музыкой лечат, слышал я. Тоже и у нас существует пожарный, он игрой на трубе пользуется...

Булычов (усмехаясь). На какой трубе?

Павлин. На медной. Говорят, весьма большая труба!

Булычов. Ну, если – большая... Вылечивает?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Павлин. Будто бы успешно! Всё может быть, высокопочтеннейший Егор Васильевич!
Всё может быть. В тайнах живём, во мраке многочисленных и неразрешимых тайн.
Кажется нам, что – светло и свет сей исходит от разума нашего, а ведь светло-то
лишь для телесного зрения, дух же, может быть, разумом только затемняется и даже
– угашается.

Булычов (вздыхая). Эко слов-то у тебя сколько...

Павлин (всё более воодушевлённо). Возьмите, примерно, блаженного Прокопия, в
какой радости живёт сей муж, дурачком именуемый невегласами...

Булычов. Ну, ты опять, тово... проповедуешь! Прощай-ко. Устал я.

Павлин. Сердечно желаю доброго здоровья. Молитвенник ваш... (Уходит.)

Булычов (щупая правый бок, подошёл к дивану, ворчит). Боров. Нажрался тела-крови
Христовой... Глафира!.. Эй...

Варвара. Вы что?

Булычов. Ничего. Глафиру звал. Эк ты вырядилась! Куда это?

Варвара. На спектакль для выздоравливающих...

Булычов. И стёклышки на носу? Врёшь, что глаза требуют, для моды носишь...

Варвара. Папаша, вы бы поговорили с Александрой, она ведёт себя отчаянно,
становится совершенно невыносимой.

Булычов. Все вы – хороши! Иди! (Бормочет.) Невыносимы. Вот я... выздоровлю, я вас...
вынесу!

Глафира. Звали?

Булычов. Звал. Эх, Глаха, до чего ты хороша! Здоровая! Калёная! А Варвара у меня
– выдра!

Глафира (заглядывая на лестницу). Её счастье. Будь она красивой, вы бы и её на
постелю себе втащили.

Булычов. Дочь-то? Опомнись, дура! Что говоришь?

Глафира. Я знаю – что! Шуру-то тискаете, как чужую... как солдат!

Булычов (изумлён). Да ты, Глафира, рехнулась! Ты что: к дочери ревнуешь? Ты о
Шурке не смей эдак думать. Как солдат... Как чужую! А ты бывала у солдат в руках?
Ну?

Глафира. Не к месту... не ко времени разговоры эти. Зачем звали?

Булычов. Доната пошли. Стой! Дай-ко руку. Любишь всё-таки? И хворого?

Глафира (припадая к нему). Горе ты моё... Да – не хворай ты! Не хворай...
(Оторвалась, убежала.)

(Булычов хмуро улыбается, облизывает губы. Качает головой. лёг.)

Донат. Доброго здоровья, Егор Васильевич!

Булычов. Спасибо. С чем прибыл?

Донат. С хорошим: медведя обложили.

Булычов (вздыхнув). Ну, это... для зависти, а не для радости. Мне теперь медведь –
не забава. Лес-то рубят?

Донат. Помаленьку. Людей нет.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
(Входит Ксения. Нарядная, руки в кольцах.)

Булычов. Ты что?

Ксения. Ничего. Ты бы, Егорий, не соблазнялся медведем-то, куда уж тебе охотиться.

Булычов. Помолчи. Нет людей?

Донат. Старики да мальчишки остались. Князю полсотни пленных дали, так они в лесу не могут работать.

Булычов. Они поди-ко с бабами работают.

Донат. Это – есть.

Булычов. Да... Баба теперь голодная.

Ксения. Слышно – большой разврат пошёл по деревням...

Донат. Почему разврат, Аксинья Яковлевна? Мужиков – перебили, детей-то надобно родить? Выходит так: кто перебил, тот и народи...

Булычов. Похоже...

Ксения. Ну уж, какие дети от пленных! Хотя, конечно, ежели мужчина здоровый...

Булычов. А баба – дура, так ему от этой бабы детей иметь неохота.

Ксения. У нас бабы – умные. А здоровых-то мужиков всех на войну угнали, дома остались одни... адвокаты.

Булычов. Народу перепорчено – много.

Ксения. Зато остальные богаче жить будут.

Булычов. Сообразила!

Донат. Цари народом сыты не бывают.

Булычов. Как ты сказал?

Донат. Не бывают, говорю, цари народом сыты. Своих кормить нечем, а всё хотим ещё чужих завоевать.

Булычов. Верно. Это – верно!

Донат. Нельзя иначе понять – для какого смысла воюем? И вот бьют нас, за жадность.

Булычов. Правильно говоришь, Донат! Вот и Яков, крестник, тоже говорит: «Жадность всему горю начало». Он – как там?

Донат. Он – ничего. Умный он у вас.

Ксения. Нашел умника! Дерзкий он, а не умный.

Донат. От ума и дерзок, Аксинья Яковлевна. Он там, Егорий Васильевич, дезертиров подобрал человек десяток, поставил на работу, ничего – работают. А то они воровством баловались.

Булычов. Н-ну, это... Мокроусов узнает – скандалить начнёт.

Донат. Мокроусов – знает. Он даже рад. Ему – легче.

Булычов. Ну, смотри...

(Звонцов сходит сверху.)

Донат. Медведя, значит...

Булычов. Медведь – твоё счастье.

Звонцов. Разрешите предложить медведя Бетлингу! Вы знаете, он оказывает нам...

Булычов. Знаю, знаю! Предлагай. А то – архиерею предложи!

Ксения (усмехаясь). Вот бы поглядеть, как архиерей в медведя стреляет.

Булычов. Ну, я устал. Прощай, Донат! А что-то нехорошо всё, братец мой, а? как я захворал, так и началось неладное...

(Донат молча поклонился, уходит.)

Булычов. Аксињья, Шурку пошли мне. Ты чего мнёшься, Андрей? Говори сразу!

Звонцов. Я по поводу Лаптева...

Булычов. Ну?

Звонцов. Мне стало известно, что он связался с... неблагонадёжными людьми и на ярмарке в Копосове говорил мужикам противуправительственные речи.

Булычов. Брось! Ну какие теперь ярмарки? Какие мужики? И что вы все на Якова жалуетесь?

Звонцов. Но ведь он как бы член нашей семьи...

(Шура вбегает.)

Булычов. Как бы... Не очень-то вы его... своим считаете. Он вот и обедать по воскресеньям не приходит... Иди, Андрей... После расскажешь...

Шура. На Якова ябедничал?

Булычов. Это – не твоё дело. Сядь сюда. На тебя тоже все жалуются.

Шура. Кто – все?

Булычов. Аксињья, Варвара...

Шура. Это ещё не все.

Булычов. Я серьёзно говорю, Шурёнок.

Шура. Серьёзно ты говоришь – не так.

Булычов. Дерзкая ты со всеми, ничего не делаешь...

Шура. Если ничего не делаю, так в чём же дерзкая?

Булычов. Не слушаешь никого.

Шура. Всех слушаю. Тошно слушать, рыжий!

Булычов. Сама – рыжая, хуже меня. Вот и со мной говоришь... неладно! Надобно тебя ругать, а не хочется.

Шура. Не хочется, значит – не надо.

Булычов. Ишь ты! Не хочется – не надо. Эдак-то жить легко бы, да нельзя!

Шура. А кто мешает?

Булычов. Всё... все мешают. Тебе этого не понять.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy.ru. А ты – научи, чтобы поняла, чтобы мне не мешали...

Булычов. Ну, этому... не научишь! Ты что, Аксинья? Что ты всё бродишь, чего ищешь?

Ксения. Доктор приехал, и Башкин ждёт. Лександра, оправь юбку, как ты сидишь?

Булычов (встаёт). Ну, зови доктора. Лежать мне вредно, тяжелею от лежанья. Эх... Улепётывай, Шурёнок! Ногу не вывихни, гляди!

Доктор. Здравствуйте! Как мы себя чувствуем?

Булычов. Неважно. Плоховато лечишь, Нифонт Григорьевич.

Доктор. Нуте-ко, пойдёмте к вам...

Булычов (идя рядом с ним). Ты давай мне самые злые, самые дорогие лекарства: мне, брат, обязательно выздороветь надо! Вылечишь – больницу построю, старшим будешь в ней, делай что хочешь...

(Ушли. Ксения, Башкин.)

Ксения. Что сказал, доктор-то?

Башкин. Рак, говорит, рак в печёнке...

Ксения. Ух ты, господи! Что выдумают!

Башкин. Болезнь, говорит, опасная.

Ксения. Ну конечно! Всякий своё дело самым трудным считает.

Башкин. Не во время захворал! Кругом деньги падают, как из худого кармана, нищие тысячниками становятся, а он...

Ксения. Да, да! Так богатеют люди, так богатеют!

Башкин. Достигаев до того растучнел, что весь незастёгнутый ходит, а говорить может только тысячами. А у Егора Васильевича вроде затмения ума начинается. Намедни говорит: «Жил, говорит, я мимо настоящего дела». Что это значит?

Ксения. Ох, и я замечаю – нехорошо он говорит!

Башкин. А ведь он на твоём с сестрой капитале жить начал. Должен бы приумножать.

Ксения. Ошиблась я, Мокей, давно знаю – ошиблась, Вышла замуж за приказчика, да не за того. Кабы за тебя вышла – как спокойно жили бы! А он... Господи! Какой озорник! Чего я от него не терпела. Дочь прижил на стороне да посадил на мою шею. Зятя выбрал... из плохих – похуже. Боюсь я, Мокей Петрович, обойдут, облапошат меня зять с Варварой, пустят по миру...

Башкин. Всё возможно. Война! На войне – ни стыда, ни жалости.

Ксения. Ты – старый наш слуга, тебя батюшка мой на ноги поставил, ты обо мне подумай...

Башкин. Я и думаю...

(Звонцов идёт.)

Звонцов. Что, доктор – ушёл?

Ксения. Там ещё.

Звонцов. Мокей Петрович, как – сукно?

Башкин. Не принимает Бетлинг.

Звонцов. А сколько надобно дать ему?

Башкин. Тысяч... пяток, не меньше.

Ксения. Экий грабитель! А ведь старик!

Звонцов. Через Жанну?

Башкин. Да уж как установлено.

Ксения. Пять тысяч! За что? А?

Звонцов. Теперь деньги дешёвы.

Ксения. В чужом-то кармане...

Звонцов. Тесть согласен?

Башкин. Вот, я пришёл узнать, согласен ли.

Доктор (вышел – берёт Звонцова под руку). Ну-с, вот что...

Ксения. Ох, порадуйте нас...

Доктор. Больной должен лежать возможно больше. Всякие дела, волнения, раздражения – крайне вредны для него. Покой и покой! Затем... (Шепчет Звонцову.)

Ксения. А мне почему нельзя сказать? Я – жена.

Доктор. О некоторых вещах с дамами говорить неудобно. (Снова шепчет.) Сегодня же вечером и устроим.

Ксения. Что это вы устроите?

Доктор. Консилиум, совет докторов.

Ксения. Ба-атюшки...

Доктор. Это – не страшно. Ну-с, до свидания! (Уходит.)

Ксения. Строгий какой... Туда же! За пять минут пять целковых берёт. Шестьдесят рублей в час... вот как!

Звонцов. Он говорит – операция нужна...

Ксения. Резать? Ну, уж это – нет! Нет, уж резать я не позволю...

Звонцов. Послушайте, это – невежественно! Хирургия, наука...

Ксения. Плевать мне на твою науку! Вот тебе! Ты тоже невежливо говоришь со мной.

Звонцов. Я говорю не о приличиях, а о вашей темноте...

Ксения. Сам не больно светел!

(Звонцов, махнув рукой, отошёл прочь. Глафира бежит.)

Ксения. Куда?

Глафира. Звонок из спальни...

(Ксения идёт вместе с ней к мужу.)

Звонцов. Не во время заболел тесть.

Башкин. Да. Стесняет. Время такое, что умные люди, как фокусники, прямо из воздуха деньги достают.

Звонцов. Н-да. К тому же революция будет.

Башкин. Это я не одобряю. Была она в пятом году. Бестолковое дело.

Звонцов. В пятом был – бунт, а не революция. Тогда крестьяне и рабочие дома были, а теперь – на фронтах. Теперь революция будет против чиновников, губернаторов, министров.

Башкин. Если бы так – давай бог! Чиновники хуже клещей, вцепятся, не оторвёшь...

Звонцов. Царь явно не способен править.

Башкин. Поговаривают об этом и в купечестве. Будто мужик какой-то царицу обошёл?

(Варвара на лестнице, слушает.)

Звонцов. Да. Григорий Распутин.

Башкин. Не верится в колдовство.

Звонцов. А – в любовников – верите?

Башкин. На сказку похоже. У неё – генералов – сотня.

Варвара. Глупости какие говорите вы.

Башкин. Все так говорят, Варвара Егоровна. Я всё-таки полагаю, что без царя – нельзя!

Звонцов. Царь должен быть не в Петрограде, а – в голове. Кончился спектакль?

Варвара. Отложили. Приехал какой-то ревизор, – вечером эшелон раненых будет, около пятисот. А места для них нет.

Глафира. Мокей Петрович, вас зовут.

(Башкин ушёл, оставив на столе тёплый картуз.)

Варвара. Что ты с ним откровенничаешь? Ты же знаешь, что он шпионит за нами для матери! Картуз этот он лет десять носит, жадюга! Просален весь. Не понимаю, почему ты с этим жуликом...

Звонцов. Ах, оставь! Хочу занять у него денег на взятку Бетлингу...

Варвара. Но я же тебе сказала, что всё это устроит Лиза Достигаева через Жанну! И обойдётся – дешевле...

Звонцов. Надует тебя Лизавета...

Ксения (из комнаты мужа). Уговорите вы его, чтобы лежал! Он там ходит и Мокея ругает... Ах, господи!..

Звонцов. Поди ты, Варя...

Булычов (в халате, в валяных туфлях). Ну, и что ещё? Несчастливая война?

Башкин (идя за ним). Кто же спорит?

Булычов. Для кого несчастная?

Башкин. Для нас.

Булычов. Для кого – для нас? Ты же говоришь: от войны миллионы наживают? Ну?

Башкин. Для народа... значит...

Булычов. Народ – мужик, ему – всё равно: что жить, что умирать. Вот какая твоя правда!

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Ксения. Да – не сердись ты! Вредно тебе...

Башкин. Ну, что вы? Какая же это правда?

Булычов. Самая настоящая! Это и есть правда. Я говорю прямо; моё дело – деньги наживать, а мужиково – хлеб работать, товары покупать. А какая другая правда есть?

Башкин. Конечно, это – так, а всё-таки...

Булычов. Ну, а что – всё-таки? Ты о чём думаешь, когда воруюшь у меня?

Башкин. Зачем же вы обижаете?

Ксения. Ну, что ты, Варя, глядишь? Уговори его! Ему лежать велено.

Булычов. Ты – о народе думаешь?

Башкин. И – при людях обижаете! Ворую! Это надо доказать!

Булычов. Доказывать нечего. Всем известно: воровство дело законное. И обижать тебя – незачем. От обиды ты не станешь лучше, хуже станешь. И воруюшь – не ты – рубль ворует. Он, сам по себе, есть главный вор...

Башкин. Это один Яков Лаптев может говорить.

Булычов. Вот он и говорит. Ну, ступай. А взятку Бетлингу не давать. Довольно давали, хватит ему на гроб, на саван, старому чёрту! Вы что тут собрались? Чего ждёте?

Варвара. Мы ничего не ждём...

Булычов. Будто – ничего? Когда – так, идите по своим делам. Дело-то у вас – есть? Аксинья, скажи, чтоб у меня проветрили. Душно там, кислыми лекарствами пахнет. Да – пускай Глафира квасу клюквенного принесёт.

Ксения. Нельзя тебе квасу-то.

Булычов. Иди, иди! Я сам знаю, чего нельзя, что можно.

Ксения (уходя). Кабы знал...

(Все ушли.)

Булычов (обошёл вокруг стола, придерживаясь за него рукой. Смотрит в зеркало, говорит почти во весь голос). Плохо твоё дело, Егор. И рожа, брат, у тебя... не твоя какая-то!

Глафира (с подносом, на нём стакан молока). Вот вам молоко.

Булычов. Тащи кошке. А мне – квасу. Клюквенного.

Глафира. Квасу вам не велят давать.

Булычов. Они не велят, а ты – принеси. Стой! Как по-твоему – умру я?

Глафира. Не может этого быть.

Булычов. Почему?

Глафира. Не верю.

Булычов. Не веришь? Нет, брат, дело мое – плохо! Очень плохо, я знаю!

Глафира. Не верю.

Булычов. Упряма. Ну, давай квасу! А я померанцевой выпью... Она – полезная. (Идёт к буфету.) Заперли, черти. Эки свиньи! Оберегают. Похоже, что я заключённый.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Арестант... вроде.

Занавес

Второй акт

Гостиня Булычовых. Звонцов и Тятин – в углу, за маленьким круглым столом, на столе бутылка вина.

Звонцов (закуривая). Понял?

Тятин. По чести говоря, Андрей, не нравится мне это...

Звонцов. А – деньги нравятся?

Тятин. Деньги, к сожалению, нравятся.

Звонцов. Ты – кого жалеешь?

Тятин. Себя, разумеется...

Звонцов. Есть чего жалеть!

Тятин. Всё-таки, знаешь, я сам себе – единственный друг.

Звонцов. Ты бы не философствовал, а – думал.

Тятин. Я – думаю. Девица она избалованная, трудно будет с ней.

Звонцов. Разведёшься.

Тятин. А деньги-то у неё останутся...

Звонцов. Сделаем так, что у тебя будут. А шурку я берусь укротить.

Тятин. По чести сказать...

Звонцов. Так, что её поторопятся выдать замуж и приданое будет увеличено.

Тятин. Это ты... остроумно! А какое приданое?

Звонцов. Пятьдесят.

Тятин. Тысяч?

Звонцов. Пуговиц.

Тятин. Верно?

Звонцов. Но ты подпишешь мне векселей на десять.

Тятин. Тысяч?

Звонцов. Нет, рублей! Чудак!

Тятин. Мно-ого...

Звонцов. Тогда – прекратим беседу.

Тятин. А ты... всё это серьёзно?

Звонцов. Несерьёзно о деньгах только дураки говорят...

Тятин (усмехаясь). Чёрт возьми... Замечательно придумано.

(Входит Достигаев.)

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Звонцов. Рад, что ты, кажется, что-то понимаешь. Тебе, интеллигенту-пролетарию, нельзя в эти лютые дни...

Тятин. Да, да, конечно! Но – мне пора в суд.

Достигаев. Чем ты расстроен, Степаша?

Звонцов. Мы – о Распутине вспомнили.

Достигаев. Вот – участь, а? Простой, сибирский мужик – с епископами, министрами в шашки играл! Сотнями тысяч ворочал! Меньше десяти тысяч взятки – не брал! Из верных рук знаю – не брал! Вы что пьёте? Бургонское? Это вино тяжёлое, его за обедом надо пить, некультурный народ!

Звонцов. Как вы нашли тестя?

Достигаев. А – чего же его искать, – он не прятался. Ты, Степаша, принёс бы стаканчик мне. (Тятин, не торопясь, уходит.) А Булычов, надо прямо сказать, в плохом виде! В опасном положении он...

Звонцов. Мне тоже кажется, что...

Достигаев. Да, да! Это самое. И при этом боится он умереть, а потому – обязательно умрёт. И ты этот факт – учти! Дни нашей жизни такие, что ротик разевать нельзя, ручки в карманах держать – не полагается. Государственный плетень со всех сторон свиньи подрывают, и что будет революция, так это даже губернатор понимает...

Тятин (входит). Егор Васильевич в столовую вышел.

Достигаев (берёт стакан). Спасибо, Степаша. Вышел, говоришь? Ну, и мы туда.

Звонцов. Промышленники, кажется, понимают свою роль...

(Идут – Варвара, Елизавета.)

Достигаев. Московские-то? Ещё бы не понимали!

Елизавета. Они пьют, как воробушки, а там Булычов рычит – слушать невозможно!

Достигаев. Почему Америка процветает? Потому, что там у власти сами хозяева...

Варвара. Жанна Бетлингова совершенно серьёзно верит, что в Америке кухарки на рынок в автомобилях ездят.

Достигаев. Вполне возможно. Хотя... наверное, вранье. А ты, Варюша, всё с военными? Хочешь быть подполковником?

Варвара. Ух, как старо! Вы о чём мечтаете, Тятин?

Тятин. Да... так, вообще...

Елизавета (перед зеркалом). Вчера Жанна рассказала мне анекдот изумительный! Как цветок!

Достигаев. А ну, а ну – какой?

Елизавета. При мужчинах – нельзя.

Достигаев. Хорош цветок!

(Варвара что-то шепнула Елизавете.)

Елизавета. Муж! Ты тут будешь сидеть до дна бутылки?

Достигаев. А – кому я мешаю?

Елизавета (Тятину). Вы, Стёпочка, знаете псалом: «Блажен муж, иже не иде на
Страница 65

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy совет нечестивых и на пути грешных не ста»?

Тятин. Что-то такое помню..

Елизавета (берёт его под руку). Вот эти, все – они и есть нечестивые грешники, а вы тихий юноша для луны, любви и прочего, да? (Уводит.)

Достигаев. Экая болтушка!

Варвара. Василий Ефимович, мать и Башкин вызвали тётку Меланью.

Достигаев. Игуменью? У-у, это зверь серьёзный! Она будет против фирмы Достигаев и Звонцов, она – против! Она за вывеску – Ксения Булычова и Достигаев...

Звонцов. Она может потребовать деньги из дела.

Достигаев. Маланьиных денег – сколько? Семьдесят тысяч?

Звонцов. Девяносто.

Достигаев. Всё-таки это – куш! Личные или монастыря?

Варвара. Как это узнаешь?

Достигаев. Узнать – можно. Узнать – всё можно! Вот – немцы, они знают не только число солдат у нас на фронте, а даже – сколько вшей на каждом солдате.

Варвара. Вы бы серьёзно что-нибудь сказали...

Достигаев. Милая Варюша, нельзя ни торговать, ни воевать, не умея сосчитать, сколько денег в кармане. Про Маланьины деньги узнать можно так: имеется дама Секлетейя Полубояринова, она – участница ночных бдений владыки – Никандра, а – Никандр – всякие деньги любит считать. Кроме того, есть один человек в епархиальном совете, – мы его оставим в резерве. Ты, Варюша, возьми переговоры с Полубояриновой, и ежели окажется, что деньжата – монастырские, ну, – сами понимаете! Куда это красавица моя ускользнула?

Глафира. Просят в столовую.

Достигаев. Спешим. Нуте-с, пошли?

Варвара (будто бы зацепилась подолом за кресло). Андрей, помоги же! Ты ему веришь?

Звонцов. Нашла дурака.

Варвара. Ах, какой жулик! С тёткой я придумала неплохо. А что с Тятиним?

Звонцов. Уломаю.

Варвара. С этим надо торопиться.

Звонцов. Почему?

Варвара. Да ведь после похорон – нужно будет долго ждать. А у отца – и сердце слабое... Кроме того, у меня есть другие причины.

(Ушли. навстречу Глафира, смотрит вслед им с ненавистью, собирает посуду со столика. Лаптев входит.)

Глафира. А вчера был слух, что ты арестован.

Лаптев. Да ну? Это, должно быть, неверно.

Глафира. Всё шутишь.

Лаптев. Есть – нечего, да – жить весело.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Глафира. Свернёшь башку на шуточках-то.

Лаптев. За хорошие шутки не бьют, а хвалят, стало быть, попадёт Яшутке за плохие шутки.

Глафира. Мели, Емеля! Там, у Шуры, Тонька Достигаева.

Лаптев. Брр, её – не надо!

Глафира. Позову Шуру – сюда, что ли?

Лаптев. Дельно. А как Булычов?

Глафира (гневно). Какой он тебе Булычов! Он – отец крёстный твой!

Лаптев. Не сердись, тётя Глаша.

Глафира. Плохо ему.

Лаптев. Плохо? Постой, постой! Голодно живут приятели мои, тётя Глаша, не достанешь ли муки, пуда два, а то и мешок?

Глафира. Что же – воровать у хозяев буду для тебя?

Лаптев. Да ведь уже не первый раз! Всё равно – и раньше грешила, грех – на мне! Ребятам, ей-богу, кушать охота! Тебе же в доме этом за труд твой принадлежит больше, чем хозяевам.

Глафира. Слыхала я эти сказки твои! Завтра утром Донату будут отправлять муку, мешок возьмёшь у него. (Уходит.)

Лаптев. Вот спасибо! (Сел на диван, зевнул до слёз, отирает слёзы, осматривается.)

Ксения (идёт, ворчит). Бегают, как черти от ладана...

Лаптев. Здравствуйте...

Ксения. Ой! Ох, что ты тут сидишь?

Лаптев. А надо – ходить?

Ксения. То – нигде нет его, то вдруг придёт! Как в прятки играешь. Отец-то крёстный – болеет, а тебе хоть бы что...

Лаптев. Заболеть надо мне, что ли?

Ксения. Все вы с ума сошли, да и других сводите. Понять нельзя ничего! Вон, слышь, царя хотят в клетку посадить, как Емельку Пугачёва. Врут, что ли, грамотей?

Лаптев. Всё возможно, всё!

Глафира. Акси́нья Яковлевна, на минутку.

Ксения. Ну, что ещё? Покоя нет... о, господи... (Ушла.)

Шура (вбегает). Здравствуй!

Лаптев. Шурочка, в Москву еду, а денег нету – выручай!

Шура. У меня тридцать рублей...

Лаптев. Пятьдесят бы, а?

Шура. Достану.

Лаптев. Вечером, к поезду? Можно?

Шура. Да. Слушай: революция будет?

Лаптев. Да она же началась! Ты – что, газет не читаешь?

Шура. Я – не понимаю газет.

Лаптев. Спроси Тятин.

Шура. Яков, скажи честно: что такое Тятин?

Лаптев. Вот те раз! Ты же почти полгода ежедневно видишь его.

Шура. Он честный?

Лаптев. Да... ничего, честный.

Шура. Почему ты говоришь нерешительно?

Лаптев. Мямля он. Мутноватый такой. Обижен, что ли.

Шура. Кем?

Лаптев. Из университета вышибли со второго курса. Работает у брата, письмоводителем, а брат...

Шура. Звонцов – жулик?

Лаптев. Либерал, кадет, а они вообще жуликоваты. Деньги ты Глафире передай, она доставит.

Шура. Глафира и Тятин помогают тебе?

Лаптев. В чём?

Шура. Не финти, яшка! Ты понимаешь. Я тоже хочу помогать, слышишь?

Лаптев (удивлён). Что это ты, девушка, как будто только сегодня проснулась?

Шура (гневно). Не смей издеваться надо мной! Ты – дурак!

Лаптев. Возможно, что и дурак, но всё-таки я хотел бы понять...

Шура. Варвара идёт!

Лаптев. Ну, я её не желаю видеть.

Шура. Идём... Скорей.

Лаптев (обняв её за плечи). В самом деле – что с тобой?

(Ушли, затворив за собой дверь.)

Варвара (слышит, как щёлкнул замок двери, подошла к ней, повертела ручку). Это ты, Глафира? (Пауза.) Там есть кто-нибудь? Таинственно... (Быстро уходит.)

(Шура тащит за руку Доната.)

Донат. Ну, куда ты меня, Шурок...

Шура. Стой! Говори: отца в городе уважают?

Донат. Богатого везде уважают. Озоруешь ты всё...

Шура. Уважают или боятся?

Донат. Не боялись бы, так не уважали.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Шура. А – любят за что?

Донат. Любят? Не знаю.

Шура. А – знаешь, что любят?

Донат. Его? Как сказать? Извозчики – как будто любят, он с ними не торгуется, сколько спросят, столько и даёт. А извозчик, он, конечно, другому скажет, ну и...

Шура (притопнув ногой). Ты смеёшься?

Донат. Зачем? я правду объясняю.

Шура. Ты стал злой. Ты совсем другой стал!

Донат. Ну, где уж мне другим быть! Опоздал я.

Шура. Ты хвалил мне отца.

Донат. Я его и не хаю. У всякой рыбы своя чешуя.

Шура. Все вы – врётё.

Донат (понураясь, вздыхая). Ты – не сердись, сердцем ничего не докажешь.

Шура. Уходи! Слушай, Глафира... Ну, кто-то лезет... (Спряталась в драпировку.)

(Входит Алексей Достигаев, щёголь, в галифе, шведской куртке, весь в ремнях и карманах.)

Алексей. Вы всё хорошеете, Глаша.

Глафира (угрюмо). Приятно слышать.

Алексей. А мне – неприятно. (Встал на дороге Глафиры.) Не нравится мне хорошее, если оно не моё.

Глафира. Пропустите, пожалуйста.

Алексей. Сделайте одолжение. (Позевнув, смотрит на часы.)

(Входит Антонина, несколько позднее – Тятин.)

Шура. Ты, кажется, и за горничными ухаживаешь?

Антонина. Ему – всё равно, хоть за рыбами.

Алексей. Горничные, если их раздеть, ни в чём не уступают барыням.

Антонина. Слышишь? Он теперь всегда говорит такое, точно не на фронте жил, а в кабаке...

Шура. Да, раньше он был такой же ленивый, но не такой храбрый на словах.

Алексей. Я – и на деле.

Антонина. Ах, как врёт! Он – трус, трус! Страшно боится, что его соблазнит мачеха.

Алексей. Что ты сочиняешь? Дурочка!

Антонина. И отвратительно жадный. Ты знаешь, я ему плачу рубль двадцать копеек за тот день, когда он не скажет мне какой-нибудь гадости. Он – берёт!

Алексей. Тятин! Вам нравится Антонина?

Тятин. Да. Очень.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Шура. А – я?

Тятин. Говоря правду...

Шура. Ну да, конечно, правду!

Тятин. Вы – не очень.

Шура. Вот как? Это правда?

Тятин. Да.

Антонина. Не верь, он сказал, как эхо.

Алексей. Вы бы, Тятин, женились на Антонине. Мне она надоела.

Антонина. Какой болван! Уйди! Ты похож на беременную прачку.

Алексей (обняв её за талию). Ох, какая аристократка! Не гризе па ле семиачки, се моветон [5]

Антонина. Оставь меня!

Алексей. С удовольствием! (Танцует с ней.)

Шура. Может быть, я совсем не нравлюсь вам, Тятин?

Тятин. А зачем вы хотите знать это?

Шура. Надо. Интересно.

Алексей. Ты что мямлишь? Она замуж за тебя напрашивается. Теперь все девицы торопятся быть вдовами героев. Ибо – паёк, ореол и пенсия.

Антонина. Он уверен, что это остроумно!

Алексей. Пойду по своей стезе. Тонька, проводи меня до прихожей.

Антонина. Не хочу!

Алексей. Мне нужно. Серьёзно, идём!

Антонина. Наверное, какая-нибудь глупость.

Шура. Тятин, вы – правдивый человек?

Тятин. Нет.

Шура. Почему?

Тятин. Невыгодно.

Шура. Если вы так говорите, – значит, вы правдивый. Ну, теперь скажите сразу: вам советуют свататься ко мне?

Тятин (закуривая, не сразу). Советуют.

Шура. А вы понимаете, что это плохой совет?

Тятин. Понимаю.

Шура. Да, вы... Вот не ожидала! Я думала, вы...

Тятин. Скверно думали, должно быть?

Шура. Нет, вы... замечательный! А может быть, вы – хитрый, да? Вы играете на правду? Чтобы околпачить меня?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorikiy
Тятин. Это мне – не по силам. Вы – умная, злая, озорная, совсем как ваш отец; по совести говоря – я вас боюсь. И рыжая вы, как Егор Васильевич. Вроде пожарного факела.

Шура. Тятин, вы – молодец! Или – страшная хитрюга...

Тятин. И лицо у вас – необыкновенное...

Шура. Это – о лице – для смягчения удара? Нет, вы хитрый!

Тятин. Думайте как хотите. По-моему, вы обязательно сделаете что-нибудь... преступное! А я привык жить кверху лапками – знаете, как виноватые кутята...

Шура. В чём виноватые?

Тятин. Не знаю. В том, что кутята, и – зубов нет, укусить не могут.

Антонина (входит). Дурак Алёшка страшно больно дёрнул меня за ухо. И деньги отобрал, как жулик! Знаешь, он сопьётся, это – наверное! Мы с ним такие никчemuшные, купеческие дети. Тебе – смешно?

Шура. Тоня, – забудь всё плохое, что я тебе говорила о нём!

Антонина. О Тятине? А – что ты говорила? Я не помню.

Шура. Ну, что он свататься хочет ко мне.

Антонина. Почему это плохо?

Шура. Из-за денег.

Антонина. Ах, да! Ну, это – свинство, Тятин!

Шура. Жаль, не слышала ты, как он отвечал на мои вопросные слова.

Антонина. Варумные слова [6]. Помнишь «Варум» Шуберта?

Тятин. Разве Шуберта?

Антонина. Варум очень похоже на птицу марабу, такая мрачная птица... в Африке.

Шура. Что ты сочиняешь?

Антонина. Я всё больше люблю страшное. Когда страшно, то уже – не скучно. Полюбила сидеть в темноте и ждать, что приползёт огромный змей...

Тятин (усмехаясь). Это – который был в раю?

Антонина. Нет, страшнее.

Шура. Ты – занятная. Всегда выдумываешь что-нибудь новое, а все говорят одно и то же: война – Распутин – царица – немцы, война – революция...

Антонина. Ты будешь актрисой или монахиней.

Шура. Монахиней? Ерунда!

Антонина. Это очень трудно быть монахиней, нужно играть всегда одну роль.

Шура. Я хочу быть кокоткой, как нана у Золя.

Тятин. Вот как вы говорите! Ф-фу!

Шура. Мне – развращать хочется, мстить.

Тятин. Кому? За что?

Шура. За то, что я – рыжая, за то, что отец болен... за всё! Вот когда начнётся

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
революция, я развернусь! Увидишь.

Антонина. Ты веришь, что будет революция?

Шура. Да! Да!

Тятин. Революция – будет.

Глафира. Шура, приехала мать Мелания, Егор Васильевич хочет принять её здесь.

Шура. Ух – тётка! Бежим ко мне, дети! Тятин, – вы очень уважаете вашего брата?

Тятин. Он мне – двоюродный.

Шура. Это не ответ.

Тятин. Кажется – родственники вообще мало уважают друг друга.

Шура. Вот это – ответ!

Антонина. Бросьте говорить о скучном.

Шура. Вы очень смешной, Тятин!

Тятин. Ну, что ж делать?

Шура. И одеваются вы смешно.

(Ушли. Глафира отпирает дверь, скрытую драпировкой. В дверях, куда ушла молодёжь, – Булычов. Медленно и важно входит игуменья Мелания, с посохом в руке. Глафира стоит, наклоня голову, придерживая драпировку.)

Мелания. Ты всё ещё здесь трёшься, блудодейка? Не выгнали тебя? Ну, скоро выгонят.

Булычов. Ты тогда в монахини возьми её, у неё – деньги есть.

Мелания. А-а, ты – здесь? Ой, Егор, как тебя перевернуло, помилуй бог!

Булычов. Глаха, закрой двери да скажи, чтоб сюда не лезли. Садись... преподобная! Об каких делах поговорим?

Мелания. Не помогают доктора-то? Видишь: господь терпит день, терпит год и век...

Булычов. О господе – после, давай сначала о деле. Я знаю, о деньгах твоих говорить приехала.

Мелания. Деньги не мои, а – обители.

Булычов. Ну – всё едино: обители, обидели, грабители. Тебя чем деньги беспокоят? Боишься – умру – пропадут?

Мелания. Пропасть они – не могут, а не хочу, чтоб в чужие руки попали.

Булычов. Так, вынуть хочешь из дела? Мне – всё равно – вынимай. Но – гляди – проиграешь! Теперь рубли плодятся, как воши на солдатах. А я – не так болен, чтобы умереть...

Мелания. Не ведаем ни дня, ни часа, егда придет смерть. Завещание-то духовное-то написал?

Булычов. Нет!

Мелания. Пора. Напиши! Вдруг – позовёт господь...

Булычов. А зачем я ему?

Мелания. Дерзости свои – оставь! Ты – знаешь, слушать их я не люблю, да и сан

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy мой...

Булычов. А ты – полно, Малаша! Мы друг друга знаем и на глаз и на ощупь. Деньги можешь взять, у Булычова их – много!

Мелания. Вынимать капитал из дела я не желаю, а векселя хочу переписать на Аксинью, вот и – предупреждаю.

Булычов. Так. Ну, это – твоё дело! Однако в случае моей смерти Звонцов Аксинью облапошит. Варвара ему в этом поможет...

Мелания. Вот как ты заговорил? По-новому будто? Злости не слышно.

Булычов. Я злюсь в другую сторону. Вот, давай-ко, поговорим теперь о боге-то, о господе, о душе.

Смолоду много бито, граблено,
Под старость надобно душá спастись...

Мелания. Ну... что ж, говори!

Булычов. Ты вот богу служишь днём и ночью, как, примерно, Глафира – мне.

Мелания. Не богохуль! С ума сошёл? Глафира-то как тебе по ночам служит?

Булычов. Рассказать?

Мелания. Не богохуль, говорю! Опомнись!

Булычов. Не рычи! Я же просто говорю, не казёнными молитвами, а человеческими словами. Вот – Глафире ты сказала: скоро её выгонят. Стало быть, веришь: скоро умру. Это – зачем же? Васька Достигаев на девять лет старше меня и намного жуликоватее, а здоров и будет жить. Жена у него – первый сорт. Конечно, я – грешник, людей обижал и вообще... всячески грешник. Ну – все друг друга обижают, иначе нельзя, такая жизнь.

Мелания. Ты не предо мной, не пред людьми кайся, а пред богом! Люди – не простят, а бог – милостив. Сам знаешь: разбойники, в старину, как грешили, а воздадут богу богово и – спасены!

Булычов. Ну да, ежели украл да на церковь дал, так ты не вор, а – праведник.

Мелания. Его-ор! Кощунствуешь, слушать не буду! Ты – не глуп, должен понять: господь не допустит – дьявол не соблазнит.

Булычов. Ну – спасибо!

Мелания. Это что ещё?

Булычов. Успокоила. Выходит, что господь вполне свободно допускает дьявола соблазнять нас, – значит, он в грешных делах дьяволу и мне компаньон...

Мелания (встала). Слова эти... слова твои такие, что ежели владыке Никандру сказать про них...

Булычов. А – в чём я ошибся?

Мелания. Еретик! Подумай – что лезет тебе в нездоровую-то башку? Ведь – понимаешь, ежели бог допустил дьявола соблазнить тебя – значит, бог от тебя отрёкся.

Булычов. Отрёкся – а? За что? За то, что я деньги любил, баб люблю, на сестре твоей, дуре, из-за денег женился, любовником твоим был, за это отрёкся? Эх ты... ворона полоротая! Каркаешь, а – без смысла!

Мелания (ошалела). Да что ты, Егор? Обезумел ты? Господи помилуй...

Булычов. Молишься день, ночь под колоколами а – кому молишься, сама того не знаешь.

Мелания. Егор! В пропасть летишь! В пасть адову... В такие дни... Всё разрушается, трон царёв качают злые силы... антихристово время... может – Страшный суд близок...

Булычов. Вспомнила! Страшный суд... Второе пришествие... Эх, ворона! Влетела, накаркала! Ступай, поезжай в свою берлогу с девчонками, с клирошанками лизаться! А вместо денег – вот что получишь от меня – на! (Показывает кукиш.)

Мелания (поражена, почти упала в кресло). Ох, негодяй...

Булычов. Глафира – блудодейка? А – ты? Ты кто?

Мелания. Врёшь... Врёшь... (Вскочила). Мошенник! Издохнешь скоро! Червь!

Булычов. Прочь! Уходи от греха...

Мелания. Змей... Дьявол...

Булычов (один, рычит, потирает правый бок, кричит). Глафира! Эй...

Ксения. Что ты? А Меланья-то где?

Булычов. Улетела.

Ксения. Неужто опять поссорились?

Булычов. Ты надолго уселась тут?

Ксения. Дай же ты мне, Егор, слово сказать! Ты совсем уж перестал говорить со мной, будто я мебель какая! Ну, что ты как смотришь?

Булычов. Валяй, валяй, говори!

Ксения. Что же это началось у нас? Светопреставление какое-то! Зятёк у себя, наверху, трактир устроил, с утра до ночи люди толкуются, заседают чего-то; вчера семь бутылок красного выпили да водки сколько... Дворник Измаил жалуется – полиция одолела его, всё спрашивает: кто к нам ходит? А они там всё про царя да министров. И каждый день – трактир. Ты что голову повесил?

Булычов. Валяй, валяй, сыпь! Молодой, я – любил в трактире с музыкой сидеть.

Ксения. Малаша-то зачем приезжала?

Булычов. Врать, Аксинья, ты – не можешь! Глупа для этого.

Ксения. Чего же это я соврала, где?

Булычов. Здесь Маланья приехала по уговору с тобой о деньгах говорить.

Ксения. Когда же это я уговаривалась с ней, что ты?

Булычов. Ну – ладно! Заткни рот...

(Оживлённо входят Достигаев, Звонцов, Павлин.)

Достигаев. Егор, послушай-ко, что отец Павлин из Москвы привёз...

Ксения. Ты бы лёг, Егор!

Булычов. Ну, слушаю... отец!

Павлин. Хорошего мало рассказать могу, да, по-моему, и хорошее-то – плохо, ибо лучше того, как до войны жили, ничего невозможно выдумать.

Достигаев. Нет, протестую! Не-ет!

(Звонцов шепчется с тещей.)

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Ксения. Плачет?

Достигаев. Кто плачет?

Ксения. Игуменя.

Достигаев. Что же это она?

Булычов. Идите-ко, взгляните, чего она испугалась? А ты, отец, садись, рассказывай.

Достигаев. Интересно, от какой жалости плачет Маланья.

Павлин. Великое смятение началось в Москве. Даже умственно зрелые люди утверждают, что царя надобно сместить, по неспособности его.

Булычов. С лишком двадцать лет способен был.

Павлин. Силы человека иссякают от времени.

Булычов. В тринадцатом году, когда триста лет Романовы праздновали, Николай руку жал мне. Весь народ радовался. Вся Кострома.

Павлин. Это – было. Действительно – радовался народ.

Булычов. Что же такое случилось? Вот и Дума есть... Нет, дело – не в царе... а в самом корне...

Павлин. Корень – это и есть самодержавие.

Булычов. Каждый сам собой держится... своей силой... Да вот сила-то – где? На войне – не оказалось.

Павлин. Дума способствовала разрушению сил.

Елизавета (в дверях). Вы, отец Павлин, исповедуете?

Павлин. Ну, что это, какой вопрос.

Елизавета. А где мой муж?

Павлин. Был здесь.

Елизавета. Какой вы строгий сегодня, отец Павлин. (Исчезла.)

Булычов. Отец...

Павлин. Что скажете?

Булычов. Всё – отцы. Бог – отец, царь – отец, ты – отец, я – отец. А силы у нас – нет. И все живём на смерть. Я – не про себя, я про войну, про большую смерть. Как в цирке зверя-тигра выпустили из клетки на людей.

Павлин. Вы, Егор Васильевич, – успокойтесь...

Булычов. А – на чем? Кто меня успокоит? Чем? Ну – успокой... отец! Покажи силу!

Павлин. Почитайте священное писание, библию, например, Иисуса Навина хорошо вспомнить... Война – в законе...

Булычов. Брось. Какой это – закон? Это – сказка. Солнце не остановишь. Врёте.

Павлин. Роптать – величайший грех. надобно с тихой душой и покорно принимать возмездие за греховную нашу жизнь.

Булычов. Ты примирился, когда тебя староста, Алексей Губин, обидел? Ты – в суд подал на него, Звонцова адвокатом пригласил, за тебя архиерей вступился? А вот я в какой суд подам жалобу на болезнь мою? На преждевременную смерть? Ты – покорно

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
умирать будешь? С тихой душой, да? Нет, – заорёшь, застонешь.

Павлин. Речи такие не позволяет слушать сан мой. Ибо это речи...

Булычов. Брось, Павлин! Ты – человек. Ряса – это краска на тебе, а под ней ты – человек, такой же, как я. Вот доктор говорит – сердце у тебя плохое, ожирело...

Павлин. К чему ведут такие речи? Подумайте и уstraшитесь! Установлено от веков...

Булычов. Установлено, да, видно, не крепко.

Павлин. Лев Толстой еретик был, почти анафеме предан за неверие, а от смерти бежал в леса, подобно зверю.

Ксения. Егор Васильевич, Мокей пришёл, говорит: Якова ночью жандармы арестовали, так он спрашивает...

Булычов. Ну, спасибо, отец Павлин... за поучение! Я ещё тебя... потревожу. Позови Башкина, Аксинья! Скажи Глафире – пусть каши принесёт. И – померанцевой.

Ксения. Нельзя тебе водку...

Булычов. Всё – можно. Ступай! (Оглядывается, усмехаясь бормочет.) Отец... Павлин... Филин... Тебе, Егор, надо было табак курить. В дыму – легче, не всё видно... Ну, что, Мокей?

Башкин. Как здоровье, Егор Васильевич?

Булычов. Всё лучше. Якова арестовали?

Башкин. Да, ночью сегодня. Скандал!

Булычов. Одного?

Башкин. Говорят – часовщика какого-то да учительницу Калмыкову, которая Александре Егоровне уроки давала, кочегара Ерихонова, известный бунтарь. Около десятка будто.

Булычов. Все из тех – долой царя?

Башкин. У них это... различно: одни царя, а другие – всех богатых, и чтобы рабочие сами управляли государством...

Булычов. Ерунда!

Башкин. Конечно.

Булычов. Пропьют государство.

Башкин. Не иначе.

Булычов. Да... А – вдруг – не пропьют?

Башкин. А что ж им делать без хозяев-то?

Булычов. Верно. Без тебя да без Васьки Достигаева – не проживёшь.

Башкин. И вы – хозяин...

Булычов. Ну, а как же? И я. Как, говоришь, они поют?

Башкин (вздыхнув). Отречёмся от старого мира...

Булычов. Ну?

Башкин. Отрясём его прах с наших ног...

Булычов. По словам – на молитву похоже.

Башкин. Какая же молитва? Ненавидим, дескать, царя... дворец...

Булычов. Вон что! Н-да... черти драповые! (Подумал.) Ну, а тебе чего надо?

(Глафира принесла кашу и водку.)

Башкин. Мне? Ничего.

Булычов. А зачем пришёл?

Башкин. Спросить, кого на место Якова поставить.

Булычов. Потапова, Сергея.

Башкин. Он тоже в этих мыслях – ни бога, ни царя...

Булычов. Тоже?

Башкин. Позвольте предложить – Мокроусова. Он – очень просится к нам. Человек грамотный, распорядительный.

Глафира. Каша остынет.

Булычов. Полицейский? Воряга? Чего же он?

Башкин. Теперь в полиции опасно служить, многие уходят.

Булычов. Так. Опасно? Ах, крысы... Ладно, пришли Потапова. Завтра утром. Ступай... Глаха – трубач пришёл?

Глафира. В кухне сидит.

Булычов. Съем кашу – веди его сюда. Что это – как тихо в доме?

Глафира. Наверху все.

Булычов (пьёт водку). Ну – и ладно. Ты что... приуныла?

Глафира. Не пей, не вреди себе, не хворай ты! Брось всё, уйди от них. Сожрут они тебя, как черви... заживо сожрут! Уедем... в Сибирь...

Булычов. Пусти, больно...

Глафира. В Сибирь уедем, я работать буду... Ну – что ты здесь, зачем? Никто тебя не любит, все – смерти ждут...

Булычов. Перестань, Глаха... Не расстраивай меня. Я всё знаю, всё вижу! Я знаю, кто ты мне... Ты да Шурка, вот это я – нажил, а остальное – меня выжило... Может, ещё выздоровлю... Зови трубача, ну-ко...

Глафира. Кашу-то съешьте.

Булычов. Чёрт с ней, с кашей! Шурку позови... (Остался один и жадно пьёт рюмку за рюмкой.)

(Входит Трубач. Он смешной, тощий, жалкий, за плечами – на ремнях – большая труба в мешке.)

Трубач. Здравия желаю вашему степенству.

Булычов (удивлён). Здорово. Садись. Глаха, затвори дверь. Вот какой ты...

Трубач. Так точно.

Булычов. Н-ну... неказист! Рассказывай, как лечишь?

Трубач. Лечение моё простое, ваше степенство, только люди привыкли питаться

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
лекарствами из аптеки и не верят мне, так что я деньги вперёд прошу.

Булычов. Это ты неплохо придумал! А вылечиваешь?

Трубач. Сотни вылечил.

Булычов. Не разбогател, однако.

Трубач. На добром деле не богатеют.

Булычов. Вон как ты? От каких же болезней вылечиваешь?

Трубач. Все болезни одинаково происходят по причине дурного воздуха в животе, так что я ото всех лечу...

Булычов (усмехаясь). Храбро! Ну-ко, покажи трубу-то...

Трубач. Рубль заплатить можете?

Булычов. Рубль? Найдётся. Глаха – есть у тебя? Получи. Дёшево берёшь.

Трубач. Это – для начала. (Развязал мешок, вытащил басовую трубу.)

(Шура прибежала.)

Булычов. Самовар какой... Шурок, – хорош целитель? А ну-ко, подуй!

(Трубач откашлялся, трубит, не очень громко, кашляет.)

Булычов. Это и – всё?

Трубач. Четыре раза в сутки по пяти минут, и – готово!

Булычов. Выдыхается человек? Умирает?

Трубач. Никогда! Сотни вылечил!

Булычов. Так. Ну, а теперь скажи правду; ты – кем себя считаешь – дураком или жуликом?

Трубач (вздыхнув). Вот и вы не верите, как все.

Булычов (посмеиваясь). Ты – не прячь трубу-то! Говори прямо: дурак или жулик? Денег дам!

Шура. Не надо обижать его, папа!

Булычов. Я не обижаю, Шурок! Тебя как звать, лекарь?

Трубач. Гаврила Увеков...

Булычов. Гаврило? (Смеётся.) Ох, чёрт... Неужто – Гаврило?

Трубач. Имя очень простое... никто не смеётся!

Булычов. Так – ты кто же: глупый или плут?

Трубач. Шестнадцать рублей дадите?

Булычов. Глаха, – принеси! В спальне... Почему шестнадцать, Гаврило?

Трубач. Ошибся! Надо было больше спросить.

Булычов. Значит – глупый ты?

Трубач. Да нет, я не дурак...

Булычов. Стало быть – жулик?

Трубач. Да и не жулик... Сами знаете: без обмана – не проживёшь.

Булычов. Вот это – верно! Это, брат, нехорошо, а – верно.

Шура. Разве не стыдно обманывать?

Трубач. А почему стыдно, если верят?

Булычов (возбуждённо). И это – правильно! Понимаешь, Шурка? Это – правильно! А поп Павлин эдак не скажет! Он – не смеет!

Трубач. За правду мне прибавить надо. И – вот вам крест! – некоторым труба помогает.

Булычов. Верю, – двадцать пять дай ему, Глаха. Давай ещё. Давай все!

Трубач. Вот уж... покорно благодарю... Может, попробуете трубу-то? Пёс её знает... как она, а ей-богу – действует!

Булычов. Нет, спасибо! Ах, ты, Гаврило, Гаврило! (Смеётся.) Ты... вот что, ты покажи, как она... Ну-ко – действуй! Да – потолще!

(Трубач напряжённо и оглушительно трубит. Глафира смотрит на Булычова тревожно. Шура, зажав уши, смеётся.)

Булычов. Сади во всю силу!

(Вбегают Достигаевы, Звонцовы, Башкин, Ксения.)

Варвара. Что это такое, папаша?

Ксения. Егор, что ты ещё затеял?

Звонцов (Трубачу). Ты пьяный?

Булычов. Не тронь! Не смей! Глуши их, Гаврило! Это же Гаврило-архангел конец миру трубит!..

Ксения. Ой, ой, помешался...

Башкин (Звонцову). Вот видите?

Шура. Папа, ты слышишь? Они говорят – с ума сошёл ты! Уходите, трубач, уходите!

Булычов. Не надо! Глуши, Гаврило! Светопреставление! Конец миру... Труби-и!..

Занавес

Третий акт

Столовая. Всё в ней кажется сдвинутым со своих мест. На столе неубранная посуда, самовар, пакеты из магазина, бутылки. В углу чемоданы, один из них разбирает монастырская служка Таисья в острой шлычке [7], около неё – Глафира, с подносом в руке. Над столом горит лампа.

Глафира. А надолго мать Мелания к нам?

Таисья. Не знаю я.

Глафира. Почему она у себя на подворье не остановилась?

Таисья. Не знаю.

Глафира. Тебе сколько лет?

Таисья. Девятнадцать.

(Звонцов на лестнице.)

Глафира. А ничего не знаешь! Что ты – дикая какая?

Таисья. Нам с мирскими не велят говорить.

Звонцов. Игуменья пила чай?

Глафира. Нет.

Звонцов. Возьми, подогрей самовар, на всякий случай.

(Глафира уходит, взяв самовар.)

Звонцов. Что там вас – солдаты напугали?

Таисья. Солдаты-с.

Звонцов. Чем же они напугали?

Таисья. Корову зарезали, пригрозили поджечь монастырь. Простите. (Ушла, унося груды белья.)

Варвара (из прихожей). Слякоть какая! Ты тут с монашенкой беседуешь?

Звонцов. Присутствие игуменьи в нашем доме неудобная штука, знаешь ли?

Варвара. Дом ещё не наш.. Что, Тятин согласился?

Звонцов. Тятин – осёл или притворяется честным.

Варвара. Подожди. Кажется, отец кричит... (Слушает у двери в комнату отца.)

Звонцов. Хотя доктора и утверждают, что он – в своем уме, но после этой дурацкой сцены с трубой...

Варвара. Он и не такие сцены разыгрывал, хуже бывало. Между Александрой и Тятиним наладились, кажется, приятельские отношения?

Звонцов. Да, но – ничего хорошего я в этом не вижу. Сестрица твоя хитрая штука, от неё можно ожидать... весьма серьезных неприятностей.

Варвара. Жаль, что ты не сообразил этого, когда она кокетничала с тобой. Впрочем, это тебе было приятно.

Звонцов. Кокетничала она со мной, чтобы позлить тебя.

Варвара. Ты огорчён? Ну, Павлин лезет. Повадился!

Звонцов. Духовенства – избыток у нас.

(Входят, споря, Елизавета, Павлин, затем – Мокей.)

Павлин. Газеты же, по обыкновению, лгут! Добрый вечер!

Елизавета. А я вам говорю, что это неправда!

Павлин. Установлено вполне точно: государь отказался от престола не по доброй воле, а под давлением насилия, будучи пойман на дороге на Петроград членами кадетской партии... Да-с!

Звонцов. Что же отсюда следует?

Елизавета. Отец Павлин – против революции и за войну, а я – против войны! Я хочу в Париж... Довольно воевать! Ты согласна, Варя? Помнишь, как сказал Анри-катр[8]: «Париж лучше войны». Я знаю, что он не так сказал, но – он ошибся.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.u
Павлин. Не настаиваю ни на чём, ибо всё колеблется.

Варвара. Нужен мир, мир, отец Павлин! Вы видите, как ведёт себя чернь?

Павлин. Ох, вижу! А что наш больной? Как с этой стороны? (Прижимает палец к переносью.)

Звонцов. Доктора не нашли признаков расстройств.

Павлин. Это – приятно! Хотя доктора безошибочно находят токмо одни гонорары.

Елизавета. Какой вы злой! Варя, Жанна приглашает нас ужинать.

Башкин. Арестованных выпустили, а полиция страдает.

Павлин. Да, да... Удивительно! Чего хорошего ожидаете вы от событий, Андрей Петрович, а?

Звонцов. Общественные силы организуются закономерно и скоро скажут своё слово. Под общественными силами я разумею людей, которые обладают прочным экономическим...

Варвара. Слушай-ко, Жанна приглашает нас... (Отводит его в сторону, шепчет.)

Звонцов. Ну, знаешь, это меня ставит не очень удобно! С одной стороны – игуменья, с другой – кокотка...

Варвара. Да – тише ты!

Башкин. Андрей Петрович, тут – Мокроусов, – знаете, помощник пристава?

Звонцов. Да. Что ему надо?

Башкин. Он службу бросает по причине опасности и просится к нам, в лес.

Звонцов. Удобно ли это?

Варвара. Подожди, Андрей...

Башкин. Очень удобно. Лаптев теперь загнёт хвост и бунтовать будет. Донат – сами знаете – человек неподходящий и тоже сектант, всё о законе правды бормочет, а уж какая тут правда, когда... сами видите!

Звонцов. Ну, это чепуха! Мы присутствуем именно при начале торжества правды...

Варвара. Да подожди же, Андрей.

Звонцов. И справедливости.

Варвара. Вы чего хотите, Мокей?

Башкин. Я – чтобы нанять Мокроусова. Егор Васильевичу я предлагал.

Варвара. Что же он?

(Звонцов, нахмурился, отошёл прочь.)

Башкин. Определённо не высказался.

Варвара. Возьмите Мокроусова.

Башкин. Может – взглянете на него?

Варвара. Зачем же?

Башкин. Для знакомства. Он – здесь.

Варвара. Ну, хорошо...

(Башкин идёт в прихожую. Варвара пишет что-то в записной книжке. Башкин возвращается с Мокроусовым; это – человек круглолицый, брови удивлённо подняты, на лице – улыбочка, но кажется, что хочет крепко выругаться. В полицейской форме, на боку – револьвер, шаркает ножкой.)

Мокроусов. Честь имею представиться. Глубоко благодарен за честь служить.

Варвара. Очень рада. Вы даже в форме, а я слышала, что полицию разоружают.

Мокроусов. Совершенно верно, в естественном виде нам по улице ходить опасно, так что я – в штатском пальто, хотя при оружии. Но сейчас, по случаю возбуждения неосновательных надежд, чернь несколько приутихла, и потому... без шашки.

Варвара. Когда вы думаете начать службу у нас?

Мокроусов. Мысленно – я уже давно покорный ваш слуга. В лес готов отправиться хоть завтра, я одинок и...

Варвара. Вы думаете, надолго это – этот бунт?

Мокроусов. Полагаю – на всё лето. Потом наступят дожди, морозы, и шляться по улицам будет неудобно.

Варвара (усмехаясь). Только на лето? Едва ли революция зависит от погоды.

Мокроусов. Помилуйте! А как же! Зима – охлаждает.

Варвара (усмехаясь). Вы – оптимист.

Мокроусов. Полиция – вообще оптимисты.

Варвара. Вот как!

Мокроусов. Именно-с. Это от сознания силы-с.

Варвара. Вы служили в армии?

Мокроусов. Так точно. В бузулукском резервном батальоне, имею чин подпоручика.

Варвара (подавая руку). Ну, желаю вам всего хорошего.

Мокроусов (целуя руку). Сердечно тронут. (Ушёл, пятясь задом, притоптывая.)

Варвара (Башкину). Кажется, он – дурак?

Башкин. Это – не грех. Умники-то – вон они как... Им дай волю, так они землю наизнанку вывернут... Как – вроде – карман.

Павлин (Башкину, Елизавете). Духовенству обязательно нужно дать право свободной проповеди, иначе – ничего не получится!

(Глафира, Шура выводят под руки Булычова. Все замолчали, смотря на него; он хмурится.)

Булычов. Ну? Что молчите? Бормотали, бормотали...

Павлин. Поражены внезапностью...

Булычов. Что?

Павлин. Зрелище человека ведомого...

Булычов. Ведомого! Ноги у человека отнимаются, вот его и ведут! Ведомого... Мокей – Яшутку освободили?

Башкин. Да. Всех арестантов освободили.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Звонцов. Политических.

Булычов. Якову Лаптеву свобода, а царя – под арест! Вот как, отец Павлин! Что скажешь, а?

Павлин. Неискушён в делах этих.. но – по малому разумению моему – сначала осведомился бы, что именно намерены говорить и делать эти лица..

Булычов. Царя выбирать. Без царя – перегрызётесь вы все..

Павлин. Воодушевлённое лицо у вас сегодня, очевидно – преодолеваете недуг?

Булычов. Вот, вот.. преодолеваю! Вы, супруги, и ты, Мокей, оставьте-ко нас, меня с Павлином. Ты, Шурёнок, не уходи.

(Башкин ушёл в прихожую. Звонцовы и Достигаевы – наверх. Минуты через две Варвара, сойдя до половины лестницы, слушает.)

Шура. Ты – ляг.

Булычов. Не хочу. Ну что, отец Павлин, ты насчёт колокола – что ли?

Павлин. Нет, заглянул в надежде увидеть вас в лучшем положении, в чём и не ошибся. Но, конечно, памятуя щедрые и великодушные в прошлом деяния ваши, направленные к благолепию града сего и храма..

Булычов. Плохо ты молишься за меня, мне вот всё хуже. И неохота платить богу. За что платить-то? Плачено немало, а толку нет.

Павлин. Жертвы ваши..

Булычов. Пстой! Есть вопрос: как богу не стыдно? За что смерть?

Шура. Не говори о смерти, не надо!

Булычов. Ты – молчи! Ты – слушай. Это я – не о себе.

Павлин. Напрасно раздражаете себя такими мыслями. И что значит смерть, когда душа бессмертна?

Булычов. А зачем она втиснута в грязную-то, тесную плоть?

Павлин. Вопрос этот церковь считает не токмо праздным, но и..

(Варвара – на лестнице – смеётся, прижав платок ко рту.)

Булычов. Ты – не йкай! Говори прямо. Шура, – трубача помнишь, а?

Павлин. В присутствии Александры Егоровны..

Булычов. Это – брось! Ей – жить, ей – знать! Я вот жил-жил, да и спрашиваю: ты зачем живёшь?

Павлин. Служу во храме..

Булычов. Знаю я, знаю – служишь! А ведь придётся тебе умирать. Что это значит? Что значит – смерть нам, – Павлин?

Павлин. Вопрошаете.. нелогично и бесплодно! И – простите! Но уже не о земном надо бы..

Шура. Не смейте так говорить!

Булычов. Я – земной! Я – насквозь земной!

Павлин (встаёт). Земля есть прах..

Булычов. Прах? Так, вы, мма.. Так вы это, что земля – прах, сами должны понять!

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Прах, а – ряса шёлковая на тебе. Прах, а – крест золочёный! Прах, а – жадничаєте...

Павлин. Злое и пагубное творите в присутствии отроковицы...

Булычов. От рукавицы, от рукавицы...

(Варвара быстро ушла наверх.)

Булычов. Обучают вас, дураков, как собак на зайцев... Разбогатели от нищего Христа...

Павлин. Озлобляет вас болезнь, и, озлобляясь, рычите, подобно вепрю...

Булычов. Уходишь? Ага...

Шура. Напрасно ты волнуешься, от этого хуже тебе. Какой ты... неугомонный...

Булычов. Ничего! Жалеть – нечего! Ух, не люблю этого попа! Ты – гляди, слушай, я нарочно показываю...

Шура. Я сама всё вижу... не маленькая, не дура!

(Звонцов на лестнице.)

Булычов. Они, после трубача, решили, что я с ума сошёл, а доктора говорят: врётё! Ты ведь докторам веришь, Шура? Докторам-то?

Шура. Я тебе верю... тебе...

Булычов. Ну, то-то! Нет, у меня разум в порядке! Доктора – знают. Действительно, я наткнулся на острое. Ну, ведь всякому... интересно; что значит – смерть? Или, например, жизнь? Понимаешь?

Шура. Не верю я, что ты сильно болен. Тебе надо уехать из дома. Глафира верно говорит! Надо лечиться серьёзно. Ты – никого не слушаешь.

Булычов. Всех слушаю! Вот знахарку попробуем. Вдруг – поможет? Ей бы пора прийти. Грызёт меня боль... как тоска!

Шура. Перестань, милый! Не надо, родной мой! Ты – ляг...

Булычов. Лежать – хуже. Лёг – значит – сдался. Это – как в кулачном бою. И – хочется мне говорить. Мне надо тебе рассказать. Понимаешь... какой случай... не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать всё с чужими. Вот чего я тебе не хочу! Отец мой плоты гонял. А я вот... Этого я тебе не могу выразить.

Шура. Ты говори тише, спокойнее... Говори, как, бывало, сказки мне рассказывал.

Булычов. Я тебе – не сказки, я тебе всегда правду говорил. Видишь ли... Попы, цари, губернаторы... на кой чёрт они мне надобны? В бога – я не верю. Где тут бог? Сама видишь... И людей хороших – нет. Хорошие – редки, как... фальшивые деньги! Видишь, какие все? Вот они теперь запутались, завоевались... очумели! А – мне какое дело до них? Булычову-то Егору – зачем они? И тебе... ну, как тебе с ними жить?

Шура. Ты не беспокойся обо мне...

Ксения (идёт). Александра, к тебе Тоня с братом пришла и этот...

Шура. Подождут.

Ксения. А ты – иди-ко! Мне с отцом поговорить надо...

Булычов. А мне – надо?

Шура. Вы – не очень много – говорите...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Ксения. Учи, учи меня! Егор Васильевич – Зобунова пришла...

Булычов. Шурок, ты потом веди их сюда, молодёжь-то... Ну, давай Зобунову!

Ксения. Сейчас. Я хочу сказать, что Александра подружилась с прощелыгой этим, с двоюродным братом Андрея. Сам понимаешь: это ей не пара. Одного нищего приютили мы, так он – вон как командует.

Булычов. Ты, Аксинья, совсем... как дурной сон, – право!

Ксения. Бог с тобой, обижай! Ты бы запретил ей амурничать с Тятиным-то.

Булычов. А ещё что?

Ксения. Мелания у нас...

Булычов. Зачем?

Ксения. Несчастье с ней. Солдаты беглые напали на обитель, корову зарезали, два топора украли, заступ, связку верёвок, вон что делается! А Донат, лесник наш, нехороших людей привечает, живут они в бараке, на лесорубке...

Булычов. Заметно, что ежели какой человек приятен мне, так он уж никому не приятен.

Ксения. Ты бы помирился с ней...

Булычов. С Маланьей? Зачем?

Ксения. Да – как же? Здоровье твоё...

Булычов. Ладно. Давай... помирюсь! Я ей скажу: «И остави нам долги наша».

Ксения. Ты – поласковее. (Ушла.)

Булычов (бормочет). «И остави нам долги...» «Яко же и мы оставляем...» Кругом враньё... Ох, черти...

Варвара. Папаша! Я слышала, как мать говорила о Степане Тятине...

Булычов. Да... Ты – всё слышишь, всё знаешь...

Варвара. Тятин – скромный человек, он не потребует большого приданого за Александрой и очень хорошая пара для неё.

Булычов. Заботливая ты...

Варвара. Я присмотрелась к нему...

Булычов. О ком ты заботишься? Эх вы... черти домашние!

(Идут Мелания, Ксения, в дверях остановилась служка Таисья.)

Булычов. Ну что, Малаша? Помирился, что ли?

Мелания. То-то. Воин! Обижаешь всех... ни за что ни про что...

Булычов. «И остави нам долги наша» – Малаша!

Мелания. Не о долгах речь. Не озоруй! Вон какие дела-то начались. Царя, помазанника божия, свергли с престола. Ведь это – что значит? Обрушил господь на люди своя тьму смятения, обезумели все, сами у себя под ногами яму роют. Чернь бунтуется. Копосовские бабы в лицо мне кричали, мы, дескать, народ! Наши мужья, солдаты – народ! Каково? Подумай, когда это солдаты за народ считались?

Ксения. Это вот всё Яков Лаптев доказывает...

Мелания. Губернатора власти лишили, а на место его нотариус Осмоловский посажен...

Булычов. Тоже толстый.

Мелания. Вчера владыко Никандр говорил: «Живём накануне происшествий сокрушительных; разве, говорит, штатская власть возможна? От времён библейских народами управляла рука, вооружённая мечом и крестом...»

Варвара. В библейские времена кресту не поклонялись...

Мелания. А ты помолчи, умница... евангелие-то в одном переплёте с библией. А крест есть – меч! Туда же! Владыко-то лучше тебя знает, когда чему поклонялись. Вы, честлюбцы, радуетесь падению престола. Не обернулась бы радость в горькие вам слёзы. Егорушко, мне с тобой надо бы глаз на глаз поговорить...

Булычов. Эдак – опять поругаемся мы с тобой? Однако – можно и поговорить, ну – после! Сейчас лекариха придёт. Выздороветь хочется мне, Малаша!

Мелания. Зобунова – лекариха знаменитая. Докторам – далеко до неё! А потом ты бы с блаженным Прокопием поговорил...

Булычов. Это – которого мальчишки Пропотеем зовут? Жулик он, говорят?

Мелания. Ну, что ты, что ты! Как это можно! Ты прими-ко его...

Булычов. Можно и Пропотей. Мне сегодня что-то лучше... Только вот ноги... Веселее будто. Всё что-то смешно... смешным кажется! Зови знахарку, Аксинья.

(Ксения ушла.)

Мелания. Эх, Егорий... много ещё в тебе... осталось!

Булычов. Вот то-то и есть, что много...

Ксения[входя]. Она говорит, чтобы все ушли...

Мелания. Ну, надо уйти...

(Все ушли. Булычов, усмехаясь, гладит бок, грудь. Входит Зобунова. Незаметно, однако так, чтобы было замечено, она, кривя рот, дует в правую сторону от себя, правая рука прижата к сердцу, а ладонью левой, как рыбьим плавником, отмахивается. Остановилась, провела правой рукой по лицу.)

Булычов. Это ты – чертям молишься?

Зобунова (певуче). Ой вы, злые недуги, телесные печали! Отвяжитесь, откачнитесь, от раба божия удалитесь! В сей день, в сей час, отгоняю вас по всю жизнь крепким моим словом во веки веков! Здравствуйте, благомилостивый человек, по имени Егорий!..

Булычов. Здравствуй, тётка! Это ты чертей отгоняла?

Зобунова. Что ты, роженный, разве с ними можно дело иметь?

Булычов. Надо, так можно! Богу – попы молятся, а ты – не поп, ты должна – чертям.

Зобунова. Ну, что это какие страхи ты говоришь! Про меня только глупые рассказывают, будто я с нечистой силой знаюсь.

Булычов. Ну, тогда у тебя, тётка, толка не будет! Попы богу за меня молились, бог – отказался, не помогает мне!

Зобунова. Это ты шутишь, дорогой человек, это ты потому, что не веришь мне.

Булычов. Я бы поверил, если бы ты от чертей пришла. Ты ведь, конечно, знаешь, слышала; я распутный, с людьми – жестокий, до денег – жадный...

Зобунова. Слыхала, да не верю, что ты пожалеешь дать мне добрую денежку.

Булычов. Я, тётка, великий грешник, и богу дела нет до меня. Отрёкся бог от Егора Булычова. Так что, если ты с чертями не знакома, – иди, выкиньши девкам делать! Это – твоё ремесло, так?

Зобунова. Ой, верная слава про тебя, что ты – напористый, озорной человек!

Булычов. Ну? Чего соврать хочешь? Валяй!

Зобунова. Врать не обучена. Ты скажи-ко мне: что у тебя болит, как болит, где?

Булычов. Живот. Сильно болит. Вот здесь.

Зобунова. Видишь ли... только ты не говори никому, ни-ни!

Булычов. Не скажу. Не бойся.

Зобунова. Есть недуги – жёлтые и есть – чёрные. Жёлтый недуг – его и доктор может вылечить, а – чёрный – ни поп, ни монах не замолят! Чёрный – это уже от нечистой силы, и против него – одно средство...

Булычов. Сразу: пан или пропал? Так?

Зобунова. Средство это – дорогое!

Булычов. Конечно! Понимаю.

Зобунова. Тут действительно с нечистой силой надобно дело иметь.

Булычов. С самим сатаной?

Зобунова. Ну, не прямо с ним, а всё-таки...

Булычов. Можешь?

Зобунова. Только ты – никому ни словечка...

Булычов. Иди к чертям, тётка!

Зобунова. Погоди-ко...

Булычов. Иди прочь, а то ушибу...

Зобунова. Ты послушай-ко...

Глафира (из прихожей). Тебе сказано – уходи!

Зобунова. Что это вы какие...

Булычов. Гони её, гони!

Глафира. Туда же, ведьмой притворяешься!

Зобунова. Ты сама – ведьма! Ишь рожа-то... Эх вы... Ни сна вам, ни покоя!

(Ушли.)

Булычов (оглядывается, вздыхает). Ф-фу...

(Входят Мелания, Ксения.)

Мелания. Не понравилась Зобунова, не угодила?

(Булычов молчит, глядя на неё.)

Ксения. Она – тоже нравная. Захвалена, зазналась.

Булычов. Малаша, – как думаешь: у бога живот болит?

Мелания. А ты – не дури...

Булычов. У Христа, наверное, болел. Христос рыбой питался...

Мелания. Перестань, Егор. Что ты меня дразнишь?

Глафира. Она денег просит за беспокойство.

Булычов. Дай, Аксинья! Ты, Малаша, извини, я – устал, пойду к себе. С дураками – хуже всего устаёшь. Ну-ко, Глаха, помоги...

(Глафира уводит его. Возвратилась Ксения, вопросительно смотрит на сестру.)

Мелания. Притворяется он сумасшедшим. Притворяется...

Ксения. Ой ли? Где уж ему...

Мелания. Это – ничего! Пусть играет. Это против него же обернётся, если духовное-то завещание судом оспаривать надо будет. Таисья будет свидетельницей, Зобунова, отец Павлин, трубач этот, да мало ли? Докажем, что завещатель не в своём уме был...

Ксения. Ох, уж не знаю, как тут быть...

Мелания. Вот я тебя и учу! Эх ты.. Выскочила замуж! Я тебе говорила – выходи за Башкина.

Ксения. Ну... когда это было! А он-то какой был орёл... Ты сама завидовала.

Мелания. Я? Ты что? Очумела?

Ксения. Ну, что уж вспоминать...

Мелания. Господи, помилуй! Завидовала! Я?

Ксения. Как – Прокофья-то? Может – не надо?

Мелания. Почему это – не надо? Призвали, уговорились и – вдруг не надо! Ты – не мешай мне! Иди приготовь его да приведи. Таисья!

(Таисья выходит из прихожей.)

Мелания. Ну, что?

Таисья. Ничего не узнала я.

(Ксения ушла.)

Мелания. Почему?

Таисья. Не говорит она ничего.

Мелания. Как это – не говорит? Ты должна была выпросить.

Таисья. Выспрашивала я, а она – фыркает, будто – кошка. Ругает всех.

Мелания. Как ругает?

Таисья. Жуликами.

Мелания. За что же она?

Таисья. С ума, говорит, хотите свести человека...

Мелания. Это она тебе сказала?

Таисья. Нет, Пропотею, блаженному.

Мелания. А он – что?

Таисья. Он всё прибаутки говорит...

Мелания. Прибаутки?.. Ах ты.. лапоть! Он – блаженный, прорицает, дура! Сядь в прихожей, не уходи никуда... В кухне был ещё кто-нибудь?

Таисья. Мокей...

Мелания. Ну, ступай. (Подходит к дверям комнаты Булычова, стучит.) Егорий, блаженный пришёл.

(Идёт, сопровождаемый Ксенией и Башкиным, Пропотей, в лаптях, в длинной, до щиколоток, холщовой рубахе, со множеством медных крестов и образков на груди. Страховиден: густые, встрёпанные волосы, длинная, узкая, редкая борода, движения резки и судорожны.)

Пропотей. Ух, накурено! Душа задыхается...

Ксения. Тут, батюшка, никто не курит.

(Пропотей гудит, подражая зимнему ветру.)

Мелания. Ты – погоди, дай выйти...

Булычов (его ведёт под руку Глафира). Ишь ты, какой... явился!

Пропотей. Не бойся. Не страшись. (Гудит.) Всё тлён, всё пройдёт! Жил Гриша, лез выше, стукнулся в потолок, – чёрт его и уволок.

Булычов. Это – про Распутина, что ли?

Пропотей. Вот – низвергнут царь, и погибает царство, иде же царствует грех, смерть и смрад! Гудит метелица, гудит распутица. (Гудит. Указывая посохом на Глафиру.) Дьявол во образе женском рядом с тобой – отгони.

Булычов. Я те отгоню! Болтай, да знай меру. Маланья, это ты, что ли, обучила его?

Мелания. Что выдумываешь? Разве безумного можно научить?

Булычов. Похоже, что можно...

(С лестницы бежит Шура, за нею Антонина, Тятин. Постепенно сверху спускаются Звонцовы, Достигаевы. Пропотей молча чертит палкой в воздухе и на полу. Стоит задумчиво, опустив голову.)

Шура (подбегая к отцу). Это что ещё? Что за представление?

Мелания. А ты – молчи!

Пропотей (как бы с трудом). Не спит еретик, а часики – тик да тик!.. кабы – бог... да – кабы мог... да я – не плох, да, да! А – чья беда? Играй, сатана, тебе – воля дана! Стукнула полночь... спел петух ку-ка-ре-ку... тут – конец еретику...

Булычов. Складно тебя научили...

Мелания. Не мешай, Егор, не мешай!..

Пропотей. Что делать будем?.. Что скажем людям?

Антонина (с сожалением). Он – не страшный... Нет!

Пропотей. Убили гниду – поют панихиду. А может, плясать надо? Ну-ко, спляшем и нашим и вашим! (Притоптывает, напевая, сначала – негромко, затем всё более сильно, и – пляшет.) Астарот, Сабатан, Аскафат, Идумей, Неумней. Не умеи, карра тили – бом, бом, бейся в стену лбом, лбом! Эх, юхала, юхала, ты чего нанюхала?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Дыб–дыб, дым, дым! Сатана играет им! Згин–гин–гин, он на свете один, его ведьма
Закатама в свои ляжки закатала! От греха, от блуда не денешься никуда! Вот он,
Егорий, родился на горе...

Шура (кричит). Прогоните его!

Булычов. Вы что... чёрт вас... испугать меня хотите?

Звонцов. Надо прекратить это безобразие...

(Глафира подбегает к Пропотею, он, не переставая кружиться, замахнулся на неё палкой.)

Пропотей. Их, эх, ох, ах! ух–чух, злой дух...

(Тятин вырвал палку из руки Пропотей.)

Мелания. Да ты – что? Да ты – кто?

Шура. Отец, прогони всех... Что ты молчишь?

Булычов (машет руками). Погоди... погоди...

(Пропотей сел на пол, гудит, взвизгивает.)

Мелания. Его – нельзя трогать! Он – в наитии... в восторге!

Достигаев. За такие восторги, мать Меланья, по шее бьют.

Звонцов. Вставай и уходи... живо!

Пропотей. А – куда? (Гудит.)

(Ксения плачет.)

Елизавета. Как это он ловко... в два голоса!

Булычов. Идите... прочь, все! Нагляделись...

Шура (топая на блаженного). Уходи, урод! Стёпа – выгоните его!

Тятин (берёт Пропотей за шиворот). Идём, святой... вставай!

Таисья. Он сегодня не больно страшно... он гораздо страшнее умеет это делать. Кабы ему вина дали...

Мелания. Ты – что болтаешь? (Бьёт её по щеке.)

Звонцов. Как вам не стыдно?

Мелания. Кого? Тебя стыдно?

Варвара. Успокойся, тётя...

Ксения. Господи... Ну, что же это?

(Шура и Глафира укладывают Булычова на диван, Достигаев внимательно рассматривает его. Звонцовы уводят Ксению с Меланией.)

Достигаев (жене). Едем домой, Лиза, домой! Булычов – нехорош! Весьма... И демонстрация идёт... Надобно примкнуть.

Елизавета. Как это он гудел, а? Ничего подобного не воображала...

Булычов (Шуре). Всё это – игуменья придумала...

Шура. Тебе нехорошо?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Булычов. Она... Вроде панихиды... по живому...

Шура. Скажи – нехорошо тебе? Послать за доктором?

Булычов. Не надо. А насчёт царства паяц этот от себя махнул... Кабы – бог да кабы мог, – слышала? Не может!

Шура. Всё это надобно забыть...

Булычов. Забудем! Ты взгляни – как, что они там... Глафиру не обидели бы... Чего на улице поют?

Шура. Ты не вставай!

Булычов. И погибнет царство, где смрад. Ничего не вижу... (Встал, держась за стол, протирает глаза.) Царствие твое... Какое царствие? Звери! Царствие... Отче наш... Нет... плохо! Какой ты мне отец, если на смерть осудил? За что? Все умирают? Зачем? Ну, пускай – все! А я – зачем? (Покачнулся.) Ну? Что, Егор? (Хрипло кричит.) Шура... Глаха – доктора! Эй... кто-нибудь, черти! Егор... Булычов... Егор!..

(Шура, Глафира, Тятин, Таисья, – Булычов почти падает навстречу им. За окнами – густо поют. Глафира, Тятин поддерживают Булычова. Шура – бежит к окну, открывает его, врывается пение.)

Булычов. Чего это? Панихида... опять отпевают! Шура! Кто это?

Шура. Иди сюда, иди... смотри!

Булычов. Эх, Шура...

Занавес

Достигаев и другие
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Достигаев.

Елизавета.

Антонина.

Алексей.

Павлин.

Звонцов.

Варвара.

Ксения.

Донат.

Глафира.

Таисья.

Мелаиия.

Шура.

Пропотей.

Тятин.

Лаптев.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Калмыкова.

Рябинин.

Бородатый солдат.

Кузьмин.

Поп Иосиф.

Зыбин – помещик.

Губин.

Нестрашные – отец и сын Виктор.

Троеруков.

Целованьев.

Лисогонов.

Мокроусов.

Бетлинг.

Жанна.

Чугунова.

Константин,

Софрон – дети её.

Действие первое

Купеческий клуб. Солидно обставленная гостиная, против зрителя портрет Александра Третьего во весь рост и в шапке, – тучная, чёрная фигура на голубоватом фоне, за нею – какие-то колонны, они напоминают ленинградскую Биржу. В глубине сцены – широкие двери в двухсветный зал, видно эстраду, на ней – стол, покрытый красным сукном, за столом, на стене – золотая рама, портрет Николая Второго вынут из рамы, в раме торчат два красных флага. Перерыв заседания, в зале остались и беседуют несколько маленьких групп, они постепенно тают, выходя в гостиную, а из неё – в двери налево, в буфет. Направо – дверь в карточную. В уголке, около неё, сидит на краешке мягкого стула, свёртывая козью ножку, старичок Иосиф, поп, в мужицких сапогах, ряса выцвела, остроносый, лысоватый, в очках. Из зала выходят: Павлин, Порфирий Петрович Нестрашный, бывший городской голова и председатель местного союза Михаила Архангела, он – с палкой, прихрамывает; Кузьма Лисогонов, фабрикант.

Лисогонов. Ты, отец Павлин, погоди рассказывать, я пойду чайку спрошу. (Остановился, смотрит на портрет царя, вздохнул.) Что, ваше величество, сынка-то у тебя – рассчитали? Эхе-хе...

Нестрашный (садясь к столу, угрюмо). Есть у меня догадочка, что Лениным да большевиками кадеты пугают нас. Расчётец у них такой – пугать.

Павлин. Боюсь, что в этом случае – ошибаетесь вы. Ленин – воплощение материализма, злого духа, – земной, грубейшей, дьявольской мудрости...

Нестрашный. А ты, когда во второй Думе эсером был, небесную мудрость воплощал?

Павлин. Ирония ваша едва ли уместна. Во второй Думе, если помните, духовенство было представлено весьма обильно, и в этом сказалась воля народа...

Нестрашный. Н-да... Пошли попы вприсядку...

Павлин. Взглянув же углублённо, мы увидим, что эсерство, отказавшееся от

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
террора, вполне способно к слиянию с кадетизмом, а сей последний является
наименьшим злом и – как видим – заключает в себе дальнейшее тяготение направо.

(Подходят и присаживаются к столу: Целованьев, хозяин городских боен, и Троеруков – мукомол, человек лет 50, очень похожий на Александра Третьего; о своём сходстве с царём Троеруков знает. В дверях зала Василий Достигаев беседует с Мокроусовым; Мокроусов – в штатском, он – заведует хозяйством клуба. Так же как и Достигаев, он мелькает на сцене в продолжение всего акта. Достигаев – старшина клуба – ручки в карманах, прислушивается ко всем разговорам, вступает во все беседы, оставаясь один, задумчиво посвистывает.)

Целованьев. О чём беседа?

Павлин. Вот, Порфирий Петрович говорит, что кадеты нарочно пугают нас Лениным с братией его; пугают, как я понимаю, того ради, чтоб торговое сословие подалось влево, к ним, кадетам, в их власть...

Целованьев. А ты, отец Павлин, разве не кадет?

Павлин. никоим образом и никогда не склонюсь. Я вообще...

Достигаев. Да, вообще-то вот – как?

Павлин. Казалось бы, ежели царствующая персона признана не соответствующей значению своему и делу, – изберите другое лицо. У нас ещё сохранились и благоденствуют потомки Рюрика, удельных князей дети...

(Лисогонов возвратился, официант несёт стакан чаю и – в чайнике – коньяк.)

Достигаев. Потомки, пустые котомки...

Троеруков. Во сне живём...

Лисогонов. в буфете Звонцова ругают – любо слушать!

Целованьев. Н-да... комиссар Временного правительства, вроде губернатора нам...

Троеруков (лениво). А давно ли он в конторе у меня сидел, дожидался смиренно, когда я его позову?

Нестрашный. Что скажешь, Достигаев?

Достигаев. Слушаю.

Нестрашный. Хитришь всё.

Достигаев. Учусь.

Нестрашный. Нельзя понять – куда ты метишь!

Достигаев. А ты, Порфирий Петров, куда?

(Нестрашный молчит. Все смотрят на него, ждут. Не дождались.)

Павлин. Между прочим, гражданин Звонцов в речи своей коснулся – и весьма обидно – церкви. Среди многих обычных и легкомысленных поношений, коими господа интеллигенты привыкли обременять духовенство, указал он и на то, что, дескать, нужно устранить из богослужения древнеславянский язык, дабы сделать глас божий более вразумительным душе пасомых – наивной душе народа нашего.

Нестрашный (угрюмо). Наивная! Тоже, сказал! Положи-ка палец в рот ей, наивной... сукиного сына дочери!

Целованьев. С войны-то бегут и бегут.

Лисогонов. Вся Россия дезертирует...

Павлин (возбуждаясь). Причиною чего служит злокозненная проповедь о свободе

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
мысли, воле народа и прочем...

Нестрашный. А во время второй Думы ты всё-таки с эсерами обнюхивался и сам всё это проповедовал.

Павлин. Утверждение – голословное. Возвращаясь к речи господина комиссара Звонцова, должен сказать: мнение его о языке неспровергается тем фактом, что католическая церковь пользуется в службе богу языком латинским.

(Поп Иосиф, свернув козью ножку, закурил.)

Павлин. Однакож крепость и сила римской церкви от сего не страдает, и даже удары еретиков, подобных Лютеру...

Нестрашный. Брось, отец Павлин! Речами накормлены мы вполне достаточно, даже до тошноты.

Троеруков. Погодите, дайте послушать.

Нестрашный. Сколько ни глотай воздух, сыт не будешь...

Павлин (сердито). Вы, почтеннейший Порфирий Петрович, равно как и всё сословие ваше, волею грозной судьбы ввергаетесь в область политики, опаснейшую для неискушённых в ней. А потому вам необходимо знать, что всё понятное обнаруживает себя как вреднейшая людям глупость, истинная же и святая премудрость скрыта в непонятном и недоступном ухищрениям разума...

Лисогонов. Верно. Ох – верно!

Троеруков. Как во сне живём. Чёрт те что...

Павлин (напористо). Религия есть оружие против соблазнов и козней дьявола...

Нестрашный. Я против религии не спорю.

Павлин. И, как всякое оружие защиты, религия подлежит развитию и совершенствованию. Посему: если мы лишились светского главы – необходимо оную заменить духовной. В Москве поднят вопрос об избрании патриарха...

Нестрашный. Ты скажи, что нам делать, нам?

Лисогонов. Нам, друг дорогой, хоть сатану давай, – был бы порядок, вот как дело-то стоит.

Троеруков (грустно). Что-то, друзья, будто не то делается нами! Всё беседуем. А вот – бабы... им революция не мешает. Они своё дело не бросают... Огурцы – посолили, капусту – заквасили, грибы...

Достигаев. Губин идёт...

Павлин. Встреча с этим... лиходеем нежелательна! (Быстро идёт к двери направо, заметил Иосифа.) Ах, это вы, отец Иосиф, махорку курите? Как же это вы здесь – махорку, а?

Иосиф. Нечего покурить-то, нечего!

Павлин. Воздержитесь! Здесь – не трактир.

Нестрашный (толкая его к двери). Иди, а то скандал будет...

(Павлин, Нестрашный ушли, за ними Лисогонов, неплотно притворив дверь, выглядывает в гостиную. Губин идёт из зала – тяжёлый, толстый человек с оплывшим лицом и наглыми глазами. Его сопровождает Алексей Достигаев.)

Губин. Вот это и есть – она?

Алексей. Да.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Губин. Рыжая, в платье сопливенького цвета?

Алексей. Да, да... Жанна Густавовна.

Губин. Ничего, заметная стервоза! Вот эдакие бабёнки вредных лет...

Алексей. Вы хотели сказать: средних лет?

Губин. Я говорю как хочу. Вредных лет, значит – между тридцатью и сорока. Самые интересные. Понял?

Алексей. Не совсем.

Губин. Отец умнее тебя, хотя... тоже не Бисмарк! Ну, айда шампань лакать, баболуб.

Иосиф. Достопочтенный Алексей Матвеевич...

Губин. Чего?

Иосиф. Богом вас прошу – заплатите за гусей, коих вы перестреляли...

Губин. Ага! Это – ты? Так я же тебе сказал: подавай в суд.

Иосиф. Нет на вас суда, кроме божия...

Губин. Врёшь, есть! Пошёл прочь. И – подавай в суд. Не подашь – приеду другой раз, ещё кого-нибудь застрелю... понял?

Иосиф. Я, Алексей Матвеевич, в газету пожалуюсь на вас.

Губин. Валяй! в газету! Архиерею! Валяй... (Ушёл в буфет.)

(Иосиф вынул кисет, свёртывает папиросу, вспомнил, что нельзя курить махорку, и, спрятав кисет, огорчённо махнул рукой, снова сел в угол.)

Целованьев. А боится Павлин Губина!

Троеруков. Кто его, чёрта, не боится!

(Нестрашный вышел.)

Лисогонов. Подставили ему ножку попы-то.

Целованьев. Положим, это вот Порфирия Петровича тяжёлая лапка вышибла его из городских-то голов.

Нестрашный. При чём тут я? Архиерей это действовал, после того как Губин дьякона во время обедни за волосья оттаскал.

Троеруков. Его в сумасшедший дом...

Нестрашный. Теперь для сумасшедших города строить надобно.

Лисогонов. Чу, шумят в буфете! Пойду, взгляну.

(Все ушли. Остался Троеруков, осаниваясь, поглаживая бороду, смотрит на портрет царя и в зеркало на себя. Налил коньяку, встал, пьёт, крикнул.)

Иосиф. На доброе здоровье.

Троеруков (подумав). Да ведь я не чихнул.

Иосиф. Тогда – простите, ослышался!

Троеруков. Ты откуда?

Иосиф. Из слободы, из Комаровой.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy Troerukov. Ага... А... чего ждёшь тут?

Иосиф. Игуменью, мать Меланию ожидаю, по её приказу. Обещала быть здесь.

Троеруков. Она – здесь. Коньяк – пьёшь?

Иосиф. Где уж нам! Самогонцу бы, да и того не същешь! Ох, разоряется Русь!

Троеруков. На-ка, выпей!

Иосиф. Спаси вас Христос! Будьте здоровы. Ух... Какая... неожиданная жидкость!

Троеруков (удовлетворённо). Ожёгся? То-то. На ещё...

(Из буфета выходят: Бетлинг, за ним Достигаев и Мокроусов; перед ним, забегая то справа, то слева, – Лисогонов.)

Бетлинг (пренебрежительно и ворчливо). Вы – не прыгайте! Вы – спокойно...

Лисогонов. Взволнован честью беседовать с вашим превосходительством...

Бетлинг. Позвольте, я сяду. И вы – сядьте! Ну, что же вам угодно?

Лисогонов. Мудрый совет ваш, ваше...

Бетлинг. Вы – короче, без титула...

Лисогонов. Говорят, что большевик этот – Ленин – выдуман для устрашения нашего...

Бетлинг. Как это – выдуман?

Мокроусов. Разрешите сообщить: Ленин, после ареста его шайки, бежал в Швецию. Он – лицо действительное.

(Из буфета, из зала выходят люди, окружают Бетлинга, смотрят на него. В толпе, у стены – Тятин. Вышла Мелания, села в кресло. К ней подходит поп Иосиф, кланяется, подаёт бумагу, беседует. Мелания уводит его в зал. Через некоторое время попик быстро пробирается в буфет.)

Бетлинг. Ну да! И, конечно, Швеция выдаст его нам. Вот вы, член городской управы, увлекаетесь политикой, а в городе по улицам нельзя на автомобиле ездить. Видите? Напоминаю вам, что для политики у нас есть Временное правительство...

Лисогонов. Простите! Конечно, мы – дикари, и кому надо верить – не знаем.

Бетлинг. Вот вы снова вскочили и... мелькаете, прыгаете...

Лисогонов. Утверждают, что большевики завелись даже в нашем городе.

Бетлинг. Нельзя придавать значения болтовне каких-нибудь базарных торговков.

Лисогонов. Это жена комиссара Звонцова говорит.

Бетлинг. Что? Не верю. Я знаю её, она благоразумная женщина.

Мокроусов. Осмелюсь доложить: большевики в городе есть.

Бетлинг. Есть?

Мокроусов. Так точно.

Бетлинг. Гм... Ну и что же они?

Мокроусов. Проповедуют социализм, так же как и социалисты-революционеры.

Бетлинг. Ну, ну, милейший, у нас всегда что-нибудь проповедуют... Большевики... В Петрограде их арестовали, а что же у нас? Надо арестовать!

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Мокроусов. Спрятались, ваше превосходительство.

Достигаев. Некоторые из нас, граф, сомневаются в силе Временного правительства.

Бетлинг. Почему? Ведь вот оно арестует, ловит! Водворяет порядок...

Нестрашный. Вопрос – кто ловит и для чего? Ловят – адвокаты, профессора, интеллигенты и вообще всякая нищая братия.

Бетлинг (утомлён). Но – почему же так резко? Там есть почтенные люди, например – князь Львов и этот... как его?

Достигаев. Князь–то он Львов, да львы–то у него – как будто ослы.

Бетлинг (наильно улыбаясь). Это остроумно... но зачем же так? Мы должны доверять Временному правительству...

Нестрашный. Иные называют его – беременное; будто бы социалисты изнасиловали его.

Бетлинг (беспомощно). Я так не думаю...

Целованьев (Нестрашному). Ну, и здорово Достигаев срезал графа.

Нестрашный. Н–да... Ловок и на язык и на руку.

Целованьев. А–яй, здорово!

Бетлинг (Достигаеву). А как здоровье компаньона вашего, Булычова?

Достигаев. Он помер с месяц тому назад.

Бетлинг. Ах да, я забыл! Сожалею. Умный человек, своеобразный.

Лисогонов. Не так умён, как дерзок.

Целованьев. К нам, в родовое купечество, он вскочил из приказчиков.

Нестрашный. На дуре женился, а у неё – деньги. Вскочил в наш круг, возгордел счастьем, начал показывать свои качества да и оказался самодуром, вроде Алексея Губина.

Бетлинг. Ах, вот как?

Нестрашный. Вообразил, что лучше его – нет людей и весь свет на нём клином сошёлся...

Бетлинг (с тоской). Почему же не начинают заседание?

(От него постепенно отходят, гостиная пустеет. Он сидит, глядя на портрет царя, отирая рот платком. Оглядываясь на людей, подходит Троеруков, говорит вполголоса.)

Троеруков. Позвольте узнать, ваше превосходительство, верно, что портрет на меня похож?

Бетлинг. Да, есть некоторое...

Троеруков. Ваше превосходительство, вы наш почетный староста, прошу вас: поддержите ходатайство моё...

Бетлинг. Но – позвольте: что же я могу?

Троеруков. Вы – можете! Пустяки, ваше превосходительство! Вы, как патриот, намекните, что если сына убрали, так и отцу неприлично тут висеть. А я бы взял его себе, перекрасил одежду на штатскую, на купеческую...

Бетлинг (возмущён). Извините, но вы... вы – с ума сошли? Вы... фантазёр! (Встал,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
идёт к дверям буфета. Троеруков испуганно скрывается в комнату направо.
Навстречу Бетлингу из буфета: Жанна, Елизавета, Достигаев, Зыбин.)

Жанна (говорит с акцентом). Нужно покупать автомобили. Ах, ты – здесь? Я тебя искала.

Бетлинг. Послушай...

Жанна. Немножко мольчи! Я говорю: нужно делать шик, это удивляет простые люди. Богатство – удивляет, не правда?

Зыбин. И рабочий народ живёт спокойно, довольствуясь удивлением.

Жанна. Вы всегда делаете иронию, это плохое дело! Ты всё сидел здесь, как этот...

Зыбин. Орёл на скале.

Жанна. Нет – куриса! Он ужасно много сидит.

Елизавета. И что же – высиживает?

Жанна (грозит ей пальцем). Н-но!

Бетлинг (раздражённо). Ты обещала придти через две минуты. А меня взяли в плен эти... коммерсанты, один нетрезвый, другой – сошёл с ума, остальные грубияны.

Жанна. Вот, он снова сидит! Лиза – что вы смеётесь?

Бетлинг. Политика, политика! Все точно грибами отравились. Что они могут понимать в политике, эти монстры? Я – устал!

Зыбин. Теперь даже рабочие, солдаты воображают...

Бетлинг. Ах, перестаньте, друг мой!

Елизавета. После заседания будут танцевать?

Мелания (вышла, садится в кресло у дверей в зал). Нашла время для пляски, умница!

Елизавета (весело). Почему же? Старики поговорят, разойдутся, а мы бы...

Варвара (из буфета). Лиза – не видала, где Андрей?

Мокроусов. В маленькой гостиной.

Жанна. Ты – расстроена, Барбиш?

Варвара. Я? Нисколько.

Зыбин. Варвара Егоровна, добрый вечер! Что, вы уже решили отрубить мне голову?

Варвара. Я – нет! Это Нестрашный и его чёрная сотня решает.

Жанна. Я не хочу политики! Я не хочу, чтобы ты, Варья, рубила голову мосье

Зыбин. За что? Он – весёлая голова... Ты – умная голова, а русский народ – добрый! Он не хочет рубить головы своим дворьяне.

(Звонок в зале.)

Бетлинг. Наконец! Идём, Жанна.

Жанна. Я всегда думаю, когда говорю – дворьяне. Я дольго говорила: дворники, дворняги – маленькие собачки. Это очень смешно!

(Идут в зал. Проходя мимо Мелании, Елизавета не поклонилась ей.)

Мелания. Здравствуй, Лизавета!

Елизавета. Ах, извините! (Проскользнула в зал.)

Мелания. Варвара – подожди.

Варвара. Я вам нужна, тётя?

Мелания. Зову, значит – нужна! Чего это муженёк-то твой городил насчёт церкви, болван? Ты что не учишь его? Училась-училась, а учить не умеешь! Политики! Без церкви-то всем вам башки оторвут.

Варвара. Вы не поняли! Андрей говорил о приближении церкви к народу, о том, что богослужение нужно сделать проще, но эффективнее...

Мелания (пристукивая посохом). Страшнее надо, страшнее, угрожнее! Эффекты для театров оставьте.

Варвара. Простите, мне нужно мужа...

Мелания (отмахиваясь). Иди, иди! Другого бы поискала мужа-то, поумнее. Беги! Добегаетесь, смутьяны!

(Встала, хочет идти в зал. Нестрашный и Мокроусов выходят из буфета.)

Мокроусов. Подходящего человека не успел найти, Порфирий Петрович.

(Мелания остановилась, слушает.)

Нестрашный. Будучи у меня, в союзе Михаила Архангела, везде успевал, а теперь – не успеваешь? Странно, брат...

Мокроусов. Народ ненадёжен очень.

Нестрашный. Сам-то надёжен ли?

Мокроусов. Оскорбляете, Порфирий Петрович! Он – осторожный человек, прячется...

Мелания. Как же это, где же он прячется, ежели на митингах каждый день орёт?

Мокроусов. Я разумею – по ночам. И один никогда не ходит.

Нестрашный. Ну, ладно! Ты всё-таки... Ты – патриот, не забывай!

Мелания (Нестрашному). Присядь-ка на минутку. (Сели за стол у двери направо, шепчутся.)

Нестрашный. Следует. Только людишки-то у меня в союзе рассеялись. Теперь – такое время: всякому до себя.

Мелания. Ну, много ли надо?

(Звонцов выглянул из двери и быстро скрылся.)

Нестрашный. Да, конечно, сделаем. Ну, кажись, начинается говорильня. Идёшь?

(Пошли. Из дверей зала – Тятин; Мелания и Нестрашный смотрят вслед ему. Он сел за стол, вынул блокнот, пишет. Выскочил Звонцов, отирая лицо платком, попятился.)

Тятин (встал). Любезный братец...

Звонцов. Некогда мне!

Тятин. Ничего, успеешь совершить подвиги ума и чести.

Звонцов. Это что за тон?

Тятин. Ты пустил слух, будто бы я научил Шуру похитить какие-то деньги у отца и

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
деньги эти спрятаны мною..

Звонцов. Не смей... трогать... меня... трясти! Скандал устроить хочешь?

Тятин. Правду говоря, не плохо бы! Да я тебя и оскандалю..

Звонцов. Не напечатают! Выгонят из газеты.

Тятин (оттолкнув его). Экая ты дрянь!

Звонцов. Я не знаю, кто выдумал эту сплетню, но я её не повторял. Деньги! Чего теперь стоят деньги? Я не скрою, твоя позиция неожиданна для меня. Ты так искусно прятал твои убеждения.

Тятин. Это не относится к делу.

Звонцов. И – вдруг... Странно! Ты – интеллигент... Мы, интеллигенты...

Тятин (усмехаясь). Они – интеллигенты!

Звонцов. Мы являемся законными преемниками власти этих быков...

Тятин. Агитируешь?

Звонцов. Мы, люди, которым самодержавие идиотов было так мучительно...

Тятин. Брось! Я не играю в дураки. И оставь Шуру в покое. Вы там травите её. Смотри, я – смирный человек, но до времени. (Идёт в буфет.)

Звонцов (отирая лицо платком). Негодяй!

(Варвара и Достигаев очень быстро выходят из зала.)

Варвара. А как же тётка Мелания?

Достигаев. Подумай – сама догадаешься, умница. (Быстро прошёл в буфет.)

Звонцов. О чём он?

Варвара. Это тебя не касается. Почему ты не позвал меня на совещание по продовольствию?

Звонцов (сухо). Не нашёл.

Варвара. А – искал?

Звонцов. Поручил Мокроусову, но, очевидно, этот болван...

Варвара (зловеще). Пытаешься действовать самостоятельно? Андрей, твоё выступление было неудачно. Очень. Пойми: большевики – это уже не «ослы слева», и знамя их не «красная тряпка», как сказал о них и о знамени Милюков, нет, это уже знамя анархии...

Звонцов. Ты страшно горячишься. И – говори тише, кругом – люди. И почему нужно говорить сейчас? Начинается заседание.

Варвара. Слушай: мы между двух анархий, красной и чёрной.

Звонцов. Ну да, да! Я понимаю это, знаю...

Варвара. Нет! Ты не понимаешь ни трудности нашей позиции, ни выгод её...

Звонцов. Ах, боже мой! Как ты любишь учить! Но я именно так и говорил о большевиках.

Варвара (страстно). Нет, не так! Надо было резче. Надо бить по черепам каменными словами. Твоё ликование по поводу неудачи большевиков в Петрограде – неуместно и бестактно. Лозунг «Вся власть Советам» – вот чем ты должен действовать на

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy толстую кожу...

Звонцов. Ты ужасно настроена!

Варвара. Красивые речи твои...

Звонцов. Удивляюсь! Чего ты боишься?

Варвара (шипит в лицо ему). Ты – глуп! В тебе нет классового чувства...

Звонцов. Позволь! Чёрт возьми! Что я – наёмник твой? И – при чём здесь классовое чувство? Я – не марксист... Какая дичь!

(Быстро идёт в зал, Варвара изнеможенно садится на стул, бьёт кулаком по столу, Елизавета идёт навстречу Звонцову из зала.)

Елизавета. Дрюдрюшечка, солёненький мой, как люблю тебя!

Звонцов (сердито). Позволь... В чём дело?

Варвара. Ведёшь ты себя, Лиза...

Елизавета. Ай! Ты – здесь? Да, Варя, я плохо веду себя. «Жизнь молодая проходит бесследно», и – очень скучно всё! Но ты – не бойся. Я Андрея не отобью у тебя, я его люблю... патриотически... нет, как это?

Звонцов (хмуро). Платонически. Пусти меня!

Елизавета. Вот именно – протонически! И – комически. Андрюша, после всей этой чепухи – можно танцы, а?

Варвара. Ты с ума сошла!

Елизавета. Милые губернаторы! Вы всё можете! Давайте устроим...

Звонцов (строго). Это невозможно. (Освободился, ушёл.)

Елизавета. Выскользнул... Ну... устроим маленький пляс у Жанны. Варя, приглашаю! Бог мой, какое лицо! Что ты, милая? Что с тобой?

Варвара. Уйди, Елизавета!

Елизавета. Дать воды?

Варвара. У-уйди...

(Елизавета бежит в буфет. Варвара несколько секунд стоит, закрыв глаза. Мелания и Павлин – из зала. Варвара скрывается в дверь направо.)

Мелания. Жарко. Тошно. Надоело всё, обрыдло, ух! Сильную бы руку на всех вас...

Павлин (вздыхнув). «Векую шаташася языцы».

Мелания. Говорил с Прокопием?

Павлин. Беседовал. Натура весьма разнузданная и чрезмерно пристрастен к винопитию...

Мелания (нетерпеливо). Для дела-то годится?

Павлин. Ничем не следует пренебрегать ради просвещения заблудившихся, но...

Мелания. Ты – прямо скажи: стихи-то подходящи?

Павлин. Стихи вполне пригодны, но – для слепцов, а он... зрячий...

Мелания. Ты бы, отец Павлин, позвал бы к себе старика-то Иосифа, почитал бы стихиры-то его да и настроил бы, поучил, как лучше, умнее! Душевная-то муть

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
снизу поднимается, там, внизу, и успокаивать её, а болтовнёй этой здесь,
празднословием – чего добьёмся? Сам видишь: в купечестве нет согласия. Вон как
шумят в буфете-то...

Павлин (прислушиваясь). Губин бушует, кажется. Извините – удаляюсь.

(Открыл дверь в зал, оттуда вырывается патетический крик: «Могучая душа народа...»
Из дверей буфета вываливаются, пошатываясь, Губин, Троеруков, Лисогонов, все
выпивши, но – не очень. Мокроусов, за ним старичок-официант с подносом, на
подносе стаканы, ваза печенья.)

Губин. Чу, орут: душа, души... Душат друг друга речами. И все – врут. Дерьмо! А
поп огорчился коньяком – даже до слёз. Плачет, старый чёрт! Я у него гусей
перестрелял.

Троеруков. Сядем здесь под портретом...

Губин. Не желаю. Тут всякая сволочь ходит.

Лисогонов. Скажите, Лексей Матвеич...

Губин. И не скажу. Больно ты любознателен, поди-ка, всё ещё баб щупаешь, а?

(Троеруков хохочет. Мокроусов открыл дверь направо, официант прошёл туда.)

Лисогонов. Лексей Матвеич – вопрос: помиримся с немцами или ещё воевать будем?

Троеруков (печально). Царя – нет. Как воевать?

Губин. Воевать – не в чем. Сапог нет. Васька Достигаев с Перфишкой Нестрашным
поставили сапоги солдатам на лыковых подошвах.

(Ушли в гостиную направо. Мелания – крестится, глядя в потолок. Из зала выходят
Нестрашный, Целованьев, затем – Достигаев.)

Нестрашный. Наслушался. Хватит с меня. Мать Мелания, ты тоже не стерпела?

Мелания. Я отсюда речи слышу, душно там. Что делается, Порфирий Петрович, а?

Нестрашный. Об этом – не здесь говорить. Ты бы заглянула ко мне. Завтра?

Мелания. Можно. Послал господь на нас саранчу эту...

Нестрашный. Надо скорее Учредительное собрать.

Мелания. На что оно тебе?

Нестрашный. Мужик придёт. Он без хозяина жить не может.

Мелания. Мужик! Мужик тоже бунтовать научен. Тоже орёт, мужик-то.

Нестрашный. А мы ему глотку землёй засыпем. Дать ему немножко землицы, он и...

Достигаев. Допустим, Перфиша, что глотки мы заткнули, живот мужику набили туго,
а – что делать с теми, у кого мозги взболтаны? Вот вопрос.

Нестрашный. Это ты, фабрикант, опять про рабочих поешь?

Достигаев. Вот именно! Я – фабрикант, ты – судовладелец, кое в каких делах мы
компаньоны, а видно всё-таки, что медведи – плохие соседи.

Нестрашный. Перестань... Все знают, что ты прибаутками богат.

Мелания. В шестом-седьмом годах показано вам, как надо с рабочими-то... Забыли?

Нестрашный. Достигаев, кроме себя, ничего не помнит...

Достигаев (с усмешкой). Никак это невозможно – о себе забыть. Даже святые – не
Страница 102

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.ru забывали. Нет-нет да и напомним богу, что место им – в раю.

Мелания. Заболтал, занёлся! Научился кощунству-то у Егора Булычова, еретика...

Достигаев (отходя). Ну, пойду, помолчу, язык поточу.

Нестрашный. Иезуит. Ходит, нюхает, примеряется, кого кому выгодней продать. Эх, много такого... жулья в нашем кругу!

Мелания. Сильную руку, Порфирий, надобно, железную руку! А они – вон как...

(Выходит Губин, за ним Троеруков, Лисогонов.)

Троеруков. Не ходи...

Губин. Идём, я хочу речь сказать. Я им скажу, болванам...

(Увидел Нестрашного, смотрит на него молча. Тот стоит, спрятав руки с палкой за спину, прислонясь спиной к стене. Несколько секунд все молчат, и слышен глухой голос в зале: «Могучие, нетронутые, почвенные силы сословия, которое...»)

Губин (как бы отрезвев). А-а-а... Порфирий? Давно не встречались! Что, брат? Вышиб меня из градских голов, а теперь и тебя вышибли? Да и кто вышиб, а?

Мелания. Лексей Матвеич, время ли старые обиды вспоминать?

Губин. Молчи, тётка! Что, пёс, смотришь на меня? Боишься?

Нестрашный. Я дураков не боюсь, а на разбойников сила найдётся...

Губин. Не боишься? Врёшь!.. Помнишь, как Егор Булычов по морде тебя...

Нестрашный. Поди прочь, пьяница... (Замахнулся палкой.)

Мелания. Одумайтесь...

Губин (орёт). Ну, ладно! Давай мириться, Перфишка! Сукин сын ты... ну, всё равно! Давай руку. (Вырвал палку у Нестрашного.)

(Выскочил Мокроусов. Из двери буфета выглядывают люди, из зала вышел какой-то человек и строго: «Господа, тише!» Троеруков, сидя у стола, самозабвенно любуется портретом. Нестрашный хотел уйти в зал, – Губин схватил его за ворот.)

Губин. Не хочешь мириться? Почему, а? Что я – хуже тебя? Я, Лексей Губин, мужик самой чистой крови-плоти, настоящая Россия...

Нестрашный. Пусти, собака...

Губин. Я тебе башку причешу!

Мокроусов (хватая Губина за руку). Позвольте... Что же вы делаете!

Мелания (людям в дверях буфета). Разнимите их, не видите, что ли?

Губин (оттолкнув Мокроусова). Куда лезешь? На кого руку поднимаешь, а?

(Нестрашный пробует вырваться из руки Губина – безуспешно. На шум из зала, из буфета выходят люди, в их числе – Достигаев с какими-то бумагами в руке. Из зала поспешно проходит Бетлинг под руку с Жанной, она испугана.)

Елизавета (как всегда, весёлая, подбежала к мужу, спрашивает). Неужели дерутся?

(Он машет на неё бумагами. Мокроусов ударил кастетом Губина снизу по локтевому сгибу.)

Губин (охнув, выпустил Нестрашного, орёт). Это – кто меня? Кто, дьяволы? Губина? Бить? (Его хватают за руки, окружают, ведут в буфет, он рычит.) Подожду... Жить не дам...

(Из зала сквозь толпу появляется Ольга Чугунова, древняя старуха, в тёмных очках, её ведут под руки сын Софрон, лет за 50, и другой, Константин, приблизительно такого же возраста. Оба в длинных, ниже колен, сюртуках, в нагольных сапогах. На публику эти мрачные фигуры действуют подавляюще.)

Мелания. Здравствуй, Ольга Николаевна!

Чугунова. А? Кто это? Мелания, кажись? Стойте, дети! Куда пошёл, Софрон?

Софрон. Кресло вам, маменька.

Чугунова. Константин подаст, я тебе не приказывала. Что, мать Мелания, а? Делается-то – что? Гляди-ко ты: нотарусы да адвокаты купечеству смирененько служили, а теперь даже и не в ровни лезут, а командовать хотят нашим-то сословием, а? Воеводами себя объявляют... Что молчишь? Ты у нас бойкая была, ты – умная, хозяйственная... Не чужая нам плоть-кость...

Мелания (хрипло). Что я скажу?

Елизавета (мужу). Какая противная старушка-то...

Мелания (очень громко). Говорила я, говорю...

Достигаев. Её, старушку эту, весь город боится.

Чугунова. Кричи! Криком кричи! В колокола ударить надо. Крестный ход вокруг города надо...

Елизавета. Глупости какие! Идём?

Достигаев (берёт её под руку). Пошли... Ох, лизок! Взглядов нет, взглядов!

Чугунова. Всё кричите... Всем миром надо кричать.

М-елания. А где он – мир? Нет – мира...

Занавес

Действие второе

В доме Булычова. Поздний вечер. Столовая. На столе – самовар. Глафира шьёт рубаху. Таисья перелистывает комплект «Нивы» в переплёте.

Таисья. Это в сам-деле есть такой город Александрия, или только картинка придумана?

Глафира. Город есть.

Таисья. Столица?

Глафира. Не знаю.

Таисья. А у нас – две столицы-то?

Глафира. Две.

Таисья. Богатые мы. (Вздыхнув.) А – какие сволочи!

Глафира (усмехаясь). Сердитая ты девица...

Таисья. Я-то? Я – такая... ух! Я бы всех людей спугала, перепутала сплетнями да выдумками так, чтоб все они изгрызли, истерзали друг друга.

Глафира. Это зачем же надо?

Таисья. Так уж... Надо!.. Картинки-то вот выдумывают хорошие, а живут, как псы

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy_sobachyi.

Глафира. Не все люди – одинаковы, не все на твою игуменью похожи.

Таисья. Для меня – одинаковы.

Глафира. Тебе, Таисья, учиться надо, надо книги читать.

Таисья. Не люблю я читать.

Глафира. Есть книжки очень хорошие, про хозяев, про рабочих.

Таисья. Я – не рабочая, да и хозяйкой не буду, – кто меня замуж возьмёт? А девицы – не хозяйствуют. Читать меня – боем учили. И розгами секли, и по щекам, и за волосы драли. Начиталась. Псалтырь, часослов, жития... Евангелie – интересно, только я в чудеса не верю. И Христос не нравится, нагляделась я на блаженных, надоели! (Пауза.) Ты что скупно говоришь со мной? Боишься, что я твои речи игуменье перенесу?

Глафира. Я не боязлива. Я – мало знаю, оттого и молчу. Ты бы вот с Донатом поговорила.

Таисья. Какой интерес, со стариком-то...

Донат (с топором в руке, с ящиком плотничьих инструментов подмышкой). Ну, починил. А на чердаке – что?

Глафира. Дверь скрипит. Звонцовым спать мешает.

Донат. Фонарь давай. В кухне Пропотей торчит, чего он?

Глафира. Игуменью ждёт.

Донат. Ты бы угостила его чаем, поесть дала бы, голодный, поди-ка...

Глафира. Видеть его дикую рожу не могу.

Донат. Ты не гляди на рожу-то, а поесть – дай. Ты – послушай меня, не зря прошу! Позову его, ладно?

Глафира. Твоё дело.

(Донат ушёл.)

Таисья. Вот, говоришь, Донат – хороший, а он – с обманщиком водится, с жуликом.

Глафира (режет хлеб). Донату от этого плохо не будет.

Тятин (одет солдатом, голова гладко острижена, на плечах старенькая шинель). Шура – дома?

Глафира. У себя. Калмыкова там...

Тятин (берёт кусок хлеба). Картинки смотришь, Тая?

Таисья (смущённо улыбается, но говорит грубо, задорно). Чего только нет в книге этой, а, поди-ка, выдуманно всё для забавы?

Тятин. А вот горы, Альпы, тоже, по-твоему, выдуманы?

Таисья. Ну, уж горы-то, сразу видно – придуманы. Вон – снег показан на них, значит – зима, а внизу – деревья в цвету, да и люди по-летнему одеты. Это – дурачок делал.

Тятин. Дурачка этого зовут- природа, а вы, церковники, дали ему имя – бог. (Глафире.) Яков придёт, так ты, тётя Глаша, пошли его ко мне, на чердак.

Таисья (глядя вслед ему, вздохнув). С виду – тихий, а на словах – озорник. Бога

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorikiy дураком назвал – даже страшно слушать!

Глафира. Нравится он тебе?

Таисья. Ничего. Хороший. С волосами-то красивее был. Хороший и без волос. И говорит обо всём очень понятно. (Вздыхнула.) Только всё не так говорит.

Глафира. Разговаривай с ним почаще, он тебя добру научит.

Таисья. Ну, я не дура, знаю, чему парни девок учат. У нас, в прошлом году, две послушницы научились – забеременели.

Глафира. И тебе, девушка, этого не миновать. Любовь людям в корень дана.

Таисья. Про любовь-то в песнях вон как горько плачут. Побаловал да убежал, это не любовь, а собачья забава.

Глафира. Характерец у тебя есть, ума бы немножко.

Таисья. Ума с меня хватит.

(Донат и Пропотей – в деревенской сермяге, в лаптях, подстригся, неотличим от простого мужика, угрюмо озирается.)

Донат. Садись.

Таисья. Преобразился как! Фокусник.

Пропотей. При девке этой не стану говорить, она игуменье – наушница.

Таисья (озлилась). Я – не девка, жулик! И – не уйду! Выслушаю всё и скажу игуменье, скажу! Она тебе задаст...

Донат. Ты, девушка, будь умницей, – уйди! И ты, Глаха...

Глафира (строго). Идём, Таисья.

Таисья. А я – не хочу. Мне велено за всеми присматривать, всё слушать. Выгоните меня, – я ей скажу: выгнали, значит – секреты были против неё.

Донат (ласково). Милая! Чихать нам на твою игуменью. Ты – сообрази: люди – царя прогнали, не побоялись, а ты их игуменьей стращаешь, дурочка! Иди-ко...

Глафира. Не дури. Ты – что? Для игуменьи живёшь?

Таисья. А – для кого? Ну, скажи? Вот и сама не знаешь.

(Лаптев в дверях.)

Пропотей. Мала змея, а – ядовита.

Донат. А вот и Яша! Ну – попал в свою минуту! Вот, человек этот...

Лаптев. Как будто я его знаю...

Пропотей. Знать меня – не диво. Я, как пёс бездомный, семнадцать лет у людей под ногами верчусь...

Донат. Это – Пропотей...

Лаптев. Блаженный? Та-ак... Ловко, дядя, ты ерунду сочиняешь!..

Пропотей. Это – не я. Это – один попик из пригорода, пьяница. Осипом звать. Гусевод – знаменитый...

Лаптев. Ну, наверно, и сам сочинял?..

Пропотей. Сначала – сам, да не больно грамотен я. С голоса учился... стихам-то. В

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
ночлежках, в монастырях...

Донат. А чем раньше занимался, до блаженства?

Лаптев. До дурачества?

Пропотей. Коновалом был. И отец у меня – коновал. Его во втором году харьковский губернатор засёк... выпороть велел, у отца на пятый день после того – жила в кишках лопнула, кровью истек. Я-то ещё раньше, года за три, во святые приспособился. Вот что... не знаю, как вас назвать?

Донат. Люди.

Лаптев. Граждане.

Пропотей. Вы – беды мне не сделаете?

Донат. Ты – не сомневайся, рассказывай!

Пропотей. Мне бродяга один, дьякон-расстрига, посоветовал: «Люди, говорит, глупы, к ним на боге подъезжать надобно, да непонятнее, пострашней, они за это и кормить и поить легко будут». Ну... Оказалось – верно: глупы люди, да так, что иной раз самому за них стыдно бывало. Да и – жалко. Живёшь сыт, пьян, нос в табаке, копеечки в руке, а вокруг – беда! Когда брюхо полно, так всё – всё равно. (Говорит всё более густо и угрюмо.) Однакож всё-таки... совесть-то скорбит. Я всю Россию из края в край прошагал, и везде беда, эх какая! Льётся беда, как Волги вода, на тысячи вёрст по всей земле. Облик человеческий с людей смывает. А я, значит, блаженствую, стращаю. Столкнёшься с кем поумнее, говоришь: что ж ты, мать твою... извините!

Лаптев. Ничего! Дуй, словеса знакомые.

Пропотей. Привык с мужиками. Говаривал нередко: долго терпеть будете? Жги, дави всё вокруг! Теперь вот начинается что-то. И надоело мне блаженным быть.

Лаптев. Так.

Донат. Страшал, страшал людей, да и сам испугался.

Пропотей. Вроде этого. Хоша бояться мне как будто нечего, я – битый козырь, на мне уж не сыграешь, они – хотят сыграть. Вот я к тебе... к вам пришёл. (Донату.) Меня сейчас очень привлекаете вы доверчивостью вашей к людям. Я на кирпичном заводе два раза беседу вашу слышал. И вас, товарищ, слышал на мельнице Троерукова, на суконной у Достигаева, в городском аду. Замечательно внятно говорите с народом. Ну, и господ слушал...

Лаптев. А они – как? Нравятся?

Пропотей. Что скажешь? Конечно, может, и господам стыдно стало. Однако они свои сапоги на мои лапти не променяют.

Лаптев. Это – едва ли! Ну, а какое у тебя дело нам?

Донат. Дело у него есть. Ну-ка прочитай...

Пропотей (встал, согнулся, достаёт бумагу из-за онучи, развернул, читает нараспев и не глядя на бумажку).

Люди смятённые,
Дьяволы пленные,
На вечные муки осуждённые!
Выслушайте слово,
От чистого сердца,
От божьего разума сошедшее к вам..
Это – вроде как записка будет, а дальше – другой распев. (Откашлялся, понизил голос, гудит.)

На три города господь прогневался:

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Он Содом, Гоморру – огнём пожёг,
А на Питер-град он змею послал,
А и та ли змея лютая,
Она хитрая, кровожадная,
Прозывается революция,
Сатане она – родная дочь,
А и жрёт она в сутки по ста голов,
Ох, и по ста голов человеческих,
Всё народа православного...
Лаптев. Ну – будет!

Пропотей. Тут ещё много.

Лаптев. За эту песенку тебе рабочие голову оторвут.

Пропотей. Об этом я и беспокоюсь... Вы-то как? От вас что мне будет?

Лаптев. Посмотрим. Это зависит от тебя.

Пропотей. Да ведь я – что же?

Лаптев. Дай-ка бумажку-то. (Взял. Донату.) Тятин – был?

Донат. Он здесь.

Ксения (идёт). Ба-атюшки! Кто это, ой! Пропотей! Да... как же это ты посмел? Яков, бойся бога! Донат – что же это?

Лаптев. Не кричите, мамаша. В чём дело?

Ксения. Да что вы таскаете в дом разных... эдаких? Каждый день кто-нибудь торчит!
И – неизвестно кто, и неведомо – зачем? Как в трактир идут! Ведь он, Пропотей,
отца крёстного твоего уморил... забыл ты?

Пропотей (ворчит). Уморил... Я многих купцов стращал – не умирали.

Ксения. И – не ворчи, не смей... Врёшь всё, обманщик, врешь. (Грозит пальцем.)

Пропотей. А кто врать учил? Сестра твоя учила.

Донат. Чего делать, яша?

Лаптев. Иди в кухню... нет, лучше ко Глафире! Я сейчас приду с Тятиным.

(Донат и Пропотей ушли.)

Ксения. Поп всюнощну – бегом служил, видно, в карты играть торопился. Пришла
домой – дома песни рычат. Ох, Яков, строго спросит с тебя господь!

Лаптев. Вот что, мамаша...

Ксения. И не хочу тебя слушать! И не мамаша я тебе. Александру ты с Тятиным
совсем разбойницей сделал.

Лаптев. Тятин – он может разбойников воспитывать! Это – любимое его дело.

Ксения. То-то вот!

Лаптев. Хотя Шура и до Тятина была озорная девица. Вот что, вы – добрая душа...

Ксения. Глупая, оттого и добрая. Умные-то – вон они как, Звонцовы-то...

Лаптев. Обещали вы отдать мне ружья отцовы и одежонку его...

Ксения. Да – возьми! Возьми, куда Варвара не продала. Она всё продаёт, всё...

Лаптев. Вы всё это Глафире сдайте – ладно? Звонцовы-то где?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Ксения. У Бетлингов. Варвара-то в Москве думает жить. Бетлинг с любовницей туда едут, ну и она...

Лаптев. Та-ак! Ну, я – иду...

Ксения. погоди, посиди со мной. Сестрица-то моя – слышал? С архереем поссорилась. Говорят – выгнал он её, ногами топал...

Лаптев. Топал? Ногами? А-яй-яй! Из-за чего же это?

Ксения. Уж – не знаю.

Лаптев. Страшные дела! До свиданья...

Ксения. Да погоди!.. Убежал. (Оглядывается.) Людей- много, а я – одна. Будто – кошка, а не человек.

(Глафира вошла, сердито схватила самовар.)

Ксения. Вот как ты.. всё – с треском, с громом! Не подогревай, не хочу я чаю-то. Поела бы я чего-нибудь.. необыкновенного. Да погоди, куда ты? Рассольника бы с потрохами, с огурчиками солёными. А потрохов – нет! И – ничего нет! (Глафира моет чашки.) Денег много, а пищу всю солдатам скормили. Как будем жить? Умереть бы мне, а умирать не хочется. Ты что молчишь?

Глафира. А что я скажу? Мало я понимаю для того, чтобы вслух говорить.

Ксения. И я – ничего не могу понять. Я и думать-то ни о чём не умею, кроме домашнего. Ты-то врешь, что не понимаешь. Ты – умная, за это тебя и любил покойник Егор.

Глафира. Опять вы про это...

Ксения (вдумчиво). Да-а.. Про это. Вот – была ты любовницей мужа моего, а у меня против тебя – нет сердца.

Глафира (страстно). Разломать, раздробить на мелкие части надо всё, что есть, чтобы ахнули, завыли бы все, кто жизни не знает, и все жулики, мучители, бессовестные подлецы.. гадость земная!

Ксения (испуганно). Ой, да что ты? Что ты озверела? Слова тебе сказать нельзя...

Глафира. Да не на вас я, не на вас! Вы – что? Вы – безобидная. Из вас тоже душу вытравили. Разве вы по-человечески жили?

Ксения. Ну, уж извини! Жила – как все люди...

Глафира. Не о том я говорю! Вот Таисья.. До чего обозлили девчонку! Изувечили.. На всю жизнь...

Ксения. Кто это по-человечески-то живёт? Звонцовы, что ли? Они только об одном думают, как бы тебя из дома выгнать, да как бы Шурке навредить, да к настоящим господам присосаться...

Глафира. Эх.. всё – не то, не о том! (Схватив самовар, ушла.)

Ксения (оглядываясь). Обозлилась как!.. Всё не на своём месте. Как перед праздником – уборка. (Встала, идёт к себе.) Или на другую квартиру переезжать собрались.

(Донат и Рябинин, человек лет за 40, лысоватый, был кудрявым. Говорит не торопясь, с юмором. Всегда или курит, или свёртывает «козью ножку», или же держит в руках какую-нибудь вещь, играя ею.)

Ксения. Господи, – опять, Донат, привёл ты какого-то...

Рябинин. Здравствуйте, хозяйка! Я – водопроводчик.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Ксения. Днём приходил бы...

Донат. Некогда было ему днём-то.

Рябинин. Я только взгляну – в чём дело, а работать завтра буду.

Ксения (уходя). В воскресенье-то? Неверы! Безбожники!

Рябинин. Сердитая! Значит – решили: часов в шесть утра посылай наших солдат, они заберут муку и отвезут половину – себе, половину – на фабрику, прямо в казарму. Бабы сразу увидят, что большевики не только обещают, а и дают. Ясно, леший?

Донат. Понял. Тебя, слышно, прогнали сегодня с митинга-то?

Рябинин. Был такой случай. Силён эсер в нашем городе!

Донат. Изобьют тебя когда-нибудь.

Рябинин. Это – не исключается.

Донат. Помириться-то с ними – нельзя?

Рябинин. никак. Вот вышибем из совета, ну, тогда, может быть, они сами захотят мириться.

Донат. Трудно мне понять ваши дела.

Рябинин. Вижу. Тебе, малютка, следовало бы эсером быть, ошибочно ты с нами.

Донат (сердито). Моя ошибка – не твоё дело.

Рябинин. Не моё? Мм... Ну, ладно. Что же – чайку-то?

Донат. Сейчас.

Рябинин. И – поесть! Аппетит у меня – очень хороший, а поесть – нечего.

(Донат в двери столкнулся с Шурой, она остановилась, улыбаясь смотрит на Рябинина.)

Донат. Это товарищ Пётр...

Шура. Я – знаю. Здравствуйте!

Рябинин. А я – слышал про вас. Вот вы... какая...

Шура. Рыжая?

(Калмыкова – скромно одета, лет 30–35.)

Рябинин (отвернулся от Шуры). Я тебя, Галочка, целый день ищу...

Калмыкова. Слушай-ка, Пётр... (Отводит его в сторону, шепчутся.)

Лаптев (входит, к Донату). Ну, с блаженным я кончил! Тятин статейку напишет о нём.

Донат. Ты расскажи-ко Петру про него.

Лаптев. Всё-таки он – жулик, блаженный-то.

Донат. Привычка.

Лаптев. И, наверно, шпион...

(Глафира вносит самовар.)

Шура (Лаптеву). Яков, послушай.

Лаптев. Подожди... (Отошёл к Рябинину и Калмыковой. Шура нахмурилась, закусила губу.)

Глафира. Игуменя приедет ночевать.

Шура. Да? Это... неудобно! Кто сказал?

Глафира. Таисья. Ты бы поговорила с ней, приласкала.

Шура. Я – не ласковая.

Глафира. Она – злая, навредить может.

Шура. Кому?

Глафира. Всем.

Калмыкова. Ну, до свиданья, Шурок, иду...

Шура (вполголоса). О чём вы шептались?

Калмыкова. Дела такие, – секретные.

Шура (заносчиво). У вас всегда будут тайны от меня?

Калмыкова (строго). Ты снова об этом?

Шура. Я спрашиваю: всегда?

Рябинин (громко Лаптеву). Это вы оба наерундили!

Калмыкова. А я спрашиваю: ты способна серьёзно отнестись к великому и опасному делу, к великим мыслям, ко всему, что пред тобой открывается? Это тебе нужно решить сразу и навсегда. Наступают решительные дни. Подумай. Не способна – отойди.

Шура. Мне обидно, Галина!

(Рябинин прислушивается.)

Калмыкова. Что – обидно?

Шура. Чувствовать себя чужой...

Калмыкова. Переломи своё детское самолюбие, пора!

Шура. Я хочу скорее понять всё и работать, как ты.

Калмыкова. То, что я понимаю, я понимала почти двадцать лет. И – не скажу, что уже всё поняла. Я предупреждала: тебе будет трудно. Ты мало читаешь и вообще... плохо учишься. У меня складывается такое впечатление: ты хочешь идти не с пролетариатом, а впереди него.

Шура. Неправда!

Калмыкова. Боюсь, что правда. Впереди пролетариата – позиция Ленина и подобных ему. Подобных – немного, единицы, и каждый из них прошёл долголетнюю школу тюрем, ссылки, напряжённой учебы...

Шура. Не сердись. Мне кажется, что ты и Яшка смотрите на меня как на временную полезность.

Калмыкова. Ну... Всё – временно! Прощай, я тороплюсь. Подумай о себе, Шурка. Ты – хороший, волевой человек, ты можешь быть очень полезной, но – нужно образумить волю. Иду.

Глафира. Выпили бы чаю...

Калмыкова. Спасибо, Глаша, некогда. Вот – булку возьму. И – сахару.

Шура. Возьми весь.

Калмыкова (усмехаясь). Не великодушничай. (Ушла).

Рябинин. Значит – так: стишки – к чертям собачьим! Сам сообрази: зачем печатать вредную ерунду, если можно её не печатать? И никаких статей об этом блаженном болване – не надо. Так и скажи Тятину. Беги. Ну-с, теперь хлебнём чайку... (Шуре.) угощайте!

Шура. Пожалуйста...

Глафира. Вот – поешьте сначала. Водки выпьете?

Рябинин. Очень выпью! Редчайшая жидкость. И – даже ветчина? И горчица? Вполне Валтасаров пир!

(Шура взволнованно ходит. Рябинин, взглянув на неё, подмигивает Глафире, та неохотно усмехается.)

Глафира. Кушайте. (Пошла за водкой.)

Рябинин. Нацеливаюсь. Вот докурю и начну. (Шуре.) Хороший старикан – Донат! Прозрачный старикан. Продумал, пропустил сквозь себя кучу вреднейшей ерунды и – достиг настоящей правды. Во Христа веровал, в хозяев и царей, во Льва Толстого. «Для бога жил – толка не вышло, говорит, теперь попробую для бедных людей жить». Простой егерь, испытал власть помещика. Воля у него была к правде, и взнуздан он волю отлично! (Шура подошла к столу, села. Глафира принесла водку.) Хорошо он с молодёжью говорит, с рабочими. Самые трудные мысли от него легко входят в людей. (Указывая пальцем на Глафиру, Шуру, на себя.) Ты – сработал, я – купил, ей – продал, кто нажил? Я нажил! Ловко?

Шура. Этому учит Маркс.

Рябинин. Не только этому и не совсем так, но – именно это надобно понять прежде всего.

Глафира (вполголоса). Таисья идёт.

Шура. Ах... чёрт!

Глафира. Вы при ней поосторожнее.

Рябинин. Соображаю.

Таисья. Темно как!

Рябинин. Мы освещаемся мыслями, беседуем.

Таисья. А вы кто будете?

Рябинин. Водопроводчик. Молодая хозяйка чай пить пригласила меня.

Таисья. Александра Егоровна не хозяйка, хозяйка-то – Варвара, старшая сестра её.

Шура. Нижний этаж – мой и матери.

Рябинин. Так. Значит, ошибся я? Ну, что же? Теперь, заметно, молодёжь собирается хозяйничать везде, вот я и ошибся.

Таисья. Это – которая развращённая молодёжь-то, у которой ни бога, ни царя.

Рябинин. Вот что-о? А вы, значит, в бога верите?

Таисья. Конечно. А ты – нет, что ли?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorikiy
Рябинин. Я как-то так... Неудобно как-то верить, бог у нас... сомнительный!
Незаконнорождённый будто...

(Шура усмехается.)

Таисья. Ну, что это ты говоришь!

Рябинин (размышляет). Выдали девушку за старика Иосифа, а родила она как будто от архангела Гавриила...

Таисья. От бога-отца – что ты!

Рябинин. Да ведь он – бесплотен, бог-отец-то! Мы о Христе говорили, о боге, который пил, ел, по земле ходил. В местах, откуда я родом, на незаконнорождённых нехорошо смотрят. А у вас как?

(Шура хохочет, Глафира шьёт, наклонив голову.)

Таисья (ошеломлена, переходит на «вы»). Лысый вы, а... какое еретическое говорите!

Рябинин. Ну, что же особенное сказал я? Думаешь, думаешь... Все твердят: бог, бог, – а друг на друге верхом ездят.

Таисья. Бог... незаконнорождённый! Страшно слушать. В такое лютое время...

Рябинин. По-моему, в такое время надобно бесстрашным быть.

Таисья. Страшные вы все! Даже и старики. Будто не русские. Русские-то смирные.

Глафира. Это – смирные перетряхнули монастырь-то ваш?

Таисья. Там – солдаты были, они – с голода!

Рябинин. А если б голодные рабочие были?

Таисья. У рабочих-то ружей нет.

Рябинин. Значит – за малым дело, за ружьями? Так что, если голодный народ достанет ружья да потревожит сытых, богатых...

Таисья. А – мне что? У меня ничего нет. И не будет.

Тятин (входит). Игуменья приехала.

Шура. Чего же вы испугались?

Тятин. Я сообщаю неприятную новость.

(Таисья быстро уходит.)

Рябинин. Это – знаменитая Меланья?

Глафира. Да.

Рябинин. Может – мне уйти, а?

Шура (горячо). Почему?

Глафира. Таисья скажет игуменье...

Шура. Ну, и что же?

Рябинин. Что – скажет? Я – водопроводчик.

Тятин. Это – для детей. Она, вероятно, видела вас где-нибудь.

Рябинин. Значит – исчезнуть надобно? Эх, чёрт... А Донат сказал, что у вас ночевать можно...

Шура. Можно, можно! Глаша – на чердаке, да?

Глафира. Там – хорошо, только не топлено.

Рябинин (Шуре). Ну, решайте: уходить или оставаться.

Шура. Остаться! Послушайте, вы – замечательный! Я не думала, что вы такой хитрый, весёлый... такой простой... как шар! Я...

Рябинин (Тятину). Расхвалила, точно покойника...

Шура. Страшно рада, что вы такой!

Рябинин. И я рад, что не хуже.

Глафира. Пойдёмте. Я вам кушать туда принесу.

Рябинин. Минуточку. Товарищ Тятин, – листовку вы написали слишком мягко да и вычурно! Ведь это – не для студентов. Надо писать так, чтоб малограмотный понял и безграмотному смог всё точно рассказать. Чуете? И – вот что. Этот ваш – Любимов, что ли? – дрянь! Он – кто? Студент?

Тятин. Коммерческое училище кончил.

Рябинин. Дрянь. На лесопилке какой-то попик, замухрышка, выступал, очень злой, так ваш приятель...

Тятин. Он не приятель мне.

Рябинин. Ну, – всё равно! Он предложил мне пристрелить попа. Спрашиваю: зачем? Для возбуждения храбрости, говорит. Вот, – свинья! Для возбуждения храбрости, идиот! Вы его отшейте, нам таких – не надо! Обязательно – к чёрту! К эсерам... Ну, я готов на чердак... (Уходит с Глафирой.)

Шура. Какой... милый! Вот – настоящий!

Тятин. Готово.

Шура. Что? Что готово?

Тятин. Опьянение восторгом.

Шура. Что это значит?

Тятин. Это значит, что отец ваш был сумасброд.

Шура. Не смейте об отце!

Тятин. И сумасбродство отца передалось вам.

Шура. И что же?

Тятин. Вы избалованная, капризная девица.

Шура. Купеческая дочь. Ну-с?

Тятин. Вы не хотите серьёзно учиться...

Шура. Это мне уже говорили сегодня. Ещё что?

Тятин (махнув рукой). Бесплезно говорить. До свиданья.

Шура. Тятин, – становитесь на колени.

Тятин. Что?

Шура. Станьте на колени.

Тятин. Зачем? Что такое?

Шура. Станьте. Живо! А то – начну посуду бить, заору на весь дом и вообще... наделаю ужасов. Ставай!

Тятин. Конечно, вы можете наскандалить...

Шура. Ставай на колени, Степан Тятин! (Толкает его.)

Тятин (опускаясь). Напрасно вы делаете из меня шута...

Шура. Повторяйте за мной: «Шура, я тебя люблю...»

Тятин (угрюмо). Перестаньте дурить. Уеду я из этого проклятого города!

Шура. Повторяйте: «Я люблю тебя, Шура, дефективная купецкая дочь, взбалмошная девица...»

Тятин (хочет подняться). Да перестаньте же... с ума вы сошли!

Шура (с яростью). «Люблю, но жутьнически боюсь сказать тебе это!» (Толкает его в плечи.) Не смей подниматься! Повторяй: «Я благодарю тебя за то, что ты меня заставила...»

Тятин. Идите вы к чёрту!

Шура. Сейчас начну бить посуду! Считаю до трёх, раз...

(Шум в прихожей, кто-то запнулся.)

Шура (уходя, грозит кулаком). Это не кончено! Это повторится.

Достигаев (в двери). Ты что это, Степаша, ползаешь?

Тятин. Потерял...

Достигаев. Что – потерял?

Тятин. Н-не знаю. Вынул платок, а оно упало. В общем – чепуха...

Достигаев. Похоже. Да, да, – если карман полон – не знаешь, что теряешь. Как живём? Жарок у тебя, температурка?

Тятин. Голова... немножко... В общем – ничего...

Достигаев. Немножко голова-то? Ну, это – пройдёт. Раньше ты по правде да по чести говорил, а теперь всё говоришь в общем. Новеньким присловьем обзавёлся. А – в чём, в общем? Мы все будто в общем живём.

Тятин (угрюмо). Чаю – хотите?

Достигаев. Благодарствую. Самовар-то холодный. Павлин рассказывает, что в Петрограде неладно, – ты ничего не слышал?

Тятин. Нет.

Достигаев. Наверно, слышал, да сказать не хочешь. Мелания – приехала? (Тятин кивает головой.) Имею желание видеть Меланию. А ты, Степаша, к большевикам приспособился, к пр-ролетариям? Ну – как? Удобно с ними?

Тятин. Подите вы к чёрту!

Достигаев. Зачем сердиться, душа моя? Сам – к пролетариату, а меня – к чёрту? (Идёт.) Рыба ищет – где глубже... селёдка – где солонее...

Тятин (стоит, окаменев. Бормочет). Дурак ты, Степан... До слёз дурак... (Сел к столу, налил чаю в стакан, захлопнул «Ниву».)

Таисья (идёт нерешительно, бесшумно, подошла). Можно вас спросить?

Тятин (вздрагнув). Спросите.

Таисья. Лысоватый этот – кто таков?

Тятин. Человек.

Таисья. Я – знаю. Теперь, слышно, многие переодеваются, не в своём виде живут...

Тятин (сердито). Это кому интересно: игуменье или – вам?

Таисья. Мне. Я про него игуменье не сказала.

Тятин. А узнав, кто он, скажете? Вы бы, Таисья, бросили шпионство. Это дело – не похвальное. И – на кой дьявол нужна вам эта... волчиха, игуменья? Она вас по щекам хлещет, а вы служите ей, как собачка... на задних лапках. Она – купчиха, дисконтёрша, ростовщица... вообще – гадина! Неужели вы не видите, не чувствуете, как издеваются над... вами? Уйдите от игуменьи... пошлите её ко всем чертям!

Таисья. А – куда я денусь?

Тятин. Найдёте место, работу...

Таисья. А чего делать?

Тятин. Дела – много. Вам учиться надо. Вот – Глафира, почти вдвое старше вас, а – читает, учится.

Таисья. Учится, а сама говорит: ничего не знаю.

Тятин. Узнают – не сразу. Что вы на меня смотрите... так?

Таисья. Глаза у вас очень грустные.

Тятин. Ну, это... Голова болит...

Глафира (вбежала, тревожно). Степан Николаич, – Пётр, должно быть, уборную искал и наткнулся на игуменью, прямо в приёмную к ней влез, а там Достигаев, – слышите, как кричат?

Тятин. Н-ну... что же делать?

Таисья. Ой... Задаст она мне...

Глафира. Молчи, ты... Сюда идут.

Таисья. Спрячусь... (Убежала.)

(Рябинин, за ним – Мелания, Достигаев.)

Рябинин (спокойно). Вам, тётка...

Мелания (бешено, задыхаясь). Я тебе не тётка.

Рябинин. Вам приказано защищать власть торгашей, ростовщиков, да вы и сама из этой шайки...

Мелания. На мне – чин ангельский, дура-ак. Шайка! Слышал, Василий, а?

Рябинин. А вот мы должны уничтожить бесчеловечную власть.

Достигаев. Это вам – кем же приказано?

Мелания. Кто приказал? Безумец – кто тебе приказал, кто?

Рябинин. История. Классовое, революционное сознание рабочих...

Мелания. Ленин приказал? Слуга дьявола?

Достигаев. Дьявола можно оставить в стороне, вот – немцы как?

Рябинин (Тятину). Заплутался я. Как тут выйти, куда?

Достигаев. Позвольте... Минуточку! Прошу слова, давайте побеседуем тихо. Спокойно, мать Мелания, спокойно. Ругаться – просто, ругаться – легко, с этим – всегда успеем...

Мелания. Не ругаться надо, а...

Рябинин. Драться. Правильно, мамаша. Стенка на стенку. Ну-с?

Достигаев. Я вас, товарищ Рябинин, слушал на митингах и – уважаю!

Рябинин (Тятину). Кажется, вот в таких случаях говорят: благодарю, не ожидал!

Достигаев. Нет, давайте серьёзно. Сознание рабочих? Допустим. Ну, а – мужичок? Как мужичок-то насчёт сознания? Вот вопрос!

Рябинин. Интереснейший вопрос. И – что же вы ответите?

Достигаев. А – вы? Это – к вам вопросец. Вот-с, видите, эсеровская газетка «Серая шинель» – знаете? Вот – в ней карикатурка на Ленина, на Красную гвардию. И о немецких деньгах пишется...

Рябинин. Глупость да подлость ещё не убиты, живут. Подлость на глупости растёт.

Мелания. Ну, чего ты с ним говоришь? Что он может понимать, разбойник? Вломился ко мне. Кабы тебя, Василий, не было...

Рябинин (Тятину). Вон она куда загибает...

Тятин. Идём.

Достигаев. Тихо, Степаша, тихо! Оставим вопрос, товарищ Рябинин, пусть он стоит. А вот ответ – какой? На чём мужичок с помещиком помириться может? На земле? Трудно. Как вы думаете?

Рябинин. Трудновато.

Достигаев. А – рабочий с фабрикантом? Тут как будто иное дело, а? как будто легче, а?

Рябинин. Так, так, так! Интересно придумано.

Достигаев. Я, конечно, шучу.

Рябинин. Понимаю. Любопытно шутите!

Достигаев. Я весёлый, уживчивый. А вы меня хотите бесповоротно уничтожить.

Рябинин. Именно так. Вас и всех, иже с вами.

Достигаев. Ну – и куда же мы?

Рябинин. Ваше дело. Пошли?

Достигаев. Минуту! Однако надо же и нас к месту определить! Правительства содержат для негодных людей...

Мелания. Тюрьмы, арестантские роты...

Достигаев. Больницы, сумасшедшие дома...

Рябинин. Наверное, вот ей, игуменье, да и многим из вас, вроде Нестрашного,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
придётся в тюрьме посидеть.

Достигаев. Весьма прельстительное будущее у нас, мать Мелания!

Мелания. Ах, зверь, ах ты, зверь адский..

Достигаев. Трудно будет вам, товарищ Рябинин, хозяйствовать без помощи опытных людей.

Рябинин. Найдутся. Ваши же, кто поумнее, станут честно работать с нами. Ну, довольно! Побеседовали.

Глафира. Чёрным ходом идите, парадное крыльцо заколочено.

(Рябинин, Тятин ушли с Глафирой. Таисья выглянула из двери, скрылась.)

Мелания. До чего дожили! И арестовать нельзя..

Достигаев. Н-да. Нельзя. (Задумался.)

Мелания. О, господи! За что?

Достигаев (соображает). Которые поумнее, спасутся, значит... Это всё-таки утешение... для дураков!

Мелания. Ходит разбойник у всех на глазах, а схватить его – запрещено. Что же это?

Достигаев. Схватить – нельзя! Свобода.

Мелания. Будь она проклята отныне и до века!

Достигаев (ходит, ручки в карманах). Н-да... Хватать – запрещается. И – бесполезно. В июле хватали, оно – снова вылезло! И даже как будто гуще. Ежели эдаких Рябининых найдётся тысяч пяток, десятков... А их может оказаться и больше... Н-да. Не схватишь. А вот, если ножку им подставить на крутом-то пути... на неведомой дороге?

Мелания. Эх, Василий! Не то вы делаете...

Достигаев. Хуже. Мы ничего не делаем.

Мелания. Солдат поднимать надо.

Достигаев. Не по силам тяжесть.

Мелания. Царю было по силам и бессильному!

Достигаев. Чёрт его, дурака, вогнал в эту войну! Нам с немцами надо в мире жить, учиться у них... Ума у царя не было, да – был хлеб! А у нас – ни ума, ни хлеба. Сожрала война хлебец-то. Иди-иоты!.. Мир надо заключить с немцами, а этот скопец, адвокатишко Керенский, ярится!..

Мелания. С ума ты сошёл! Как это – мир! С немцами-то!

Достигаев. Сначала – мир, а потом... Ага, хозяйка прибыла!

Мелания. Что это у тебя, Варвара, в доме? Притон какой-то! Большевики ходят...

Варвара. Что такое?

Достигаев. А где муж, Варя?

Варвара. На дворе с Алёшей, там кто-то чужой...

Достигаев. Рябинин гуляет...

Варвара. Нет? Ну, это, конечно, штучки Шуры и Тятиня. Конечно, – присутствие
Страница 118

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Тягина в доме – гарантия от разных неожиданностей со стороны его товарищей, но...
Вообще, в доме чёрт знает что делается! Александра страшно компрометирует меня и
Андрея... Я не знаю, что делать с ней... (Глухо звучит выстрел, второй.) Боже мой...
Андрей... (Бежит.)

Мелания (крестясь). Кого это?

Достигаев (держится за спинку стула). Ну, опять, как в феврале... защёлкали!

(Варвара и Алексей Достигаев ведут Звонцова, он – в изнеможении, задыхается. В руке Алексея – револьвер.)

Звонцов. Я был вынужден... на меня бросились.

Варвара. Ранен?

Звонцов. Нет... Стрелял – я... Состояние самообороны... понимаешь?

Мелания. В кого стрелял-то?

Достигаев (сыну). Ты положи пистолет в воду.

Звонцов. Я был вынужден... Это естественно...

Варвара. Дайте воды!

Мелания. Да – кто бросился-то на тебя?

Достигаев (сыну). Я тебе говорю – положи пистолет! Вон – в полоскательную чашку положи!

Звонцов. Оставьте меня, Варя... Подожди!

Мелания. Ничего не понимаю...

Варвара. Это был – Рябинин, да?

Звонцов. Ах, я не знаю... темно.

(Рябинин ведёт Тягина, за ними Таисья, схватив руками свою голову. Глафира принесла воды.)

Рябинин. Вы, гражданин Звонцов, что же это?..

Звонцов (вскочил, в руке – стакан с водой). Я имел право... был вынужден. Вы сами схватили его, когда он бросился на меня.

Тятин. Чепуха, Андрей...

Рябинин. Врёте вы! Никто на вас не бросался. Впереди шёл – я, а Тятин – сзади, сбоку. Сморкались вы из револьвера – в меня...

Алексей. Это – верно, вы – поторопились.

(Достигаев дёргает сына за рукав.)

Тятин. Глаша, дайте что-нибудь перевязать руку.

(Глафира рвёт рубаху, которую шила. Рябинин снимает с него пиджак. Достигаев сердито шепчет сыну, Мелания – Варваре.)

Рябинин. Эх вы... стрелок!

Алексей. Это можно понять: темнота, неожиданность.

Рябинин. Трусость тоже...

Шура (в пальто, в шапочке). Что случилось? Тятин, что это?

Варвара. Ничего опасного!

Достигаев. Пустяки, Шурок! Видишь, он – на ногах.

Рябинин. А вам, пожалуй, веселее было бы, если б он протянул ноги-то, а?

Тятин. В общем – чепуха! Даже не больно...

Глафира. Идёмте отсюда. Ко мне идёмте. Доктора надо. Таисья, беги наискосок, дом девятнадцать, доктор Агапов.

(Таисья отрицательно мотает головой.)

Варвара (Глафире). Прошу... не распорядиться. Как вы смеете!

Глафира. Ну, ну-у! Не ори... барыня!

Шура. Это – мой дом! Идите вон отсюда!

Тятин (через плечо). Не надо волноваться...

Рябинин (уходя). Простить всё надо? Простить... Эх, Тятин-мамин... кисель!

(Глафира увела Тятину, Шура – бежит за доктором, Варвара за ней в прихожую.)

Варвара. Подожди! Нужно уговориться... Что ты скажешь доктору?..

Шура. Иди прочь...

Рябинин (воротился, подошёл к столу, взял револьвер). Штучку эту я возьму себе, вам, граждане, она не годится, не умеете обращаться с ней. (Идёт.)

Достигаев (сыну, вполголоса). Отними!.. дубина!..

(Алексей идёт за Рябининым нерешительно.)

Мелания (Звонцову). Ну, что... раскис? Стыдился бы. Не убил ведь. А если б и убил – господь простил бы. Нет, – Шурка-то какова, дрянь, а? Вон гонит. Кого? Тётку родную, а?

Таисья (вдруг подскочила к ней). Ты... Ты – стерва! И-их, ты... падаль!

Мелания. Таиска... Да что ты?..

Таисья. Ну, бей! Не боюсь! Бей...

(Из прихожей на крик теснятся в столовую Варвара, Алексей, сзади всех – Рябинин.)

Варвара (изумлена). Ах ты, дрянь!..

Мелания (орёт, топая ногами). Диаво-ол! Цыц... Я тебя...

Звонцов. Алёша, да выгони же девчонку!

Таисья. Старая собака! Волчиха! (Нашла слово удовлетворяющее.) Волчиха...

Мелания (в полубморке). Прокляну...

Рябинин. Bravo, девушка! Так её... Bravo, умница!

Таисья. Волчиха-а...

Занавес

Действие третье

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
У Достигаева. Вечер. Большая, уютная комната в задней половине дома, окна её
выходят на двор или в сад. Камин, на нём горит спиртовая лампа, освещая мрачную
репродукцию с Беклина: пузатые морские жители ловят морских девиц. Перед камином
– карточный стол, Алексей, посвистывая, раскладывает пасьянс. По обе стороны
камина двери в тяжёлых драпировках; комната за левой дверью освещена слабо, за
правой – совсем не освещена. Мягкая старинная мебель, на полу – ковёр, в одном
углу – рояль, в другом – полукруглый диван, за ним – фикус, перед ним – круглый
стол, на столе незажжённая лампа. Рядом с диваном – маленькая дверь, оклеена
обоями, теми же, как и стена, эту дверь почти не заметно. Из неё выходит
Антонина с книгой в руке.

Антонина. Какой холодище... До чего всё бездарно! Начали революцию в феврале и всё
ещё не могут кончить. А уже наступает ноябрь... Что?

Алексей. Я ничего не сказал.

Антонина. В штатском ты – жалкий. Похож на полицейского чиновника, выгнанного со
службы за взятки и кутежи... (Зажигает лампу.) Ты не помнишь – сколько времени
французы делали революцию?

Алексей. Не помню.

Антонина. Всё надо делать быстро и красиво или – ничего не надо делать. (Смешала
карты.)

Алексей (не сердясь). Свинья.

Антонина. Знаешь, я, кажется, застрелюсь.

Алексей. Это не ты взяла у меня револьвер?

Антонина. До чего противно пьян явился ты ночью... ф-фа!..

Алексей. Д-да... Выпили. Офицерство жутко пьёт. Знаешь, почему не выходит газета?
Нестрашный перехватил вагон с бумагой и где-то спрятал его. Говорят, что, как
только откроется Учредительное собрание, он устроит погром большевикам, совет
рабочих. У него будто бы есть люди, и это они укокали блаженного Пропотeya.

Антонина (закурив папиросу). Всё это интересно... Шуре...

Достигаев (из комнаты слева). А где Лизавета?

Алексей. Пошла с Виктором наверх смотреть пожар...

Достигаев. Иди, спроси её... позови! Да принеси ко мне в кабинет словарь на букву
«Д». (Оглядывается.) На кой пёс рояль, если на ней никто не играет? Тут бильярд
должен быть, – самая холодная комната! Зря послушал я Лизавету, купил этот
дурацкий барский дом...

Антонина. Ты, папон, напрасно обижаешь Лизу...

Достигаев (собирая карты). Играли?

Антонина. Это Алексей, пасьянс. Лиза Виктору не интересна, Виктор женщинами сыт.

Достигаев. Удивительно, – в кого ты родилась такой бесстыдницей?

Антонина. Лиза понимает, что Виктор охотится за моим приданым, и дразнит его, а
он боится, что она его скомпрометирует в твоих и моих глазах...

Достигаев (тасуя карты). Нет, ей-богу – замечательно! Никаких взглядов у тебя
нет, а людей ты видишь голыми...

Антонина. У меня, папон, есть взгляд:

Прозябает человек,
Заедает чужой век,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

А зачем он прозябает –

Он и сам того не знает...

Достигаев. Всё – стишки, шуточки, опереточки! А отец должен – понимаешь: дол-жен! – сопоставлять, соображать, приспособлять, да! И вот ходишь ты перед отцом твоим с папиросой в зубах, и... ничего дочернего нет в тебе. Ничего нет! Поразительное дело! Тоже и Сашка Булычова... Не ночевала сегодня?

Антонина. Не ночевала.

Достигаев. Жаль – помер Егор, пощипала бы дочка печёнку–то ему? Хотя... чёрт его знает, как бы он взглянул на этот фокус! Вон – оказалось, что у него даже и не печёнка была, а... другое какое-то. Н-да, Шурочка!.. К большевикам приспособилась. Сестра из дома выгнала. Ну, – хорошо, ты – на время – приютила её, а дальше что? Куда она?

Антонина. Вероятно, дальше с большевиками.

Достигаев. До тюрьмы, до ссылки? Кстати, – не знаешь, почему её товарищи как будто притихли, а?

Антонина. Не интересовалась.

Достигаев. Поинтересуйся, спроси её, узнай.

Елизавета (из левой двери). Ой, какую вы тоску зелёную развели!

Виктор Нестрашный (весь новенький, в смокинге, говорит докторально). Разрешите закончить...

Достигаев. Разрешаю, валяй!

Виктор. Я развиваю простую мысль: нигде в мире не читают так охотно, как у нас, можно сказать, что книга водка – главное питание страны...

Достигаев (раскладывая пасьянс). Гм... Хотя врешь, но – продолжай.

Виктор. У нас огромный книжный рынок, но нет издательства, которое широко понимало бы социально-воспитательную роль книги...

Достигаев. Социально? По-оехали с горы!

Виктор. Которое догадалось бы монополизировать издательское дело и взяло бы на себя, – конечно, при финансовой помощи и указаниях правительства, – обязанность бороться против социалистической и вообще против антигосударственной литературы, всех этих Марксов и так далее. Очень странно, что перед войной, когда наша промышленность оживилась...

Достигаев. Так, так, так...

Виктор. Вы – иронизируете?

Достигаев. Я? Не туда сунул валета и – наказан за это. (Мешает карты.)

(Алексей – возвратился, шепчется с мачехой, она отрицательно качает головой.)

Виктор (несколько обижен). Я совершенно убеждён, что право идеологического питания страны должно принадлежать тому слою общества, в руках которого сосредоточена промышленность и торговля...

Достигаев. Право сажать на диету, значит? Например: ешь одну телятину? Читай только жития святых? Эх, Виктор, Виктор, – твоими бы устами да бордо пить, тёпленькое, сант-эстеп, ласковое такое винцо!

Елизавета. Принести?

Достигаев. Виктор – по-русски значит победитель? Просто всё у тебя, ясно и – правильно: монополия – полезна, социализм – штука вредная, сухая трава – сено. Однако надобно соображать не только о качестве, но и о количестве... Вот есть

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
такие доктора, ядами лечат, – понимаешь? – ядами! Берут каплю наисильнейшего
яду, распускают её в бочке чистой воды и дают больным воды этой по одной
капле в сутки...

Виктор (неохотно). Это вы.. очень остроумно..

Достигаев. Ну, положим, не очень. И это – не я, а – доктора. А рассуждаешь ты – без учёта большевичков..

Виктор. Учредительное собрание раздавит их..

Достигаев. Ой-ли?

Виктор. Неизбежно уничтожит.

Достигаев. Та-ак! Но – ежели уничтожим всех мух – из чего слонов будем делать?

Елизавета. Ох, Вася, не люблю, когда ты говоришь, как сумасшедший. Вино – сюда или в столовую?

Достигаев. В столовую. (Смотрит на Виктора, Алексея, дочь.) Ну, вы тут идеологически пожуйте чего-нибудь, а в столовой выпьем.. Лизавета, погоди-ка.. (Ушёл вслед за женой.)

Виктор. До чего.. живой человек Василий Ефимович!

Алексей (угрюмо). Поживи с ним, – узнаешь, до чего!

Виктор. Вам нравится моя идея?

Антонина. Идея? Какая?

Виктор. Монопольного книгоиздательства?

Антонина. Разве это – идея? Это – торговля. Вы собираетесь торговать книгами, книгами торгуют так же, как сапогами, утюгами..

Виктор. А вы все мечтаете о высоких целях? Я допускаю, что – с какой-то высшей точки зрения – торговля книгами вульгарное дело. Но высшая точка только потому полезна, что, падая с неё, мечтатели разбиваются насмерть.

Антонина. Эта сентенция мне знакома. Не помню, у кого я прочитала её.

Алексей. Не злись, Антошка!

Антонина. Я не злюсь. Мне холодно. (Ушла в маленькую дверь.)

Виктор. Дьявольски избалованы купеческие дочери.

Алексей. Не все.

Виктор. Наиболее интересные.

Алексей. То есть – богатые.

Виктор. Ты – проиграл вчера?

Алексей. Да.. чёрт! И платить – царскими. А где я возьму царских? Мачеха – не даёт.

Виктор (закуривая). Офицеры играют в карты подозрительно счастливо.

Алексей. Напился я.. Кто-то снял с меня часы, подарок отца. И револьвер пропал..

Виктор. Как думаешь: Антонина выйдет за меня?

Алексей. Конечно. Куда же ей ещё?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Виктор. Тебе не кажется, что Александра Булычева дурно влияет на неё?

Алексей. Едва ли... Антошка тянет куда-то в другую сторону.

Глафира. Просят в столовую.

Виктор (удивлён). А эта зачем у вас?

Алексей. Её Звонцова тоже выгнала, а у нас прислуга разболталась. Мачеха сманила Глафиру тотчас же после смерти Булычева. Что, тебе твоя новая мадам – дорого стоит?

Виктор. Не дёшево. Но – хороша, не правда ли?

Алексей. Да. Идём?

Виктор. Чрезвычайно искусная любовница.

Алексей. Слушай: зачем отец твой газетную бумагу спрятал?

Виктор. Ты знаешь, что дела моего родителя не интересуют меня. А вот твой эпикуреец «папон» шутит ветхозаветно и утомительно. И эта его манера прятаться в ерундовых словах всем известна, никого не обманывает...

(Ушли. Одновременно: из правой двери – Глафира, из левой – Елизавета, в руке – ваза с яблоками.)

Елизавета. Вы что, Глаша?

Глафира. Может – убрать нужно что-нибудь?

Елизавета. Всё в порядке. Вот, несите в столовую, я сейчас приду. (Идёт к двери в комнату Антонины, дверь заперта, стучит.)

Антонина. Это – ты? Что?

Елизавета. От Виктора запираешься? Вот болван, а? Уверен, что я готова открыть ему объятия, гусь копчёный! Ты что всё прячешься, Антошка? Нагрузились вы с Шурой книжками и живёте... безрадостно, как мыши! Брала бы пример с меня: глупая, а живу легко, и всё прощается мне...

Антонина. Должно быть – не всё, вон как утром отец кричал и топал ногами на тебя.

Елизавета. Но ведь простил же! (Взяв падчерицу за плечи, встряхивает её.) Ой, Антошка, если б ты видела этого полковника Ермакова! Вот мужчина! Он и в штатском – воин! Глазищи! Ручищи! Знаешь, эдакий... настоящий, для зверского романа! Убить может! Когда я его вижу – у меня ноги дрожат... Нет, ты – вялая, холодная, ты не можешь понять... Василий Ефимович, конечно, должен ревновать, он – муж! Должен!

Антонина. Должен. В слове этом есть что-то общее с глаголом – лгать. Долг, долгался...

Елизавета. Ну вот, началась философия! Это ты у отца научилась словами играть. Но ведь он играет... для того, чтобы всех обыгрывать. А тебе бы, Антоня, послать все глаголы к чёрту да и жить просто, без затей! Ах, Тонька, кого я понимаю, так это Екатерину Вторую, царицу, вот умела выбирать собачек ко двору! (Прислушалась.) А отец... ты его не ценишь, не понимаешь...

(Достигаев – за портьерой в тёмной комнате.)

Елизавета (потихе, но с жаром). Он – милый, с ним легко. Первый умник в городе, да! Он... как это? Еропукеец, что ли?

Достигаев. Епи-ку-реец! Эх ты, изверг невежества!.. Что вы тут делаете?

Елизавета. Тебя хвалим.

Достигаев. Это вы и при мне можете, я – не стыдлив. Ты, лиса, иди-ка в столовую, там чёрт попа принёс неведомо зачем. Говорит поп, что в совете рабочих получены какие-то важные вести из Петрограда... будто бы случилось что-то чрезвычайное. Тебе, Антошка, Булычова-то не говорила, что затевают большевики?

Антонина. Вы второй раз спрашиваете меня об этом.

Достигаев. И третий спрошу. Куксишься всё, дуешься, а – на кого? Выходила бы замуж за Виктора-то... за победителя! Парень в меру глуп и крепко богат, – чего ещё надо? Вертела бы им, как Варька Булычова Андрюшкой. Варька-то целится на эту, на французенку... как её? Читал в словаре вчера... забыл! Голову ей отрубили? Ну?

Антонина. Мадам Ролан.

Достигаев. Ну да. Учитесь, а ничего не знаете. А то ещё была... Рекамье, на кушетке лежит. Время требует, чтоб к нему... приспособлялись. Ну... ладно! Пожар со спиртного завода на лесной двор перемахнул, зарево – огромное! Ставни у нас с улицы закрыты, а всё-таки в зале на полу красные полосы лежат... неприятно! И в столовой неуютно. Поди-ка, Антошка, распорядись, чтобы все сюда шли... подальше от улицы! (Антонина ушла.) Ну, что, лиса?

Елизавета (искренно). Я тебе – не лиса, я с тобой – честная.

Достигаев (шлёпая её ладонями по щекам). Ду-ура! Иной раз и честно, да неуместно.

Елизавета. Я тебе, Вася, прямо говорю, и не первый раз: с тебя – хватит, а мне – мало!

Достигаев (сел). Ну... до чего же ты, подлая, бесстыдна!

Елизавета. И не подлая, и не бесстыдная! Я правду говорю – ты умный, ты знаешь – правду!

Достигаев. Да... чёрт тебя возьми вместе с правдой этой! Глупа ты... до святости, изверг естества! Ты – солги, да чтоб приятно было! Обидно мне или нет, что я – стар для тебя? Слышишь, как я с тобой говорю? Видишь, ну?

Елизавета. Вижу. Всё вижу. И – понимаю. А лгать тебе – не стану. Солгу – ты поймёшь, и разрушится наша дружба, а твоя дружба мне дороже, чем твоя любовь...

Достигаев. Эх, Лизка...

Елизавета. Я от тебя никуда не отойду, и никто меня не сманит, никто! Я – знаю, другого такого, как ты, нет!

(Глафира – с подносом, на нём две бутылки, бисквиты в вазе, яблоки.)

Достигаев. Ну... ладно! Молчи. И – вот что: Павлина – ты не дразни, оставь эту глупую твою привычку. Вообще – дразнить никого не надо, не такие дни. Лишнего не болтай. И пора бы тебе иметь взгляды. Оглядываться надо. Время опасное...

Елизавета. Не умею я учиться, Вася! Да я и без науки ничего не боюсь, как та девица, которая поёт:

Трижды замуж выходила,
Не боялась ничего, –
И четвёртый выйду – тоже
Ничего не побоюсь...

Достигаев. Ты – не шути, не время для шуток! Взяла бы словарь, почитала. Вот, примерно, Дарвин, англичанин, он проводит такой взгляд: надо приспособливаться! Всё живёт, потому что приспособилось, а не просто: родилось, выросло и живёт... беззащитным дураком! (Антонина – с тарелками.) Тебя с Антошкой надобно посадить на идеологическое питание... на диету! Почему не идут сюда?

Антонина. Там спор с Павлином.

Достигаев. Э, болваны.. (Идёт. Елизавета – под руку с ним.)

Глафира (из тёмной комнаты). Шура прислала товарища сказать, что она и сегодня не ночует здесь и не беспокоились бы вы. А если хотите видеть её – товарищ проводит вас. Она – в совете. Очень желает видеть вас.

Антонина. Нет, не пойду. Такая слякоть, холод. Придёт же Шура завтра... послезавтра? Ну – когда-нибудь? (Глафира молчит.) Начинается что-то серьёзное, Глаша?

Глафира. Мне неизвестно.

Антонина. Вы тоже уйдёте к ним, да? А мне вот некуда идти. Ни с вами, ни против вас... не способна.

Глафира (грубовато). Может – ошибаетесь вы? Посмотрели бы поближе на людей, которые верят и решают...

Антонина. Мне верить – нечем. У меня нет этого, чем верят. Я говорю, конечно, не для того, чтоб вы пожалели меня.

Глафира. Я понимаю, что жалость мою вы за обиду себе приняли бы. Нет, я не жалею. А трудно мне понять – как это, почему? Жил человек свободно, читал книги какие хотел...

Антонина. И оказался ни к чему не способен, да?

Глафира. Вы... не одна такая, много таких...

Антонина. Это вы – утешаете?

Глафира. Нет, зачем же?

Антонина. А где эта смешная монашенка?

Глафира. Она своё место найдёт...

Антонина. Ну, прощайте, Глаша!

Глафира (удивлена). Я ведь не сегодня ухожу.

Антонина. Скажите Шуре... нет, лучше я напишу ей...

Глафира. Сейчас?

Антонина. После. (Ушла к себе.)

(Глафира, нахмуясь, смотрит вслед ей, делает движение к двери, но отмахнулась и пошла в комнату налево; уступает дорогу Павлину, Алексею, Виктору.)

Павлин (возмущённо). Прискорбно, весьма прискорбно, молодые люди, что вы так легкомысленно, с кондачка относитесь к слухам, столь грозным.

Виктор. Но – объясните: где же Керенский, войска?..

Алексей. Министры?

Павлин. Объяснить я ничего не могу. Но верю в самое невозможное...

Виктор. Ну да, это верование – ваша профессия...

Павлин. О, боже мой, боже! Что приходится слышать! Повторю вам, да подумаете: разумом наделены мы от бога не для упражнений в бесплодном высокоумии, хотя подобает нам и ереси знать, да искуснейшими явимся противу еретиков...

Достигаев (входит с бутылкой в руке). Значит: в Петрограде образовалось новое правительство, рабочее? Ну, что ж? Деда и прадеды наши из рабочих вышли, отцы с

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
рабочими жили – трудились, почему же и мы не сумеем?

Павлин. Ох, Василий Ефимович, как неприятно шутите вы...

Достигаев. Открой вот эту бутылочку, Алёшка, да не взболтай, винцо нежное!
(Обнимает Павлина за талию, ходит с ним.) Ты чего боишься, пастырь душ наших?

Павлин. Помилуйте, – что за вопрос? Власть над Россией захвачена неизвестными
людьми, из коих большинство – инородцы, иноверцы, а вы...

Достигаев. А я не верю в это и ничего не боюсь!

Павлин. Не может быть, чтоб не боялись, противуестественно это...

Достигаев. Подожди, – в чём дело? Жили мы шутя, за счёт дураков, ну вот:
перебили дураков на войне, а которые остались – поумнели и просят к нам в
долю, в компаньоны.

Павлин. Дразните вы меня, Василий Ефимович.

Достигаев. Нет, ты – сообрази... Например – немцы. Чем немец силён? Тем, что по
Дарвину живёт...

Павлин. Ох, полноте! Давным-давно опровергнут Дарвин этот!

Виктор. Совершенно верно.

Достигаев. Опровергнут? Не слышали об этом. Ну, пускай он опровергнут, а
привычка к нему всё-таки осталась, и немцы отлично... приспособляются. Немец
социалиста не боится, он и социалисту кушать дает. И – что же мы видим? У нас в
шестом году кадеты уговаривали народ: не плати царю налогов, не давай солдат!
Народ и ухом не повёл... да! А вот, немецкие рабочие, социалисты, в четырнадцатом
году, глазом не моргнув, дали денег на войну.

Павлин. Позвольте... невразумительно это!

Виктор. Я тоже не понимаю: что общего видите вы...

Достигаев. Ага? Вот видите? Нет общего-то!

Виктор. Но каков же смысл вашего примера?

Павлин. Постойте... что такое?

(Шум, возня где-то в доме.)

Алексей. Это – в кухне. Пришёл кто-то.

Павлин (встревожен). Вот видите... вламываются!..

(Виктор – спокоен.)

Достигаев (сыну). Иди, взгляни, кто там?

Павлин. Я говорю – всего можно ожидать.

Достигаев. Для гостей – не поздно.

Павлин. Кто теперь в гости ходит? О, господи! Вскую оставил нас еси?

Елизавета (вбегает, вполголоса, тревожно). Вася – представь: Порфирий Петрович и
– Губин.

Достигаев (удивлён). Гу-бин?

Елизавета. Да, да!

Павлин. Разрешите удалиться, ибо считаю безумием риск встречи...

Достигаев. Постой, дай сообразить...

Елизавета. Ввалился, как слон.

Павлин. И, конечно, нетрезвый. Нет, уж я...

Достигаев. Ты, Павлин Савельев, посиди, не сожрёт он тебя! Нет, ты останься...

Елизавета (берёт попа под руку). Я буду защищать вас...

(Входят: Губин, Нестрашный, Алексей.)

Губин. А-а, Павлин... Ну, ладно, не бойся... Не до тебя. Здорово, Василий...

Достигаев. Вот не ожидал! Рад... очень рад...

Губин. Ну, где там – рад? Чему – рад?

Нестрашный. Для радости, Василий Ефимович, – поздно! Здравствуй-ко!

Губин. Ты, Перфил, начинай сразу.

Достигаев. В чём дело, а? Что это вы... не щадя себя, так сказать...

Нестрашный. Говори ты, Алексей Матвейч, я – сейчас! (Отводит сына в сторону.)

Достигаев. Ночью... обеспокоились, а?

Губин. Пришли... на поклон хитрости твоей... хитроумию...

Нестрашный (сыну). Лошадь – у ворот. Езжай, скажи, чтоб вагон с бумагой гнали тотчас, знаешь – куда? По документам в вагоне – сода. Наборщики готовы? Действуй. Я дождусь тебя здесь. Один по городу не ездь, возьми кого-нибудь. Иди. Осторожно.

Губин (тяжело, угрюмо). Слухи оказались – верны. И чем хуже слух, тем боле в нём правды... всегда так было... всегда и все на худой конец живём!

Павлин. Глубоко правильно...

Губин. Ты всё-таки молчи, Павлин!

Нестрашный (звонко). Ну, слышал? Правительство – арестовано, солдаты с рабочими разграбили и подожгли Зимний дворец, Керенский – бежал...

Губин. А что нам делать?

Достигаев. Ай-яй-яй! Что же это происходит, граждане, а? Отец Павлин – какво? И... и все бегают! То – один, то – другой. Нашалит и – бежать! Звонцов-то, губернатор наш, в Москву удрал...

Губин. Ты – не юли, не вертись...

Нестрашный. Мы пришли посоветоваться... Ты у нас впереди смелых числишься. К твоим словам люди внимательны.

Павлин. Присоединяюсь к сей оценке! Вас, Василий Ефимович, послушают, за вами пойдут...

Губин. Нет... ты, поп, молчи!

(Елизавета пробует открыть дверь в комнату Антонины. Манит пальцем Алексея. Он отмахнулся, не подошёл.)

Достигаев. Я, конечно... очень благодарен за доверие... Что же предполагаете вы начать? Ты, Порфирий Петров, старый воевода – сколько лет командуешь союзом-то Михаила Архангела?

Нестрашный. Время ли старые года и заслуги считать? Мы тебя спрашиваем: что это за комитет безопасности организовали в Москве? И кто здесь, у нас, комитет этот представляет? Ты, что ли?

Губин. И о какой, чьей безопасности речь идёт?

Нестрашный. С нами ты или с кадетами?

Достигаев. Вопросов-то сколько, отец Павлин!

(Елизавета быстро ушла, захватив с собой Алексея.)

Губин. Не тяни за душу, Василий!

Достигаев. Считаю так, что основной вопрос: с кем я? Ответить – просто: ни с кем, только с самим собой.

Губин. Врёшь!

Достигаев. И о безопасности своей сам забочусь, не полагаясь на комитеты, я – сам себе комитет! Я – не Варвара Звонцова, – партию не представляю..

Павлин. Но, простите, вопрос, насколько я могу понять, касается вообще... верований ваших...

Достигаев (обозлился). Верую в бога, но – предпочитаю коньяк. Это сказал один полковник, – очень хорошо сказал! И что значит – вообще? Сарай, что ли, куда всякую дрянь складывают за ненужностью её? Вообще!.. С кем – вообще? Для чего – вообще? Вы просите у меня совета? По какому делу? Вы что намерены делать?

Губин. Отсиживаться. Обороняться.

Достигаев. Люди есть у вас для этого?

Губин. Вот – Перфил... говори ты, Перфил.

Нестрашный. Офицера есть. Люди – найдутся.

Достигаев. В каком числе? И – кроме количества, – качество надо знать!

Губин. Он – выспрашивает, а сам ничего не говорит.

Достигаев. Заметно, что около вас Мокроусов крепко трётся, а всем известно, что он – жулик.

Губин. Честного дёшево не купишь.

Нестрашный (решительно). Ну, вот что, Василий Ефимов, довольно вертеть хвостом..

Елизавета (вбегает, останавливается и смотрит на всех молча, определяя: как, каким тоном сказать то, что она знает? Она – подавлена, но не очень огорчена и не испугана. Говорит негромко, как бы с трудом). Вася... Василий Ефимыч... Нет... это – невозможно!

Достигаев (сердито). Что? Ну, что такое?

Губин (Нестрашному – ворчит). Подстроено что-то... фокус какой-то... Я те говорил...

Елизавета. Тоня умирает...

Достигаев. Ты – что? Бредишь?

Нестрашный. Разве она хворала?

Павлин. Но – позвольте! Как же это? Полчаса тому назад... она...

Губин. Видал? Даже Павлин... не верит...

Елизавета. Застрелилась.

Достигаев. Антонина? Не... может быть!

Елизавета. Ещё дышит... Алексей... за доктором...

Достигаев. Где? (Бежит в тёмную комнату.)

Елизавета. В угловой... (Идёт за Достигаевым, оглядываясь на всех.)

Нестрашный (Елизавете). Какая же причина? Надо причину объяснить...

Губин. Нет – каково? Я тебя, Перфил, предупреждал – толку не будет!

Павлин. Не могу не сказать: весьма... необычное событие! Вполне здоровая девица...

Нестрашный. Ну, положим, она была взбалмошная, капризная...

Губин. Ах, Васька, Васька... Вот как, Павлин, а? Всё, брат... лопается...

Павлин. Высокоумие, атеистическая мечтательность – причины таких и подобных фактов.

Губин. Ну, что ж будем делать здесь, Перфил?

Нестрашный. Подождём. Надо посмотреть.

Губин. На дочь-то? (Налил вина, пьёт.) Я – не пойду, не хочу. Не люблю я покойников в доме.

Нестрашный. Кто их любит...

Губин. Надо так: помер, и сразу носи его в церковь, пускай там стоит. Верно, Павлин?

Павлин. Допустимо.

Губин (вздыхнув). Фальшивый ты человек всё-таки! Все вы, попы, ябедники богу на нас, грешных.

Нестрашный (думает вслух). Как же это произошло? Жили-жили, строили дома, города, фабрики, церкви... и – оказались чужие всем. И даже – друг другу.

Губин. То-то вот. Жаден был ты на власть, на славу...

Нестрашный (тоскуя). Армию поили-кормили, чиновников, судей, губернаторов... полиции сколько...

Губин. А – попов? Попов развели, будто – крыс. Мы, старообрядцы, беспоповцы... Впрочем... ладно! Не обижайся, Павлин, давай выпьем! {Павлин молча кланяется, чокнулись, пьют.}

Нестрашный. А помнишь, Лексей Матвеев, как мы в шестом году забастовщиков смяли? Как отрезвел народ? Меня сам губернатор слушался. Я тут всех властей взнуздал...

Губин. Да-а... размахнулся ты широко... Большую обнаружил ярость.

Нестрашный. Теперь – понял? А тогда орал на меня в городской думе, человекоубийцей называл.

Губин. Ну... ладно. Было, прошло, да – снова пришло. С каторги-то всех воротили.

Павлин. Справедливость жестокости доказывается библией... Идут...

Достигаев (в одной руке платок, в другой – конверт). Надо милицию, Лиза... Засвидетельствовать надо.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Елизавета. Глаша побежала.

Достигаев. Скончалась дочь моя.. Порфирий Петрович... Да. Освободите меня. Не в силах я беседовать о делах посторонних...

Нестрашный. Посторонних? Та-ак...

Губин. Видал, Перфил? Вася и на покойнице играет... Идём, брат.

Достигаев. Что болтаешь, Губин, дикое чудовище? Что значит – играет? Поставь себя, Порфирий Петров, на моё место, – подумай, что Виктор твой погиб.

Губин. Ну, чего там? Идём!

Елизавета (вбегает). Солдаты!

Нестрашный (угрюмо). Это – наши. Это Виктор за мной прислал.

(Елизавета шепчет о чём-то мужу.)

Достигаев (громко). Однако – позволь! Как же это? Как же ты, Порфирий Петров, призываешь солдат в чужой – в мой дом, какое у тебя право?

Нестрашный. Теперь правами не стесняются.

(Павлин незаметно скрылся в тёмную комнату.)

Достигаев (возвышая голос). Что это значит: ваши солдаты? Чьи – ваши? Для чего?

Губин. Трусишь, Васька? Хо-хо...

Достигаев. Вы явились ко мне с-с-с фантазиями, которые я отказался даже выслушать, чему есть свидетель отец Павлин...

(Нестрашный, стукнув палкой в пол, медленно встаёт, выпрямляется, изумлён; а Губин хотел встать и – развалился, расплылся в кресле, глядя на всех по очереди непонимающими, вытаращенными глазами. В этой позе он остается до поры, пока его уводят, лишь изредка громко всхрипывая, как бы желая сказать что-то и не находя сил. Яков Лаптев стоит в правой двери, с револьвером в руке. Рядом с ним Бородатый солдат, лет 40, с винтовкой, две гранаты у пояса, он в лаптях. Вперед Якова протискивается молодой рабочий, смазчик вагонов или масленщик, чумазый, выпачканный нефтью, маслом, тоже с винтовкой. Несколько секунд молчания. Достигаев, приложив платок к лицу, опёрся плечом на Елизавету.)

Нестрашный (сначала бормочет, потом визжит). Свидетель? А-га-а... Значит, ловушка? Ловушку ты устроил мне, Васька, Иуда, сукин сын, а? Ло-овко...

Достигаев (тоже визжит). Я тебя – звал? Звал я тебя? Ты сам пришёл! Павлин – знает! Где он? Лиза!

(Лаптев говорит что-то Бородатому, тот счастливо ухмыляется, кивает головой.)

Нестрашный. Губин! Верно ты сказал, тут что-то подстроено... Даже не поймёшь – как?

Лаптев. Вы, Порфирий Петров Нестрашный, – арестованы.

Нестрашный. Чего-о? Кем это? Ты кто? Какая власть?

Лаптев. Это вы узнаете там, куда вас отведут.

Елизавета (быстро). Яков Егорович, подумайте, какое несчастье у нас: Антонина застрелилась!

Нестрашный (усмехаясь, Губину). Слышишь? Власть-то Достигаевым знакомая...

Лаптев (удивлённо, не веря). Как это? Случайно?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Елизавета. Нарочно, письмо есть для Шуры Булычовой, не знаете – где она?

Нестрашный. Всё – свои...

Лаптев (Елизавете). Позвольте... Это – потом. Губин Алексей Матвеев тоже подлежит аресту...

Нестрашный. А – Достигаев? Он – тоже купец, хозяин...

Лаптев. Товарищ Кузьмин, позовите конвой, – троих.

Нестрашный. Всё-таки ты кто же? Кем поставлен в командиры?

Лаптев. Ну, вы – не притворяйтесь, вы знаете, кто я. В списке людей, которых вы решили завтра уничтожить, я – на шестом месте. Сын ваш и Мокроусов – арестованы, нам всё известно. Разговоры здесь излишни, завтра поговорите.

Нестрашный (грузно сел). Так... Завтра? Ладно. (Кричит.) Ну – арестовал, ну? А... а ещё что? Каким судом судить будешь?

Бородатый. Ты – не ори! Мы на тебя не орём. Суд у нас будет правильный, не беспокойся. Ты, поди-ка, не помнишь меня? А я тебя с седьмого года помню...

Нестрашный. Конюх... Харя...

Бородатый. Вот те и харя! И – конюх!

Нестрашный. Всё-таки... Лаптев... Я вас знаю... Крестник Булычова. Всё-таки – за что?

(Входят Кузьмин и три солдата.)

Лаптев (пожимая плечами). Будет вам дурить! Вы подготовили вооружённое нападение на совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... Ну, теперь удовлетворены?

Бородатый. Он, видишь, не знал этого! Делать – делал, а – не знал, дитё! Он – как дитё, играет, а чем? Того не понимает.

Достигаев. Так вот с каким делом пришёл ты ко мне, Порфирий Петров? Вот в какое преступление против народа хотел ты втянуть меня?

Губин (встал, бормочет). Ну, вот, Перфил, добился ты своего... Погубил меня... окончательно!

Кузьмин. А ну, дядьки, идёмте! Где одежонка ваша? Шагайте бодро... собачьи дети!

Нестрашный (толкнув Губина). Дурак! Ты – пьян. Ничего нам не сделают. Не посмеют!

Бородатый. Любит орать... Эхе-хе...

Лаптев. Где письмо Антонины?

(Достигаев подал письмо, прикрыл глаза платком.)

Лаптев (покосясь на него, читает). «Прощай, Шура. Ни о чём не жалею. Только с тобой, иногда, мне было тепло и ласково». (Помолчал.) Шурке об этом письме прошу не говорить. Я передам его Шуре, когда найду это удобным. Глафира – у вас?

Елизавета. Когда пришёл Нестрашный, я послала её к вам в совет, к Тятину, она ещё не возвратилась.

(Достигаев изумлённо мигает, глядя на жену.)

Лаптев. А где... Антонина?

Елизавета. Идёмте...

(Ушли. Достигаев стоит у стола, потирая лоб, щёки, точно хочет стереть улыбку с

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
лица. Бородатый солдат щупает драпировку.)

Бородатый. Замечательной крепости материя! Вот из эдакой солдатам шинели не строят!

Достигаев. Теперь будут шить из материи и получше этой.

Бородатый. Шинели не станут шить, мы воевать не желаем.

Достигаев. И не надо.

Бородатый. Мы решили уговорить все народы: долой войну, братья-товарищи!

Достигаев. Вот это – правильно!

Бородатый. Ну, то-то! Вот, даже и вы понимаете, что – правильно! Мы капиталистов передошмим и начнём всемирную, братскую жизнь, как научает нас Ленин, мудрый человек. А Нестрашным – конец! Это – кровожадный человек! Он в седьмом году так зверствовал... Однако, как вы тоже здешний, то сами знаете, какая он стерва...

Достигаев. Да...

Бородатый. А вот вокруг вашей фамилии скандального тогда не слыхать было. Хоша бывает и так, что живёт человек тихо, а вреда от него больше, чем от разбойника...

Достигаев. Винца стаканчик не выпьешь?

Бородатый. Не-ет, нельзя! Я вроде как на часах при вас нахожусь.

Достигаев (тревожно). Разве я арестован?

Бородатый. Это неизвестно мне. Ну, однако я – старый солдат и своё дело знаю. Которая застрелилась, – она кто будет вам?

Достигаев (не сразу). Она?... Дочь...

Бородатый. До-очь?

Достигаев. Да... Вот как... молодёжь-то...

Бородатый. Молодёжь... решительная! В дураках жить не желает. Дескать, отцы-деды пожили дураками, а мы, давайте, попробуем иначе...

(Лаптев молча увёл солдата из комнаты.)

Достигаев. Ушёл. Даже башкой не кивнул...

Елизавета. Очень нужен тебе его поклон. Что-о? Перепугался?

Достигаев (лирически). Ах, Лизок... умница ты моя! Как ты всё это... замечательно! Как своевременно всё... И про Антонину, и...

Павлин (выходит из тёмной комнаты). Да, Елизавета Михайловна, я тоже исполнен восхищения пред умом вашим.

Достигаев. Это... как же ты? Где ты был?

Павлин. А я – удалился. Сказано: «Отыди ото зла и сотворишь благо». Я – не прятался, но сан мой – обязывает... Если б кто заглянул за портьеру, то увидал бы, что я – тут.

Елизавета. Вы, отец Павлин, ночуйте у нас.

Павлин. Благодарствую! Хотел просить вас о ночлеге. Ещё повторю: замечательно вы о покойнице-то...

Елизавета. Не будем говорить о ней...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy Достигаев. Да. Что скажешь? Неспособная была... (Наливает вино в стакан.) Ну, что ж? Значит – власть рабочих, а?

Павлин. О, господи! И горько и смешно...

Елизавета. Ты, Вася, не беспокойся.

Достигаев (соображает). Тятин, Лаптев, Шурка...

Елизавета. И – не мешай мне...

Павлин. Все – молодёжь...

Достигаев (соображая). Рябинин... Вот Рябинин этот... в каком количестве?

Елизавета. Всё пойдёт хорошо! Ведь всё – очень просто! Очень просто, Вася...

Достигаев. Умница моя! Твоё здоровье.

Павлин. На многие лета!

Бородатый (идёт). Выпиваете?

Елизавета (удивлена). Вы – что, товарищ? Зачем?

Бородатый. А мы, некоторые, останемся тут, на случай, если придёт кто в гости к вам... Ну, чтобы и сами вы... ни туда ни сюда! Вон, у вас священник оказался... Надо поглядеть – может, ещё кто есть?..

Елизавета (возмущённо). Никого у нас нет!

Бородатый. А вдруг – окажется?.. Ведь вот он, священник-то, его будто бы не было, а он – тут! Как с небеси спрыгнул. Так что мы тут походим, поглядим... Может, ещё какие чудеса окажутся...

(Павлин медленно, машинально направляется в тёмную комнату.)

Бородатый (весело). Куда, куда, ваше священство? Не-ет, вы уж все посидите тут, а я вас покараулю.

Елизавета. Вы не смеете издеваться!

Бородатый. Чего это? Да я этого и не умею, издеваться-то, и даже не люблю. Это я – шутю, как будучи очень весёлый... Вы... не того, не тревожьтесь, сидите смиреннько! Вот – винца похлебайте... Дело – лёгкое, вам знакомое...

(Начинается обыск.)

Занавес

Васса Железнова. Второй вариант
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Васса Борисовна – лет 42, кажется – моложе.

Сергей Петрович – 60 лет, был капитаном, плавал в Чёрном море, потом служил на речных пароходах.

Прохор Борисович Храпов – 57 лет, брат Вассы.

Наталья – 18 лет,

Людмила – 16 лет – дочери Вассы.

Рашель – сноха, под 30 лет.

Анна Оношенкова – за 30 лет, секретарша и наперсница Вассы.

Мельников – член окружного суда.

Евгений – сын его.

Гурий Кротких – управляющий пароходством.

Лиза,

Поля – горничные.

Пятёркин – лет 27–30, бывший солдат и матрос речного пароходства, на голове у него – чалма густых, жёстких волос, холёные усы.

Первый акт

Большая комната, угол дома; здесь Васса прожила лет десять и проводит большую часть дня. Большой рабочий стол, перед ним лёгкое кресло с жёстким сиденьем, несгораемый шкаф, на стене обширная, ярко раскрашенная карта верхнего и среднего течения Волги – от Рыбинска до Казани; под картой – широкая тахта покрыта ковром, на ней груда подушек; среди комнаты небольшой овальный стол, стулья с высокими спинками; двойные стеклянные двери на террасу в сад, два окна – тоже в сад. Большое кожаное кресло, на подоконниках – герань, в простенке между окнами на полу в кадке – лавровое дерево. Маленькая полка, на ней – серебряный жбан, такие же позолоченные ковшички. Около тахты дверь в спальную, перед столом – дверь в другие комнаты. Утро. Через дверь и окна комната очень весело освещена солнцем конца марта. Вообще комната очень просторная, светлая, весёлая. Входят Васса, Кротких.

Васса. Три с полтиной за тысячу пудов – тридцать пять сотых копейки с пуда, это, конечно, маловато для грузчиков товаро-пассажирских пароходств – им приходится таскать грузы и за двадцать сажен и дальше. Вырабатывают они в среднем целый день в сутки, а едят много и без мяса – не живут. Вот вам бы на это обратить внимание, статейку в газеты заказать, найти человечка, чтобы с грузчиками потолковал. Найдёте такого?

Кротких (весело). Найдём!

Васса. Ну вот! Надобно крупные пароходства прижать, а наше хозяйство – мелкое, и груз – мелкий, у нас свои матросы перебрасывают его с парохода на пристань, грузчиками пользуемся изредка, как вы знаете.

Кротких. Это не совсем так. Матросам два рубля с тысячи – мало!

Васса. А за что больше-то? Вот вы устройте, чтоб «Кавказ-Меркурий» и прочие до пятишницы с тысячи пудов цену подняли, тогда наши пароходики охотнее грузиться будут, ну и мы прибавим матросам. Так-то! Уж извините, – записочку эту вашу я бракую.

Кротких (морщится). Видите ли, Васса Борисовна...

Васса. А вот вы потолковали бы с гончарами, с мелкими мельниками, вообще – с кустарщиной, сделали бы им уступочку, чтобы они нам грузы давали, вот это полезно было бы...

Кротких (не без гордости). Прошлый год кончили хорошо, прибыль солидная!

Васса. Что же это: всё хорошо да хорошо? Надобно ещё лучше, а то скучно жить будет всё только в хорошем. Ну, будьте здоровы! На меня дела плывут.

(Кротких молча кланяется, уходит.)

Васса (прислушивается). Анята!

(Входит Анна.)

Васса. На-ка вот,ними копии живенько! Ворчит Гурий?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Анна. Да, недоволен.

Васса. Что сказал?

Анна. Не разобрала. Что-то о консерватизме.

Васса. Конечно. Социалист, видишь ли! А ему социализм, как Прохору – бог: по привычке молится, а душой – не верит. Ты краснобайству его не верь... О чём вчера беседовали?

Анна. Рассказывал о сотрудничестве немецких социалистов с королём ихним.

Васса. Гляди, как бы он тебе брюхо не натискал социализмом своим.

Анна. Нет, уж я выучена! Он за Натальей Сергеевной ухаживает.

Васса. Знаю. Ну, Натка не глупа.

Анна. Он и за Людочкой...

Васса. Видишь, какой... разносторонний. (Звонок по телефону.) Да, я. Пожалуйста. Жду. Это квартирант – Мельников. (Отпускает её движением руки. Стоит у стола, раздумывая, перебирая бумаги и переставляя вещи, хмурится, глядя вперёд.)

Мельников (из комнаты Анны). Доброе утро, многоуважаемая.

Васса. Спасибо. Притворите дверь. Садитесь. Ну, что?

Мельников. Новости невесёлые. Предварительное следствие закончено, поступило прокурору. Следователь уверяет, что смягчил как только мог.

Васса. За три-то тысячи мог бы и совсем смягчить.

Мельников. Невозможно. Я читал показание этой бабы-сводни, она там пооткровенничала, как на исповеди.

Васса. Значит, суд будет?

Мельников. Неизбежно.

Васса. Наказанье-то какое?

Мельников. Возможно – каторжные работы.

Васса. Как это называется у вас?

Мельников. Что именно?

Васса. Баловство это... с детьми?

Мельников. Раствление...

Васса. И слово какое-то... липкое! Теперь – что будет?

Мельников. Прокурор составит обвинительный акт, вручат акт обвиняемому, арестуют его.

Васса. Всех троих? И сводню?

Мельников. Конечно.

Васса. А прокурор может ещё... смягчить?

Мельников. Прокурор – может. Но наш метит на высокую карьеру и едва ли решится. Хотя есть слух, что со стороны соучастников... деяния – хлопчут.

Васса. Ага! Нуте-ка, давайте похлопочем и мы. Попытайтесь, прошу вас. Предложите прокурору сделку, чтобы не заводил шума. Мне нужно похерить это дело, совсем

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
похерить! У меня – дочери.

Мельников. Васса Борисовна, при всём моём уважении к вам и при всей благодарности за великодушие ваше...

Васса. Вы – короче! О благодарности будем говорить, когда кончим дело это мирно и прилично. Действуйте.

Мельников. Я – совершенно не в состоянии... Не могу.

Васса. Имейте в виду – мне денег не жалко... на этот случай! Удастся – векселя ваши возвращаю вам. Могу добавить ещё тысячи полторы. Будет пять. Довольно?

Мельников. Да, но... всё-таки я...

Васса. А вы – смелее!

Мельников. Лучше, если бы вы сами...

Васса. Ну, это слишком жирно будет для прокурора, чтоб я ему кланялась. Платить – согласна, а кланяться – нет! К тому же я – человек грубый, прямой. У меня – не выйдет. Вы сегодня же, пожалуйста! Потом позвоните и скажите цифру. Желаю успеха. Ну-с?

Мельников. Разрешите откланяться... Спешу в суд.

Васса. Да, да, спешите! (Сидит, закрыв глаза. Выдвинула ящик стола, чего-то ищет. Нашла коробочку, рассматривает содержимое, помешивая его вставкой пера. Шум за дверями. Быстро спрятала коробочку в карман. Входит Людмила.)

Людмила. Здравствуй; мама Вася! Милый мой, удивительный сон видела я, удивительно красивый...

Васса (целуя её). Для тебя, Людок, и явь хороша.

Людмила. Нет, послушай...

Васса. За обедом расскажешь.

Людмила. Там натка смеяться будет, или ещё кто помешает, или я забуду. Сны ужасно легко забываются. Ты здесь послушай.

Васса. Нет, Людок, иди! И пришли мне Лизу живенько.

Людмила. Ах, боже мой! Какая ты сегодня недобрая!

Васса (одна, ворчит). Недобрая... Эх, дурочка... (Лиза пришла.) Брат жалуется, что ты не слушаешь его, замки не смазала.

Лиза. Васса Борисовна, не успеваю я. Одна для всех, на весь дом... Трудно мне! Дайте помощницу, девчоночку какую-нибудь...

Васса. Этого – не жди! Терпеть не могу лишних людей в доме. Тебе помогают барышни. Получаешь – хорошо, старайся. Меньше спи. Брат – дома?

Лиза. Нет.

Васса. Сергея Петровича позови ко мне.

(Стоит среди комнаты, думает, щёлкает пальцами, щупает карман. Железнов – в халате, растрёпанные курчавые волосы, щёки, подбородок давно не бриты, толстые седые усы.)

Васса. Только что встал или спать собираешься?

Железнов. Что тебе надо?

Васса (плотно притворяя дверь в комнату Анны Оношенковой). Не кричи. Не страшен.

(Железнов возвращается к двери.)

Васса (обошла его, притворила и эту дверь). Обвинение твоё утвердил прокурор.

Железнов (схватился за спинку стула). Не верю! Врёшь.

Васса (спокойно). Утвердил.

Железнов. Я ему, подлецу, девять тысяч в карты проиграл. Я намекал ему... Ещё одиннадцать дал бы...

Васса. На днях получишь обвинительный акт, после этого арестуют тебя, в тюрьму запрут.

Железнов. Пожадничала ты, пожадничала! Мало следователю дала. И Мельникову, видно, мало. Сколько дала, скажи?

Васса. За растление детей полагается каторга.

Железнов (сел, мотает головой, говорит глухо). А ты – рада?

Васса. У тебя дочери – невесты. Каково для них будет, когда тебя в каторгу пошлют? Кто, порядочный, замуж их возьмёт? У тебя внук есть, скоро ему пять лет минет. Лучше бы тебе, Сергей, человека убить, чем пакости эти содеять!

Железнов. Тебя убить следовало, вот что! Убить, жестокое сердце твоё вырвать, собакам бросить. Замотала ты меня, запутала. Ты...

Васса. Не ври, Сергей, это тебе не поможет. И – кому врёшь? Самому себе. Не ври, противно слушать. (Подошла к мужу, упёрлась ладонью в лоб его, подняла голову, смотрит в лицо.) Прошу тебя, не доводи дело до суда, не позорь семью. Мало о чём просила я тебя за всю мою жизнь с тобой, за тяжёлую, постыдную жизнь с пьяницей, с распутником. И сейчас прошу не за себя – за детей.

Железнов (в страхе). Что ты хочешь, что тебе надо? Что?

Васса. Ты знаешь.

Железнов. Не быть этому! Нет...

Васса. Хочешь, на колени встану? Я! Перед тобой!

Железнов. Отойти. Пусти! (Пробует встать.)

Васса (нажала руками плечи его, втиснула в кресло). Прими порошок.

Железнов. Уйди...

Васса. Подумай – тебе придётся сидеть в тюрьме, потом – весь город соберётся в суд смотреть на тебя, после того ты будешь долго умирать арестантом, каторжником, в позоре, в тоске – страшно и стыдно умирать будешь! А тут – сразу, без боли, без стыда. Сердце остановится, и – как уснёшь.

Железнов. Прочь... иди! Пускай судят. Всё равно.

Васса. А – дети? А – позор?

Железнов. В монастырь попрошусь. Пускай постригут. В схимники. Под землёй жить буду, а – буду!

Васса. Глупости говоришь. Прими порошок!

Железнов (встаёт). Не... не приму. Ничего от тебя не приму...

Васса. Прими добровольно.

Железнов. А то – что? Отравишь?

Васса. Сергей, вспомни о дочерях! Им жить надо. За пакости отцов дети не платят.

Железнов. А за матерей?

Васса. Бессмысленное сказал. Пойми, Сергей, я на суде молчать не стану. Я расскажу, как ты привозил в мой дом гулящих девок, как распутничал с ними, показывал гулящим-то Наталью с Людой, скажу, как учил их вино пить...

Железнов. Врёшь! Это Прохор, брат твой, учил, Прохор.

Васса. Людмилку напугал, и оттого она вроде слабоумной, учиться не может, ни к чему не способна.

Железнов. А Наталья – вся в тебя, вся!

Васса. Так вот знай: всё скажу суду и людям!

Железнов (встал, рычит). Отойди! Страшно глядеть на тебя. Пусти. (Оттолкнул её, идёт к двери.)

Васса (за ним). Прими порошок, Сергей...

Железнов. Нет! (Вышли. В двери – Лиза, в руках её – поднос, на нём несколько штук разнообразных замков. За нею – Прохор Храпов с большим амбарным замком в руке.)

Прохор (угрюмо). Из-за чего грызлись?

Лиза. Не знаю. Слышала только, что она уговаривала его порошок принять.

Прохор. Какой порошок?

Лиза. Наверное – лекарство.

Прохор. Какое лекарство?

Лиза. Откуда мне знать – какое?

Прохор. Ну, и дура! Сергею никаких лекарств не требуется. Он здоров, как верблюд. Мы с ним до четырёх утра, всю ночь девятку ловили и коньяком питались.

Лиза. Содовый порошок, может быть.

Прохор. Ещё раз – дура! Коньяк соды не требует. Чего торчишь? Поставь замки на стол. Ничего не видишь, не знаешь. За что тебе подарки дарю?

Лиза. Подарили вы мне! Скоро всем виден будет подарок ваш.

Прохор. Лучше – я, чем Пятёркин. Передвинь кожаное кресло, от солнца кожа портится, а ему шестьдесят пять рублей цена.

Лиза. Солнцу?

Прохор. Креслу, подарок мой сестре. Солнце ничего не стоит. Погоди-ка! Ты что это? Шутки шутить? Ты не забывайся однако! Солнцу! Избаловала тебя сестра, как старая девка – кошку. Ступай к чертям! (Разглядывает бумаги на столе, чихает. Поёт на «шестый глас»[9])

Под вечер осенью ненастной
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала...

Наталья (входит). Какой хороший день...

Прохор. Ещё ничего не известно, день только начался. Ты что росомахой такой бегаешь? Не причёсана... растрёпа!

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Наталья. Знаешь – решили судить отца.

Прохор (испуганно). Кто сказал?

Наталья. Евгений Мельников.

Прохор (сел). Ах, чёрт... Не отвертелся, капитан. Вот те и Железновы! Вот те и Храповы, старинна честная фамилия! Дожили! Довёл капитан наше судно. Ой, будет срама! По смерть всем нам срама хватит.

Наталья. Может, оправдают?

Прохор. Не в этом дело! Дело в суде, в позоре. И, наверное, засудят. Теперь такая мода: ежели богат, значит – виноват. Несчастные люди – богатые! Ты пойми – не столько капитана Железнова судить будут, сколько нас, Храповых.

Наталья. Ничего нельзя сделать?

Прохор. В Америку бежать, куда все жулики скрываются.

Наталья. А – подкупить суд?

Прохор. Делали. Сестра не одну тысячу посеяла, чтобы скандал этот погасить. Полиции дано, следователю – дано. Не вышло, значит. Теперь мне городским головой – не быть, тебе с Людмилой женихов своего круга – не найти, даже и с приданым вашим. Запачкал вас папаша – сукин сын, проходимец! Эх, идиётка...

Наталья. Мать?

Прохор. Ну да.

Наталья. Она – не идиотка.

Прохор. А на кой чёрт лезла замуж за капитана этого? Почти на двадцать лет старше её.

Наталья. Вы уговаривали. Он приятель ваш.

Прохор. Я, я? Я – человек... не от мира сего! Да, я – добродушный. Артист в натуре. Я, молодой, мечтал в оперетке комиков играть. А он... по морям плавал! Эка важность! Мало ли дерьма по морям-то плавает!

Наталья. Она его любила?

Прохор. А поди ты к чёрту! Это не любовь, ежели от своего стада девка отбивается. Это – безумство! Ежели дворяне на цыганках, на актрисах женились – это нашему сословию не пример, не указ!

Васса. Кто это тебе не указ?

Прохор. Мы тут с Натальей...

Васса. Вижу, что тут и с Натальей.

Прохор. Как Сергей-то?

Васса. Ничего. На сердце жалуется. Ната, скажи, чтоб чаю дали мне.

Наталья. Сказали бы прямо, что мешаю...

Васса. Да. И – мешаешь. А чай я ещё не пила. Ты чего кричал?

Прохор. Закричишь! Суд-то не удалось отвести.

Васса. С девицами подожди говорить об этом. Сама скажу.

Прохор. Наталья знает. Она и сказала мне.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Васса. А ей – кто?

(Людмила тихонько входит.)

Прохор. Сын Мельникова. Напрасно девицы принимают его.

Людмила. Он интересный, а нам – скучно! Подруги всё хворают, не ходят к нам.

Васса. Ты, Люда, поди-ка помоги Лизе убраться в комнатах.

Людмила. Я хочу с тобой побыть. Что ты меня всё толкаешь куда-нибудь?

Васса. Дела, Людок, хозяйство.

Людмила. Хозяйство, хозяйство! А для дочери и нет время, ни минутки!

Васса. Вот, буду чай пить – придёшь, поговорим, а теперь – иди!

Людмила. Плакать хочется от этого. Я ведь знаю – ты будешь дядю Прохора ругать за то, что он папу распутным зовёт, знаю!

Васса (глядя голову дочери, провожает её к двери). Распутный, это... не обида. Распутный – распутывает. Кто-нибудь напутал, а он распутывает. Вот я – всю жизнь распутываю путаницы разные...

Людмила. Это ты шутишь! Я ведь знаю, что такое распутный! Вот – дядя Прохор.

(Васса хочет закрыть дверь за ней – не удалось.)

Людмила (выскользнув из-под руки матери). Распутный. Лизу беременной сделал. Папу ругает, не любит его.

Прохор. Сочиняешь! А вообще старики на любовь скупы.

Людмила. И ты, мама, не любишь?

Васса. Ну полно, полно!

Людмила. Почему не любишь? Дядя – тоже пьяница, так его – любишь... Пьянство – болезнь. Женя Мельников...

Прохор. Источник премудрости... к чёрту!

Людмила. Вроде... колик, какая-то...

(Лиза вносит маленький самовар, за ней – Наталья с подносом посуды. Васса, обняв дочь, ходит по комнате, как бы прислушиваясь к чему-то. Возбуждена, но скрывает возбуждение. Остановилась, рассматривает замки.)

Васса (брату). Всё ещё балуешься, не надоело?

Прохор. Баловство недорогое. А может быть, и не баловство?

Васса. Ну, а что же?

Прохор. Да – как знать? Никто замки старые не собирает, а я собираю. И выходит, что среди тысяч рыжих один я – брюнет. Н-да. Замок – это вещь! Всё – на замках, всё – заперто. Не научились бы запирать имущество, так его бы и не было. Без узды – коня не освоишь.

Васса. Ишь ты как! Даже не глупо. Наталья, разливай чай.

Прохор (следит за ней). Ты говоришь, зря деньги трачу, а я вот за этот амбарный замок семь целковых дал, так мне за него уже двадцать пять дают. Соберу тысячу замков – продам в музей... тысяч за двадцать.

Васса. Ну ладно, ладно! Дай бог нашему теляти волка поймать. (Людмиле неожиданно и громко.) Отца полюбила я, когда мне ещё не минуло пятнадцати лет. В

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
шестнадцать – обвенчались. Да. А в семнадцать, когда была беременна Фёдором, за чаем в троицын день – девичий праздник – облила мужу сапог сливками. Он заставил меня сливки языком слизать с сапога. Слизала. При чужих людях. А нашу фамилию Храповых – люди не любили.

Людмила. Ой, Вася! Зачем ты рассказала?

(Наталья всё время следит из-за самовара за матерью.)

Васса. Он – весёлый был. Забавник.

Людмила. Шутил?

Васса. Наталья, помнишь, как ты коловоротом дырку в переборке просверлила и забавами отца любовалась?

Наталья. Помню.

Васса. А потом прибежала ко мне, в слезах, и кричала: «Прогони их, прогони!»

Наталья. Помню. Это вы домашний суд устраиваете?

Проход. Ох, язва какая!

Васса. Значит – помнишь, Наталья? Это – хорошо! Без памяти нельзя жить. Родила я девять человек, осталось – трое. Один родился – мёртвый, две девочки – до года не выжили, мальчики – до пяти, а один – семи лет помер. Так-то, дочери! Рассказала я это для того, чтобы вы замуж не торопились.

Людмила. Ты никогда не рассказывала... так.

Васса. Времени не было.

Людмила. Почему все помирили, а мы живы?

Васса. Такое уж ваше... счастье. А помирили оттого, что родились слабые, а слабые родились потому, что отец пил много и бил меня часто. Дядя Проход знает это.

Проход. Н-да, бивал! Это – было. Приходилось мне отнимать её из капитановых рук. Он людей бить на матросах учился, так что бил... основательно!

Людмила. А ты почему не женатый?

Проход. Я – был. В оперетке одной поётся:

Жениться нам весьма легко,
Но трудно жить вдвоём...

Людмила. У тебя все песни на один мотив.

Проход. Так проще, лучше слова помнишь. Я с женой четыре года жил. Больше – не решился. Спокойнее жить одному – сам себе хозяин. Зачем свои лошади, когда лихачи есть?

Наталья. Фёдор будет жить с нами?

Васса. Вылечится – будет, конечно.

Наталья. И – Рашель?

Васса. Ну... а как же? Жена.

Людмила. Какая хорошая она, Рашель!

Наталья. После суда над отцом – будут жить?

Васса (вспыхнув). Много спрашиваешь, Наталья! И любопытство твоё нехорошее.

Людмила. Не сердись, не надо!

Лиза (испуганно). Васса Борисовна... Сергей. Петрович...

Васса (как будто пошатнулась, но спокойно). Что? Зовёт?

Лиза. Они, кажется, померли...

Васса (сердито). С ума сошла! (Быстро ушла. Людмила за ней. Наталья встала на ноги, смотрит на дядю, он – растерянно – на неё.)

Прохор. Даже... ноги трясутся! Иди, Натка, иди! Что там... такое?

Наталья. Если помер, значит, судить некого?

Прохор. Ид-ди, говорю! (Остался один, пьёт холодный чай. Бормочет.) Вот так... чёрт! Ух...

Лиза (вбегает, говорит испуганно, вполголоса). Прохор Борисыч, как же это? Он совсем здоровый был...

Прохор. Что – как же? Был и – нет! И может, это обморок?

Лиза. Совсем здоровый... Прохор Борисыч... давеча, порошок-то...

Прохор (ошеломлённый). Что-о? Это ты... (В ярости схватил её за горло, трясёт.) Если ты, дикая рожа, не забудешь... если ты... ах ты, змея! Что выдумала, а? Как ты смеешь? (Оттолкнул её, оттирает пот с лысины.)

Лиза. Вы же сами приказали всё говорить вам...

Прохор. Что говорить? Что видела, слышала, о том – говори! А – что ты, видела? Ты – выдумала! Вы-ду-ма-ла, а не видела. Пошла вон, идиётка! Я те всыплю... порошок! Слово это забудь...

(Выгнал. Мечется по комнате, подходит к двери, и как будто не может шагнуть дальше. Входят Васса, Людмила, за ними Пятёркин.)

Прохор. Что, Вася, как? Действительно?

Васса. Да. Кончился.

Людмила. Мама, я возьму лавр?

Васса. Да, бери.

(Пятёркин выкатывает кадку с лавром. Людмила взяла с подоконников цветы, уходит, тотчас возвращается.)

Прохор. Удивительно, как это он? Вполне... здоров был. Мы с ним до четырёх утра...

Васса. Коньяк пили.

Прохор. Верно. Мне сейчас вот Лизавета сказала – порошок ты ему...

Васса. На изжогу жаловался. Соды попросил.

Прохор (обрадовался). Сода? Ага!

Людмила. Дядя Прохор, ты ужасный! Папа скончался, а ты улыбаешься... Что это?

Прохор. Ничего, Людок...

Васса (у телефона). Шесть – пятьдесят три. Да. Спасибо. Кто? Вы, Яков Львович? Пожалуйста к нам. Нет, сейчас, немедленно. Да, Сергей Петрович скончался. Нет, был вполне здоров. В одночасье. Никто не видел как... Пожалуйста.

Прохор (тихо, с восхищением). Богатырь ты, Васса, ей-богу!

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Васса (изумлённо). Это что ещё, что ты плетёшь? Опомнись! Дурак...

Занавес

Второй акт

Через несколько месяцев. Та же весёлая комната. Васса – сидит в кожаном кресле. На тахте – Людмила, Наталья, Анна, Евгений Мельников. Отпили чай, самовар и посуда ещё не убраны. Вечер, горит огонь, но в комнате мягкий сумрак. В саду луна, чёрные деревья.

Васса. Ну вот, рассказала я вам старинные свадебные обряды, рассказала, как в старину мужья с жёнами жили...

Анна (тихо). Страшно жили.

Наталья. И глупо очень.

Людмила. А почему люди несчастны, Вася?

Евгений. По глупости и несчастны.

Васса. Почему несчастны – я не знаю, Людка. Вот Онегин с Натальей знают – по глупости. Но говорят – да я и сама видела – умные-то несчастней дураков.

Евгений. Если принять, что богатые умнее бедных...

Васса. Богатые, конечно, умнее, а живут дрянно и скудно. И никогда богатый не веселится так от души, как бедный.

Анна. Это верно.

Наталья. Значит, нужно жить в бедности.

Васса. Вот, вот. Именно – так. Ты попробуй, Натка, испытай. Выходи замуж за Онегина и поживи. Он будет подпоручиком в пехоте, ты – полковой дамой, есть такие. Приданого я тебе не дам, и жить будете вы на сорок целковых в месяц. На эти деньги: одеться, обуться, попить, поесть и гостей принять да покормить. Детей заведёте на эти же деньги, да...

Наталья. Я детей родить не стану. Зачем несчастных увеличивать?

Васса. Это, конечно, умно. Зачем, в самом деле? Так вот, Онегин, впереди-то у тебя сорок целковых и денщик, каждый день будет котлеты жарить из дешёвого мяса с жилами.

Евгений (мрачно). Я, может быть, во флот перейду...

Людмила. Я тоже не пойду замуж, страшно очень! Я лучше путешествовать буду, ботанические сады смотреть, оранжереи, альпийские луга...

Наталья. Всё это переделать надо – браки, всю жизнь, всё!

Васса. Вот и займись, переделай. Гурий Кротких научит, с чего начать.

Наталья. Я без него знаю – с революции!

Васса. Революция вспыхнула да и прогорела – один дым остался.

Анна. Это вы – про Государственную думу?

Васса. Ну хоть про неё. Там головни-то шипят. Сырое дерево горит туго. А Гурий Кротких – научит. Он за двести целковых в месяц меня хозяйствовать учит, а тебя рублей за пятнадцать будет учить революцию делать. Полтина за урок. Пришёл ко мне служить – штаны были мятые, а недавно, в театре, гляжу – на жене его золотишко кое-какое блестит. Так-то, девицы! В матросы, значит, Онегин?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy Евгений. Это не решено. И почему вы зовете меня Онегиным?

Васса. Решай. Тебе пора юнкером быть, а ты всё ещё кадет. А Онегиным я тебя называю...

Наталья. Он не похож на Онегина.

Васса. Разве? А такой же – надутый... Ну, ладно! Конечно, тебе, Ната, лучше знать, на кого он похож.

Наталья. Ни на кого.

Васса. Из людей?

Евгений (обиженно). Я совершенно не понимаю, когда вы шутите, когда говорите серьезно. Странная манера!

Васса. А ты не сердись, не обижайся, ты – понимай. Вот я тебе расскажу: когда у нас в затоне забастовка была и пришли солдаты, так слесарь Везломцев и сказал подпоручику: «Вы, говорит, ваше благородие, сорок целковых получаете, а я зарабатываю семьдесят пять, могу догнать и до ста. Так как вы, говорит, служите богатым, а я богаче вас, так кричать на меня, богатого, вам будто не следует».

Евгений. Не вижу в этом ничего... интересного.

Наталья. Мать любит дразнить людей.

Васса. В этом грешна. Я людям – недруг.

Людмила. Неверно это, Вася!

Васса. Нет, верно. Недруг. Ну, ладно! Поговорили, побаяли – идите-ка, девушки, к себе, а я поработаю... по хозяйству. Ты, Анна, останься. Ну, пошли, пошли! За ужином увидимся. (Анне.) Ну что, верно – вписался отец Евгения в «Союз русского народа»?

Анна. Верно.

Васса. Это он, дурак, из-за сына. Женьку-то хотят выгнать из кадетского корпуса. Боюсь, испортит мне девку хлыщ этот.

Анна. По-моему, Наташа от скуки занимается им.

Васса. Злым – скука не знакома.

Анна. После смерти Сергея Петровича она очень мрачная стала. И, конечно, слухи эти...

Васса. А слухи живут?

Анна. Да.

Васса. А ты слухам – веришь?

Анна. Нет. Меня только самоубийство Лизы смутило. Не могу понять – почему? Такая славная. Жила у вас с детства, все любили её.

Васса. Это Прохорово дело. Он её чем-то запугал.

Анна. Она жила с ним?..

Васса. Заставил. А разве не верят, что Лизавета в бане угорела?

Анна. Не многие верят.

(Поля входит.)

Васса. Чего тебе надо? Ну, чего мнёшься? Говори.

Поля (негромко). Там женщина.

Васса. Какая? В эту пору?

Поля. Трудное имя... Моисеевна.

Васса. Кто-о? (Быстро идёт, остановилась. Анне.) Не говори ничего девицам, я им сюрприз сделаю. Не пускай ко мне никого. (Поле.) Убери самовар, вскипяти маленький. (Ушла.)

Анна. Ну как – привыкаешь?

Поля. Трудно. Я думала, что мне только девицам служить, а у хозяйки своя будет горничная. Прохору Борисовичу – лакея надо, я за ним ухаживать не могу.

Анна. Пристаёт?

Поля. Такой бесстыдник – невозможный! Вот сейчас гуляет в одной нижней рубаше и поёт, поёт всё одно какое-то. Вчера все уже легли спать, а он гремит железом и поёт. Такая тоска от него. Что это он, Анна Васильевна?

Анна. Ненормальный. Алкоголик, то есть пьяница.

Поля. Я очень благодарная вам, дом хороший.

Анна. А люди – плохие, хочешь сказать?

Поля. Я людям не судья, сама – судимая, хошь и оправдали, а всё-таки в тюрьме сидела. К тому же рассказывают, что до меня горничная повесилась в бане.

Анна. Это – ложь. Она угорела в бане. Готовила баню и угорела. Была она беременная.

Поля. Вот видите, и – беременная!

Людмила (в руках круглая скамейка, за нею Пятёркин несёт кадку с каким-то растением). Вот сюда, ему нужно много солнца. Неправильно поставил, передвинь на середину.

Пятёркин. Слушаю. Так? (Он спрашивает, стоя на одном колене.)

Людмила. Хорошо. Какие у тебя волосы ужасные. Жёсткие, должно быть?

Пятёркин. Даже несколько, пощупайте.

Людмила (проводя рукой по его гриве). Точно у льва.

Пятёркин. Вот это верно. Это все говорят.

Людмила. Кто – все?

Пятёркин. Знакомые. И – вообще – люди.

Людмила. Что же ты на коленях стоишь?

Пятёркин. Приятно мне на коленях перед вами.

Людмила. Ну уж... сочиняешь! Я бы никогда на колени перед мужчиной не встала.

Пятёркин. Вам это не требуется, он сам пред вами встанет... Вы с мужчиной можете делать что угодно вашему любопытству.

Людмила. А я ничего не хочу. И не буду.

Пятёркин. В этом ваша воля.

Людмила. Подождите, я спрошу садовника, что взять отсюда... (Ушла.)

Анна (из своей комнаты). Не по своей силе, Пятёркин, дерево ломишь.

Пятёркин. А ты не ревнуй. Как знать? Всё может быть, всё надо пробовать.

Анна. Если Васса узнает о твоих разговорчиках...

Пятёркин. От кого узнает?

Анна. Вылетишь из дома в минуту.

Пятёркин. Ты – не скажешь, а Людмила тогда поймёт обстоятельство игры, когда уже поздно будет. Ты только не мешай. Мешать мне – у тебя расчёта нет. Ты свой барыш аккуратно получаешь, а меня, может, завтра выгонят. Ну, тогда и твои дела пошатнутся...

Анна. Мне – что? Однако видеть тебя в числе хозяев – как будто и обидно...

Людмила (возвратилась). Иди, Пятёркин, больше ничего не надо.

Пятёркин. Желаю вам счастья на сей день и до конца века.

Людмила. Услужливый какой.

Анна. Да.

Людмила. А – пляшет как! Удивительно!

Анна. Всё-таки ты, Люда, осторожнее с ним.

Людмила. А что он мне сделает?

Анна. Ребёнка может сделать.

Людмила. Фу, какая гадость!

Анна. Ребёнок-то?

Людмила. Ты, ты гадость говоришь! (Уходит.)

Анна (вслед ей). Так я – о ребёнке!

Васса (широким движением руки изгоняет Анну и Полю. Рашель – под тридцать лет, одета изящно, но просто, строго, эффектно красивая). Ну-ка, ну, Рашель, садись, рассказывай, как это ты явилась, откуда?

Рашель. Из-за границы.

Васса. Ну да, понятно. Пустили?

Рашель. Нет, я приехала в качестве компаньонки с музыкантшей.

Васса. С чужим паспортом – значит? Смелая ты. Молодчина. И – ещё красивее стала. С такой красотой, да... Ну – ладно! Как – Фёдор? Правду скажи.

Рашель. Скрывать правду – не моё дело. Федя, Васса Борисовна, безнадежен. Угасает. Доктора говорят – месяца два, три осталось ему жить.

Васса. Сгорел, значит, сын капитана Железнова.

Рашель. Да. Худой, почти прозрачный. Понимает, что приговорён. Но всё такой же весёлый, остроумный. А как мой Коля?

Васса. Сгорел Фёдор Железнов. Наследник мой. Голова всего хозяйства.

Рашель. Коля – спит?

Васса. Коля-то? Не знаю. Наверно – спит.

Рашель. Можно взглянуть на него?

Васса. Нельзя.

Рашель. Почему?

Васса. Его нет здесь.

Рашель. Позвольте! Вы... что это значит?

Васса. Ничего плохого не значит. Коля в деревне живёт, в сосновой роще. Песок там. Там – хорошо. В городе ему вредно жить, у него гланды. Родители плохим здоровьем наградили его.

Рашель. Далеко это?

Васса. Вёрст шестьдесят.

Рашель. Как же мне туда съездить?

Васса. А тебе не надо ездить туда. Ну-ка, Рашель, давай сразу и ясно – поговорим!

Рашель. Умер?

Васса. Тогда и говорить не о чем, одним словом всё сказано. Нет – жив, здоров и хороший, детёныш умный. Он тебе зачем нужен?

Рашель. Я решила его отправить за границу. Там сестра моя замужем за профессором химии, детей у них нет.

Васса. Так я и думала: Рашель, наверно, ребёнка потащит в свой круг. Нет, не дам я тебе кольку-то! Не дам!

Рашель. Как это? Я – мать!

Васса. А я – бабушка! Свекровь тебе. Знаешь, что такое свекровь? Это – всех кровь! Родоначалница. Дети мне – руки мои, внучата – пальцы мои. Поняла?

Рашель. Позвольте... Я не понимаю вас. Это вы серьёзно? Это... допотопное что-то... Вы же – умная, вы не можете так думать.

Васса. Чтобы не говорить лишних слов, – ты молчи и слушай. Колю я тебе не дам.

Рашель. Этого не может быть!

Васса. Не дам. Думай, что ты можешь сделать против меня? Ничего не можешь. Для закона ты – человек несуществующий. Закон знает тебя как революционерку, как беглую. Объявишь себя? Посадят в тюрьму.

Рашель. Неужели вы воспользуетесь моим положением? Не верю! Вы не сделаете этого. Вы отдадите мне сына.

Васса. Пустяки говоришь. Всё это лишнее – твои слова. Я сделаю, как решила.

Рашель. Нет!..

Васса. Не ори! Спокойно. Колю я тебе не дам. Ему другая судьба назначена.

Рашель. Да – что вы – зверь?

Васса. Я говорю – не ори! К чему это – крик? Я – не зверь. Зверь выкормит детёныша, и – беги, сам добывай хлеб себе, как хошь. Хочешь куриц ешь, хочешь – телят. Конечно, речь идёт не о зайцах, а о серьёзном зверье. А ты вот своего детёныша на свободную добычу не пускаешь. И я внука своего не пушу. Внук мой – наследник пароходства Храповых и Железнова. Единственный наследник миллионного дела. Тётки его – Наталья и Людмила – выделены будут в малых частях, тысяч по

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy пятьдесят, им и того – много. Всё остальное ему.

Рашель. Вы ошибаетесь, если думаете этим подкупить или же утешить меня, – ошибаетесь. Это – невозможно!

Васса. Зачем тебя подкупать, зачем утешать? Ты, Рашель, знаешь – я тебя врагом не считала, даже когда видела, что ты сына отводишь от меня. На что он мне годен, больной? Я с ним неласкова была и видела – ты его любишь. И я тебе сказала тогда – люби, ничего! Немножко радости и больному надобно. Я даже благодарна была тебе за Фёдора.

Рашель (вспыхнула). Всё это – ложь! Это... отвратительно. Я – поверить не могу... Это... зверство!

Васса. Не веришь, а ругаешься. Ничего, ругай. Ругаешься ты потому, что не понимаешь. Ты подумай, что ты можешь дать сыну? Я тебя знаю, ты – упрямая. Ты от своей... мечты-затеи не отступишься. Тебе революцию снова раздувать надо. Мне – надо хозяйство укреплять. Тебя будут гонять по тюрьмам, по ссылкам. А мальчик будет жить у чужих людей, в чужой стороне – сиротой. Рашель, помирись – не дам тебе сына, не дам!

Рашель (спокойней, презрительно). Да, в конце концов вы можете это сделать, я понимаю. Вы даже можете выдать меня жандармам.

Васса. И это могу. Всё могу! Играть – так играть!

Рашель. Чем можно тронуть дикий ваш разум? Звериное сердце?

Васса. Опять звериное. А я тебе скажу: люди-то хуже зверей! Ху-же! Я это знаю! Люди такие живут, что против их – неистовства хочется... Дома ихние разрушать, жечь всё, догола раздеть всех, голодом морить, вымораживать, как тараканов... Вот как!

Рашель. Чёрт вас возьми... Ведь вот есть же у вас, в этой ненависти вашей, что-то ценное...

Васса. Ты, Рашель, умная, и, может быть, я неоднократно жалела, что ты не дочь мне. Кажись, даже говорила это тебе! Я ведь всё говорю, что думаю.

Рашель (глядя на часы). Ночевать у вас можно, что ли?

Васса. Ну а как же? Ночуй. Не выдам жандармам-то. Девчонки будут рады видеть тебя. Очень рады будут. Они тебя любят. А Колю я тебе не дам! Так и знай.

Рашель. Ну, это... увидим!

Васса. Выкрасть попробуешь? Пустяки...

Рашель. Нет, я больше не буду говорить об этом. Устала, изнервничалась, да ещё вы ошарашили. Страшная вы фигура! Слушая вас, начинаешь думать, что действительно есть преступный тип человека.

Васса. Всё есть! Хуже ничего не придумаешь, всё уж придумано.

Рашель. Но не много жизни осталось для таких, как вы, для всего вашего класса – хозяев. Растёт другой хозяин, грозная сила растёт, – она вас раздавит. Раздавит!

Васса. Вон как страшно! Эх, Рашель, кабы я в это поверила, я бы сказала тебе: на, бери всё моё богатство и всю хитрость мою – бери!

Рашель. Ну, это вы... врёте!

Васса. Да – не верю я тебе, пророчица, не могу поверить. Не будет по-твоему, нет!

Рашель. А вы жалеете, что не будет? Да?

Васса. А вдруг – жалею? А? Эх ты... Когда муженёк мой все пароходы, пристани,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
дома, всё хозяйство – в одну ночь проиграл в карты, – я обрадовалась! Да, верь
не верь, – обрадовалась. Он, поставив на карту последний перстень, – воротил
весь проигрыш, да ещё с лишком.. А потом, ты знаешь, начал он безобразно кутить,
и вот я полтора десятка лет везу этот воз, огромное хозяйство наше, детей ради,
– везу. Какую силу истратила я! А дети... вся моя надежда, и оправдание моё –
внук.

Рашель. Сообразите: насколько приятно мне слышать, что мой сын предназначен для
оправдания ваших тёмных делишек... в жертву грязного дела...

Васса. Неприятно? Ничего, я от тебя тоже кое-что кисленькое слышала. Давай-ка
чай пить. При девицах – сохраним вежливость, – так, что ли?

Рашель. Не надо им говорить, что я приехала нелегально. И спор наш – не следует
знать им. Они ведь ничего не решают.

Васса. Понятно – не надо!

(Поля в двери.)

Васса. Зови девиц. Кадета – скажи им – не надо. Тихо скажи, чтоб он не слышал.
Самовар подашь. Иди. Вот как встретились мы, Рашель!

Рашель. Неприятная встреча.

Васса. Что делать? Приятно – только дети живут, да и то недолго.

Рашель. Мне всё-таки кажется невероятным всё это.

Васса (толкает ногой стул). Ну, как это невероятно?

Людмила (вбегает, за ней идёт Наталья). Ой, кто, что? Рашель... Рашель!

Наталья. Не телеграфировала – почему?

Васса. Натка спрашивать любит. Ей скажут: «Здравствуй», а она спрашивает:
«Почему?»

Рашель. Ты, Люда, не изменилась, всё такая же милая, даже как будто и не выросла
за эти два года.

Людмила. Это – плохо?

Рашель. Конечно – нет! А вот Ната...

Наталья. Постарела.

Рашель. О девушке не скажешь – возмужала, но именно такое впечатление.

Наталья. Говорят – созрела.

Рашель. Это иное!

(Девицы обрадованы встречей, Рашель говорит устало, почти не отводя взгляда от
Вассы. Сёстры усаживают её на тахту. Васса спокойна, сидя у стола, готовит чай.)

Людмила. Садись, рассказывай.

Наталья. Как Фёдор? Выздоровливает?

Рашель. Нет, Фёдор – плох.

Наталья. Зачем же ты уехала от него?

Рашель. За сыном, за Колей.

Васса. А я его не даю за границу.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Людмила. Раша, милая, какой он стал прелестный, Коля! Умный, смелый... Он в лесу живёт, в Хомутове. Замечательное село. Там такой сосновый лес.

Наталья. Разве его перевезли из Богодухова?

Людмила. Богодухово – тоже замечательное! Там – липовая роща, пасеки...

Рашель. Оказывается, вы и не знаете – где он?

Васса. Идите к столу-то.

Рашель. Расскажи, как ты живёшь?

Людмила. Я – удивительно хорошо. Вот видишь – весна, мы с Васей начали работать в саду. Рано утром она приходит: «Вставай!» Выпьем чаю и – в сад. Ах, Раша, какой он стал, сад!

(Анна вошла, молча здоровается с Рашелью, говорит что-то Вассе. Обе вышли.)

Людмила. Войдётся в него, когда он росой окроплён и весь горит на солнце... как риза, как парчовый, – даже сердце замирает, до того красиво! В третьем году цветочных семян выписали почти на сто рублей, – ни у кого в городе таких цветов нет, какие у нас. У меня есть книги о садоводстве, немецкому языку учусь. Вот и работаем, молча, как монахини, как немые. Ничего не говорим, а знаем, что думаем. Я – пою что-нибудь. Перестану, Вася кричит: «Пой!» И вижу где-нибудь далеко – лицо её доброе, ласковое...

Рашель. Значит, счастливо живёшь, да?

Людмила. Да! Мне даже стыдно. Удивительно хорошо!

Рашель. А ты, Ната?

Наталья. Я! Я тоже удивляюсь.

Прохор (выпивши, с гитарой). Б-ба! Р-рахиль!.. (Поёт.) «Откуда ты, прелестное дитя?» Ой, как похорошела!

Рашель. А вы – всё такой же...

Прохор. Ни лучше, ни хуже. Остаюсь при своих козырях.

Рашель. Веселитесь?

Прохор. Именно. Ремесло моё. Главное качество – простодушная весёлость. Это у меня от природы естества моего. Капитан Железнов – помер, так я для славы семейства и хозяйства – за двоих теперь гуляю.

Рашель. Он – давно хворал?

Прохор. Это – верно, давно пора.

(Людмила смеётся.)

Рашель. Я неправильно спросила – долго хворал?

Прохор. Капитан? Он – не хворал. Он – в одночасье – пафф! И – «со святыми упоко-о-ой».

Наталья. Дядя, перестаньте! Это – безобразие!

Прохор. Со святыми – безобразие? Ты, девка, не учи меня, молода учить! Откуда же ты явилась, разрушительница жизни? Из Швейцарии? Фёдор-то жив?

Рашель. Жив.

Прохор. Плох?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Рашель. Да, плох.

Прохор. Нестойко потомство Железнова, мы, Храповы, покрепче будем! Впрочем, сын твой, Коляка, хорош, разбойник! Присметливый. Как-то мы с Железновым поругались за обедом. На другой день я здороваюсь: «Здравствуй, Коля!» А он: «Пошёл прочь, пьяная рожа!» Убил, А утро было, и я ещё трезвый... Что же вы тут делаете? Чай пьёте? Чай только извозчики пьют, серьёзные люди утоляют жажду вином... Сейчас оно явится. Портвейн, такой портвейн, что испанцы его не нюхали. Вот Наталья знает... (Идёт. Васса навстречу.)

Васса. Что там в клубе случилось?

Прохор. В клубе? А ты откуда знаешь?

Васса. По телефону.

Прохор. В клубе – драка на политической почве. Очень просто.

Васса. Снова о тебе в газете напишут?

Прохор. Почему – обо мне? Я один раз ударил. Он – на Думу лаял, ну, а я его – по морде.

Васса. Послушай, Прохор...

Прохор. Сейчас приду. И буду слушать, как (поёт): «Не искушай-ай меня без нужды-ы...»

Людмила. Какой смешной, правда? Он всё больше пить стал. И Наташу учит...

Наталья. Уже научил.

Рашель. Это – серьёзно, Ната?

Наталья. Да. Мне очень нравится вино. И опьянение нравится.

Васса. Ты прибавь: а бить меня – некому!

Наталья. А бить меня – некому.

Васса. Наталья! Не балуй.

Наталья. Вы велели прибавить, я прибавила.

Васса. Счастье твоё, что у меня времени не хватает чёрта выгнать из тебя!

Людмила. Ната – очень дерзкая с мамой, видишь, Раша. По-моему, это плохо.

Васса. Замахиваешься по-благородному жить... Интеллигентно. А сама – свинья!

Наталья. Свиньи хороших пород очень ценятся.

Васса (гневно). Вот так и живём, Рашель.

Рашель. Плохо живёте, но лучшего и не достойны. Эта бессмысленная жизнь вполне заслужена вами.

Васса. Мной? Врёшь!

Рашель. Не только вами лично, сословием вашим, классом.

Васса. Ну вот, поехала!

Рашель. Там, за границей, также скверно живут. Может быть, даже и сквернее, потому что спокойнее и меньше мучают друг друга, чем вы.

Наталья. Это верно? Или – для утешенья?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Рашель. Верно, Наташа. Я не из тех, которые утешают. Мир богатых людей разваливается, хотя там они – крепче организованы, чем у нас. Разваливается всё, начиная с семьи, а семья там была железной клеткой. У нас – деревянная.

Васса. Рашель!

Рашель. Да?

Васса. Живи с нами. Фёдор умрёт, сама говоришь. Довольно тебе болтаться... странничать, прятаться! Живи с нами. Сына будешь воспитывать. Вот – девочки мои. Они тебя любят. Ты – сына любишь.

Рашель. Есть нечто неизмеримо более высокое, чем наши личные связи и привязанности.

Васса. Знаю. Дело есть, хозяйство. Но... вот что выходит: и взять можно, и положить есть куда, а – иной раз – не хочется брать.

Рашель. Это вы... не от себя говорите.

Васса. Как это – не от себя?

Рашель. Может быть, иногда, вы чувствуете усталость от хозяйства, но чувствовать бессмысленность, жестокость его вы – не можете, нет. Я вас знаю. Вы всё-таки рабыня. Умная, сильная – а рабыня. Червь, плесень, ржавчина портят вещи, вещи – портят вас.

Васса. Премудро. Но едва ли верно! Я тебе скажу, чего я хотела, вот при дочерях скажу. Хотела, чтоб губернатор за мной урыльники[10] выносил, чтобы поп служил молебны не угодникам святым, а вот мне, чёрной грешнице, злой моей душе.

Рашель. Это – от Достоевского и не идёт вам.

Наталья. Мать Достоевского не знает, она книг не читает.

Васса. От какого там Достоевского? От обиды это. От незаслуженной обиды... Вот – девчонки знают, я сегодня рассказывала им, как меня...

Прохор (две бутылки вина в руках). Вот оно! Нуте-ка, давайте, отнесёмся серьёзно. Вася, разреши угостить? Не пожалеешь. Редкая вещь...

Васса. Давай! Давай! Девчонки, садитесь к столу... Что, в самом деле? Сноха... явилась! Давай, Прохор. Кого ты избил?

Прохор. Квартиранта Мельникова по роже. Ещё кого-то... Ерунда! Заживёт!

Васса. А знаешь – Мельников-то в «Союз русского народа» вписался.

Прохор. Ну, так что? Важность какая! Я вот в телефонной книге вписан, а – не горжусь. Рюмки!

(Звонок телефона.)

Васса. Это меня. (У телефона.) Кто это? Да, я. Какой пароход? Почему? Идиоты! Кто это грузил? В Уфе? Терентьев? Рассчитать болвана! Моё присутствие – зачем? Арестовали всю баржу? А ещё что? Кроме кожи... О, дьяволы! Санитарная комиссия – там? Инспектор – тоже? Сейчас приеду. (Бросила трубку.) Ну, вы тут... подождите, смиренно. У меня – скандал: арестовали баржу, идиот приказчик погрузил кожу без санитарного осмотра, без клейм. А на барже – ещё овчины, лыко, мочало. Поеду. (Ушла, взглянув на Рашель, поймав её взгляд.)

Прохор. Поехала речной полиции взятку давать. У нас речная полиция – разбойники. И сухопутная – тоже. Однако к чёрту всё это. Наливаю. Наталочка, – это будет получше твоего любимого. (Поёт на «шестой глас».)

Наливай, брат, наливай,
Всё до капли вы-пи-вай...
Занавес

Третий акт

Тотчас после ухода Железновой. Прохор курит сигару. Людмила увлечённо ест бисквиты, макая их в блюдце с вареньем. Наталья – рядом с Рашелью, в руке – рюмка. Рашель – задумчива.

Прохор. Вот так и живём, Рашель, – беспокойно живём. Полиция обижает. (Хохочет.)

Рашель. Вы – уже городской голова?

Прохор. В мечтах побывал на этом пункте, а потом сообразил – на кой чёрт мне нужна обуза сия? Поживу лучше вольным казаком...

Наталья. Неверно это! Казак вы – не вольный. И от выборов отказались из трусости.

Прохор. Ужас, до чего Наталья любит обижать меня. И вообще – всех... Молодая, а уже – ведьма. Очень похожа... Мм-да! Однако она верно сказала – я человек осмотрительный. После смерти капитана...

Наталья. После смерти отца пошли слухи, что он отравился... Даже что мы отравили его, чтобы не позориться на суде.

Людмила. Глупости какие!

Прохор (беспокойно). Вот именно – глупости! И дело-то это паскудное прекращено было прокурором...

Наталья. За недоказанностью обвинения... А дядя испугался слухов, подумал – не выберут его в головы.

Прохор. Довольно, Натка!

Наталья. А следовало идти против слухов, против людей...

Прохор. Она – всегда вот так, – против!

Рашель (глядя руку Наталье). Так и надо!

Наталья. Рашель, если обвинение не доказано, это ведь ещё не значит, что обвиняемый не виноват?

Рашель. Да, не значит.

Людмила. Разве так – против всех надо, Рашель? Разве нельзя жить...

Наталья. Дурой, как Людмила Железнова.

Людмила. Напрасно ругаешь, ведь я не рассержусь! Ой, Рашель, я как не люблю всё это... злость и всякое такое...

Наталья. Она бисквиты с вареньем любит!

Людмила. А тебе завидно, что люблю? Ты злишься потому, что у тебя аппетита нет. Ела бы побольше, так не сердилась бы!

Прохор (поет). «Я не сержусь, хоть больно ноет грудь». Кроме бисквитов и всяких сладостей, Людмила обожает что-нибудь военное и чтобы – с перьями, как у индейцев.

Людмила. И вовсе это неправда.

Прохор. Вот что, – давайте-ка пошлём к чёртовой матери всё это: семейность, прошлое и – всё вообще. Сочиним маленький кавардак, покуда хозяйки нет! Я тебе, Рахиль, плясуна покажу, эх ты! Ахнешь! Ну-ка, Люда, зови Пятёркина...

Людмила. Вот это хорошо!

Прохор. С гитарой! (К Рашели.) Когда к сыну поедешь?

Рашель. Он далеко?

Прохор. Двадцать три версты, двадцать пять. Утешный человечек. Здоровьишко слабое, а – хорош!

Рашель. Бабушка не хочет отдавать его мне.

Прохор. Это она – правильно! Тебе сын – ни к чему, при твоей беглой жизни.

Рашель. А ты как думаешь, Ната?

Наталья. Требуй, чтоб отдала. Не будет отдавать – выкради!

Прохор. Ого!

Наталья. Да, да – выкради, увези, спрячь. Ты – видишь, какие мы все! Ты же видишь...

Рашель. Выкрасть... Увезти. Это я не могу сделать.

Наталья. Почему?

Рашель. У меня есть другое дело, более серьёзное.

Наталья. Серьёзное сына? Да? Зачем же ты родила, если у тебя есть дело серьёзнее? Зачем?

Рашель. Да, это моя ошибка!

Наталья. А – какое дело? То, о котором ты говорила... два года тому назад. Я – помню... Очень помню.

Рашель. Но – не веришь?

Наталья. Не верю.

Рашель. Это потому, что не понимаешь. А для меня – нет жизни вне этого дела. И пусть я потеряю... никогда не увижу Колю...

Прохор. Постой! Выкрасть – это дело! Это, Раха, замечательно! Ух, сестре – вилка в бок! Рашель, действуй! Мы с Наткой поможем тебе, честное слово. У меня есть Пятёркин – он всё может!

Рашель. Перестаньте!

Прохор. Алёшка Пятёркин? Да он – архиерея украдёт, не то что мальчика!

Рашель. Играть моим сыном...

Прохор. Вот он, Пятёркин, храбрый воин – в обозе служил! Лёшка, «птичку божию» делаем! Для заграницы, для Европы – понял? Чтобы – безупречно!

(Прохор берёт из рук Пятёркина гитару, пробует строй. Людмила принесла бубен и балалайку, бубен дала сестре.)

Прохор. Девицы, с тихой грустью! Особенно – бубен! Он гудит, а не бухает...

Людмила. Знаем.

Прохор. Начали. (Запевает, как всегда, на «шестой глас», Людмила, Пятёркин – вторят.)

Птичка богия не знает
Ни заботы, ни труда.
Птичка жить нам не мешает

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

Никак и никогда!

Долгу ночь на ветке дремлет

Солнце красное взойдёт –

Птичка гласу бога внемлет,

Встрепенётся и поёт:

– Барыня, барыня!

Сударыня барыня!

Ты скажи нам, барыня,

Чего тебе надобно?

Лёшка! Дёргай! Делай! Зверски делай! Дико! И – эх ты-и!

Шла барыня из Ростова

Поглядеть на Льва Толстого,

А барыня из Орла –

Неизвестно куда шла!

Барыня...

(Пятёркин пляшет «Барыню» отлично и смешно. Людмила поёт увлечённо. Прохор – в восторге. Наталья механически бьёт в бубен и смотрит на Рашель. Рашель сидит, как во сне.)

У барыни есть дела,

За границу ездила.

В славном городе Париже

Ей француз попался рыжий.

Барыня...

Наталья. Довольно!

Прохор. Почему?

Наталья. Не хочу.

Людмила. Фу, какая капризная!

(Рашель встала, отошла прочь; Наталья не спеша – за ней; остановились у окна.)

Наталья. Ну что?

Рашель. Ужасно.

Наталья. Я бы убила сына, но не оставила здесь.

Рашель (обняла её за плечи). Не могу я увезти его... за границу без помощи Вассы Борисовны.

Наталья. Дядя устроит. Он рад чем-нибудь ударить мать. Выкрадет – спрячем. Потом переправим к тебе.

Рашель. Куда? Я не знаю, где буду жить. Если удастся вернуться в Швейцарию – проживу там несколько недель... Мне нужно жить в России. У меня нет возможности воспитывать Колю. А там, в Лозанне, у сестры – хорошо было бы...

Прохор (остановил Пятёркина, кричит). Не понравилось?

Рашель. Нет.

Прохор. Не чувствуешь искусства!

Рашель. И поёте вы нестерпимо...

Прохор. Виноват. По линии выпивки, а также игры в преферанс – почти непобедим, но к пению – не приспособлен природой. Душа – мягкая, а горло – сухое, хрустит. Пятёркин – ступай вон, бездарная личность, не понравились мы! Рашель, идём ко мне, я тебе коллекцию замков покажу.

Рашель. Я видела её.

Прохор. Когда? Ты теперь посмотри! У меня тридцать семь амбарных, четыре крепостных, сорок два сундучных с музыкой. Этого ты нигде не увидишь. И – кроме

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
того, идём! Два слова скажу... Важных. (Берёт её под руку, уводит, она следует за
ним неохотно.)

Наталья (посмотрев на сестру). Ты что?

Людмила. Ничего. Спать хочется.

Наталья. Иди.

Людмила. Скучно. Плакать хочется.

Наталья. Иди, ляг, поплачь и усни.

Людмила. Так всегда бывает. Дождусь Васи, я не люблю, когда её дома нет.

Наталья. Ты всё чаще её называешь Васей.

Людмила. Потому что люблю, а ты не любишь.

Наталья. А я – не люблю.

Людмила. Она это знает.

Наталья. Да, ещё бы не знать.

Людмила. А ты на неё похожа, похожа!

Наталья. За то мы и не любим друг друга.

Людмила. Она тебя любит.

Наталья. Мучить любит.

Людмила. Ты сама её мучаешь.

Наталья. Ну и я.

Людмила. Какая ты... глупая! И дядя тоже глупый – советует украсть Колю.

Наталья. Ты об этом не говори матери.

Людмила. Конечно – скажу.

Наталья. Зачем?

Людмила. Нет, не буду расстраивать, не скажу.

Наталья (вздыхнув). Блаженная ты у нас... Выродок. Ни на кого не похожа.

Васса (входит). Что это – ругаетесь?

Людмила. Нет, просто разговариваем.

Васса. Крупно разговариваете. Прохор сигару курил – сколько раз просила не курить сигар у меня. Наталья, кажется, слишком выпила.

Наталья. Ещё держусь на ногах.

Васса (наливая портвейн). Чай холодный? Налейте мне.

(Наталья наливает.)

Васса. Семьсот рублей, как в печку бросила. Везде – взяточники. Продажные души. Что вы тут делали?

Наталья. Чай пили.

Людмила. Пятёркин плясал. Дядя уговаривал Рашель украсть Колю.

Васса. Ишь, какой забавник! А – она что?

Людмила. Не согласилась. Она стала скучная. Хуже стала, чем была. Неприятная. Умные – все неприятные.

Васса. Так. А я, по-твоему, – дура?

Людмила. Ты – не дура, не умная, а просто человеческая женщина.

Васса. Уже и не знаю, что это значит? Хуже дуры? Ну, пусть будет так – человеческая женщина. Отнеси самовар, скажи, чтобы подогрели. Наталья – хочешь за границу съездить?

Наталья. Да, хочу. Вы это знаете.

Васса. Можешь. Возьмёшь Анну.

Наталья. С Анной – не поеду.

Васса. Почему?

Наталья. Она мне и здесь надоела.

Васса. Одну – не пущу. Эх, девка...

Наталья. Да.

Васса. Нет у меня времени поговорить с тобой.

Наталья. А кольку воспитывать – найдёте время?

Васса. Ему – мало надо.

Наталья. Нет, больше, чем мне.

Васса. Поезжай с Анной, Фёдора увидишь.

Наталья. Это меня не соблазняет.

Васса (орёт). Дьявол! Молчать!

Наталья. Хорошо... Молчу.

Рашель (входит). Что это вы?..

Васса. Да, да – зря крикнула. Зря. Разволновали меня, даже сердце колет... Ну что, Рашель? Прохор предлагал украсть Колю?

Рашель. Он выпивши.

Васса. Он и трезвый – может... Вы, девицы, шли бы спать, поздно вато, а?

Людмила. А – ужинать?

Васса. Про ужин я забыла. Пить хочу. Пить, горячего чаю. Ну, идите, пусть накрывают на стол. Что, Рашель, как?

Рашель. Слушайте-ка, Васса Борисовна, отдайте сына, я его отправлю за границу...

Васса. Снова, значит, спорить хочешь? Нет, не отдам!

Рашель. Я совершенно не могу себе представить, что вы будете делать с ним? Как воспитывать?

Васса. Не беспокойся, сумеем. Мы люди осёдлые. У нас деньги есть. Наймём самых лучших учительниц, профессоров... Выучим.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Рашель. Выучите не тому, что должен знать честный человек. Жить Коля будет в этом доме с балалайками, с гитарами, с жирной пищей, полупьяным Прохором Храповым, с двумя девицами: одна – полудитя, другая – слишком озлоблена. Васса Борисовна, я неплохо знаю ваш класс и здесь, в России, и за границей, – это безнадежно больной класс! Живёте вы автоматически, в плену хозяйств, подчиняясь силе вещей, не вами созданных. Живёте, презирая, ненавидя друг друга и не ставя перед собой вопроса – зачем живёте, кому вы нужны?.. Даже лучшие, наиболее умные люди ваши живут только из отвращения к смерти, из страха перед ней.

Васса. Всё пропела? Ну – отдохни, послушай меня. Чего не понимаю я в тебе – так это вот чего: как это выходит, что смелый твой умишко и слеп и хром, когда ты о жизни говоришь? Класс, класс.. Милая, Гурий Кротких – управляющий пароходством моим – насчёт класса лучше твоего понимает: революции тогда законны, когда они этому дурацкому классу полезны. А ты о какой-то беззаконной революции толкуешь.. о надземной какой-то. У Кротких – дело ясно: социалисты должны соединить рабочих для интереса промышленности, торговли. Вот как он предлагает, и это – правильно! Он не дурак.. в этом, а вообще в делах ещё глуп.

Рашель. Его фамилия – Кротких? Ну вот, сообразно его фамилии он и проповедует воспитание пролетариев кроткими. Он – не один такой. Такие – весьма часто встречаются. И, как верным рабам вашим, вы позволяете им подниматься довольно высоко..

Васса. Ты пойми – мне, Вассе Храповой, дела нет до класса этого. Издыхает, говоришь? Меня это не касается, я – здорова. Моё дело – в моих руках. И никто мне помешать не может, и застрашать меня ничем нельзя. На мой век всего хватит, и внуку очень много я накоплю. Вот и весь мой разговор, вся премудрость. А Колю я тебе не отдам. Давай – кончим! Ужинать пора. Устала я.

Рашель. Не буду я ужинать. Противен мне хлеб ваш.. Где я могу отдохнуть?

Васса. Иди. Наталья укажет. (Поднимается со стула с трудом. Снова села, зовёт.) Анна! (Ответа нет.) Хлеб мой противен ей.. Кто посмел бы сказать мне этак? Ух.. язва! (Звонит.)

Поля. Вы звонили?

Васса. Чёрт из-под печи. Где Анна?

Поля. У барышень.

Васса. Позови. (Сидит, прислушиваясь к чему-то, щупает шею, покашливает. Анна.) Что тут было без меня?

Анна. Прохор Борисович предложил выкрасть Колю.

Васса. Сам предложил?

Анна. Да. Сначала сказал: «Правильно – тебе сын ни к чему», а потом вдруг обрадовался: «Это, говорит, сестре вилка в бок».

Васса. А как Наталья?

Анна. Это она предложила выкрасть..

Васса. Путаешь! Врёшь!

Анна. Я – не путаю, так было: когда Рашель Моисеевна сказала, что вы Колю оставляете за собой, Прохор Борисович сказал: «Правильно», а когда Наташа предложила: «Выкради», так и он тоже..

Васса. Так. Ему – только бы укусить меня. Хоть за пятку, да укусить.

Анна. «У меня, говорит, Пятёркин не то что ребёнка – архиерея украсть может».

Васса. Вредная собака – Пятёркин этот..

Анна. Совершенно гнусный раб! Ни чести, ни совести. И – такой дерзкий, такой

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy жёсткий...

Васса. Смягчим.

Анна. Нездоровится вам?

Васса. А – что?

Анна. Лицо такое.

Васса. Дочери – ничего не заметили в лице. Ладно. За границу поедешь, Анна.

Анна (изумлённо). Я?

Васса. Ты. С Натальей. А может, и одна.

Анна. Господи, как я рада! Даже и благодарить вас... нет слов!

Васса. И не надо. Ты – заслужила. Ты никогда не врешь мне?

Анна. Никогда.

Васса. Ну то-то... Фёдору письмо отвезёшь. Наталье письмо – не показывай. Тотчас напишешь мне – как Фёдор. Врачей спроси. Немецкий язык помнишь?

Анна. Да, да, помню.

Васса. Ну вот... Если Фёдор плох – дождёшься конца. Впрочем, после поговорим об этом, обо всём. А теперь – вот что: пойдёшь в жандармское управление, спросишь полковника Попова. Обязательно его найди! Чтобы вызвали. Скажи – спешное и важное дело.

Анна. Васса Борисовна...

Васса. Ты – слушай! Скажешь ему, что ко мне приехала из-за границы Рахиль Топаз, эмигрантка. Он знает – кто это. Он её арестовывал. И что если нужно снова арестовать её, так пусть арестуют на улице, а в мой дом – не приходят. Поняла?

Анна. Да, только... как же?

Васса. Ты – слушай, слушай! Если придут в дом, так будет ясно, что выдала её ты. Или – я. И не хочу я, чтоб снова по городу слухи дурацкие пошли. Ну, поняла?

Анна. Я – не могу...

Васса (удивлена). Не можешь? Почему?

Анна. Не могу решиться.

Васса. Жалко? А колю – не жалко? Её всё равно арестуют, не завтра, так послезавтра. Что ж ты отказываешься услужить мне? Странно! И – не верю!

Анна. Да – нет же, господи боже мой! Я за вас жизнь отдам! А за что я буду жалеть еврейку эту? Вы знаете – она меня презирала.

Васса (подозрительно). Чего же ты бормочешь, а? Не понимаю!

Анна. Боюсь я ночью идти к ним, к жандармам.

Васса. Ну, вот глупости какие... Что они – сожрут тебя? (Смотрит на часы.) А, пожалуй, верно – время позднее. Попов где-нибудь в карты играет. Ладно. Ты это завтра утром сделаешь. Пораньше – часов в семь. Настоишь, чтобы разбудили его.

Анна. Вот – уж благодарю вас... (Хватает руку, целует.)

Васса (отирая руку об юбку). Дурёха, даже вспотела, – капает с лица-то у тебя...

(Анна вытирает лицо.)

Васса. Рашель всё пугает меня, квакает: класс, класс! Какой класс? Это я – класс! Меня она и ненавидит. Да. Меня. Сына увела, как цыган – коня. Ну – а сына не получит, нет! (Замолчала, думает.) Что-то мне нездоровится. Устала, что ли... Завари малины!

Людмила. Вася, ужинать!

Васса. Любишь ты поесть...

Людмила. Да, люблю! Очень.

Васса. А я тебе приятное приготовила... Не для еды, а для жизни.

Людмила. Ты – всегда...

Васса. Решила: покупаю у старухи Кугушевой дом – вот садик-то наш разрастётся, а?

Людмила. Мамочка, ой, как хорошо!

Васса. То-то! Молодой князёк, видно, в карты проигрался...

Людмила. Хорошо как! Господи...

Васса. Спешно продаёт княгиня. Завтра задаток внесу. Вот тебе и праздник.

Людмила. Когда ты это успеваешь? Идём, идём ужинать.

Васса. Я – не хочу, нездоровится мне. Сейчас напьюсь малины и лягу. Ужинайте без меня!

Людмила. А – чай?

Васса. Да, самовар подайте сюда, пить хочу. Рашель там?

Людмила. Заперлась в жёлтой комнате, тоже не хочет ужинать. Какая она неприятная стала. Важная!

Васса. Ну иди, Людка, иди... (Осталась одна. Двигается по комнате осторожно, как по льду, придерживаясь за спинки стульев, покашливает, урчит.) Дела... Растут дела... (Хочет сесть, но не решается. Стоит спиной к двери.) Доктора, что ли, позвать?

(Пятёркин, выпивший, встрёпанный ещё больше, волосы – дыбом, показывает хозяйке язык, делает страшную рожу. Взял гитару, задел басовую струну.)

Васса (вздвогнув). Ох... Что это? Кто... Чего тебе?

Пятёркин. З-за гитарой...

Васса. Пошёл вон, чёрт...

Пятёркин. Иду. А как же?... Я – не собака, в барских комнатах не живу.

Васса. Дурак... какой... чёрт... (Грузно садится на тахту, хочет расстегнуть ворот кофты, валится на бок. Несколько секунд тишина.)

Анна (поднос в руках, на подносе – чайник, чашки). В спальню отнести? (Постояла, ожидая ответа. Поднос в руках её дрожит, дребезжит чашка. Осторожно поставила поднос на стол, наклонилась, взглянула в лицо. Моментально выпрямилась, громко шепчет.) Господи, господи... Васса Борисовна... Вы – что? (Прислушалась, бросилась к рабочему столу, открыла один ящик. Роется, нашла деньги, суёт за пазуху себе. Открыла шкатулку на столе, там тоже деньги, прячет их, нашла ключи, прячет их в карман, крышка шкатулки звучно хлопает. Анна бежит прочь из комнаты. Пауза. Наталья быстро входит, за ней – Прохор. Постепенно являются: Анна, Поля, Пятёркин.)

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Наталья (щупает рукой лицо матери; ненужно громко говорит). Умерла.

Прохор. Ух ты... Железнов – в одночасье, теперь – она! Опять начнёт город чепуху
молоть... Ф-фу... Вот уж... Чёрт...

Наталья. Молчите!

Прохор. Что там молчать! Ната, нужно за Анной следить. Ключи нужно. Ключ от
сейфа. Она всё знает, Анна! Погляди в кармане юбки, нет ли ключа...

Наталья. Не хочу. Уйдите.

Прохор. Ну да, уйду, как же!

Анна (в слезах). Наталья Сергеевна – Людочка в обмороке...

Наталья. Позвони доктору...

Анна. Позвонила. Господи, что делать будем?

Прохор. Ключи – где? От сейфа ключ?

Наталья. Рашель – сказали?

Анна. Надо ли говорить ей, Наталья Сергеевна?

Наталья. Вы... сволочь! (Быстро ушла.)

Анна (всхлипнув). За что-о?

Прохор. Ну, ты... не тово, не раскисай! Ключ от сейфа! Где?

Анна. Прохор Борисович, я – не забудьте – тринадцать лет, верой, правдой... (Шарит
в юбке Вассы.)

Прохор. Получишь сколько стоишь...

Анна. Всю молодость мою отдала вам. Вот он, ключ!

Прохор (идёт к сейфу, говоря Пятёркину). Лёшка, не пускай никого... Постой... Что
такое? (С явной радостью.) Да ведь я опекуном несовершеннолетних буду! Чёрт те
взял! Чего же это я? А? (Усмехается, глядя на Анну.) Пошла вон, Анка! Конiec
твоей кошковой жизни! Иди к чертям! Завтра же! Надоела ты мне, наушница,
надоела, стервоза!

Анна. Прохор Борисович, покаетесь! Напрасно вы это...

Прохор. Иди, иди! Ты своё получила, наворовала – довольно! Марш!

Анна. Нет, позвольте! Я имею кое-что...

Прохор. Да, да! Имеешь, знаю! О том и говорю...

(Рашель, Наталья.)

Рашель (Прохору, который роется в бумагах на столе). Воруете?

Прохор. Зачем? Своё – берём.

(Поля ведёт Людмилу.)

Людмила (вырвалась, бросается на тахту). Мама! Ма-ама!

Рашель. Своё! Что у вас – своё?

Занавес

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666–1668 гг

Бояре и народ

I

Пограничный донским степям московский городок, окружённый земляным валом и частоколом. Башня из толстых брёвен, под нею ворота города. На башне – стрелец, с мушкетом и секирой. К городскому валу прижались ветхие хижинки и землянки бедных слобожан.

II

Раннее утро. Идут и едут в город крестьяне, везут битую и живую птицу, овощи, рыбу, мешки зерна, гонят гусей, баранов. Хромой мужик, на деревянной ноге, ведёт коня.

III

Идёт молодой, красивый парень, за спиной у него связка деревянных дудок и свирелей; сзади, за пояс кафтана, зацеплена клюка – палка с загнутым концом – за клюку держится старик-слепец, с гусями на груди, он тоже держит в руке палку, а за неё ухватился второй слепец, и так, цепью, держась за палки, идут четверо слепых.

IV

Базар у стены города. В кругу телег идёт торговля. Телеги являются защитой от возможного нападения степных разбойников и азовских татар. Стрельцы на башне пристально смотрят в степь.

V

Из ворот города выходит воевода, человек средних лет, за ним – гости его, двое бояр, приказные люди, холопы и пятеро стрельцов. Воевода с похмелья, сердит, один из бояр ещё не проспался, пьян. Вслед за ним едет пустая телега.

VI

Со степи подъезжает верхом Степан Разин и ещё двое казаков, у них к сёдлам приторочены тюки звериных – заячьих шкур.

VII

На земле сидят, в кружок, четверо слепцов, один из них играет на гусях, все поют. Парень, стоя в кругу, подыгрывает на дудке. Слепцов окружает толпа крестьян и горожан. Подъехал Разин и, не слезая с коня, слушает песню.

Песня слепых

Было это в годы смутные, лютые,
Опрокинулась на Русь сила вражия, польская,
Пошатнулося грозное царство Иваново, Московское.
Поляк церкви жгёт, народ на смерть бьёт,
Города зорит, красных девок полонит.
Да как встал тут удалой донской казак,
Да как вылетел орёл Залуцкой атаман,
Говорит он, орёл, молодым казакам:
– Ой-ли, братцы казаки, удалой народ,
Собирайтесь-ко вы всею силою,
Встанем дружно за царство Московское
Да за веру святую христианскую,
За московский народ, родну братию..

VIII

Воевода приказывает холопам своим:

– Отбирай что лучше, мне на прокорм!

Идёт к слепцам. Его холопы хватают с телег крестьян товары, бросая их в телегу воеводы, гонят в город баранов, гусей. Крестьяне, привычные к таким поборам, относятся ко грабежу в большинстве – спокойно, но некоторые спорят. Их бьют. Кое-кто из них сопротивляется.

IX

Воевода подходит к слепым, слушает. Разин, привстав на стременах, угрюмо смотрит на грабёж и драку. Толпа разбегается от слепых, они поют, и парень поёт с ними:

Встали казаки всею силою,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

Выгнали поляков из русской земли.

Посадили на царство Московское

Молодого Михаилу Романова...

Х

Воевода возмущён; грозит парню посохом; кричит:

– Врёте! Это нами, боярами, посажен царь на Москве. А казаки – воры.

Указывает посохом на Разина:

– Вот он, рожа какая, разбойная!

Разин тихо отъезжает в сторону, оглядываясь. Воевода, растолкав ногами слепцов, хватает поводья их за ворот.

– Ты – кто, как звать?

– Борис.

– Ты – поводьёр слепым! Бездельник. Вот я тебя в холопы возьму.

– Не хочу.

– Я, боярин, хочу, а ты не хочешь? Эй, свяжите его, да – в город...

Холопы воеводы бросаются на Бориса, вяжут, он сопротивляется.

XI

На базаре разгорается драка, её особенно разжигают двое казаков, наезжая лошадьми на холопов и стрельцов, сбивая их с ног. Ободрённые защитой, крестьяне сопротивляются дружнее, а некоторые, нахлёстывая лошадей, едут в степь. Разин, привстав на стременах, наблюдает, как вяжут Бориса.

XII

Пьяный боярин облапил крестьянку, тащит её к воротам, она отбивается. Слепые смяты в драке, гусли растоптаны ногами. Боярин и воевода хохочут, глядя, как слепцы ползают по земле. Холопы, чтоб угодить воеводе, направляют слепцов в лужи грязи. Хохот усиливается. Стрельцы, помогая пьяному боярину, тащат молодую бабу в город, молодой и старый крестьянин пытаются отбить её, молодой особенно силён, легко разбрасывает стрельцов, сбивает с ног боярина. Холопы, связавшие Бориса, бросаются на помощь своим.

XIII

Разин свистит, вложив пальцы в рот. К нему подъезжают казаки. Он указывает на связанного Бориса. Казаки режут верёвки, один из них сажает Бориса на коня сзади себя и скачет в степь.

XIV

Молодого крестьянина одолели, отбросили прочь. Разин тихо едет в степь, оглядываясь из-под руки назад.

XV

Воевода, заметив похищение Бориса, бьёт холопов посохом, указывает им в степь. Они выпрягают крестьянских лошадей, гонятся.

XVI

Холопы воеводы догнали Разина, он остановил коня, вынул саблю:

– Что надо?

– Отдай мужика нашего.

– Возьмите.

– Нам не догнать. Мы за него тебя схватим.

– Я вашему воеводе не холоп.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
– Воротись, казак, а то нам худо будет.

– Так вам и надо...

Наезжают на него, хотят схватить лошадь за повод. Разин взмахивает саблей, – испугались, отъехали.

XVII

Разин догнал казаков и Бориса, едут вместе. Разин разговаривает с Борисом, ласково усмехаясь.

XVIII

Холопы, глядя вслед казакам, советуются, потом, нахлестав лошадей, скачут в степь, кричат, машут руками.

XIX

Разин остановился, ждёт. Подъехали холопы, сняли шапки:

– Мы хотим с тобой в степь, в казаки.

– Давно бы так. Кто там бежит ещё?

– Мужик...

XX

В степи сидят шестеро людей, Борис горячо рассказывает Разину, как трудно жить в Московском царстве. Холопы сочувственно подтверждают его речь. Подходит молодой мужик в изорванном платье, избитый, тяжело падает на землю. Разин спрашивает:

– Что, в казаки идёшь?

– Жену украли.

Разин угрюмо смотрит на него, говорит:

– Эх, посадил Дон царя в Москве на свою да на ваши головы...

XXI

Городская башня. Воевода смотрит в степь из-под ладони, ругается. Сзади его почтительно стоят холопы, стрельцы.

Москва и казаки в 1666 году

I

Черкасск, казацкий городок

Праздничный летний день. Улица, ведущая к площади, полна народом; зажиточное казачество смотрит из окон хат, сидит у ворот, по улице на площадь идут группы девиц и молодаяк, бегут дети.

II

Московские скоморохи

На площади бродячие актёры, изгнанные московской церковью, играют на дудках, домрах, балалайках, бьют в бубны, пляшут. Их окружает казацкая гольтьба, беглые московские холопы и крестьяне. Среди скоморохов – Борис, он играет на дудке, потом пляшет. Толпа ведёт себя весело; большое оживление, смех. Некоторые из молодых казаков тоже удало пляшут.

III

Корнило Яковлев, крёстный отец Степана Разина и старшина города, важно, в сопровождении старых, богатых казаков выходит на площадь, казаки грубо, батогами расталкивают толпу гольтьбы. Московские беглецы снимают шапки перед казацкой знатью, некоторые разбегаются от неё. Казацкая молодёжь уступает дорогу старшине не очень почтительно. Остановясь пред толпою вокруг скоморохов, Корнило Яковлев говорит, указывая на московских людей батоном:

– Сметает московский ветер к нам, на Дон, хлам этот, негодный, буйный народ... а Москва жалуется на нас: воровства, разбоя с Дона много идёт. А воры-то не наши,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
они из Москвы же сбежали.

IV

Степан Разин подходит к Яковлеву, не торопясь снимает шапку.

Яковлев. Здорово, крестник. Шумят больно дружки твои.

Разин. В животах у них пусто.

Яковлев. Не в башках ли?

V

Постепенно Разина и Яковлева окружают молодые казаки и беглые москвитяне.

VI

Разин. Ты позволь мне с ними на Азовское море сплыть, турок пограбить. Жить нечем нам, хоть в холопы в Москву идти! А турки грабят нас, покоя нет от них.

Яковлев. И думать не смей турка обижать, Москва в мире с ним, а у нас дружба с Москвой.

Разин. А что нам Москва? Мы вольные люди. Москва нас не поит, не кормит, а кровь нашу досыта пьёт...

VII

Около Разина собирается всё больше молодёжи. Спор между Яковлевым и Разиным разгорается. Молодёжь лезет на стариков, кричит:

– На Азов! На турка идти хотим! Холопы московские. Кровью нашей торгуете! На Азов!

VIII

«Бояре с Москвы едут!»

Скачет по улице верхом фrolка Разин, кричит, махая шапкой. Смятение. Московские люди пугливо разбегаются, прыгают через плетни, прячутся во дворах. Яковлев и старики, оправляясь, солидно идут встречу гостям, Разин кричит вслед бегущим:

– Чего испугались? Дон гостей своих Москве не выдаёт!

IX

По улице едут верхами двое бояр, старик и помоложе, тот, которого видели в первой картине; их сопровождает дьяк, они окружены отрядом конников, москвичей и казаков. Яковлев и старики встречают гостей почтительно, многие из казаков сняли шапки. Разин и его группа не снимают. Разин кричит брату:

– Чего шапку сдёрнул? Пред иконой, что ли?

Старики сердито смотрят на него, фrolка, усмехаясь, хочет покрыть голову, но – не смеет. Разин сдёрнул его с лошади за ногу, молодёжь хохочет.

X

Боярин, указывая рукою на Разина:

– Что за человек?

Яковлев. Крестник мой, Разин, Степан...

Боярин. Дерзок, непочестлив...

Московский отряд спешивается, казаки разводят москвичей по городу на постой. Разин говорит молодежи:

– Сыщики приехали, беглых москвитян хватать! Ребята – помни: дон гостей не выдаёт!

Ссора

I

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Вечер. Московские стрельцы гуляют по улице, заигрывая с казачками. Молодые казаки враждебно наблюдают за ними. Беглецов московских не видно.

II

Степан Разин и его мать сидят у ворот хаты; мать – мрачная старуха в чёрном, с падогом в руках. Она угрюмо смотрит вдаль, сын рассказывает ей о том, как московский князь Юрий Долгорукий повесил его старшего брата, начальника казацкого отряда в московских войсках.

III

Московские стрельцы вешают на дереве казака.

IV

Мать Разина говорит, пристукивая палкой по земле и с ненавистью глядя на гуляющих стрельцов:

– Помни, Степан, – мы, казаки, Москву от Польши оборонили, мы царя дали москвичам, а Москва губит нас, проглотит она, зверь, вольный дон!

В саду Яковлева сидят за столами московские гости и богатые казаки, едят, пьют пиво, мёд. Бабы-казачки поют, славят гостей.

VI

Приводят московских скоморохов, с ними – Борис, они играют, пляшут, старший боярин, присмотревшись к ним, встаёт, указывает рукою на Бориса:

– Этого я знаю, это наш, рязанский разбойник, Бориска! Ты, атаман, выдай мне его!

VII

Казаки хватают Бориса; возня, драка, остальные скоморохи разбегаются.

VIII

Скоморох, с бубном в руках, бежит по улице мимо Разина, Разин, вскочив, хватается за плечо.

– Что? куда? Стой!

– Москва хватается наших!

Разин, вложив два пальца в рот, свистит, со всей улицы к нему бегут молодые казаки, он объясняет им: бояре хватают в плен беглых москвитян. Общий крик молодёжи:

– Отнять!

Мать Разина, размахивая палкой, кричит:

– Не поддавайтесь Москве!

IX

Разин, во главе толпы казаков, идёт по улице; беглые москвитяне вырывают кольца из плетней, богатырского роста человек размахивает оглоблей, казаки обнажили шашки, вооружились ножами. За толпою идёт мать Разина, угрожая палкой.

X

Яковлев и богатые казаки, встретив толпу, уговаривают её не буянить, Разин кричит им:

– Мы, казаки, царя Москве дали! Мы за Москву головы кладём, а она и живьём людей отнимает у нас! Дон гостей своих не выдаёт.

Мать Разина, пробившись сквозь толпу, грозит Яковлеву палкой:

– Холоп московский!

XI

Толпа лезет в сад Яковлева, ломая плетень, опрокидывая столы, некоторые хватают

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy со столов пиво, меды и жадно пьют. Бояре испуганы, старший говорит Яковлеву:

– Отдай схваченного. А я в Москве скажу, как вы разбойников укрываете!

XII

Яковлев схватил Разина за ворот, пытается встряхнуть его, кричит:

– Что делаешь, бунтарь?

Разин стоит неподвижно, отвечая:

– Свободу Дона берегу, а ты её продаёшь!

– Гляди, Стёпка, будешь повешен, как брата твоего повесили!

XIII

Мать Разина бьёт палкой по рукам Яковлева.

– Пусти сына, холоп!

Яковлев. Ведьма ты, кума! Пропадёт сын твой...

XIV

Ведут Бориса, толпа вырывает его из рук стражи и уходит со свистом, криками, песнями. Сзади всех идут Разин и его мать. В стороне плетётся пьяный Фролка, хватаясь за плетни.

Совещаются

I

На берегу реки сидят и лежат молодые казаки и беглые москвичи. Трое москвитян поют, Борис подыгрывает им на дудке. Черноярец, угрюмый усатый казак, стоит, глядя в степь.

II

Идёт Степан Разин, рядом с ним – мать, она что-то говорит ему, указывая палкой в степь.

III

«Степан идёт!»

Черноярец предупреждает казаков, – все зашевелились, некоторые встали на ноги. Борис перестал играть, сунул дудку за пояс. Все кланяются матери Разина. Она шевелит губами и качает головой, как бы считая людей.

IV

Разин говорит:

– Старшие наши заласканы Москвой, а Москва грабит Дон, да и своих людей грабит, вон сколько народа бежит к нам из Москвы! Турок не велят нам трогать, а турки нападают на казаков в степи, лошадей наших воруют...

V

Мать Разина машет палкой на него, яростно кричит, трясётся:

– Мы, казаки, царя Москве дали, мы поляков прогнали... А Москва сына моего убила... Сына старшего...

VI

Разин продолжает:

– Пойдёмте, братцы, поищем счастья на Волге.

Шумное одобрение; крики:

– Идём! Будь нам атаманом. Черноярца – есаулом! Веди нас, Степан!

Разин, сняв шапку, кланяется, мать тоже удовлетворённо кивает головой.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

VII

Черноярец, стоя рядом с Разиным, говорит:

– Оружия мало у нас, так мы хутора пограбим, на хуторах военного снаряда много!

VIII

Все оживлённо шумят, возятся, смеются. Двое молодых начали бороться, обняв друг друга. Борис подходит к Разину.

– И меня возьми!

IX

Разин ласково кладёт ему руку на плечо.

– И тебя возьмём! Ты нам песни будешь петь. Ну-ко, на радостях, заводи песню..

X

Борис запекает, толпа торжественно поёт. Песня становится всё более грозной и буйной. Мать Разина оперлась на палку, слушает, плачет. Разин смотрит на людей считающим взглядом, Черноярец что-то рассказывает ему.

Нападение на хутор

I

Лунная ночь. Берег реки. Кустарник. Толпа казаков и вооружённой московской голытьбы усаживается в четыре большие лодки. Блещет оружие, мелькают в воздухе мокрые вёсла. Посадкой распоряжается Разин, рядом с ним – мать.

II

Из кустов вылезает Фролка, нерешительно чешет голову; мать спрашивает его:

– Что?

– Не поеду я...

Она молча отстраняет его палкой. Фрол кланяется брату:

– Прощай, Степан...

Разин смотрит на него, как на пустое место. Фрол скрылся в кустах. Разин опускается на колени перед матерью, она крестит его, говорит:

– Бедных не обижай. Коли богу правда дорога – он тебе поможет. Правда – наша, правда – казацкая, – помни! Правда – у свободного народа, у холопей нет правды, помни!

Разин прижимает руки её к своему лицу и долго держит их так. Старуха строго смотрит в небо, шевеля губами, говорит:

– Ну, иди!

Разин кланяется в ноги ей, встаёт, встряхивая головой, смотрит на реку, там уже люди ждут его, держа вёсла наготове.

III

«Молись!»

Разин снял шапку, крестится, люди в лодках дружно делают то же. Мать крестит их, кланяется.

IV

Лодки отплывают. На корме задней стоит Разин, без шапки, смотрит на берег, там, у воды, стоит мать, опираясь на палку. Сзади её, в кустах, лицо Фролки, он чешет затылок, нерешительный, сожалеющий.

V

Мать задумчиво, тихонько идёт, за нею осторожно крадётся Фролка. Остановилась, угрюмо смотрит: в сумраке пред нею возникает видение – сын её висит на дереве. Отшатнувшись, она крестит видение взмахами палки, шепчет что-то; Фрол испуганно

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy бежит прочь от неё.

VI

Казачий хутор в степи на берегу реки. Постройки обнесены земляным валом со стороны реки, со степи их полукольцом окружает частокол. На берегу – лодки. По вершине вала ходит часовой с пищалью.

VII

В сумраке утра из-за частокола крадутся к валу и ползут по земле казаки Разина. Один из них всполз на вал, бросился сзади на часового, свалил его. Тотчас к постройкам бросается человек сорок разбойников.

VIII

Драка с хуторянами, бьются не столько оружием, сколько кулаками. Нападающих значительно больше, по пять и шесть человек на хуторянина, драка кончается быстро, хуторяне связаны. Начинается грабёж, из домов выносят кучи платья, много оружия, мешки муки, выкатывают бочонки пороха, грузят их в пустые лодки хуторян. Борис несёт бандуру, инструмент вроде гитары, и пытается играть на нём.

IX

По реке быстро плывут лодки Разина, люди на них радостно машут шапками, кричат.

X

Полям скачет казак-хуторянин в Черкасск с вестью о нападении разбойников, Разин, выхватив пищаль у одного из своих, припадает на колено, стреляет, казак – упал, но – скачет ещё один и дальше первого. Разин бросает ружьё, с досадой грозит кулаком, кричит своим.

XI

«Садись в лодки!»

Люди, увлечённые грабежом, не слушают атамана. Двое тащат к реке бабу, она бьётся в их руках. Разин вырывает её, она упала, а он, схватив казаков за волосы, бьёт их голова об голову, оба замертво валятся с ног. Борис, видя это, сначала испугался, потом – хохочет. Баба, красивая, дородная, сидя на земле, смотрит на него со страхом и удивлением, он поднимает её за руку.

– Ты... как зовут?

– Домна.

– Хошь со мной... Ну?

– Ух, властен ты, ух, силён.

– Иди, одень казацкое платье... я тебя возьму...

XII

Ласково отталкивает её, она бежит к постройкам, Борис – за ней. Разин из-под руки смотрит вдаль, в степь. В лодках – возня, укладывают награбленное. Люди, ушибленные Разиным, пришли в себя, один – ползёт к берегу, другой – идёт, качаясь на ногах, держась за голову.

XIII

Бежит Домна в казацком жупане, в шапке, за ней, смеясь, – Борис. Разин, тоже усмехаясь, ведёт её к лодке. Один из хуторян, связанный, лёжа на земле, поднимает вслед им голову и смотрит, оскалив зубы.

XIV

Люди в лодках встречают Разина и Домну смехом, криками, махают шапками и отталкиваются вёслами от берега, – поплыли, поют; Борис, неловко прыгнув, упал в воду. Разин на носу передней лодки, рядом с Домной, хохочет, обняв женщину, глядя, как вытаскивают из реки Бориса.

Становище Разина

I

По холмам, на берегу реки, беспорядочно разбросаны шалаши: из ветвей, из парусов на вёслах и баграх, некоторые накрыты кошмами, кафтанами и всякой рухлядью.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Кое-где вырыты землянки. Становище окружено цепью телег, связками фашинника – это защитный вал. Торчат часовые с пищалями и копьями, поглядывая вдаль. Внутри стана – пёстрое сборище нескольких сотен людей. Играют в кости, пляшут, борются, тянутся на палках, пробуя силу, некоторые чинят одежду, один стриёт людей, надевая на головы им горшок и овечьими ножницами отрезая пряди волос, не покрытые горшком. Над кострами висят котлы, кашевары варят обед. Жизнь течёт медленно, движения людей ленивы. Покручивая усы, по становищу ходит есаул Разина Иван Черноярец, за ним – фролка Разин, пьяный, размахивая рукою, поёт, налезает на людей. Его ведёт под руку казак, это тот хуторянин, который ненавистно смотрел вслед Разину, когда Разин уводил Домну. Борис следит за казаком.

II

У реки, под кустами ракитника, лежит вверх лицом Степан Разин, голова его на коленях Домны, одетой в богатый казацкий кафтан. Она поёт, расчёсывая гребнем волосы Разина, Борис вторит ей на дудке.

III

Разин встал на ноги, смотрит за реку, в степь, Домна стоит на коленях, глядя в лицо его.

Разин. Люди едут верхами. Много народу накопилось у меня, скучает народ. Пора перекинуться на Волгу, там погулять.

Борис, перестав играть, задумчиво смотрит на Разина; вздыхая, говорит:

– Людей ты, не жалея, бьёшь...

Разин нахмурился.

– Нет, людей я жалею. Я для людей, может, душу мою погублю... Ты не понимаешь этого, птица. Уйди-ко...

Борис медленно уходит.

Возвращается, робко подходит, Разин смотрит на него грозно.

– Ну?

– Забыл я, тут человек один ходит, всё подглядывает за Домной, боюсь я.

– Чего?

– Не знаю.

– Иди прочь...

IV

Домна прижимается к Разину, он отводит её локтем, кладёт руку на голову ей, нахмурился.

– Одна ты баба во всём стане. Нехорошо мне отличиться перед товарищами, нехорошо. А – мила ты мне. Как быть-то?

Домна. Не знаю. Ничего я не знаю, одно только: любить тебя надо мне.

– Есть у тебя кто-нибудь родные?

– Кроме тебя – никого.

V

«Запорожцы пришли!»

Бежит казак, махая шапкой, кричит. Разин идёт встречу ему, Домна остаётся, сняла шапку, поправляет волосы, лицо у неё грустное. Смотрит в небо, крестится.

VI

«Добро пожаловать!»

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Пред Разиным человек двадцать чубатых казаков с Днепра, они увешаны оружием.
Среди них двое стариков, один – кривой. Разин, усмехаясь, говорит с ними, они
стоят, сняв шапки.

VII

Послы с Урала

Среди становища пред Разиным стоят трое бородатых уральских казаков, один из них читает грамоту:

«Собирайся, атаман Разин, к нам, на Урал-реку, возьми город, людей побей, засядем в городе, укрепимся, а потом пойдём дружно в Персию, промышлять удачи».

VIII

«Казацкий круг» – совещание всех людей Разина; он среди круга на бочке, толпа буйно кричит:

– На Волгу!

Общее волнение, <машут> шапками, оружием, бьют в бубны, тулумбасы, топают ногами. Домна любит Разиным, за нею наблюдает казак, который гулял с Фролкой. Вокруг днепровских и уральских казаков группы донцов. В одной группе запорожец, играя на бандуре, поёт о том, как, назад тому пятьдесят лет, казаки били московских бояр. В другой группе одноглазый старый запорожец рассказывает:

– Был я молодой – били мы тогда бояр московских, царя посадили им из Польши, – и в Москве были хозяевами казаки.

IX

«Пойман шпион московский!»

Ведут человека, уличённого в шпионстве, его выдал товарищ, пришедший с ним из Царицына, молодой горбун. Указывая на шпиона рукою, горбун уличает его пред Разиным. Шпион падает на колени.

X

Разин. Горбатого – не трогать, а этого зарыть живьем в землю.

XI

Шпиона зарыли в песок по шею и швыряют в голову его издали камнями, палками. Горбун тоже старается убить товарища.

XII

К Разину подводят людей из Царицына-города; у одного из них вырезан язык, у другого отрублена правая рука, у третьего выжжены глаза. Их сопровождает старый, седой поп, он говорит Разину:

– Гляди, казак, как бояре увечат людей. Оклеветали, ограбили...

– Кто эти люди?

– Слепой – кузнец, немой – дьякон, а безрукий – писец.

– За что их?

– Правду любили, правду искали... Про тебя, казак, слух идёт, что ты справедлив, – жалуюсь тебе на воеводу и бояр царицынских.

XIII

Разин вскочил на телегу и говорит толпе:

– Стонет земля наша от неправды..

Буйное волнение толпы.

XIV

Сборы в путь. Казаки рушат свои шалаши, вытаскивая из земли вёсла, багры, бердыши, снимая кафтаны, паруса, грузят на телеги имущество, ставят лодки на

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy колёса. У бочки с выбитым днищем толпится народ, пьют ковшами вино по очереди, выпив, идут работать.

XV

Разин и Домна на берегу реки. Следя за ними, из кустов выглядывает казак. Разин стоит, обняв Домну за плечи.

– Большое дело затеваю, Домна!

Казак, выскочив из кустов, бьёт женщину ножом в спину, она, взмахнув руками, падает. Казак бросается на Разина, тот, отскочив, подставил ему ногу, казак упал, Разин верхом на нём.

– За что убил?

– Жена моя.

XVI

«Встань!»

Вырвав нож из рук казака, Разин отбросил его в сторону, встал и толкнул убийцу ногою. Казак встал. Смотрят друг на друга.

Разин. Надо бы убить тебя, да – не хочу. Может, это на мою удачу сделал ты. Мила она сердцу, а – мешала мне. Ступай! Пусть грех твой чирьем на душу сядет тебе. Иди прочь, собака!

XVII

Наклоня голову, казак уходит. Разин, проводив его угрюмым взглядом, опускается над трупом; стоя на коленях, складывает руки женщины на её груди, сломил две ветки и кладёт их крестом на грудь её. Идёт прочь, не оглядываясь.

Встречу ему – Борис.

– Где Домна?

Разин молча указывает рукой.

Борис. Убил?

– Не я, а – вон – идёт.

– Я же говорил тебе.

Разин отмахнулся от него рукою, уходит. Борис стоит над трупом женщины, Разин остановился, смотрит на него. Зовёт к себе, берёт за руку.

– Все там будем. А куда жив – живи.

Уводит Бориса. Борис, идя, оглядывается назад.

XVIII

Ночь. Шайка Разина перебирается степью на Волгу. Едут телеги, гружённые припасами, оружием. Люди и лошади тянут лодки, поставленные на колёса.

На Волге

I

Берегом идут толпы бурлаков, они тащат суда на бечевах.

По реке идёт караван судов, среди них: казённые, государевы суда, судно патриарха. На судах – московские стрельцы, на патриаршем – монахи, тоже вооружённые бердышами и пищалями.

II

«Сарынь на кичку!»

– боевой крик разбойников. Лодки Разина преграждают каравану путь – у Разина более тысячи людей. Караван останавливается, суда сбиваются в беспорядочную

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy kучу. Разин кричит в рупор из берёзовой коры:

– Стрельцы! Я, атаман Разин, не трону вас, вы свободны, идите куда хотите; я хочу расправиться с начальством вашим!

III

На берегу люди Разина останавливают безоружных бурлаков, бьют их, закрепляют бечеву за деревья, камни, это и останавливает суда.

IV

С берега и с лодок люди Разина наводят пищали на суда, другие лодки подчаливаются к бортам, хватаясь за них баграми, забрасывая на борта верёвочные трапы с крючьями на концах. Лезут на палубы. Испуганные стрельцы, не защищаясь, бросают оружие, сдают на милость разбойников.

V

На патриаршем судне разбойникам сопротивляются монахи, отталкивают лодки их шестью, стараются криками воодушевить к сопротивлению людей других судов.

VI

Разин вскакивает на палубу, бросается на монаха, руководящего обороной судна, бьётся с ним, ранит, монахи сдают. Разин велит повесить на мачте раненого монаха и ещё двоих, разбойники с хохотом вешают монахов.

VII

На других судах бросают в воду судовых хозяев, приказчиков, начальников стрельцов. Фролка Разин сцепился с каким-то огромным купцом и вместе с ним падает за борт.

VIII

Берег. Стоя на камне, Разин говорит толпе бурлаков и стрельцов:

– Кто пойдёт со мною, будет вольным человеком.

Толпа присоединяется к шайке Разина, кричит, машет шапками.

IX

К Разину подводят старика-монаха, он смотрит на Разина молча, строго. Его привёл Фролка, мокрый и смешной.

Разин. Что, старик?

Фролка. Он – немой!

Старик властно указывает рукой в небо. Подошёл Борис, со страхом смотрит на старика.

X

Разин – усмехается.

– Ничего не вижу там, и оттуда ничего не видно.

Старик указывает рукою в землю.

XI

Разин. Прогоните его! Не троньте. Иди, старик...

Фролка падает на колени пред монахом, Разин отталкивает брата ногою.

– Не валяйся зря, свинья! Иди, старик, а то...

Монах не торопясь отходит. Обернулся, вновь указывает в небо. Разин смотрит туда и махает рукою. Монах медленно уходит.

Борис говорит Разину:

– Я пойду с ним.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.u
– На что?

– Молиться буду за тебя.

– А ты лучше песни пой.

Усмехаясь, обнял Бориса, уводит его.

XII

Ночь. На реке горит ограбленное судно. Разбойники на берегу пьют, едят. Костры пылают. Разин, сидя на камне, задумчиво чертит концом сабли песок. С ним Борис, он говорит:

– Много ты людей бьёшь...

Разин пристально смотрит на него, отвечает:

– Не толкнёшь людей, так они никуда не пойдут. А уж коли они пошли – остановить их трудно. Что, птица, тебе тяжело со мной? погоди, скоро будет легче...

Оба задумчиво молчат, глядя на горящее судно.

В Персии

I

Город Фарабат на берегу моря. Летний дворец шаха, причудливая постройка восточного стиля. В море стоят казацкие суда, к берегу едет лодка с послами Разина.

II

Жители города: старики, женщины и дети бегут, увозя имущество на мулах и ослах, на верблюдах. Молодые персияне вооружаются, готовясь отразить нападение. Сильное смятение.

III

Послы Разина у Менеды-хана:

– Мы никого не тронем, мы будем у вас всё покупать. Мы бежали от московского царя, наш атаман послал людей в Испагань к шаху вашему, просить, чтоб шах дал нам земли, мы хотим жить с вами дружно.

Менеды-хан разрешает казакам войти в город.

IV

Базар в Фарабате. Картина оживлённой торговли. Казаки выменивают награбленное ими на оружие. Ряд комических эпизодов взаимного непонимания: казак, указывая на свою голову, просит шапку, а его хотят обрить, хохот казаков. Персиянин предлагает казаку серебряный пояс, казак, думая, что это подарок ему, обнимает перса, целует и, надев пояс, уходит.

Перс – кричит:

– Грабёж!

Указывая на рот свой, казак просит хлеба, персы с любопытством щупают его зубы пальцами, – казак сердится, толкает их. В группе персиян играет на бандуре одноглазый бандурист, персы внимательно рассматривают его инструмент.

В толпе ходит Борис, восхищаясь яркостью костюмов, невиданною красотой города. Пытается выразить персам свой восторг. Они его не понимают и, так как он одет плохо, в лохмотьях, дают ему мелкие монеты, думая, что он просит милостину. Борис, осмотрев деньги, бросает их на землю. Становится на углу, вынув дудку из кармана, играет, – это ещё более убеждает персиян, что пред ними нищий, они бросают деньги к его ногам. Оскорблённый милостиной художник, перестав играть, грустно оглядывается, прячет дудку в карман. Идёт куда-то, унылый, всем чужой.

V

Идёт Разин с Черноярцем, Фролкой и ещё группой сотников. Видно, что под кафтанами у них – кольчуги. Разин влезает на возвышение, откуда его всем хорошо

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy видно, Фролка и Черноярец остаются с ним, сотники идут в толпу. Казаки, заметив Разина, тихонько толкают друг друга, перемигиваются, готовят сабли.

VI

Разин свистит, сунув пальцы в рот, сбросил с плеч кафтан, обнажил саблю, кидается на персиян, рубит их, Борис в ужасе хочет остановить его, падает, отброшенный Разиным.

VII

Избиение персиян казаками. Грабёж лавок и домов, Разин, попевая всюду, руководит грабежом, кричит:

– Бери больше оружия, ребята!

VIII

Ведут пленных. Одноглазый старый запорожец считает их, отмечая десятки ножом на палке. Ведут раненого в свалке Бориса.

IX

Ведут старика Менеды-хана, с дочерью и сыном. Разин срывает чадру с головы девушки, брат её бросается на Разина, Разин, схватив его за горло, взмахнул саблей, – Менеды-хан падает к ногам Разина.

– Не убивай, дадим богатый выкуп!

Девушка тоже бросилась к ногам Разина, умоляюще подняв руки. Он медленно опускает саблю, отталкивает её брата, поднимает девицу с земли.

XI

«Эту – мне!»

Властно приказывает отвести персиянку на его судно. Фролка, приплясывая, ведёт её, казаки расступаются пред нею, Разин провожает её взглядом, нахмурясь.

XII

Менеды-хан простирает руки вслед дочери. На земле бьётся его сын, казаки вяжут его куском ткани, как куклу, смеются. Разин вкладывает саблю в ножны, оглядывая вереницу пленных. Город горит. На улице трупы убитых персиян.

Персидская княжна

I

Шатёр на судне Разина, устроенный из персидских тканей и ковров. В шатре на коврах и подушках полулежит персидская княжна и упорно смотрит на Разина. Задумчиво любясь ею, он сидит рядом.

II

Судно Разина, у бортов сидят и гребут пленные персияне. На носу группа товарищей Разина и Фролка; все они богато одеты в персидское платье. Пьют из серебряных чаш и кубков, часто, усмехаясь, поглядывают в сторону атамана шатра; один из них играет на бандуре и поёт, товарищи его хохочут. С ними Борис, сильно пьяный, пытается играть на дудке, не может. Плачет. Ломает дудку о колено.

III

«Хорошо мне с тобою, да немая ты, и я – немой»

Красота персиянки усыпляет волю Разина, улыбаясь, он мечтает о тихой, спокойной жизни с нею, он гладит волосы её, грустно и ласково улыбаясь; она жмётся к нему, целует его руки и, неотрывно глядя в глаза его высасывающим взглядом, что-то говорит, отвечая на его слова.

IV

Песня, хохот на носу судна всё буйнее, люди издеваются над увлечением атамана. Певец встал на ноги и поёт, обратись в сторону шатра.

V

Лицо Разина грозно нахмурено, он привстал, слушая песню, схватился за саблю, княжна ласкается к нему.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
– Они смеются надо мной?.. Они смеются... Подожди!..

Оттолкнул её, идёт.

VI

«Что поёшь?»

Разин стоит перед певцом, тот, смущённо улыбаясь, молчит. Фролка, пьяный, указывает в сторону шатра, все казаки хохочут, певец тоже усмехнулся. Борис, стоя на коленях, качаясь, взмахивая руками, кричит:

– Нехочу я с тобой жить, отпусти меня!

VII

Ударом сабли Разин разбивает бандуру и затем сбрасывает певца за борт. Грозно смотрит на товарищей, Фролка ползёт прочь, все испуганы... Борис встал на ноги, тоже хочет кинуться за борт. Разин схватил его за плечо, ведёт за собой.

VIII

Разин около княжны, сидит, схватив голову руками, она смотрит в лицо ему, положив локти на колени.

– Куда ты меня зовёшь, девушка? К тихой жизни? Это – не для меня. Я затеял большое дело, я хочу освободить людей от Москвы, от царя, а ты...

У входа в шатёр спит Борис.

IX

Женщина, победно улыбаясь, обнимает его, Разин вскакивает на ноги, безумно оглядывается и, схватив княжну на руки, жадно целует её.

X

«Нет! Прощай!»

Разин бросает княжну за борт и, с ужасом на лице, смотрит на реку, провожая взглядом уплывающее тело.

XI

Между тканями шатра изумлённые, испуганные лица казаков, постепенно они окружают атамана, глядя на него с восторгом, машут шапками, кричат. Пьяный Фролка бросает в реку подушки, пляшет. Разин смотрит на всех угрюмо и властным движением руки прогоняет их прочь. Остаётся один, смотрит вдаль и, нахмурясь, что-то шепчет. Проснулся Борис, разглядывает Разина, потом дёргает его за полу, Разин угрюмо смотрит на него:

– Уйти от меня хочешь? Жалко мне тебя, чистая душа. Поёшь ты хорошо. Ну – иди! Не по дороге тебе со мной.

XII

– Эй, к берегу!

Гребут к берегу.

XIII

На берегу стоит Борис, плачет, машет шапкой.

XIV

На корме Разин, хмуро смотрит на берег, потом, с досадой сорвав шапку, бросает её в воду.

Разин в Астрахани

I

Воевода Прозоровский

Богато, по-восточному украшенные хоромы астраханского воеводы. Прозоровский сидит за столом, окружённый боярами, подьячими, боярскими детьми. Тут же капитан Видерос, начальник отряда немцев-рейтаров, и Бутлер, капитан первого русского морского судна «Орёл».

II

Послы Разина

Входят пятеро казаков, они великолепно одеты, богато вооружены, их сопровождают астраханские стрельцы и отряд немцев под командой Штрауса, помощника Видероса. Казаки говорят воеводе:

– Мы просим государя на Москве, чтоб он простил нам всё, сделанное нами, и приказал пропустить нас домой, на Дон. А острова, завоёванные нами саблей у персиян, отдаём ему, государю.

Общее ликование астраханцев. Воевода встаёт и отвечает казакам обещанием хлопотать за них в Москве. В стороне Видерос и Штраус тревожно совещаются о чём-то.

III

Пир на палубе судна «Орёл»

Палуба уставлена столами, Прозоровский и Разин сидят рядом, их окружают знатные астраханцы, казацкие сотники, тут же, за отдельным столом, Видерос, Штраус, Бутлер, немцы-рейтары. Матросы на судне – все немцы, так же как и плотники; судно строил Бутлер.

IV

Воевода, выпивший, требует, чтоб Разин отдал ему богатую персидскую шубу со своих плеч.

Разин. Жадны вы, бояре! Сколько уж подарили казаки вам, а вы всё больше просите!

Воевода. Не скупись, атаман! Мы сила, и хорошо и худо можем сделать для тебя в Москве.

Разин. Грабите вы нас. Ну, бери шубу, только б не вышло из-за неё шуму...

Снимает шубу, отдаёт её воеводе. Казаки раздражены жадностью Прозоровского и не скрывают это. Все пьяны. Пляски, пение, толкотня. Некоторые из казаков вызывают на единоборство немцев матросов и плотников. Отношение к немцам явно враждебное. Чтoб не раздражать казаков, немецкие матросы позволяют одолевать себя в борьбе.

Один из матросов, могучий парень, поддается даже совершенно пьяному Фролке. Это вызывает смех большинства казаков, но некоторые поняли, что немцы боролись с ними несерьёзно, и смотрят на матросов подозрительно, сердито. Разин, шутя, предлагает воеводе бороться с ним. Тот отказывается, испуган. Казаки смеются.

V

Казаки гуляют

Торговая площадь пред астраханским кремлём. Ходят группы казаков, одетые в шелка и бархат, в шапках, украшенных драгоценными камнями. Идёт Разин, тоже великолепно одетый, бросая в народ горстями из мешка на поясе серебряные деньги. Казаки ведут себя буйно, хватают женщин, целуют их.

VI

Бутлер, во главе плотников, подносит Разину бочонок водки. Разин и казаки тут же, на улице, пьют, угощая немцев и народ. Народ восхищается простотой Разина.

VII

«Чего мне нельзя, того и другим нельзя»

К Разину подводят казака, уличённого в обиде чужой жены. Тут же и эта женщина в разорванном платье. Разин, нахмурясь, выслушивает жалобу горожан. Обнажил саблю и убивает казака. Горожане, восхищённые его справедливостью, кланяются ему, шумно благодарят. Он оделяет их деньгами и, толкнув ногою убитого, идёт дальше. Немцы, стоя в стороне, совещаются о чём-то. Горожане братаются с казаками и вместе с ними грабят лавку.

VIII

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
На лужайке, у городской стены, сидит Разин, его окружают дети, он, смеясь, раздаёт им сласти из полы своего кафтана. В другой группе детей одноглазый запорожец играет на бандуре.

IX

Разин показывает детям саблю свою, не обнажая её. Надевает на голову одного из них свою шапку, хохочет. Дети не боятся его, щупают шитьё кафтана, пояс. Видно, что Разину всё это приятно. Свистит, подбегают казаки, он приказывает им плясать. Пляшут, дети в восторге, Разин хлопает ладонями.

X

Капитан Видерос у Разина

– Воевода прислал тебе приказание, чтоб ты лишних из города вывел под страхом гнева царёва.

Разин, схватясь за саблю:

– Не смей грозить мне! Не боюсь я ни воеводы, ни царя! Я вольный человек!

Видерос уходит.

XI

«Будет бунт!»

Совещание немцев матросов, плотников и рейтаров.

Штраус. Мы – в ловушке. Казаки ненавидят нас. Собирайте пожитки, бежим в Персию.

Видерос. Нечестно бежать, надо защищаться.

Спор.

XII

Ночь. Немцы, человек двадцать, садятся в лодки, прощаясь с Бутлером и Видеросом. Уезжают. Бутлер, Видерос идут в город.

XIII

Шпионы

Пред Прозоровским двое нищих, он приказывает пытать их, нищих поднимают «на дыбу», бьют плетьюми, они сознаются:

– Мы обещали Разину поджечь город, когда казаки пойдут на приступ.

XIV

Астраханская крепость

Кирпичная стена в три метра шириною, на стене – зубцы, между ними – пушки. По углам стены двухъярусные башни с колоколами, в колокола бьют во время боя для возбуждения бойцов. Прозоровский обходит стену, наблюдая, как ворота её заваливают кирпичом и брёвнами. Горожане с пищалями, топорами, копьями и бердышами. Работают неохотно. Бутлер и Видерос, сопровождая воеводу, советуют ему сжечь слободу под городом, чтоб не дать защиты казакам.

XV

«Поборитесь за государя!»

Крестный ход вокруг крепости, митрополит увещает горожан честно защищать город. Воевода тоже говорит речь. Горожане, сняв шапки, слушают молча, глядя в землю.

XVI

Казаки Разина идут на приступ, везут пушки, тащат штурмовые лестницы, связки фашинника. Впереди – Разин, в кольчуге, с обнажённой саблей.

Бой

I

Казаки лезут на стены, не встречая сопротивления. Пушки стреляют через их

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
голова.

II

Астраханцы избивают пушкарей, бояр и всех, кто пытается защищать город. Воеводу Прозоровского ударили копьем в грудь. Один из холопов, схватив воеводу, уносит его.

III

В церкви, на полу, лежит воевода, вбегает митрополит, бросается на грудь его, потом – причащает. Вбегают женщины с детьми, купцы, бояре, дьяки, спасаясь от смерти. Врата церкви закрыты железной решёткой, около неё встаёт один стрелец, Фрол Дура, с ножом в руке.

IV

На паперть церкви лезут казаки, Дура бьётся с ними, его одолевают не скоро, он ловок и силен. Казаки стреляют в церковь сквозь решётку. Убили ребёнка на руках матери. Врываются в церковь. Резня.

V

Прозоровского вытащили из церкви и бросили на землю, у колокольни. Выводят раненых, выволакивают трупы, издеваясь над ними.

VI

Разин смотрит на Прозоровского, поднимает его с земли, за руку ведёт на колокольню, там говорит ему что-то, воевода отрицательно качает головой. Разин сбрасывает его с колокольни. Спустился на землю и приказывает перебить всех пленных.

VII

Капитан Видерос с небольшой группой своих людей защищается против казаков. Разин смотрит на бой, поощряя нападающих, но люди Видероса, увидав Разина, сами убивают своего капитана. Разин велит перебить их.

VIII

На городской стене висят люди, одни подвешены за рёбра, некоторые – за одну руку, иные – за ноги вниз головой. По земле ползут раненые, их добивают.

IX

Казачьи и городские женщины избивают боярских жён и детей. Красивых боярынь и боярышен казаки тащат в плен.

X

– Много приказных людей и бояр спряталось, вели их отыскать и убить, а то придёт из Москвы помощь им, станут они вредны нам.

Перед Разиным толпа вооружённых горожан, он отвечает:

– Когда уйду из Астрахани – делайте что хотите!

Привели жену Прозоровского, с нею дети, одному 8 лет, другому 15. Разин велит повесить старшего на городской стене вниз головой. Вешают. Мать ползает по земле у ног Разина, он отталкивает её ногою.

Закрыв глаза, вздрогнул: пред ним возник образ матери, – опираясь на палку, она стоит на берегу реки, смотрит вдаль.

XI

«Вот так я сожгу все дела в Москве, у царя!» В огромный костёр бросают связки бумаг, Разин ногою и саблей подкидывает их в огонь. Казаки бешено пляшут вокруг костра, горожане тоже. Ползёт на коленях жена Прозоровского, умоляет Разина пощадить детей, он приказывает:

– Высечь и отдать ей. Прочь, баба!

XII

Горожане принимают присягу на верность Разину.

«Стоять за атамана верой и правдой, служить ему честно, изменников истреблять».

Все подняли руки. На земле, у ног Разина, сидит Фролка, изумлённо глядя на брата и людей.

Начало конца

I

Казаки Разина осаждают Симбирск, бросают в город через стену зажжённые поленья, снопы соломы, пучки пакли.

II

К Разину приходят толпы мордвы, чуваш, черемис. Некоторые вооружены только луком и стрелами, иные – топорами на длинных рукоятях, некоторые – просто дубинами с корнем на концах. Разин принимает их, говорит им речь, указывая на стены города.

III

Ночь. Стеной идут московские войска, они обучены по-европейски, их ведёт князь Юрий Борятинский.

IV

Утро. По реке быстро едет лодка, в ней – Разин, гребёт фрол. Разин задумчиво сидит на руле. Он мысленно видит персидскую княжну в шатре, в тот момент, когда она молча смотрела в лицо его. Снял шапку, наклонил голову. Потом вспомнил Бориса, в минуты, когда тот, со слезами, стоя на берегу, прощался с ним. Разин отирает шапкой лицо. Кричит брату:

– Греби скорей!

V

Пещера отшельника на берегу реки. Отшельник, маленький седой старичок, молится, стоя на камне. К нему идёт Разин, старик не замечает его. Разин с минуту наблюдает за ним.

VI

– Довольно, старик! Я пришёл рассказать тебе жизнь мою. Может быть, есть бог, ты умрёшь скоро, так вот, – выслушай меня и расскажи богу.

Разин стаскивает отшельника за полу и, усадив его на камень, рассказывает жизнь свою; волнуясь, то загорается гневом, то печально разводит руками, говорит:

– Может, я многих людей зря погубил, ну всё-таки: мой грех – не царский грех, не против всех!

VII

Встал, обнажил голову.

– Вот, отец, я тебе всё рассказал. Коли есть бог – скажи ему: на земле и праведное дело без греха не сделать! Это уж не наша, людская, вина.

Старик властно говорит:

– Встань на колени, проси прощенья!

Разин отрицательно мотнул головой.

– Ни пред кем не вставал и пред тобой не встану. Я – не каяться пришёл, а рассказать. Прощай. Скажи спасибо, что я тебе голову не срубил!

VIII

Разин во главе своих казаков дерётся с московскими войсками. Инородцы, – мордва и чуваш, – разбитые москвичами, бегут, смяли Разина и казаков. Разин получил удар саблей по голове, ему прострелили ногу. Падает.

IX

Паника. Крестьяне и мордва спасаются от преследования москвичей, увлекают за собою казаков.

X

Четверо казаков несут бегом раненого Разина.

XI

Казачи бросаются в лодки и поспешно плывут вниз по течению реки. Разин, опираясь на копьё, командует посадкой, голова у него завязана.

XII

Князь Борятинский перед толпою пленных.

– Что, бунтовщики? Попались?

Кричит, топая ногами:

– Утопить их. Вешать! Посадить на колья. Плоты построить, на плотях – виселицы, и пустить по реке, на поучение холопам.

XIII

Расправа князя Борятинского

По реке плывут плоты, на них устроены виселицы, на виселицах – трупы казаков и крестьян. На плотях тоже изрубленные трупы. Некоторые посажены на колья.

Конец Степана Разина

I

Отряд казаков во главе с Корнилом Яковлевым везёт в Москву Разина, скованного цепями, с ним Фролка.

II

Толпы народа встречают Разина враждебно, издеваются над ним. Он смотрит на людей равнодушно. Фролка испуганно жмётся к брату.

III

Большая телега запряжена четвёркой лошадей, на телеге устроена виселица глаголем. С Разина срывают богатое платье, одевают его в нищенские лохмотья. Привязывают цепью за шею к перекладине виселицы, руки и ноги прикрепляют цепями к телеге.

IV

Фролке надели цепь на шею и приковали другой конец её к задку телеги. Телега тронулась, Разин стоит неподвижно, Фролка бежит, вытянув шею, руки его скручены за спиной. Толпа враждебно воеет, казаки отгоняют её.

V

Допрос

Бояре допрашивают Разина.

– Не о чем говорить мне с вами, все знают, кто я таков и что делал. Одолели вы меня – ваше счастье, я бы одолел вас – тоже не пощадил бы.

VI

Пытка

Разина подвесили за руки на дыбу, ноги его у щиколоток связаны, между ног всунуто бревно, палач стоит на бревне. Разин переносит пытку молча. Бояре изумлены его терпением. Велят бить его плетями по спине. Разин молчит. Прижигают избитое тело раскалённым железом. Молчит, сжав зубы.

VII

Пытают Фролку, он неистово кричит, просит прощения. Бояре смеются, смеётся палач.

VIII

Разин говорит презрительно:

– Молчи, баба! Разве это больно? Испытал счастье свободной жизни – умеи терпеть и несчастье, дурак!

Бояре в ужасе пред его жестокостью и стойкостью.

IX

Разин в тюрьме, прикованный цепью за шею и за руки к стене. Дремлет. Во тьме перед ним возникает светлое пятно, и Разин видит мать: она стоит на берегу реки с палкой в руке и смотрит вдаль.

X

Красная площадь в Москве. Вокруг Лобного места толпы народа. Бояре верхами на конях, стрельцы, иноземные рейтары.

XI

Везут Разина, он прикован к столбу на телеге и возвышается над толпой. Толпа – орёт, волнуется. Фрол, замученный пыткой, лежит у его ног.

XII

Разин на Лобном месте смотрит, усмехаясь, на стены Кремля, на толпу народа и бояр. Бояре грозят ему кулаками, саблями.

XIII

Палачи укладывают Разина на плаху, он смеётся.

XIV

Разина – четвертуют, отрубая ему поочерёдно руки, ноги, голову.

XV

Прошли года

В лесу, на поляне, группа разнообразно вооружённых людей, разбойники. Среди них – старик с гуслими, поёт о Разине:

Жил да был справедливый
козак,
Жил Степан Разин, Тимофеев
сын,
Он бояр казнил, бедный люд
любил...

XVI

Разбойники благодарят старика за песню. Атаман их даёт ему денег, спрашивает:

– как тебя звать, дед?

– Борис.

XVII

В избе, тесно набитой взрослыми и детьми, за столом сидит дед Борис, играя на гуслих, поёт:

Кто людям послужил, тот и богу послужил,
А грехи его тяжёлые – не нам судить.
Тут и кончена песня про Разина,
Про удалого Степана Тимофеева.
[Пропагандист]

Анфиса – вдова рабочего. Торгует сладостями. Лет 40, но ещё хорошо сохранилась.

Морозов – сын её. Юноша лет 20. Скромный. Серьёзное, задумчивое лицо.

Соколов – его товарищ. Весёлый, сильный, ловкий парень, лет 25.

Петя – юноша, слесарь.

Бобров – чернорабочий, гуляка.

Сомов – кузнец. Алкоголик. Мрачная фигура. Сутулый. Бородатое лицо.

Сомов – сын его, молотобоец. Неуклюжий парень, ленивые движения, угрюмое, некрасивое лицо.

Лидия – учительница. Лет 30. Красивое холодное лицо.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

Соня – сирота, её ученица. 15–16 лет. Бойкая, шаловливая, гибкая, точно кошка.

Бармин – лавочник.

Вера – его дочь. Лет 19. Резкое, грубоватое, но очень красивое лицо. Прямой взгляд.

Углов – шпион.

Медников – полицейский.

Туркин – табельщик. Щеголевато одет, смешон, суетлив, лет 24.

Лукин – пропагандист.

Пропагандист идёт на работу

Ночь. Сквозь тьму идёт на публику человек, в зубах его – папироса, вспыхивая, она освещает молодое задумчивое лицо.

Ночь. Тёмное здание фабрики, дома фабричного села; к ним издали, по полю, двигается красная искра папиросы.

Праздничный день в фабричном селе

Площадь перед церковью. Полдень. Кончилась обедня, из церкви выходит народ: служащие фабрики, пожилые рабочие, старики, старухи, бабы с детьми; расходятся по домам; некоторые останавливаются на площади, образуются группы, рассматривают сходящих с церковной паперти.

Лавочник Бармин, лет 50, кругленький, с ласковым лицом, прищуренными глазками; Вера, дочь его, девушка лет 19, одета крикливо, безвкусно, красивое, надменное лицо; Туркин, табельщик, маленький, тощий щёголь, с эспаньолкой; держится заискивающе пред лавочником; суетлив, ухаживает за Верой. Часть рабочих кланяется лавочнику почтительно, некоторые смотрят на него угрюмо, враждебно.

С паперти сходит Лидия, учительница, скромно одета, лет под 30, серьёзное лицо; стоит, пропуская мимо себя учеников школы. Туркин, подмигивая в сторону Лидии, что-то говорит Бармину, лавочник смеётся. Вера смотрит на Лидию враждебно, нервно играет зонтом.

Другая часть площади. Фасад трактира Бармина, рядом его же лавка. Перед трактиром стоят торговки съестным: пирогами, калачами; среди них – Анфиса, она торгует орехами, семенами подсолнуха, сладями. Около её лотка – мальчишки, девочки.

Углов, бородатый человек, глаза острые, внимательные, беспокойный взгляд, натянутая улыбка. Перед ним, на козлах, большой лоток с книгами; группа молодых рабочих рассматривает книжки, покупает. Углов кричит:

– Вот – интересные книжки, дёшево продаю!

Идут Морозов, Петя с удочками; в руке Пети ведро с водой и рыбой; оба одеты не празднично, в рабочее платье.

К Лидии подбегает Соня, говорит ей тихонько, с радостью:

– Пришёл!

Лидия, улыбаясь, гладит её по голове. Мимо их проходят Бармин с дочерью, Туркин, последний говорит Вере, указывая пальцем через своё плечо, назад:

– Видите? Всегда у них секреты...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Бармину, оглядываясь:

– Опять ночью сегодня прокламации появились...

Вера, отстав от них, идёт тихо, точно крадётся, смотрит на учительницу откровенно враждебно, та отвечает ей спокойно ожидающим взглядом. Соня прижимается к ней, сердито сверкая глазёнками. Вера остановилась, несколько секунд стоит, как будто собираясь что-то сказать, затем порывисто идёт дальше. Провожая её глазами, Лидия что-то говорит Соне, та бежит.

Углов, через головы покупателей, наблюдает за Лидией и Соней. Анфиса незаметно следит за ним.

Туркин, поджидая Веру, тоже видит эту сцену, поправляет галстух, сдувает пылинки с костюма, щёлкает пальцами по рукаву пиджака.

К Морозову подбегает Соня; оглядываясь, говорит:

– В лесу, у сторожки, в пять часов!

Морозов ласково кивает головою. Соня заглядывает в ведро, суёт туда руку, Пётр не даёт ей сделать это; весело шалят; Соня брызжет водою в лица им, убегает, утащив какую-то рыбу. Смеясь, Пётр кричит что-то вслед ей, Морозов, отирая мокрое лицо, улыбается. Идут.

Вера и Туркин.

Вера. Ненавижу учительницу.

Туркин. А – ученика? А – Морозова?

Вера. Тоже. А вас – презираю..

Туркин, усмехаясь. В последние слова ваши – не верю!

Гневно взглянув на него, Вера быстро отходит прочь. Туркин сердито дёргает эспаньолку.

За огородами идёт Соколов, кудрявый, ловкий юноша, несёт на плече большую связку свежескошенной травы. К нему подбегает Соня.

– В пять часов, у сторожки, – ой, устала!

– Эх ты, стрекоза!

Соколов осыпает голову её травой.

Группа рабочих – человек десять – идёт на реку, купаться; впереди – чернорабочий Бобров, оборванный, грязный, приплясывая, играет на балалайке, – это очень весёлый человек, беззаботный к себе самому, добрый к людям. Некоторые из рабочих уже пьяны, идут обнявшись, поют, кричат, свистят, задевают встречных. Сзади всех – кузнец Сомов, большой, волосатый человек, сильно пьяный, пытается плясать, неуклюже топает ногами, разводит руками, рукава его рубахи засучены по локти; он в экстазе алкоголика.

Толпа окружает Туркина. Табельщик не любим рабочими, они издеваются над ним; кто-то, схватив конец галстуха, срывает его с шеи Туркина; пытаюсь отнять галстух, Туркин смешно подпрыгивает, все смеются над ним, а кузнец, ничего не видя, всё пляшет в стороне, один. Вырвав галстух, Туркин бежит прочь, наткнулся на кузнеца, тот схватил его за плечо, бессмысленно посмотрел и, оттолкнув, снова пляшет.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.u

Николай Сомов, молотобоец, сын кузнеца, парень лет двадцати двух, неуклюжий, с тупым лицом, маленькими глазами, стоя у ворот, смотрит на пьяные судороги отца. Мимо его идёт растрёпанный Туркин, повязывая галстук, Сомов провожает его равнодушным взглядом. Идёт Углов, катит пред собой тележку с книгами, остановился, подмигнул Сомову, тот медленно подошёл к нему.

Углов. Ночью – зайди ко мне.

Сомов кивает головою.

Чистенькая комната, на подоконниках горшки с цветами, на стене полка книг, географическая карта, охотничье ружьё, двустволка. Анфиса, Морозов с книгой в руках, пьют чай, Петя скручивает лесу удочки.

Анфиса, вздыхая, говорит:

– Этот торговец книгами всё присматривается к учительнице.

Петя. Морда у него нехорошая, собачья...

Морозов, сулыбкой. Лицо не всегда зеркало души.

На берегу реки гуляет молодёжь, рабочие, работницы. Одна группа поёт песню, пением воодушевлённо дирижирует Бобров; другая группа играет в горелки.

На песчаном холме, под соснами сидит более «чистая публика», служащие фабрики, пожилые рабочие, смотрят, как веселится молодёжь. Тут же Углов и Анфиса со своими лотками. Расхаживает полицейский Медников, грузный, сонный человек. Прислонясь к стволу сосны, стоит Туркин, пощипывая эспаньолку, морщится, наблюдая, как группа молодых конторщиков, окружив Веру, ухаживает за нею.

По реке едет лодка; гребёт молодой Сомов, на руле – Петя, в лодке – Лидия, Соня, Соколов. Лодка пристала к берегу, Соня вышла из неё, остальные поехали дальше.

Туркин смотрит из-под ладони за реку, потом подходит к Вере.

За рекою, полем, к лесу идёт человек.

Туркин – Вере, указывая за реку. Взгляните!

Вера. Что такое?

Туркин. Морозов. И учительница в ту сторону поехала...

Вера. Любите вы шпионить.

Отвернулась от него, но незаметно искоса смотрит за реку.

Соня около Анфисы, смеясь, рассказывает что-то, Анфиса слушает её улыбаясь.

Углов. А вы, барышня, не пожелали кататься?

Соня. Не пожелала. А – что?

Углов. Ничего.

Вера одна идёт берегом, смотрит за реку, лицо – печально. Шагах в пяти за нею – Туркин.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Появляется группа выпивших, буйно настроенных рабочих, среди них – кузнец Сомов, они мешают молодёжи играть, петь, гоняются за девушками; завязывается ряд ссор. Сомов дёргает и тащит куда-то Боброва, тот его отталкивает, начинается драка, Сомов бьёт своих и чужих, на него бросаются несколько человек, сталкивают в реку. Опрокидывают лоток с книгами Углова. Анфиса и Соня спешно уходят. Зрители на холме смеются, улюлюкают, стравливая дерущихся. Бежит полицейский Медников, с ним ещё двое.

Туркин, – сняв шляпу, размахивая тросточкой, идя рядом с Верой:

– Неужели вы не чувствуете, как моё сердце рвётся к вам?

Вера, нахмурилась, смотрит за реку.

Лесная поляна, полуразрушенная избушка лесника; на пороге её сидит пропагандист Лукин – тот человек, который в первой картине шёл с папиросой в зубах; он, оживлённо жестикулируя, говорит. Его внимательно слушают Морозов, Соколов и ещё человека три рабочих.

По реке едет лодка, в ней Лидия, Петя, на руле – Сомов. Пристают к берегу, выходят, Петя привязывает лодку, Лидия, пожав руку Сомова, идёт берегом.

Туркин идёт, нахлобучив шляпу на лоб, видит Лидию, прячется в кустах.

Вера сидит на сваленном дереве, чертит концом зонтика на песке буквы «В.М.» Видит Лидию, встаёт, спрашивает:

– Гуляете?

– Да.

– Морозова видели?

– Нет.

– Врёте вы, врёте!

Лидия – изумлена, возмущённо оглядывает её с головы до ног, молча идёт дальше, Вера кричит вслед ей ругательство.

Туркин из кустов наблюдает эту сцену, поспешно идёт к Вере, сдвинув шляпу на затылок, имея вид героя. Подошёл; Вера смотрит на него, сжав кулаки, слепыми от ярости глазами.

– Хотите – я ей стёкла в окнах выбью? Хотите?

– Да! О, да...

– Я для вас – на всё готов!

На корме лодки сидит молодой Сомов, курит; идёт Туркин.

– Дай огня!

– Иди сюда.

Туркин осторожно лезет в лодку, но, когда он идёт к Сомову, тот резким движением встаёт на ноги, нарочно покачнув лодку так, что Туркин падает за борт. Сомов хохочет. Туркин, по колена в воде, ловит свою шляпу, грозит Сомову кулаком.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Вера одна, на сломанном дереве, горько плачет.

Комната Морозова. Он спит. Анфиса сидит у его койки, смотрит в лицо сына, тихонько гладит его руку, смотрит в окно, освещённое луною. Её лицо очень грустно, – лицо матери, которая боится за сына.

Ночью

Лунная, светлая ночь. Пустынное место на берегу реки, далеко за селом. Песок, кусты ивняка. Под кустами лежит Углов; поднял голову, прислушивается, тихо свистит.

Спешно идёт молодой Сомов, смотрит в кусты, свистнул осторожно, нырнул в кустарник.

По реке тихо плывёт лодка, в ней Морозов и другие рабочие; пропагандист Лукин на корме, хорошо освещён.

Углов и Сомов смотрят на лодку. Она проехала. Углов – доволен, усмехаясь, говорит:

– Ну, спасибо! Теперь я его знаю.

Сомов просит у него денег, Углов дал ему несколько монет, уходит.

Сомов, взвешивая деньги на ладони, сердито, волком смотрит вслед ему.

С песнями, с гармоникой идёт компания молодёжи – парни, девушки, Соколов, Соня, Петя, Бобров с балалайкой. Соколов что-то видит в стороне, отстал.

Сомов стоит, закулив папиросу, считает деньги. Сзади к нему подошёл Соколов, смотрит через плечо его и вдаль, где идёт Углов.

– Что делаешь?

Сомов – вздрогнул, зажал деньги в кулак.

– Девушку поджидаю.

– А кто это идёт там?

– Не знаю. Человек.

Поговорив, Соколов идёт прочь.

Соколов бежит огородами, легко перепрыгивая через плетни. Присел, смотрит.

По улице идут: Углов, рядом с ним Бобров, наигрывая на балалайке, напевая, немножко выпивший. Видно, что Углов не доволен его компанией, он смотрит на спутника с досадой.

Огород; освещённое окно дома; к окну подкрадывается Соколов.

Маленькая комната. Углов, пред зеркалом, поспешно сбрасывает бороду, моет лицо, быстро одевается, уходит.

Соколов идёт пустынной улицей, из-за угла ему преграждает дорогу кузнец Сомов, пьяный; схватил его:

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
– Стой! Кто таков?

Борются...

Здание школы. Пять окон, одно, крайнее, освещено.

Против школы, на берегу реки, недостроенный дом – бревенчатые стены без крыши, окна без рам, груда досок, стружки, щепки. За досками прячется Туркин. Встал; оглядываясь, вышел на дорогу, размахнулся, бросил камнем в освещённое окно школы. Бежит на постройку, прячется в стенах её.

Рама разбитого окна открывается, в окне – фигура и лицо Лидии, учительница смотрит на дорогу.

Шатаясь, размахивая кулаками, идёт кузнец Сомов, звон разбитых стёкол остановил его, он остановился у постройки.

Закрыв окно, Лидия занавесила его тёмной шалью.

Кузнец идёт к постройке, выскакивает Туркин, бежит, кузнец смотрит вслед ему.

Из ворот школы выходит Лидия, её внимание привлёк шум шагов бегущего, смотрит вдаль, спрашивает кузнеца:

– Это вы разбили стёкла или тот?

– Не знаю. Пьян. Я давно пьян, лет двадцать. Мне – скучно. Я – драться хочу!

Лидия ушла; кузнец, пошатываясь, закуривает папиросу, бросает в стружки зажжённую спичку, идёт.

На выходе из села в кустарнике спрятался Углов; мимо его проходит Соколов, смотрит вдаль, остановился; постояв, быстро идёт назад.

У недостроенного дома разгораются стружки, щепка.

Пожар. Сбегается народ; огонь гасят неохотно; большинство равнодушно смотрит, как некоторые пытаются затоптать ногами горящие стружки, растаскивают доски. Прибежали Бармин и Вера – это их постройка горит; Вера удовлетворённо смотрит на разбитые стёкла в окне школы. Является Туркин, его костюм сзади в стружках, он подмигивает Вере на окно, она указывает ему на испачканный костюм, посылает его гасить огонь.

Прибежали Морозов, Петя, Бобров, энергично принялись за борьбу с огнём, Туркин помогает им неумело, напоминая работу клоуна.

Едет пожарная дружина: три бочки, насос. Насос – рваный, вода вырывается струйками из шланга, льётся на огонь бессильной, тонкой струёй. Зрителей это смешит. Пришёл полицейский Медников, разгоняет народ.

Прибежала Соня, спрашивает Веру:

– Подождли?

– Конечно. Слушай, Соня: я подарю тебе на платье, – скажи: учительница влюблена в Морозова?

Соня удивлена вопросом, смотрит на Веру, с досадой пожимая плечом, отвечает:

– Ты спроси её об этом..

Пожар становится тише. Зрители, позёвывая, расходятся. Лавочник Бармин благодарит Морозова за работу.

Вера – Морозову.

– Какой вы сильный, ловкий.

Морозов, улыбаясь, молчит.

– Но уж очень серьёзный. Не знаю, как говорить с вами.

– Говорите, как со всеми..

Идут к школе Лидия, Соколов; Соколов рассказывает учительнице об Углове, жестом показывая, как тот брил бороду.

– Я пошёл за ним, но потерял его из виду.

Заметив Морозова рядом с Верой, зовёт его.

Морозов идёт на зов товарища, Вера протянула ему руку, он, смеясь, показал, что его рука в саже, ушёл. Рука Веры медленно опускается; она с ненавистью смотрит в сторону школы.

Бармин – Вере. Ловок Морозов, а – не люблю я его.

Вера. Школе бы сгореть.

Бармин. Школу – жаль, а вот учительницу выгнать бы: она людей портит.

Подошёл полицейский Медников, Бармин разговаривает с ним; Вера смотрит на Лидию, Морозова и Соколова. Вдруг решительно идёт к ним.

Вера – Лидии.

– Мне нужно поговорить с вами.

Лидия приглашает её войти в школу. Уходят. Соколов и Морозов озабоченно продолжают беседовать.

Комната Лидии, чистенькая, скромная. На стене карта Европы, фотографии, полка книг. Лидия сидит у стола, Вера нервно ходит по комнате.

– Я хочу, чтоб вы приняли меня в вашу компанию. Я – злая, грубая, но это надоело мне. Я хочу быть иной. Мне – скучно. Мне так скучно, что я могу сделать бог знает что..

Поле за селом; едут в трёх экипажах жандармы, их сопровождает отряд казаков, человек десять.

Улицей села идут Морозов, Соколов; Соколов говорит:

– Итак – ты идёшь в город и скажешь Лукину, чтоб он не являлся сюда, пока мы его не позовём.

Схватил Морозова за плечо, смотрит вдаль, прислушивается.

Комната Лидии. Вера, стоя среди её, смотрит на учительницу исподлобья, недоверчиво; спрашивает:

– Чего вы хотите?

– Научить людей жить более разумно.

Стучат в окно; Лидия отдёргивает шаль, которой занавешены разбитые стёкла, в окне встревоженное лицо Соколова, он что-то шепчет, исчезает.

Лидия – Вере. Уходите, Вера; ко мне, кажется, приехали гости.

Вера – усмехаясь. Ночью-то?

Лидия. Они всегда приходят ночью.

Вера, обиженная, уходит; в двери сталкивается с Соней, оглянулась на Лидию.

Лидия быстро достаёт из ящика стола маленькую брошюру, суёт её Соне:

– Уходи, беги, спрячь!

В двери – жандарм. Соня успевает спрятать брошюру за карту Европы. Один за другим в комнату входят жандармы; Соня смотрит на них так комически испуганно, что некоторые из них не могут скрыть невольной улыбки.

Обыск. Распоряжается молодой щеголеватый жандармский офицер, сидя у стола. Лидия спокойно стоит у окна, равнодушно глядя, как жандармы сносят книги с полки на стол, где офицер просматривает их; смотрят в печь, выстукивают стены, пол, ищут тайников. Соня суется среди них, показывая, что происходящее очень интересует её, играет роль наивного подростка, сделала глуповатое лицо. Незаметно вытащила брошюру из-за карты Европы и так же незаметно сунула её в карман шинели полицейского Медникова, который стоит у двери, как деревянный, и упорно, неподвижным взглядом идиота смотрит на офицера за столом.

Вера около сгоревшей постройки следит за окнами школы, в них мелькают тени; Вера – довольна, улыбается,тирает рот платком. Подкрался Туркин, убеждает её уйти, она смеётся:

– Какой вы трус!

Обыск кончен. Офицер, кивнув Лидии голову, сухо говорит:

– Извиняюсь за беспокойство, но – долг службы.

Жандармы уходят. Медников отдаёт офицеру честь, вытянувшись, свирепо шевеля усами. Соня, приплясывая, натягивает нос вслед ушедшим жандармам; рассказывает Лидии, как она спрятала брошюру, Лидия улыбается, но – обеспокоена, выпроваживает Соню из комнаты...

Вера наблюдает, как жандармы выходят из школы, хмурится, видя, что учительницы нет среди них.

По улице ведут человек десять арестованных; среди них: Петя, молодой Сомов, они окружены казаками, жандармами. Арестованных сопровождают родственники, любопытные, в окнах домов – головы сонных зрителей. Уже светло, раннее утро. Медников, провожая арестантов, отгоняет публику, размахивает не обнажённой шашкой, кричит. Сзади всех идёт кузнец Сомов с палкой в руке; когда под ноги ему попадает камень или ком земли, он отбрасывает его сердитым пинком.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

Двое жандармов выводят со двора Морозова, включают его в общую группу арестованных. Морозова сопровождают Анфиса, Соня; Соня плачет.

Кузнец Сомов схватил Анфису за плечо, кричит:

– Уважаю твоего сына! Поняла?

Из-за угла выходят Вера, Туркин. Увидав Морозова, Вера вздрогнула, остановилась, закрыла глаза. Потом, сжав зубы, идёт вслед группе, Туркин старается удержать её. Она идёт, как во сне.

Арестованных вывели за пределы села. Медников остановился, устало вздыхает, достал кисет с табаком. Сунул руку в карман, вытащил брошюру, недоумевая, разглядывает её, приложив к глазу кулак трубкой, шевелит губами, пытаясь прочитать заголовок. Смотрит в небо, соображая. Оторвал от книжки кусок бумаги, сунул её в карман, свёртывает из бумаги папиросу. Курит, смотрит вдаль.

Идут Вера, Туркин, их сопровождает Бобров. Медников, приложив руку к фуражке, заговаривает с Верой.

Туркин. Надо было учительницу арестовать!

Медников. Всех арестуем!

На них угрюмо лезет кузнец Сомов, кричит:

– Радуетесь? Рада, лавочница?

Медников отгоняет его прочь, тыкая концом шашки в живот. Бобров хохочет. Сомов идёт дальше в поле, ругаясь, грозя кулаком.

Идут в село Медников и Бобров, дружески разговаривая. К ним подбежала Соня, идёт рядом, спрашивает Медникова о чём-то, вытаскивает из кармана его шинели книжку; кивнула им головой, отбегает в сторону, рассматривает книжку, видит, что она изорвана, – очень огорчилась.

Бобров – Медникову.

– дай табаку!

Медников даёт ему кисет, суёт руку в карман за бумагой, удивлён; выворачивает карман наизнанку.

– Бумаги у меня нет, потерял.

– Хвали бога, что голову не потерял, голова у тебя лёгкая!

В городе

Утро. Глухая, безлюдная улица; сады, заборы. Дворник метёт панель.

Из калитки в заборе выходит пропагандист Лукин, идёт.

На углу оживлённой улицы – бородатый извозчик; сидя на козлах экипажа, он внимательно, исподлобья рассматривает прохожих. Видит Лукина, глаза его блеснули. Предлагает Лукину свои услуги. Торгуются. Лукин сел в экипаж. Едут.

Лошадь извозчика вдруг взбесилась, понесла. Извозчик, делая усилия сдерживать лошадь, ещё более горячит её. Лукин готов выскочить из экипажа, но лошадь круто сворачивает во двор полицейского дома; извозчик кричит, на Лукина бросаются

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
полицейские, хватают его; извозчик, сидя на козлах, смеётся.

В маленькой комнате полицейского дома извозчик раздевается, снимает бороду, это – Углов. Он очень доволен, кланяется своему отражению в зеркале.

Кабинет жандармского офицера; офицер, сидя за столом, пишет; у стола – молодой Сомов, говорит. Офицер подаёт ему бумагу, Сомов, стоя, наклоняется, подписывает, высунув язык.

Офицер. Ты будешь получать двадцать рублей в месяц. Знай, что ты у меня – не один, и всё, что ты будешь делать, будет известно мне. Ступай!

Сомов низко кланяется, уходит.

Собрание группы революционеров, человек пять-шесть. Соколов предлагает им устроить освобождение Лукина, говорит очень горячо.

Камера тюрьмы. Лукин, лёжа на койке, стучит пальцем в стену, ведёт беседу по слуховой азбуке.

Другая камера. Морозов, стоя у окна, читает книгу; окно значительно выше его головы. Прислушивается, подходит к стене, отвечает на стук.

Городской сад. На скамье сидят Анфиса с узелком в руках, Соня, Соколов, – скручивает маленький кусок бумаги в трубку, толщиной не более спички, даёт её Соне.

– Попытайтесь, стрекоза, передать Морозову.

Анфиса, качая головой.

– Пропадёте вы все...

Соколов. Смотрите на жизнь веселее, и всё будет хорошо!

Поле за городом. Здание тюрьмы, ограждённое каменной стеною; из-за стен видно четыре круглые башни. Поле идёт Вера, смотрит на тюрьму.

Пред воротами тюрьмы – группа родственников заключённых ожидает свиданий. Соня, Анфиса, кузнец Сомов, трезвый, умыт, но лицо всё-таки чёрное, и на нём ярко выделяются странно расширенные глаза психически ненормального человека. У ворот стоят двое часовых.

Ворота открываются; волнение ожидающих свиданий. Усмехаясь, из ворот выходит молодой Сомов.

Анфиса. Выпустили тебя?

Сомов. Скоро всех выпустят.

Его окружают. Соня смотрит на него радостно, дёргает за рукав, Сомов разглядывает её, облизывая губы языком. Отец с размаху бьёт его по плечу, говорит:

– Я – пьяница, но я понимаю, что ты сидел в тюрьме за честное, рабочее дело, за правду! Идём в трактир, выпьем!

Подходит Вера; спрашивает Сомова, кузнец издевается над ней, Соня отвернулась в сторону, очень демонстративно. Анфиса говорит с Верой ласково.

Комната для свиданий заключённых с родственниками; комнату разделяет решётка из толстой проволоки. По одну сторону решётки Соня, Анфиса, – Петя и Морозов по другую. Ещё несколько пар. Стоит тюремный надзиратель с револьвером у пояса, с часами в руке; ему скучно, позёвывает.

Соня просовывает Морозову сквозь решётку записку, свёрнутую трубочкой.

Тюремный двор; прогулка арестованных. Вдоль каменной стены ходит Лукин, вдоль другой, под углом к Лукину – гуляет Морозов. За каждым из них следит надзиратель, но они разговаривают посредством азбуки глухонемых.

Ночь. Фасад тюрьмы. В одном из окон мелькает огонёк папиросы, пишет в воздухе: «Всё готово».

Поле за тюрьмой. Анфиса стоит неподвижно, смотрит в небо, шевелит губами, видимо – молится.

Раннее утро. На углу пустынной улицы человек десять маляров готовятся красить двухэтажный, видимо, нежилой дом. Ставят лестницы, тащат доски для лесов, работают не торопясь. Ими лениво командует бородатый человек, в фуражке, надвинутой на глаза, в белом переднике, обрызганном краской. Он смотрит на часы и вдоль улицы, прислушивается.

Едет карета с решётками в окнах, запряжённая парой старых лошадей; на козлах маленький старичок-кучер, рядом с ним – солидный жандарм, шашка через плечо, револьвер у пояса.

Человек в переднике взмахивает рукою; маляры начинают работать быстрее, один из них бежит за угол; оттуда выезжает огромный воз сена; правит им человек, притворяющийся пьяным. Воз встал поперёк улицы, преграждая дорогу появившейся карете. Маляры окружили воз, издеваются над пьяным, стаскивают его с воза.

Жандарм, сидя на козлах, волнуется, ругает пьяного, маляров; одни из них окружили карету, другие, якобы стараясь поворотить воз, выпрягли лошадь, толкают воз, направляя его на карету. Пред мордами её лошадей падают лестницы, доски; лошади пьются, но сзади под колёса кареты подброшены доски, в колёса сунуты малярные кисти. Человек в переднике бежит с ведром в руках, указывая жестами, что надо делать малярам.

Жандарм соскочил с козел, – человек в переднике надел на голову ему ведро, двое других схватили за руки. К ручке ведра привязана длинная верёвка, ею связывают руки жандарма за спиной, – получается очень смешная фигура. Револьвер жандарма вынули из кобуры. Жандарма кладут на землю. Стащили старика-кучера, сунули ему в рот клоч сена, связали, положили к забору.

В то же время сзади кареты открывается дверца, выскакивает другой жандарм с револьвером в руке; человек в переднике бьёт его по руке малярной кистью, револьвер выбит, тычет кистью в лицо, окрашивает его. Маляры хватают ослеплённого жандарма, вяжут. Человек сорвал с себя передник, маляры окутывают им голову жандарма.

Из кареты выскакивает Лукин, человек в переднике хватается за руку, срывает с себя бороду, это – Соколов. Смеясь, они оба прыгают через забор, исчезают.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Маляры опрокидывают воз сена к забору на связанных жандармов, разбегаются в разные стороны, сбрасывая с себя испачканные краской пиджаки и фуражки, вынимая из карманов и надевая другие фуражки, шляпы. Все быстро исчезли.

Три лошади дружески жуют сено; сено бурно шевелится, но это не пугает лошадей.

Забастовка

В маленькой комнате у окна сидит Туркин, играя на гитаре. Лицо – унылое. Перестал играть, ходит по комнате, взволнованно жестикулируя, остановился перед зеркалом, рассматривает своё лицо, – недоволен. Послюнив палец, приглаживает мохнатые брови, подкручивает усики; всячески старается придать лицу выражение очаровательное. Взбивает волосы – лицо становится испуганным. С огорчением плюёт на пол. Надел шляпу, уходит.

Внутренность трактира. В углу за столом Бобров и молодой Сомов играют в карты. Подходит отец Сомова, с похмелья, просит на выпивку у сына. Тот вынул из кармана кошелек, даёт отцу бумажный рубль. Бобров смотрит неодобрительно. Кузнец отошёл к буфету.

Бобров. Ты что же не работаешь?

Сомов. Рука болит. Плечо.

Сомов смотрит на часы; он чем-то обеспокоен.

Входит Туркин, садится у окна. Ему подают полубутылку водки, закуску.

Площадь. В дверях лавки Бармина задумчиво стоит Вера. Площадью идёт Соня.

Внутри лавки. Вера отпускает Соне сахар, взвешивая его на весах.

Вера. Что ж, выпустили из тюрьмы возлюбленного твоего?

Соня. У тебя только глупости на уме.

Вера смеётся, поддразнивает Соню, та, оскорблённая, уходит.

Трактир. Сомов бросил карты, торопливо расплачивается с Бобровым, уходит. Бобров, пряча деньги в карман, смотрит вслед ему, прищурив глаза, задумчиво.

Площадь. Соню остановил Соколов в рабочем платье, с молотом на плече. Разговаривают. К ним подходит молодой Сомов. Соколов критически осматривает его.

– Гуляешь? До свидания, стрекоза!

Соколов идёт прочь от них, Сомов спрашивает:

– Куда он?

– Говорить о забастовке, на фабрику.

Идут; Сомов вынимает из кармана горсть орехов, угощает Соню, любезничает с нею, она смеётся.

Трактир. Туркин налил рюмку водки, встал, показывает рюмку в окно, пьёт.

– За ваше здоровье, Вера!

Садится, снова наливает водки.

Берегом реки идёт нищий, старик с котомкой на спине, с палкой в руке.

Двор фабрики, заваленный бочками, ящиками, ржавым железом, частями машин. Группа рабочих, человек пятнадцать, среди них кузнец Сомов, Морозов говорит речь, подходит Соколов.

Берег реки. Бобров, с топором в руке, насвистывая, осматривает дно лодки. Мимо него проходит странник, кланяется. Бобров кивнул ему головою, наклонился над лодкой. Вдруг выпрямился и смотрит вслед страннику, что-то припоминая.

Из трактира через площадь идёт Туркин, пьяный. На крыльце лавки стоит Вера. Туркин снял шляпу, кланяется ей, пошатнулся.

– Здравствуйте, Верочка! Погубили вы меня, а?

Вера, брезгливо взглянув на него, ушла в лавку.

На площадь выбегают из улицы подростки, рабочие с фабрики кричат:

– Забастовка!

Спешно идёт Бобров с топором в руке.

Морозов в лавке, покупает продукты; Вера кокетничает с ним; озабоченный, рассеянный, он не замечает этого, уходит. Вера стучит кулаком по прилавку, шепчет в отчаянии и озлоблении:

– Не нравлюсь...

Морозов идёт площадью, встречу ему – Туркин, остановился, рычит:

– Р-рр.

Недоумевая, Морозов смотрит на него:

– Что?

Туркин, пошатываясь, размахивает руками, оскалил зубы, рычит:

– Арестант. Ненавижу.

Морозов отстранил его рукою, идёт. Вера из двери лавки видит эту сцену.

Сад. Забор. У забора стоят, глядя в щель, Бобров и Анфиса. Бобров, мягко улыбаясь:

– Трудно тебе? Боишься за сына?

Анфиса. Что делать? Дети хотят жить лучше, чем жили мы.

Под кустами на берегу реки сидит странник, чертит палкой на песке. Около него падает ком земли, он вскочил, оглянулся.

Бобров, держа в руке ком земли, спрашивает Анфису:

– Он?

– Он. Глаза – его... А это кто идёт?

Идёт молодой Сомов, из кустов высунулась палка, коснулась его ноги, Сомов, вздрогнув, остановился, видит бородатое лицо странника, ругается, грозит кулаком. Странник улыбается:

– Не узнал?

Сомов испуганно оглядывается.

– Я думал, ты не придёшь.

Странник, усмехаясь, говорит:

– Я уж давно здесь люблюсь вами, черти.

Площадь заполнена рабочими. Женщины недовольны забастовкой, ссорятся с мужьями. Соколов, как всегда, весёлый, уговаривает недовольных, его слушают внимательно. Морозов, стоя на чём-то, выше людей, говорит речь. С крыльца лавки им любитесь Вера. Идёт стороною, осторожно, полицейский Медников.

В улице, выходящей на площадь, Соню остановил Туркин, растрёпанный, без шляпы; держит Соню за руку и, дирижируя другою рукой, поёт ей песню. На глазах его слёзы, он смешон и жалок. Соня вырывается от него, смеясь.

На площади. Бобров и Анфиса торопливо, озабоченно разговаривают с Соколовым. Он слушает их нахмурился. Мимо бежит Петя, Соколов остановил его, говорит:

– Устрой сейчас же прогулку в лодках, пригласи Сомова-сына, приезжайте к лесному оврагу, – знаешь куда? Живо!

Петя убегает. Соколов и Бобров хотят идти, Анфиса удерживает Соколова:

– Что ты хочешь делать?

– Всё, что следует, мамаша.

Поспешно уходит.

Медленно идёт Анфиса, остановилась, крестится; шепчет:

– Господи, не дай одолеть врагам правды!

У неё слёзы на глазах.

Внутри обгоревшей постройки, в углу, молодой Сомов и странник; странник, держа Сомова за плечо, говорит:

– Я иду в город. Утром снова буду здесь. Гляди в оба...

Поправляет котомку за плечами, выглядывает на берег реки, уходит.

Бобров и кузнец Сомов. Бобров говорит:

– Выследили шпиона, надо поймать, идём!

– Шпион? Убью!

На выходе из села, среди кустарника, прячутся двое рабочих.

Берегом идёт группа рабочих; часть их и Сомов-сын садятся в лодку, остальные трое идут дальше.

За селом идёт странник, подозрительно поглядывая на придорожный кустарник, на плетни.

Из кустов выезжает на дорогу лошадь, запряжённая в телегу, на телеге двое, один – правит лошадью, другой сидит на задке. Испуганный странник остановился, взмахнул палкой. Из кустов выпрыгнули двое людей, накинули на голову странника мешок, повалили его на землю, вяжут.

Лесной овраг. Горит костёр. Странник – без шапки, без бороды, это Углов – привязан к дереву. У костра сидят четверо рабочих, молчат, мрачно глядя в огонь. Углов возится, пытается отвязаться. Один из рабочих встал, подошёл к нему, смотрит, крепко ли он привязан. Углов спрашивает, искривив лицо усмешкой:

– Что ж вы будете делать со мною?

Рабочий отходит, не ответив, не взглянув на него. Углов медленно опускает голову.

Пришёл Соколов, с ним кузнец Сомов, он бросается к шпиону с криком:

– Удавлю!

Его удерживают, он борется. Углов, тоже извиваясь, кричит:

– Убить вы меня не смеете!

Вздрогнув, замер, прислушивается; все рабочие тоже слушают, сумрачно переглядываясь, глядя в одну сторону. Соколов схватился за голову, лицо его исказилось. Сомов неотрывно смотрит на шпиона, стоя против его.

К костру весело, с песней подходят трое рабочих, один – с гармоникой в руках. Впереди всех, приплясывая, Сомов. Видит Углова – остолбенел, остановился, на лице – ужас. Рабочие, пришедшие с ним, ничего не понимая, но чувствуя драму, тоже замерли на месте.

Углов, бешено извиваясь, кричит Сомову:

– Подлец, это ты выдал меня! Слушайте – он тоже служит в полиции, не верьте ему...

Соколов говорит, объясняя рабочим в чём дело, указывая на Углова, Сомова. Кузнец, дико вытаращив глаза, смотрит на сына, на Соколова, на суровые лица рабочих, опускается на землю, качая головой, рычит.

Молодой Сомов бросился бежать, перескочил через костёр, запнулся за ноги отца, упал. Его схватили. Борьба.

Сомов-отец, схватив толстый сук, с размаха бьёт по голове шпиона, Углов осел к земле, повис на верёвках.

Соколов вырвал сук у Сомова, кузнец бросается на Соколова, – у него припадок буйного помешательства; страшный, с пеною у рта, он вырывается из рук рабочих и всё смотрит на шпиона. Кузнеца связали, положили на землю, он извивается.

Сомов-сын в ужасе смотрит на муки отца, вырвался из рук рабочего, который держал его, упал на колени:

– Не убивайте меня...

Рабочие, стоя тесной группой, тихо совещаются, никто из них не смотрит на Сомова. Бородатый рабочий подошёл к Углову, пощупал его, с отчаянием, безнадёжно махнул рукою.

Костёр горит всё более слабо, почти погас. Сомов-сын падает лицом в землю, отец всё возится на земле. неподвижно стоит, совещаясь, группа рабочих.

Через два дня

Площадь. Всюду стоят небольшие группы рабочих; некоторые сидят на крыльце трактира, сидят и лежат на земле, под заборами. Едет патруль казаков, разгоняет группы, взмахивая нагайками.

На крыльце лавки Бармина Вера разговаривает с казачьим офицером. Тут же, у крыльца, сидит, жуёт соломинку Туркин; костюм измят, лицо опухшее, унылое. Рядом с ним Бобров, наигрывает на балалайке, прислушиваясь к беседе Веры с казаком.

Дом сельского правления, занятый жандармами. У крыльца – часовые, солдаты.

С крыльца сходит полицейский Медников, щека у него подвязана, болят зубы. За ним двое полицейских ведут кузнеца Сомова, руки его связаны за спиной, лицо – бессмысленное, безумное.

Бежит Петя; подбежал к группе рабочих:

– Морозова арестовали. И весь стачечный комитет...

Среди рабочих – волнение; Петю окружают человек двадцать.

Солдаты и жандармы выводят на площадь Морозова и ещё пятерых рабочих. Вера испуганно смотрит с крыльца, офицер, смеясь, указывает ей на арестованных, тронул коня, отъезжает.

Из улицы, вслед арестованным, идёт толпа рабочих, настроенная бурно. Анфиса. К ней подходят рабочие, выражая сочувствие. Она говорит:

– Он сам выбрал эту дорогу.

К толпе подбегает Вера и с большою силой говорит рабочим:

– Что же вы не защищаете защитников ваших? Вас – тысячи.

Её неожиданное вмешательство сначала вызывает недоверие и насмешки рабочих, но скоро зажигает в них чувство протеста. Толпа увеличивается, волнение всё сильнее.

Двое жандармов ведут Соколова, весёлого, как всегда. Толпа преграждает им дорогу. Вера кричит, указывая на Соколова:

– И этого взяли! Не стыдно вам?

Соколов остановился, удивлённо смотрит на Веру, жандармы грубо толкают его, он упал, катится под ноги рабочих. Поняв его намерение, рабочие сгруживаются теснее вокруг жандармов, стискивая их так, чтоб они не могли действовать оружием.

В то же время толпа, расступаясь, открывает дорогу Соколову, он, согнувшись и на четвереньках, бежит к воротам дома, возбуждая сдержанный смех рабочих; они двигаются вместе с ним, прикрывая его. Анфиса, схватив Соколова за руку, увлекает его за собою во двор дома.

Кто-то поднял Веру на руки, посадил её на плечо себе, и она, возвышаясь над толпой, говорит, указывая на дом, занятый жандармами.

Скачут пятеро казаков, врезались в толпу, бьют людей нагайками, но быстро исчезают, сорванные с лошадей.

Из толпы выскочила испуганная лошадь, мчится прочь. Бобров бьёт её по крупу балалайкой, балалайка сломалась, Бобров смотрит с досадой на гриф, оставшийся в руке его.

Комната Анфисы; быстро переодевается Соколов; Анфиса, помогая ему, торопит:

– Скорей! Беги. Лесом..

Из окна дома жандармский и казачий офицера стреляют в толпу, рабочие бросают в них камнями, палками; вышибли револьвер из руки офицера.

Лавочник Бармин торопливо запирает двери лавки.

Со стороны фабрики бежит отряд солдат, впереди – унтер-офицер с обнажённой шашкой. Припадая на колени, солдаты стреляют.

С другой стороны на площадь выскочило человек десять казаков, они бьют людей шашками плашмя.

Толпа мечется по площади, тает, люди прыгают через заборы, скрываются во дворах домов.

На крыше лавки – Бармин, сидит верхом на коньке, размахивая руками, как бесноватый, кричит:

– Бей, бей!

Быстро бежит Анфиса, увлекая за собою Соню; Соня прихрамывает, лицо её искажено болью. Подбежал Бобров, помогает Анфисе.

Бобров. Ранили?

Соня. Ушибли.

Пьяный Туркин, стоя на крыльце трактира, поёт. Вдруг что-то увидел, бежит с лестницы.

Площадь опустела; в разных местах её лежат убитые: четыре трупа мужчин, женщина, мальчик. Ползёт человек с перебитой ногою.

Вера хочет подняться с земли и не может. К ней подбежал Туркин.

Бармин смотрит с крыши, наклонясь, рискуя упасть, кричит, ползёт по крыше, скрывается...

Солдаты, казаки, жандармы столпились пред крыльцом дома, затылками на площадь. Жандармский офицер, стоя на крыльце, говорит им что-то, они строятся. В окне – казачий офицер, угрюмый, мундир изорван, в пыли.

Бежит Бармин, спотыкаясь; отталкивает Туркина, поднимает с земли дочь, хочет увести её; она стоит, глядя в окна дома, куда увели Морозова. Она – ранена. Едва держится на ногах. Туркин, сидя на земле, смотрит на неё глазами преданной собаки, лицо его в пьяных слезах. Бьёт себя в грудь руками, что-то говорит.

Из дома выводят арестованных рабочих во главе с Морозовым. Их тесно окружает конвой солдат.

Поравнявшись с Верой, Морозов вздрогнул, приостановился, снял фуражку, Вера улыбается ему, протянув руку, почти падая. Бармин грозит арестованным кулаком. Туркина оттолкнули, опрокинули солдаты; он встаёт на ноги, идёт в цепь конвоя:

– Ар-рестуйте.

Конвойные отталкивают его, толкают Морозова; он всё-таки успел пожать руку Веры. Идут дальше. Рабочие снимают шапки, видя убитых.

Вера смотрит вслед им, медленно идя с отцом к лавке, страдальчески улыбается.

Дом, где жил Морозов. У ворот стоит Анфиса, в окне лица Сони и Пети.

Ведут арестованных. Анфиса низко кланяется им. Соня высунулась из окна, кричит:

– До свидания, милые!

Один из конвойных, ругаясь, прицеливается в неё, она исчезает.

Анфиса стоит у ворот, глядя вдаль. Подошёл Бобров.

– Что, мать?

Бобров гладит её плечо, она уклоняется от его ласки, глядя вдаль.

По пути на дно

Эпизод 1 Лука

I

Сельский сход. Мужики обсуждают вопрос о покупке лугов у помещика. Сильное волнение, горячий спор, толпа – человек тридцать домохозяев, всё пожилые люди и старики. Особенно взволнован один из мужиков, человек лет сорока; он оборван, как нищий; он потрясает своими лохмотьями, хватая за руку женщину, свою жену, она вдвое моложе его, миловидна, одета приличнее его.

Мужика отталкивают – надоел, все бедны, он, видимо, жалуется на жену: плохая работница; жену конфузит отношение к нему, его бедность; вырывая из его рук свою, она тоже отталкивает его. Сход – на улице, пред избою старосты; староста сидит на крыльце, посмеиваясь, смотрит на борьбу жены и мужа, подмигивает ей. Староста впоследствии – Лука «На дне»; сейчас это лысоватый, благообразный человек, лет 45. К волнению и спорам мужиков он относится равнодушно. Сход выбирает депутацию к помещику, четверых мужиков, в их числе – бедный мужик. Депутаты предлагают идти с ними старосте, он отказывается. Перекрестясь, депутаты идут. Остальные – расходятся по избам; староста остаётся сидеть на

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy.krylytse. Мимо его идёт жена бедного мужика, спрашивает, усмехаясь:

– Придти?

– Приходи.

Улицей идёт старик-странник, с палкой в руке, котомкой за спиной, с котелком для пищи у пояса; остановился против старосты, просит милостину; староста отмахивается от него рукою:

– Ступай, ступай; много вас шляется, дармоедов!

– Смотри! Все люди – странники на земле, все некрепко на месте сидят!

Эти слова раздражают старосту, сойдя с крыльца, он указывает страннику дорогу вдаль, толкает его в плечо:

– Прочь! Марш!

Странник – идёт; отошёл и, обернувшись, указывает рукою в небо, качает головой. Староста сурово смотрит на него, грозит ему пальцем.

II

Парк. Площадка для крокета. Играют: юнкер (ученик военного училища), его партнёрша – дама, старше его лет на десять, эффектно одета, подчёркнуто красивые жесты актрисы. Противники: девочка-подросток, очень подвижная и комичная, молодой фатоватый человек, тоже актёр. Юнкер – Барон «На дне». На скамье сидит, следя за игрою, отставной военный, больной человек, отец юнкера. Подходит горничная, докладывает:

– Мужики пришли!

Помещик морщится, встаёт; юнкер, подхватив его под руку, предлагает даме:

– Идёмте смотреть; мужики – это всегда смешно!

III

Мужики излагают помещику свою просьбу; один из них всё время удерживает бедного, который хочет что-то сказать; он вырвался, бросился на колени и кричит о своей нужде; юнкер находит в его отчаянии что-то смешное, он и актёр – смеются; дама – упрекая, останавливает их; помещик говорит:

– Но – разве староста не сказал вам, что он уже купил у меня эти луга?

Мужики – поражены. Один из них, надев шапку, идёт прочь, двое других – смущённо опустили головы, четвёртый, простояв на коленях ещё несколько секунд, поднимается медленно, пошатнулся. Юнкер, смеясь, бросает к его ногам монету, тот – не видит его, растерянно осматривая всех.

IV

Мужики возвращаются в деревню, обсуждая положение.

– Теперь староста выжмет кровь из нас.

Один из них говорит бедному:

– Ты скажи твоей жене, чтоб она упросила старосту перепродать луга нам, он её послушает, она ему – хозяйка.

Все трое – смеются раздражённо. Четвёртый смотрит на них, соображает, понял, бросается с кулаками. Его сбили с ног, ушли.

V

Полею идёт мужик, рассуждая сам с собою, считает что-то на пальцах; остановился, смотрит вперёд; у него лицо человека, переживающего тяжёлую драму. Принял какое-то решение, быстро идёт дальше.

VI

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Ночь. Идёт мужик с верёвкой в руках, подходит к воротам старосты, прикрепляет верёвку, суёт голову в петлю. Это – своеобразный обычай мести, принятый в племени мордвы: оскорблённый вешается на воротах оскорбителя.

VII

Через полчаса. На крыльцо выходит староста, за ним – жена самоубийцы, она обнимает его, целует; он, ласково улыбаясь, гладит её голову, щёку, она быстро сбегает с крыльца, идёт налево, видит удавленника, – испугалась, бежит снова к старосте; он – встречу ей, отталкивает женщину, стоит, окаменев, не в силах оторвать глаз от самоубийцы. В первую минуту женщина может не узнать мужа, затем – узнаёт, вскрикнула, пятится, воровато оглядываясь, бежит прочь. Староста – прирос к земле, его голова опущена, руки повисли вдоль тела, так же как у самоубийцы.

VIII

Рассвет. Перед двором старосты – народ, мужики, бабы; смотрят на удавленника, на старосту; он стоит у крыльца; указывают на него глазами друг другу. К нему подходит один из мужиков-депутатов, говорит:

– Что, – погубил человека?

Старуха грозит палкой.

Староста смотрит исподлобья на людей, они всё ближе подвигаются к нему; возможно – сейчас его ударят, начнут бить.

IX

В улицу въезжает коляска, запряжённая парой лошадей; в коляске – юнкер, дама, они встали, смотрят на удавленника, на толпу; юнкер смотрит так, как будто ищет и ждёт: когда и кому надо аплодировать? Бабы ведут под руки жену самоубийцы, она бьётся в их руках, боясь взглянуть на труп. Один из мужиков рассказывает юнкеру о происшествии; юнкер говорит даме своей:

– Оказывается, это – драма.

Внимательно и брезгливо наблюдая за женою самоубийцы, дама говорит:

– Но на сцене, в театре движения и жесты этой женщины были бы неестественны и даже неприличны.

– Разумеется. Вообще, это – люди для неприличных трагикомедий. Кучер, пошёл!

Едут дальше.

X

Отвлечённые появлением коляски, люди несколько успокоились. Какая-то женщина предлагает старосте воду в ковше, он, отстраняя её руку, сурово смотрит на жену самоубийцы, она – в стороне, среди женщин, издевающихся над нею. Староста шагнул вперёд, говорит мужикам:

– Отказываюсь от лугов в вашу пользу. Вижу – смутил меня дьявол.

Медленно уходит в дом; среди мужиков радостное удивление, один из них, указывая на самоубийцу, говорит:

– Не напрасно, значит, жизни решился.

XI

Вечер. У ворот старосты – труп, покрытый рогожами или рядом [11]. Перед крыльцом – мужики, бабы, мальчишки. На ступенях крыльца – полицейский чиновник – становой пристав [12], сзади его – стол, за столом писарь пишет протокол допроса. Староста стоит пред полицейским, говорит, указывая на жену самоубийцы:

– Я её насильно заставил жить со мной, она не виновата...

Полицейский отдаёт приказ арестовать его; мужики берут старосту под руки, уводят. Полицейский грозит пальцем женщине, кричит на неё, она стоит, искоса глядя вслед арестованному; лицо её – тупо, но из глаз катятся слёзы.

XII

Ночь. Изба для арестованных, полускрытая деревьями; в стене – маленькое квадратное окно, его снаружи перекрещивают две нетолстые железные полосы. У двери сидит и спит мужик-сторож, на коленях у него – палка. В окне показывается рука, пробуя крепость прутьев железа, разгибает, отрывает их, – появляется лицо старосты. Среди деревьев – женщина, с камнем в руке, она показывает старосте камень, указывая другою рукой на сторожа. Староста делает запрещающие жесты, лицо его скрывается, он выламывает косяк окна, расширяя его.

XIII

Среди деревьев – староста и жена самоубийцы, она хватает его за руку, за плечо, говорит:

– Не оставляй меня тут! Подумай – что со мной будет?

– А – со мной что будет?

Скрывается в деревьях. Женщина смотрит вслед ему, оглянулась вокруг, идёт куда-то.

XIV

Дорога, уходящая глубоко вдаль. Пустынное поле. Идёт странник с котомкой за плечами, с палкой в руке, у пояса – жестяной чайник и котелок, он одет совершенно так же, как странник первой картины, но это – староста, Лука.

Эпизод 2 Сатин

I

Маленькая комната, окно в сад; койка, полка книг, под нею – стол, на столе тоже книги, лампа, на стенах – репродукции картин. Вечер. У окна сидит телеграфист Сатин, 23–25 лет, увлечённо читает книгу, на нём белая тужурка. Поднимает голову; лицо – взволнованное, это лицо мечтателя. Он говорит, восторженно улыбаясь, как человек, который нашёл истину:

– Да, всё – в человеке, всё – для человека.

Стук в дверь.

– Войдите!

II

Входит домохозяйка, бедно, но прилично одетая женщина с усталым, печальным лицом; Сатин – встаёт, вежливо подвигает ей стул, она жестом отказывается сесть, говорит:

– Должна снова предупредить вас: завтра дом и всё имущество моё продадут с аукциона и я, с дочерью, буду выброшена на улицу.

Уходит. Сатин, задумчиво и точно проснувшись, потирает щёки, глаза, потом смотрит в сад.

III

В саду, по дорожке, нервно ходит девочка, хромя, на костыле, ей – лет 17–18. Обняла ствол дерева, прижалась к нему, плачет.

IV

Сатин ходит по комнате, возбуждён, хочет закурить, в коробке нет спичек, с гневом бросает её на пол, надел фуражку, уходит.

V

Задумчиво сидит в аллее городского сада, на скамье; в пальцах левой руки – незажжённая папироса. Идут: юнкер – Барон – под руку с его дамой, юнкер курит. Приподняв фуражку, Сатин просит огня; пренебрежительно взглянув на него, юнкер бросает свою папиросу к ногам Сатина. Сатин – возмущён, гневно наступил ногою на дымящуюся папиросу, бросил свою, сжал кулаки, шагнул вслед юнкеру, но остановился, махнув рукою. Снова сел, вынул из кармана деньги, считает.

VI

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Игорный дом. Сатин играет, за столом с ним фатоватый актёр, полупьяный тучный человек и вороватый мещанин, лет сорока, – Костылёв «На дне» должен напомнить о нём. Тучный человек ведёт себя хвастливо, зажигает от огня свечи крупный кредитный билет, закуривает от него папиросу. Сатин видит это, хмурится, перед ним возникает хромая девушка, плачущая в саду. (Повторить картину. [Прим. авт.]) Он смотрит на партнёров ненавидящими глазами. Он много выиграл, перед ним куча кредитных билетов. Человек, похожий на Костылёва, незаметно сбрасывает рукавом деньги Сатина на колени себе, потом ставит их как свои.

VII

Игра – азартна, все, кроме тучного, возбуждены. Актёр проигрывает, вороватый человечек – тоже. К тучному подходит дама сомнительных достоинств, курит, щурится, кладёт ему руку на плечо, но делает глазки Сатину, он смотрит на неё сурово. Все – пьют; подносит вино лысый лакей с уродливым лицом.

VIII

Сатин – проиграл. Ставит часы. Тучный человек – хохочет. Вороватый, осмотрев часы, даёт Сатину десять рублей. Сатин поставил, проиграл. Встаёт, очень медленно. Актёр, тучный человек, дама – смеются.

IX

Сатин идёт по улице. Он – сильно выпивши. Рассвет. Сатина догоняет вороватый человечек, говорит:

– Я – тоже проиграл.

Идёт рядом, оглядываясь назад, убеждает:

– Но выигрыш можно вернуть.

– Как?

Их обгоняет извозчик, в экипаже – тучный человек и дама. Извозчик едет медленно, тучный человек качается, дремлет, поддерживаемый дамой. Спутник Сатина ускоряет шаг, увлекая за собою и Сатина.

X

К двери большого дома подъехал извозчик; тучный человек тяжело вылезает из экипажа, дама, тоже пьяная, делает ему прощальный жест рукою, толкает извозчика в спину, тот едет быстро, сворачивает за угол. Пошатываясь, пьяный человек пытается попасть пальцем в кнопку звонка, не попадает. На него с разбега налетает спутник Сатина, сваливает толчком на землю, садится верхом на живот, ловко роется в карманах, вскочил, сунул Сатину в руки пачку денег:

– Проигрыш и выигрыш!

Бежит. Сатин, взглянув на деньги, тоже бежит в другую сторону. Пьяный сел на земле, смотрит вслед ему и, медленно открыв рот, – кричит, глаза его закрыты; очень комичен.

XI

Утро. Сатин – дома, ходит по комнате, прислушивается. На столе пачка денег, он косится на них. Входит домохозяйка. Сатин указывает ей на деньги:

– Я достал для вас немного денег, может быть, вы возьмёте?

– Это очень великодушно, но... вы сами бедный человек...

Она очень тронута, почти до слёз, смотрит на него благодарно, обращается к двери, зовёт:

– Лиза!

Входит хромая девушка, мать объясняет ей, в чём дело. Сатин стоит боком к ним, девушка подходит к нему:

– Откуда у вас эти деньги? Это – ваши, это – честные деньги?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Сатин отвечает не вдруг, пожимая плечами:

– Да, честные; я заплатил за них моей честью..

– Это – двусмысленно.. Мама – на минуту!

Уводит мать. Сатин схватил деньги и рвёт их, бросает на пол, расшвыривает ногами. В ту же минуту входит полицейский чиновник, за ним – тучный человек, его дама, ещё полицейские, комната наполняется людьми, Сатина хватают за руки. Он – не сопротивляется, покорен.

XII

Ночь. Камера тюрьмы. На нарах – пятеро арестантов; они при свете двух огарков свеч играют в карты. Благообразный арестант с окладистой бородою, с подкрученными вверх усами, обучает товарищей играть фальшиво. Среди его учеников – Сатин.

XIII

Камера. Все уснули. Сатин сидит на нарах, обняв колени руками, покачиваясь. Потом встал, подошёл к стене, царапает её осколком стекла; из-под его руки на стене являются слова:

«Всё – в человеке, всё – для человека!»

Смотрит на эти слова и смеётся.

Эпизод 3 Барон, Настя

I

Лотерея-аллегри[13] в пользу бедных в провинциальном городе. Зал с колоннами и хорами; киоски, дамы продают шампанское, фрукты, цветы. На эстраде дама, с которой Барон играл в крокет, неистово декламирует стихи, у неё – преувеличенные жесты бездарного человека. В одном из киосков продаёт шампанское толстая дама, одетая роскошно и безвкусно, сзади её миловидная горничная, это – Настя «На дне», она убирает пустые бутылки, моет бокалы.

II

По залу ходит Барон, покупая в киосках разные вещи, он уже весь обвешан купленными вещами, к пуговицам его жилета, к лацканам фрака привешены детские игрушки, куклы, лошадки, паяцы, к галстуку он прицепил ручное зеркало, в одной руке – бильбоке[14], другою он раздаёт свои покупки дамам. Он делает это смешно и вообще ведёт себя ребячливо, но – мило и забавляет людей. Даме, которая декламировала, он предлагает ручное зеркало, говоря:

– Вам, отражающей в себе души женщин всего мира!

Она спрашивает:

– Ты достал денег?

– Да, но они уже разлетелись, как птички.

Лёгким движением руки она отстраняет его, отходит.

III

У киоска двое: Барон и офицер-улан, очень картинный, в лаковых сапогах, сабля; фат; хорошо знает, что он красив. Его появление ослепляет Настю до того, что из рук её выпал бокал, разбился. Толстая дама делает ей выговор. Барон шутит с дамой, пьёт шампанское с нею; Барон – нетрезв, комичен, но не потерял сознания своего комизма, он даже играет на нём.

IV

Танцы. На хорах играет военный оркестр. Среди танцующих, мешая им, ходит Барон, раздаёт с поклонами игрушки дамам. Его дама танцует с уланом мазурку. За колонной – Настя, очарованно следит, как танцует улан. За Настей наблюдает тучный человек в сюртуке, уже знакомый по эпизоду Сатина. Облизывая усы, подкручивая их, он подходит к Насте, заговаривает с нею, она отвечает, не отрывая глаз от улана.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.u

V

Кончили танцевать. Идёт улан с дамой. Барон даёт улану игрушечную лошадку:

– Вот – золотой конь, необходимый тебе, на нём ты всего быстрее достигнешь – любви!

Дама гневно сверкнула глазами:

– Вы находите это остроумным?

Барон – кланяется, пошатнулся.

VI

Настя слышит слова Барона, вздыхает. Человек в скюртуке, усмехаясь, говорит ей что-то. Толстая дама нашла Настю, делает ей сердитый выговор; Настя не сразу обращает внимание на неё, она – как во сне. Тучный человек отошёл.

VII

Из двери под вывеской «Контора по найму прислуги» выходит Настя. Плохо одета, очень похудела. На улице, пред конторой, играет на гитаре и поёт старик, уличный музыкант. Настя остановилась, слушает. Идёт Барон, одетый небрежно, тоже остановился. Берёт гитару из рук старика, пробует играть, не умеет, смеётся. Настя ушла. Барон предлагает старику продать инструмент, тот отказывается. Барон вынимает из карманов деньги, суёт их в руку старика, наконец удивлённый старик отдаёт ему гитару, быстро уходит прочь, оглядываясь. Барон идёт в противоположную сторону, пробуя струны, задевает грифом тучного человека, тот сердито кричит. Барон взглянул на него, улыбнулся, идёт дальше.

VIII

На скамье городского бульвара сидит Барон, пробует играть на гитаре. Грозит ей пальцем. Снова играет. Перестал. Задумался. И, с размаха ударив гитарой по дереву, вдребезги разбив её, швыряет прочь гриф, идёт, сунув руки в карманы, насвистывая.

IX

Ворота тюрьмы. В стороне от них, прислонясь к столбу фонаря, стоит вороватый человек, – тот, который ограбил пьяного. Ворота открываются; из них выходит с узелком в руке красивая девушка, – впоследствии это Василиса «На дне». Пугливо оглядывается, быстро идёт. Вороватый человек следует за нею.

X

Настя, с книгой в руке, сидит на скамье в аллее городского сада, глаза её закрыты; в мечтах она видит улана, танцующего мазурку. По аллее идут пятеро арестантов, сопровождаемые тюремным надзирателем. Сзади всех – Сатин, он показывает девушке, сидящей на скамье, нос, смеётся, говоря что-то надзирателю.

XI

Тучный человек садится на скамью рядом с Настей. Вынул портсигар, закуривает. Настя взглянула на него равнодушно, не узнала. Он, приподняв шляпу, заговаривает с нею.

XII

Сатин сидит на земле, около дорожки сада, дробит молотком камни на щебень для мощения дорожки. Мимо его идут Настя и тучный человек, последний, размахивая тростью, почти задел Сатина, тот сердито вскинул голову, но тотчас же быстро опустил её, искоса, волком смотрит в спину тучного человека.

XIII

Улица. Маленькая церковь. С паперти её сходят только что обвенчанные вороватый человек – Костылёв – и девушка – Василиса; её сестра Наташа, лет семи-девяти; полицейский Медведев, молодой, с глупым лицом; толстый скорняк Бубнов. У Василисы – лицо приговорённой к несчастью.

Верхом на лошади едет Барон, задумчив, наезжает на людей, идущих из церкви, своротил, пришпорил лошадь, едет рысью.

XIV

В загородном ресторане за столиком сидит Барон и, разрывая газету, делает из

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy кусков бумаги фигурки гусей, коробочки, лодки. Против него, за столом, – тучный человек, пьёт вино и наблюдает за Бароном. Барон – заметив это, улыбается, предлагает:

– Послушайте, купите у меня лошадь.

– Я покупаю только женщин.

Барон усмехнулся, встал, подошёл к нему, сел рядом.

XV

На извозчике едут, распевая, Барон и его новый знакомый, оба пьяные. Извозчик, качая голову, смеётся.

Преступники

1

Унылая, кочковатая местность, – осушенное болото. На фоне мелколесья – частокол, над ним возвышается крыша, одна из них увенчана луковицей и крестом.

2

Частокол, в нём – широкие ворота, в левом полотнище – калитка с «глазком». Над воротами дугой – вывеска:

КОЛОНИЯ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

ОСНОВАНА В 1885 ГОДУ ТЮРЕМНЫМ КОМИТЕТОМ

НА СРЕДСТВА, ПОЖЕРТВОВАННЫЕ КУПЦОМ ПЕРВОЙ ГИЛЬДИИ Я.С. ЧЕРНОБЫЛЬНИКОВЫМ И ДРУГИМИ ИМЕНИТЫМИ ГРАЖДДАНАМИ.

3

Двор колонии. Два деревянных одноэтажных корпуса один против другого – мастерские столярная и сапожная. В середине их – сараеобразная церковь, она же и школа. Около двери её, на перекладине двух столбов – колокол. Вправо и влево от церкви – по косой линии, как два её крыла – спальни преступников, в окнах – железные решётки. В глубине – двухэтажный дом администрации, сарай, погреб, за ним огород.

4

Администраторы и воспитатели: Антон Васильевич Полувеков, смотритель колонии, бывший полицейский офицер, человек полубольной, тощий, раздражительный, одет неряшливо, белый китель, брюки на выпуск, ночные туфли, полицейская фуражка. Прихрамывает, ходит с палкой.

5

Оношенко – помощник смотрителя – толстенький, круглый, благодушный старичок, тоже бывший полицейский. На пухлом личике – неувядаемая улыбочка, руки всегда в карманах брюк.

Надзиратели. Четверо, люди в возрасте от сорока до шестидесяти лет.

Повар Буянов, человек огромного роста и дикого вида, широколицый, небритый, лохматый, с выкатившимися глазами. Пьяница.

Трое сторожей, вооружены охотничьими двухстволками. Один из них – Миша, старый солдат, на обязанности его – пороть преступников розгами. Он – человек с хроническим насморком, часто чихает.

Поп, он же учитель грамоты. Суетливый, захудалый и как будто испуганный чем-то маленький старичок. Держится в стороне от всех, руки всегда за спиной. Ходит мелкими шагами, осторожно.

Климов – сапожник, угрюмый, лысый старик, с густыми бровями. Прислуживает в церкви за дьячка.

Яшин – столяр, весёленький пьяница.

6

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Утро. Один из сторожей звонит в колокол. Сапожник Климов открывает дверь церкви.
Надзиратели Ордынцев, Ивановский, Судаков и Делягин – у дверей барачных,
командуют:

– По трое в ряд – стройся! Смирно! На молитву – мар-ррш!..

7

Одновременно из обоих барачных идут преступники, их в общем сто – сто двадцать;
мальчики возраста от 10 до 15 лет. Человек десять кажутся старше. Все гладко
острижены, в круглых шапочках без козырьков, в однообразных курточках и лыковых
лаптях.

Надзиратели командуют:

– Ногу, ногу держи, черти оголтелые!

– Ать, два. Ать, два!левой, левой!..

Следует подчеркнуть фигуры:

Васька Лисица – парень с виду лет 17, остроносое лицо, худощавый, ловкий,
насмешливо прищуренные глаза. Он – любимчик Оношенко, шпион.

Иван Смирнов – лет 15, крепкий парень, лицо серьезное, даже суровое, тяжёлая
походка.

Арап – лет 12, изящный, ловкий, красивый.

Алёшка Чумовой – тоже лет 12–13, очень детское лицо, горячие глаза фантазёра.

Ерохин – мальчик лет 15, угрюмый, нахмуренные брови, кажется старше своих лет.

Сушков – слабенький, тощий, нервный, лет 11–12.

8

Из-за угла церкви выходят: повар, столяр.

Их обгоняет попик, бежит в церковь. Идёт Оношенко. Буянов и Яшин останавливают
его, шепчутся. Оношенко – кивая головой:

– Ладно, валяйте. (Кричит.) Лисица!..

9

Буянов, Яшин за углом церкви дают Лисице деньги:

– Валяй в село. Возьмёшь с собой Сашку Макова. Принесёте по четыре бутылки.
Быстро!

Лисица. Знаю!

Буянов. Как только кончится порка, смотритель уйдёт, – так и беги!

Лисица. ладно. (Убежал в церковь.)

Яшин. Всю ночь не спал, комары едят, клопы едят.

Буянов. А того больше – скука ест.

10

Идёт Полувеков, за ним надзиратель со стулом и сторож Миша с пучком розог под
мышкой. Полувеков, ответив на поклоны повара и столяра, проходит в церковь.
Надзиратель Судаков приносит скамью.

Яшин. Драть будем, дядя Миша!

Миша. Обязательно. Субботний расчёт за грехи недели, как полагается.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Яшин. Любишь ты это дело!

Миша. Заставят, и ты полюбишь.

Буянов. От скуки и самого себя выпороть можно.

Яшин. Вон как воют молитвы! И на кой пёс мальчишков этих берегут? Мастеровых из них не сделаем, работать они не охочи, да и силы у них нету, кормим плохо.

Буянов. Это ты врёшь. Кормим отлично.

Миша. Толокно–то загнило, да и капуста...

Буянов. И ты врёшь. Гляди: смотритель услышит...

Яшин. Воруете вы с Оношенко многовато...

Буянов отходит прочь.

11

Из церкви выходят преступники, надзиратели строят их в три колонны, покоем [15]

Командуют:

– Смирно! Эй, кто там шапки надел? Снять!

12

Яшин (щупая розги). Сучков на розгах нет?

Миша. А тебе какое дело?

Яшин. Намедни ты сучками до крови изранил мальчишек.

Миша. А они, сукины дети, сами розги резали, сами бы и смотрели – есть сучки али нет.

Яшин (вздыхает). Эхе–хе. Зряшное это дело.

Миша. А ты – попробуй переделай!

13

Из церкви выходят Полувеков и Оношенко.

Полувеков. Здорово, колонисты!

– Здравия желаем, Антон Васильевич!

Полувеков садится на стул, Оношенко подаёт ему список преступников, подлежащих наказанию. Надев пенснэ, Полувеков говорит:

– Смирно! Ну, что же? Опять за эту неделю двадцать три зверёныша заслужили наказание? Вы, скоты, всё ещё не можете понять, что место ваше – в тюрьме, среди воров и убийц, среди каторжников и что здесь вы живёте из милости, по доброте людской, по милосердию честных людей! Не понимаете этого? Ну, и пеняйте на себя. Сегодня будут наказаны (читает): Смирнов Иван за дерзости помощнику моему, за непослушание приказу надзирателя и воспитателю Климову, за разбитие стекла в окне – пятнадцать розог. Я тебя, Смирнов, усмирю. Ты у меня забудешь, как на мачеху ножом замахиваться.

Смирнов. Не ножом, а стамеской.

Полувеков. А за то, что ты смеешь поправлять меня, я тебе прибавлю ещё пяток. Двадцать – Смирнову! Михаилу Арапову за неприличное поведение в церкви – пятнадцать розог.

Арапов. У меня, Антон Васильич, живот болит...

Полувеков. Молчать! А то – прибавлю. Слесареву и Югову за драку – по десять.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy
Ерохину, Сушкову, Макову и обоим Ивановым за кражу каравай белого хлеба –
чистить отхожее место. Сверх того, Ерохину, за то, что прикрывал соучастников
кражи, – десять розог. Я тебя, Ерохин, переломлю! Алексею Чумову за оскорбление
преподавателя Климова – десять. Деева, Трофимова, Сидельникова на воскресенье в
карцер. Остальных на завтра – без прогулки. Завтра наиболее отличившиеся
поведением примерным идут в лес, за грибами. Таковых... Семнадцать человек. Начать
эзекуцию со Смирнова. Делай! Солил розги?

Миша. Так точно!

Полувеков. Покажи рукавицу.

Миша показывает.

14

Двое надзирателей ведут Смирнова к скамье. Миша расправляет розги, пропуская их
сквозь кулак, – на руках у него кожаная рукавица, смоченная солёной водой, он
оглаживает розгу после каждого удара по телу наказуемого. Делалось это якобы в
целях гигиенических. У ног Миши деревянное ведро с рассолом. Смирнов упирается,
мычит. Его кладут, двое надзирателей держат за ноги и за руки.

Оношенко (считает). Раз. Два. Три... Миша – не фальшивь! Четыре!

Полувеков. Смирнова за сопротивление – в карцер на сутки.

15

К скамье ведут Ерохина. Из фронта выскакивает Сушков, бросается в ноги
Полувекову, визжит:

– Не бейте меня... Простите! Я не буду, Антон Васильич – я не буду...

Полувеков. Убрать!

Оношенко оттаскивает Сушкова за ногу. Среди ребятишек некоторые, человек пять –
восемь, испуганы, плачут.

16

Из окна дома администрации смотрит на эзекуцию жена Оношенко, толсторожая баба
лет сорока, смотрит с наслаждением. Из-под руки её выглядывает дочь Полувекова,
девочка лет 12.

Оношенко. Гляди, какие у них крутенькие да крепкие. (Крякает.) Ты, Людмилочка,
не высывайся очень-то, папаша увидит, заругается. Не велит он показывать тебе,
как мальчишек секут.

Людмила. А девочек тоже секут?

Оношенко. И девочек – тоже. Наука. Не накажешь – не научишь. Меня, милая, так
били, что, бывало, даже все чувства повыбьют, ни крику, ни дыхания нет. Отец
бил, потом – тётка, а как отдали в ученье, в швейки – хозяйка драла за волосы
или по щекам нашлапает.

Людмила. Михайловна, отчего так нехорошо везде? Только в лесу и хорошо.

Оношенко. В лесу, милая, очень даже хорошо! Где людей нет, там всегда прелестно...

Людмила. Скорее бы – осень и снова в училище. Там хоть дразнят меня за то, что
хромая...

Оношенко. Там, конечно, подруги... Гляди, как Сушков-то извивается... ишь ты!

Людмила. Не хочу!

Оношенко. Ой, что ты кричишь! Спрячься скорей, присядь.

17

Полувеков – встал на ноги, смотрит в окно дома, грозит палкой. Яшин – льёт
горстями воду на голову Сушкова, лежащего в обмороке на земле.

Преступники учатся

1

Школа. Алтарь и амвон скрыты занавесом. На грубых деревянных партах двадцать пять – тридцать малышей. На задних партах – шалют, возятся. За передней стоит Сушков. За столом – попик, непрерывно нервно барабанит пальцами, в левой руке – линейка. Он говорит мальчику, стоящему за первой партой:

– Оказывается, ты, Анисимов, ничего не знаешь о сотворении мира. Сие не похвально, даже постыдно и достойно возмездия, кое и не минует тебя. Садись. Маков! Расскажи о потопе. Маков, тебе говорю – встань!

Маков. Меня держат.

Поп. Кто держит? Беси?

Маков (подскочил). Ой!

[Поп]. Что это значит?

Маков. Они щиплются.

Попик подходит к парте и бьёт линейкой плашмя по головам соседей Макова, кстати и по его голове.

– Говори!

Маков, шмыгая носом:

– Когда людей расплодилось много, они начали строить Вавилонову башню.

Попик. Зачем же это?

Маков. Чтобы спастись от потопа.

Попик. Так-так-так! Ну?

Маков. А этот... Ной, выстроил... баржу.

Попик. Дурак. Но – продолжай.

Маков. Тут у них смешались языки...

Попик. Так-так-так! Что значит – смешались языки?

Маков. Я не знаю.

Попик. Так. Ну, ты тоже ничего не знаешь, как Анисимов, Евченко и все другие. А не знаете вы потому, что не хотите знать. О чём и будет доложено зрителю.

Маков. Батюшка, у нас время нет учиться.

Поп. Лжёшь.

Маков. Да вы сосчитайте часы-то!

Поп. Молчи. Ой, Маков, прикуси язык свой дерзкий! Начнём пение. Пожалуйста сюда, беси болотные, кикиморы!

Мальчики становятся полукругом у стола. Попик достал камертон и командует.

– Начинайте «Волю»! Ну – раз, два!

Взмахивает руками; дети поют:

Ах ты, воля, моя воля,
Золотая ты моя.
Воля – сокол поднебесный.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

Воля – светлая заря.
Не с росой ли ты спустилась?
Не во сне ли вижу я?
Аль горячая молитва
Долетела до царя.
Знать, услышал он, голубчик,
Про житьё–бытьё, нужду,
Знать, увидел он, родимый,
Горемычную слезу.

2

Столярная мастерская. Перерыв в работе. Десятка два мальчиков окружают Яшина и Лисицу. Смирнов и Ерохин в углу, сидя на верстаке, о чём-то перешёптываются. Яшин – пьяненький, благодушен. Лисица показывает, как надобно воровать кошельки из карманов и как «перетыривать» их из рук в руки. Яшин восхищается:

– Это-то фокус! Это – ловко! Ах, сукин кот! А часы срезать можешь?

Лисица. Часы, Степан Иванович, трудно. Это очень трудно!

Лапотошник. Бумажник – значит, тоже трудно стырить...

Вошёл Оношенко, стоит и наблюдает.

Яшин. Постой, сукин кот! Да ты уж слямзил часы-то! Ах, дьявол!

Оношенко. А Лисица учит ребят лучше, чем ты, Яшин, а? Ты, старый чёрт, опять балуешь? Гляди, – смотрителю доложу! (Бьёт Лисицу.) Я тебе, сволочь, говорил, чтоб ты бросил фокусы эти? Говорил?

Яшин. Ты – не сердись, не бей его! Он – хват! Эх, зря вы его держите здесь! На воле он – барином жил бы...

Оношенко. Будет болтать! Эй вы, за работу! Смирнов, Ерохин, опять вместе? Я кому сказал, что вместе вам не полагается быть, а? Запишу (вынул книжку, пишет).

3

Сапожная мастерская. Мальчики сучат дратву, кладут заплаты на обувь, клеят каблук, подошвы. Медленно шагает Климов, присматриваясь к работе. В руке – шпандырь. Он колотит им ребятишек по головам, по спинам, кричит:

– Как держишь головку, болван? Положи на колено. Конец шила сломан – не видишь? Отточить надо. Это что? Кривой каблук-то клеишь, осёл! Ну, отдых на четверть часа. Шабаш. Куда побежали? Не смей! Дьяволята. За вас Христос страдал, святые угодники мучились, зверям на съедение шли, а вы, дьяволы дети, в церкви воняете. (Сел на стул у окна.) Собирайтесь сюда, живо! (Ребята окружают его.) Намедни я вам рассказывал житие святых Кирика и Улиты, а сегодня слушайте Пантелеймона Целителя и великомученика житие. Не толкайтесь, мало вам места? Зверята! Тише! (Откашлялся.) В царствование императора римского... Арап, это что такое император?

Арап. Царь.

Климов. Какой?

Арап. Всё равно какой, всякий.

Климов. Осёл! Не всякий, а всероссийский.

Арап. Вы сказали – римский.

Климов. Я тебе, харя, объяснял: римских больше нет, в Риме теперь папа сидит. Дурак, тупая башка! Ты. чего смеёшься, косая морда!

4

На дворе, за домом администрации, преступники пилят дрова, укладывают их в поленицы, толстые поленья раскалывают. Роют канавы для стока воды. За ними наблюдает надзиратель. Работают молча.

За углом церкви – Арап, Чумовой и Людмила, она – хромая, с костылём.

Людмила. Вы – не стыдитесь...

Чумовой. Чего стыдиться?

Арап. Не мы порем, а нас порют. Наплевать нам на стыд.

Людмила. Девочек тоже секут.

Чумовой. Тебя – секли?

Людмила. Мне Оношенкова жена сказала, что секут.

Арап. Она – стерва.

Чумовой. Настоящая стерва. Ты её не слушай!

Людмила. За что вы её ругаете? Она – добрая.

Арап. Она с Лисицей живёт.

Людмила. Неправда! Она – с мужем, а Лисица – с вами в бараке живёт.

Мальчики, усмехаясь, переглянулись.

Арап. Ты не понимаешь, про что мы говорим.

Чумовой. Ей и не надо понимать это, она – хромая.

Людмила (обиделась). Я знаю, что хромая, а вы – дураки! И – врете! У-у... Воришки! Дрянь.

Идёт прочь.

Чумовой. Обозлилась.

Арап. Дурочка. Эх, как есть хочется!

Чумовой. Айда в кухню, помои выносить. Может, хлеба украдём. (Уходят.)

В углу, в тени частокола, Людмила, сидя на земле, сплетает из травы венки. Ерохин идёт с лопатой на плече. Замедлив шаг, смотрит на Людмилу, она улыбается ему.

Людмила. Вот – села, а встать – трудно.

Ерохин молча подаёт ей костыль, помогает встать.

Людмила. Спасибо. Ты всегда кому-нибудь помогаешь.

Ерохин (сконфуженно). Ну уж – всегда! Не всегда, а как приходится.

Людмила. За что тебя посадили сюда?

Ерохин. Голубей воровал.

Людмила. Я очень люблю голубей.

Ерохин (усмехаясь). Воровать? (Идёт прочь.)

Людмила грустно смотрит вслед ему. Бросила венок на землю, идёт к дому.

Преступники забавляются

В углу двора, за поленницей дров, четверо играют в карты, «в носы»: Лисица,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Ерохин, Арап и Сушков. Чумовой на страже.

Лисица. Готово? Подставляй нос...

Арап. Ты – смошенничал. Не давайся ему, Сушков!

Сушков. Ничего, пускай бьёт. Только не по щекам! Сжав большими пальцами нос, прикрывает щёки тылом ладоней.

2

Лисица бьёт картами по носу Сушкова, делая это с наслаждением садиста. Бьёт по крыльям носа и сверху вниз.

Арап (кричит). Не бей сверху! Это – не закон!

Лисица. Не ори, в зубы получишь.

Арап. Ерохин – чего он делает? Заступись.

Сушков – плачет.

3

Ерохин. Брось, Лиса!

Лисица. Ты – кто? Начальник? Семнадцать, восемнадцать.

Ерохин. Брось!

Лисица. Пошёл ты к чёрту! Девятнад...

Ерохин бьёт его ладонью по уху.

Арап. Так его!

4

Ерохин и Лисица – дерутся. Арап, прыгая вокруг них, подзадоривает:

– Лупи его, Ероха-воха! Под душу дай.

5

Сушков, прислонясь к забору, глядя рукой распухший нос, вытирает другой слёзы из глаз. Чумовой – советует:

– Ты, пойдя, умойся.

6

Лисица, сидя на пне, сплёвывая кровь с разбитой губы, говорит:

– Это ему даром не пройдёт! И Арапу не пройдёт.

Чумовой. Оношенке – наябедничаешь? Изобьём.

Лисица. Ты – изобьёшь?

Чумовой. Все. Как в прошлый раз.

Лисица пинком ноги в живот опрокинул Чумового.

– Получи задаток! Я вас, комаров, передавлю.

Уходит, поплёвывая. Чумовой пробует встать на ноги, падает.

7

По двору идёт, как слепая, жена Оношенко. Наткнулась на Лисицу, выскочившего из-за угла церкви.

– Куда? Кто это тебе мурлетку расколот?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Лисица. Ерохин со Смирновым.

Оношенко. Эх ты, мозгляк! Все тебя бьют.

Лисица. Ну уж это – врёте!

Оношенко. Чего-о?

Лисица. Неправда. Я сам всех бью.

Оношенко. Маленьких. А Смирнова не можешь. Дрянь.

Лисица. Я...

Оношенко. Иди, иди! Разговорился... Сорока...

8

Ерохин, согнувшись, смотрит в щель забора. Отламывает кусок доски с треском, испугался, просунул кусок в щель. Идёт Смирнов, в руке – пила.

– Ты что тут?

Ерохин. На волю гляжу.

Смирнов. Тебя Яшин спрашивал.

Ерохин. Лисицу надо бы выпороть.

Смирнов. Мало ли чего надо.

Ерохин. Сволочь он.

Смирнов. Все хороши.

Ерохин. Он с женой Оношенко путается.

Смирнов. А тебе – завидно? (Уходит.)

9

Ерохин, тупо посмотрев вслед ему, стучит лбом о забор.

10

Смирнов, жена Оношенко – под колоколом.

– Ты что же, дурачок, не пришёл, а?

Смирнов, глядя на неё исподлобья, молчит.

Оношенко. Считают тебя храбрым, а ты – бабы боишься. Что молчишь?

Смирнов. Шкура.

Оношенко. Ка-ак?

Смирнов. Шкура.

Идёт прочь. Женщина смотрит вслед ему, улыбаясь, потом, вздохнув, облизнула губы.

– Вот я скажу, как ты Лисицына избил!

Смирнов (оглянувшись). Шкура.

Оношенко – смеётся.

11

Рассвет. Спальня. Тихо открывается дверь. Входит Лисица, за ним ещё четверо. В руках одного – одеяло. Подходит к одной койке, набрасывает на голову спящего

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorikiy одеяло, двое садятся на ноги его. Лисица и двое других – бьют. Проснулся, соскочил с койки Сушков, кричит:

– Ой... что это? Братцы...

Лисица, схватив с койки одеяло Сушкова, набросил его на голову мальчика, свалил с ног и пинками забил под койку. Звуки мягких ударов, хрип, мычание.

12

У окна – избитый Ерохин ощупывает себя. Около него Сушков и ещё человека три, остальные – спят.

Ерохин. А кто им дверь отпер?

Сушков. Кабы я, так они бы меня не били.

Ерохин. Дураков бьют и за – да и за – нет. Я знаю, что дверь снаружи заперта.

Один из ребят. А ключи – у Оношенка, значит – жена его дала ключи.

Сушков. Вот бы мышьяком отравить бабу.

Ерохин. А где у тебя мышьяк? Дура болванова.

Другой из ребят. Поджечь бы это заведение.

Преступники мечтают

1

Яркая, лунная ночь. В бараке на нарах под окном шестеро: лисица, Чумовой, Арап и ещё трое.

Арап. Кабы книжек давали...

Лисица. Эх ты, мозгляк! Попал сюда из-за книжек и – сиди.

Арап. Мне это не стыдно. Я – бедный, я книжки украл не на продажу.

Лисица. Украл! Умешь ты украсть...

Арап. научусь. Не больно форси.

Лисица. Дурак.

Арап. Ничего не дурак! Когда книжку читаешь, всё равно как в другом царстве живёшь.

Чумовой. А я, когда буду вором, свой цирк заведу.

Лисица. Ты сколько раз воровал?

Чумовой. Семь. Я всё около цирка. Украду, куплю билет, вот и – царь!

Лисица. Вора из тебя никогда не будет, глупый ты.

Арап. Ничего не глупый, он только глухой немножко.

Чумовой. Это по башке меня треснули, я и оглох.

Арап. Ух, как бьют...

Лисица. Умных – не бьют, а вот эдаких и надо бить.

У другого окна

1

Смирнов, Ерохин и Сушков.

Смирнов. Я фигуры из дерева ловко резал.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Ерохин. Какие фигуры?

Смирнов. Людей, полицейских, собак. Свинью вырезал, а морда как у мачехи. Она у меня всё сожгла. Из-за неё и попал сюда.

Сушков. А меня дядя законопатил. Я – сирота, а он – сволочь. Маленький, хворый, как наш смотритель, а на него четырнадцать человек работают, вывески пишут.

Ерохин. Вот это я не понимаю, почему на плохих людей хорошие работают? У меня отец грузчик, он двадцать пудов поднимает, а подрядчик у него – старичишко, едва ходит, распух весь от жира. Как это допускается начальством?

Смирнов. Бежать отсюда надобно.

Сушков. Куда?

Смирнов. Там видно будет.

Ерохин. Куда побежишь? Родных у нас нету.

Смирнов. Родные-то хуже чужих.

Сушков. Да-а...

Входит надзиратель, кричит:

– Это что? Кто это не дрыхнет, а? Ложись, мать вашу...

Смирнов, Ерохин, Сушков вытягиваются на нарах. Спавшие – просыпаются.

Преступники бегут

1

Утро, серенький рассвет. У частокола около поленницы дров – Смирнов, Сушков, Ерохин. Смирнов осторожно влезает на дрова.

2

Внешняя сторона частокола. На землю прыгает Смирнов, за ним Ерохин, потом – Сушков, он, упав на землю, вскрикивает.

Смирнов. Ушибся?

Ерохин. Ну его к чёрту. Бежим!

Смирнов. Погоди...

Сушков. Нogu... нogu больно...

Ерохин бежит. Смирнов поглядел вслед ему, взглянул на Сушкова и тоже побежал.

3

Сушков – кричит. На дворе шум, сыплются дрова. Выстрел.

4

Болотистый лес. Между деревьев мелькают, прыгая по кочкам, Ерохин и Смирнов.

5

Двор колонии. Сторож звонит в колокол.

6

Снова лес.

7

На дворе – смятение, бегают надзиратели, сторожа. Оношенко тащит за шиворот Лисицу, орёт:

– кто бежал, а? Сукин ты сын! А? Кто?

Лисица. Я не знаю, ей-богу, не знаю!

Оношенко. А ты чего смотрел, а?

Лисица. Да я же – спал, господи...

8

Сторож втаскивает в калитку ворот Сушкова, мальчик кричит.

Оношенко (Сушкову). Кто бежал?

Сушков. Ерохин... Смирнов... Они меня сманили... бросили... Я не виноват...

9

Болотная поляна в лесу. Смирнов, Ерохин, оба мокрые, щупают палками болотистую почву.

Смирнов. Надо кругом бежать.

Ерохин. Прямо... Прямо, а то догонят. Слышал – стреляли?

Смирнов. Эх, Сушков-то... Это ты сманил его! А он – слабый... Сманил и бросил.

10

Двор. Оношенко – Лисице:

– Беги, лови их. Возьми Розмыслова, Юрьева, Васильева. Живо!

11

Из барачков выбегают мальчики.

Оношенко. Марш, назад, сукины дети! Ордынцев, Судаков – загоняйте их!

Надзиратели загоняют.

12

Лес. Бегут Лисица и его товарищи. За ними – сторожа, Миша с ружьём и надзиратель с палкой.

13

Болото. Поперёк его шагают по грудь в воде Смирнов, Ерохин.

14

У края болота в луже воды плавают шапочки. Прислонясь к дереву, стоит Смирнов, смотрит на неё и плачет.

15

Из-за деревьев прокрадывается Лисица, бросился на Смирнова, сбил его с ног, сел верхом, бьёт кулаками по голове и кричит:

– Сюда! Поймал! Я поймал... первый!

Через двадцать лет

1

Небольшая, в два окна, по-мещански уютно обставленная комната – заменяет столовую, в углу – три иконы, перед ними – лампадка. Стекланный шкаф с посудой. Посредине – стол. За столом – Лисица, хозяин квартиры, ему под 40, одет аккуратно, причёсан гладко, изношенное старческое лицо украшено бородкой. Жена его, ей лет 25. Арап – курчавая голова, бритый.

2

Лисица (налил водки, поднимает рюмку). Ну, со свиданьем, Миша!

Чокаются, пьют; закусив, Лисица говорит:

– Вот и опять встретились. Нет, нет, да и снова столкнёт нас господь.

Арап. Верить в бога?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Жена. В чёрта он верит, да и то не каждый день.

Лисица. Не болтай чего не понимаешь! В бога верить – обязательно для приличия. В людях живём. Нам отличаться от них не следует.

Жена. Селёдки – и те отличаются одна от другой.

Арап. Расскажи, как ты у графа работал?

Лисица. Это, брат, смешное дело!

3

Ночь. Богато обставленный кабинет. Шевелится драпировка на окне. Раздвинулась, выглядывает голова мальчика, широко, испуганно открытые глаза. Прислушался, исчезает. Щёлкает шпингалет окна. Из-за драпировки выходит Лисица, тоже прислушивается. Затем наклонился над столом, взламывает, раздаётся треск дерева.

4

Из-за драпировки двери налево вышел человек в нижнем белье, с револьвером в руке, кричит:

– Кто это? Ах ты...

Присел за кресло, вытянул руку с револьвером, – не стреляет, но слышно щёлканье курка. Лисица – обомлел, стоит, покачиваясь, потом, схватив пресс-папье, бросает его в сторону человека, тот прячется за спинку кресла, кричит. Лисица бросается к окну, выстрел, но Лисица успел выскочить.

5

Пустынная улица. Лисица треплет мальчика за волосы, приговаривая:

– я тебя учил, осторожно, осторожно, осторожно открывай окно! [16]

6

Снова квартира Лисицы.

Арап. У меня дело есть.

Лисица. Анна, взгляни, Петька на кухне?

Жена уходит.

Арап. Не веришь ей?

Лисица. Зачем бабе лишнее знать? Да и мальчишка у меня подслушивать любит.

Арап. Тот?

Лисица. Нет, третий после того. Тот замёрз пьяный. А этот – хорош, ловкач. Любопытен только, сукин сын, не в меру. Ну рассказывай, какое дело?

Арап. А много ты воров воспитал?

Лисица. Полсотенки наберётся, думаю..

7

Ночь. На улице едет извозчик, в пролётке – Лисица и Арап, на козлах рядом с извозчиком мальчик.

8

На углу улицы стоит извозчик. Идут полицейский и ночной сторож. Извозчик будто бы дремлет.

Полицейский. Чего торчишь тут?

Извозчик. Господина с женщиной привёз, подождать велели.

Стражи идут прочь. Сторож, оглядываясь, что-то шепчет полицейскому.

9

Из ворот дома, куда ушли воры, выбегает, прихрамывая, мальчик, сосёт пальцы, прячется на паперти. Высунулся из-за колонки, прислушивается.

10

Сторож заметил мальчика, остановился с одной стороны паперти, полицейский прошёл дальше и тоже остановился.

Сторож. Ты чего тут прячешься? Иди сюда!

Мальчуган сорвался с паперти, бежит, сторож не успел схватить его.

Мальчик на бегу пронзительно свистит. Сторож гонится за ним.

11

Цирк. На местах под ложами – Лисица с женой и мальчуганом с вида лет 12. Ложа над ними пустая. Объявляется антракт. Лисица – мальчику:

– Поди, попрактикуйся, Сашок.

12

Сашок практикуется.

Ещё через десять лет

1

По шоссе скачет батарея лёгкой артиллерии, скорым шагом идут отряды солдат, скачут всадники. Проехал генерал в автомобиле. Навстречу по обочинам шоссе тянутся крестьянские телеги и санитарные повозки, везут раненых.

2

Вечерний сумрак. Просёлочной дорогой двигается густая толпа людей, нагруженных узлами, едут телеги с домашней утварью, кое-где на телегах женщины с грудными и малолетними детьми. Гонят коров, коз. Сквозь шум и говор толпы слышно отдалённое буханье выстрелов, иногда они сливаются в сплошной гул. Сзади толпы, на горизонте – дым. Толпа, по преимуществу, городская, мелкое мещанство. Небольшими группами идут дети, мальчики и девочки 7–8 лет и старше, до 15. Где можно, сбегают с шоссе в стороны, останавливаются, смотрят вдаль, назад. Отстают и снова догоняют толпу.

Взрослые заняты охраной имущества, ссорами, они мало обращают внимания на детей, если дети не путаются под ногами у них; в противном случае дают ребятишкам подзатыльники, гонят прочь. Становится всё темнее, толпа исчезает во тьме.

3

Утро. В стороне от дороги под кустами скорчились, спят два мальчика и девочка.

4

Разбитая копна соломы, из неё вылезает мальчуган лет 8, протирает глаза, оглядывается, чешется, стряхивает с себя солому. Испуганно выпрямился, расшвыривает солому руками, кричит:

– Мишка, вставай! Ушли наши-то! Ах, черти. Догонять надо!

5

Из соломы вылезает карапуз лет шести, семи.

– А поесть – чего?

– Догоним – поедем.

Бегут.

6

Устало шагают по тропе среди кустов. Старший тащит маленького за руку, маленький – плачет, просит есть.

7

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Один из мальчуганов, которые спали под кустами, стоит, хмуро поглядывая по сторонам. Будит товарища:

– Отстали мы, Егор!

Егор. Это из-за неё. Раскисла! Я тебе, Серёжа, говорил...

Сергей. Ладно, брось! Я влезу на дерево, посмотрю. Может, наши недалеко ушли.

8

Егор разбудил девочку, сердито говорит ей:

– Отстали из-за тебя, Анка. (Девочка лет 10, бойкая.)

– Да, как же, из-за меня! Я, что ли, войну-то затеяла?

9

Возвратился Сергей:

– Солдаты везде, там – скот гонят и церковь видно, а дальше пожар, дымище страшный, а – наших не видать. Ещё двое мальчигов идут...

10

Подошли Мишка с братом Яковом.

Сергей. Что – проспали родителей?

Анка. Тоже – родители! Потеряли эдаких маленьких.

Егор. Найдут – пороть будут.

Миша. Есть хочу!

Яков. Подождёшь.

Миша. Домой хочу!

Егор. Ты – что орёшь?

Миша. Есть хочу.

Егор. Ишь ты, какой барин!

Анка утешает, ласкает Мишу, но он отбивается от неё руками и ногами, кричит:

– Домой хочу-у!

11

Подошли двое солдат, один – бородатый, оборванный и грязный, другой – моложе, чище, с забинтованной правой половиной лица, смотрит только левым глазом. Расспрашивает детей.

Миша – заинтересован солдатами, успокоился, щупает приклад винтовки.

Бородатый. Значит, – всё прямо и до самой станции. Там ваши и должны быть. А хлеба у нас нет, солдаты на войне пулями питаются. Прощевайте!

12

Пятеро детей идут полем, целиной. Миша сидит верхом на шее Сергея. Анка держится за руку Якова. Егор шагает сзади всех.

13

Старик-пастух и подпасок лет 12 гонят пяток коров. К ним подходит благообразный мещанин в кафтане, с палкой в руке, спрашивает:

– Не встречал ребятшек, мальчика с девочкой?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Пастух. Сперва я шапку сниму, поздороваюсь с тобой, после – отвечу.

Мещанин. Ну? К чему ты это?

Пастух. Теперь ты предо мной картузик сними.

Мещанин (снял картуз). Заносчив ты, старик. Видел, что ли, детей-то?

Пастух. Детей твоих я не видал.

14

Группа солдат. Около них группа детей, к ним присоединился ещё один, мальчик тоже лет 12, красивый, прилично одетый, но костюм его уже измят и грязен. Миша спит, положив голову на колени Анны. Егор несколько в стороне беседует с пожилым солдатом. Яков, Сергей и новенький – Казимир – едят хлеб. Чернобородый солдат, дикого вида, неподвижным взглядом жадных глаз смотрит на Анну. Молодой солдат с мягким добродушным лицом говорит Сергею:

– На станцию – нельзя пустить вас, станция эта погрузит раненых и закроется навсегда. И никаких штатских на ней нет, сироты... Эх, и много же вас наделала война!

15

Вечер. Ребята расположились под стеной обгоревшей избы. Миша спит на кучке соломы. Трое мальчиков и Анна беседуют.

Казимир. Мальчик, который остался у солдат...

Сергей. Егор.

Казимир. У него отец кто?

Яков. Лавочник. А у тебя?

Казимир. Чиновник.

Сергей. Куда же нам теперь идти?

16

Темнеет. Сергей и Яков зажгли костёр. Казимир и Миша спят. Анна, зябко скорчась, смотрит на огонь. Яков подкладывает сучки в костёр. Сергей дремлет. Лошадиный топот. Подскакали трое солдат, спешились, один затапывает огонь, другие два – бьют ребят, разбрасывая их, как щенков, кричат:

– Вы что тут делаете, сукины дети? Вы кто такие?

Подскакивают ещё двое солдат.

Примечание. Хорошо бы рассеять десятка два октябрят и пионеров по какой-нибудь плоскости и снять их с аэроплана, так чтоб видно было: бредут в разных направлениях дети, вырванные из гнёзд своих войной.

19–21 год

Бог и хлеб

1

Монастырь. Процесс вскрытия мощей. Перед церковью два дерева, на сучьях сидят мальчики, человек пять. Тяжёлую серебряную раку выносят из церкви, ставят пред папертью на землю. За группой людей, которые вынесли раку, следует толпа крестьян и мещан, которые присутствовали в церкви, когда брали раку. На паперти – человек в очках. Он говорит:

– Сейчас, граждане, вы увидите, что скрыто в этом сундуке, во что верили вы, чему поклонялись, откуда ждали чудес! Кто из вас желает открыть сундук?

Толпа молчит, шевелится. Выходит благообразный седовласый старик, в наглухо

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
застёгнутом пальто, молодой монах, послушник, двое рабочих, пожилая женщина и
курчавый подросток. Вскрывают раку. Толпа надвигается ближе, но многие поспешно
отходят прочь, особенно испуганы старухи, женщины.

2

Рака вскрыта. В толпе – движение, точно её ветром пошатнуло. Ближайшие
заглядывают в раку. Монашек, спрятав голову в плечи, согнувшись, пробивается к
паперти, расталкивая людей. Человек в очках громко спрашивает:

– Что же видите вы, граждане?

Рабочий. Тряпки видим. Кости. Вот – череп.

Помахал черепом над головой своей и бросил его в раку. Женщина отходит прочь,
вытирая глаза платком.

Старик. Всё верно. Видимость – ясная, граждане.

Голос из толпы. Что верно-то? Душа ушла, а плоть осталась.

Другой голос. А зачем говорили: нетленны мощи, ежели оказывается тлен? Жулики!

Волнуются, кричат – немногие единицы горожан, в огромном большинстве – толпа
крестьянская. Равнодушно и не торопясь расходятся, разбиваются на группы.

В группе крестьян ораторствует оборванный мужичок:

– В обмане живём. Сколько денег в это место народ таскал? А – вон оно что!
Вместо святости – тряпочки!

Большой бородатый мужик кричит:

– Ну ладно, мощи – нарушили, а бог-от остался али нету?

Голоса:

– А на что ему, нищете, бог?

– Они вот, эдакие, милостыню просят Христа ради, а во Христа не верят.

– Ты веришь! Наел брюхо от колен до уха...

Кто-то ударил мужичка, он упал, кричит.

4

С дерева слезают Сергей и Яков, оба в лохмотьях. Их окружили мальчики, кричат:

– Братцы, гляди, беспризорники!

– Бей их!

– Бей воришков!

Яков и Сергей бегут, мальчики гонятся за ними.

5

Маленькая железнодорожная станция. Пришёл поезд, высаживает продотряд рабочих.

6

Отряд рабочих идёт просёлочной дорогой, навстречу – Сергей, Яков. Их
останавливают, расспрашивают:

– Здешние?

– Нет. Беженцы.

– А куда идёте?

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
– На станцию. Дайте хлеба, дяденьки!

– Мы сами за хлебом идём.

Поговорив с мальчиками, захватили их с собой.

7

Большое село. Отряд рабочих на площади, перед церковью; одни сидят и лежат на земле; другие, стоя, разговаривают с мужиками; среди мужиков двое в солдатских шинелях. Бородатый мужик, который был на вскрытии мощей, говорит:

– Хлеба у нас нету.

– Вы чего дадите взамен хлеба?

– Во-от! Хлеб даром не даётся!

– Братцы, неправильно! Хлеб – есть!

– Есть? Ну, ты и давай!

– Пусть попробует, даст! Я ему дам по башке колом...

8

Яков и Сергей ходят по селу, просят хлеба, им сердито отказывают. Одна баба дала краюху, – старик из избы кричит:

– Зачем даёшь? Волчата, оборванцы эти с городскими пришли! Гони их прочь, гони!

Мальчики бегут.

Сергей и Яков идут, вдали видно водокачку станции.

Яков. Ну и жадные мужички-то!

Сергей. Как мощи расковыривали, так они ничего, а хлеба попросили у них, так драться!

9

Станция, но уже другая, побольше. Пришёл поезд, на перроне человек пятьдесят рабочих, это – другой отряд. Рабочий во флотской фуражке, с винтовкой за плечами, говорит начальнику станции:

– Эти три вагона – отцепить, поставить на запасной путь. Мы оставим охрану, четверых хватит?

– Как хотите.

– Тебя спрашивают! Спокойно здесь?

– Теперь – везде беспокойно.

10

Трое рабочих ведут Сергея и Якова.

– Вот, товарищ Михайлов, послушай, что парнишки рассказывают.

11

Маленький городок. Украшена трёхцветными флагами площадь. Перед церковью толпа горожан. К ограде привязаны кони, около них сидит, покуривая, казак с погонями на плечах, другой лежит на земле, спит. Среди горожан ещё человек пять казаков. Офицер беседует с дамами. С паперти старичок гонит палкой Сергея, Якова. Из церкви выносят иконы, хоругви, выходят попы. Из улицы на площадь появляется ещё процессия с иконами и хоругвями.

12

Удар колокола. Крики:

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
– Идут!

Процессия выстраивается. Впереди попы в ризах, усатый человек с блюдом, на блюде хлеб-соль. По бокам его – две девицы с букетами цветов. На площадь выезжает конный отряд, впереди его – два офицера. Попы, певчие и горожане поют:

– «Спаси, господи, люди твоя... победы православному русскому воинству...»

13

Чистенько одетый горожанин кричит:

– Стой! Держи его! Держите воришку.

Схватили мальчика, – кто-то кричит:

– Позвольте, так нельзя! Это – самосуд.

На группу людей, которая окружила Казимира, наехали конники белого отряда, люди разбежались. Казимир ползёт прочь из-под ног лошадей. Его бьют пинками.

14

Усатый человек, передавая офицеру блюдо с хлебом-солью:

– Итак – ещё раз: добро пожаловать. Ура!

Обыватели режут – ура! Девицы суют цветы толстому офицеру в очках, он смеётся и спрашивает:

– Почему так много красных цветов? Вы поклонницы красных, а?

– Ах, что вы!

– Просто – у нас мало цветов!

Офицер. А большевиков – много?

Усатый человек. Стыдно сказать, а есть они, есть!

Офицер. Ну, мы сделаем так, что их не будет.

15

Яков разговаривает с казаком:

– Ой-ёй, сколько вас приехало! Сосчитать нельзя!

Казак. И – не пробуй, уши оборвут, если считать будешь.

Яков. Да – мне зачем? Я и так вижу – сто.

Казак. Ну и дурак!

Яков. Значит – больше. А это – пушечки?

Казак. Пулемёты. Однако – пошёл прочь!

16

Огород, примыкающий к ограде кладбища. Сергей помогает двум солдатам собирать огурцы, их складывают в мешок, который держит парнишка лет 15, Пётр.

Сергей. Очень храбрые вы, мало вас, а целый город сразу завоевали...

Солдат. Нас, браток, не мало.

Сергей. Ещё придут?

Солдат. Придут, не бойся!

Сергей. Скоро?

Другой солдат. Это тебя не касается. Ты – делай, что делаешь.

Солдат. Нет, его – касается, он здешний.

Пётр. Вовсе он не здешний, а беспризорник.

Сергей. Врёшь. Я – со станции.

Солдат берёт мешок из рук Петра и уходит со своим товарищем.

Пётр, оглядываясь на Сергея, провожает их. Сергей отходит к ограде кладбища, делая вид, что хочет помочиться, но, когда солдаты ушли, быстро перелезает через ограду. Пётр видит это.

17

Кладбище. Между могил бежит Яков. Сергей – выходит из-за памятника.

– Ну, сосчитал?

Яков. Пятьдесят четыре, а пулемётов – три.

Сергей. Я тоже сосчитал: восемьдесят семь человек. Их ночью побили красные. Бежим скорей. По одиночке надо...

Яков. погоди! Помнишь Казимира? Его избили, он в карман залез.

Сергей. Чёрт... иди!

Яков быстро уходит.

18

Пётр (подходит). Вы зачем солдат считали?

Сергей. А тебе что?

Пётр. Я знаю – зачем!

Сергей. Пошёл прочь.

Пётр. Вас красные подослали.

Сергей. Ах ты, сволочь.

Бросился на Петра, тот бежит. Сергей кинул куском кирпича вслед ему и тоже бежит в противоположную сторону.

19

Скачут три казака. Вдали, направляясь к лесу, – Сергей. Оглянулся и, увидав солдат, бросился в лес.

20

Солдаты у опушки леса. Один из них говорит:

– Чёрт его поймает в лесу-то.

21

Идёт Яков, на ходу ест хлеб. Его догоняет Пётр. Догнал, схватил за волосы.

– Куда топаешь, а?

– Пусти!

– Зачем солдат считал?

– Просто – так! Пусти...

Пробует вырваться. Пётр повалил его, сел верхом на грудь.

– Шпионишь, сука? Я те дам... Хошь – в город отведу, белым отдам? Выпорют тебя и повесят.

Яков плачет.

22

Пётр и Яков идут рядом.

Пётр. Красные, белые, это мне – наплевать! Я – сам по себе живу. Не хнычь. Подручным моим будешь, не пропадёшь.

Яков. Сергея жалко.

Пётр. Его уж повесили. Чёрт с ним. Таких – много.

23

Город. Маленькая площадь. Ларьки, на них торгуют разной мелочью и съестным: колбасами, булками. Много белых солдат, казаков – есть пьяные. Проходит под конвоем группа евреев, почти все – старики. Солдаты и обыватели свистят, ругаются. На углу улицы, на тумбе, сидит старая еврейка, у ног её – корзина с булками, она смотрит вслед арестованным, шепчет, шевелятся губы. Из-за угла выходит Яков, Пётр, хватают булки, бегут. Еврейка вскочила:

– Ой-ой!

Полупьяные обыватели хохочут, кричат.

– Беги, беги, парнишки. Прозевала товар, чертовка.

24

Пётр и Яков на окраине города, сидят на земле, под забором, едят булки.

Пётр (учит). У жидов можно всё воровать, для них – законов нет. Украдёшь – люди над ними же смеяться будут.

Яков. Нехорошо это. Воровать, так у всех.

Пётр. Болтай чепуху! За всех полиция вступится, башку тебе свернут.

Голодный год

1

Поздний вечер. Сумрак, на станции уже горят фонари. На перроне – Яков. Подходит поезд смешанный, пассажирские и товарные вагоны. С тормозной площадки вагона соскочили двое маленьких оборванцев. Яков присмотрелся к одному из них и кричит:

– Сергей!

Разговаривают. Сергей и его товарищ делятся хлебом. Затем все, когда поезд отправился, залезают на площадку.

2

Окраина провинциального приволжского города. Старое, казарменного типа, здание – приют для голодающих детей.

Служебная комната. За столом сидит лысый человек, курит и пишет. Входит женщина.

– Привезли ещё партию крестьянских детей, сорок три.

– Вы знаете – нам некуда поместить их.

– За вчерашний день и сегодня убежало двадцать шесть человек.

– У нас нет возможности удержать бегущих. Устраивайте новых, как-нибудь. Всё равно – разбегутся.

3

Двор приюта. Несколько десятков вялых детей. Человек пятнадцать нехотя собирают

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
различный мусор, носят его в корзинах куда-то. Большинство сидит и лежит у стен
дома. Подчеркнуть слабость и вялость детей.

4

Детдом. Учебная комната. На партах человек тридцать мальчиков и девочек.
Учительница рассказывает им что-то. Слушают человек пять, семь, остальные
возятся, шалют. Учительница кричит:

– Дети – тише. Если вы хотите учиться...

Крики:

– Не хотим. Скушно.

5

В окне разбито стекло, на пол падает камень. Дети вскакивают, бросаются к окну,
кричат:

– Дерутся!

Большинство выбегает из комнаты.

6

Двор. Бешеная свалка. Пользуясь тем, что она привлекает общее внимание, трое
ребятишек кидают камнями в стёкла окон. По двору мечется, разнимая драчунов,
молодая девушка, её хватают за юбку, бросаются под ноги ей. Количество дерущихся
увеличивается. Из дверей, из окон нижнего этажа выбегают, выпрыгивают новые
бойцы. Свист, крик.

7

Пожилая женщина, стоя в окне, звонит в колокольчик. Человек в тёплом пальто и
валенках, подходя к ней, говорит сердито:

– Их надо водой разливать из пожарной кишки.

– Может, утопить? Да?

– И это неплохо! Куда их, к чёрту, эдаких?

8

Усилиями человека в пальто, хромого в солдатской фуражке и трёх женщин дети
согнаны в угол двора, стоят, сидят, лежат, точно позируя фотографу. Кое-кто в
стороне плачет. Все устали от возни и возбуждения. Пожилая женщина говорит:

– Дети. Нельзя так буйно вести себя...

Голоса:

– Нам скучно. Я не хочу учиться.

– Отпустите меня, а то я всегда буду озорничать.

– И я.

– И мы.

– Я тоже...

9

В калитку ворот входит милиционер, подошёл к женщине, говорит:

– Примите детей...

– Ещё! Сколько?

– Двадцать семь. Деревенские. На вокзале собраны.

– Но у меня переполнено.

– Дело не моё...

10

Во двор один за другим входят ребяташки от 7 до 13 лет. Старожилы – в большинстве – вскакивают, окружают их, разглядывают, толкают:

– Эх, какие морёные тараканы!

11

На дворе несколько групп. В центре каждой – новички, рассказывают о голоде в деревнях Поволжья. Вместе со старожилками их рассказы слушают и девицы, служащие детдома.

12

Николка Язев, парнишка лет 13, ходит от группы к группе, спрашивает новичков:

– Курящих – нет? Эх вы, лапти...

13

Язев, насвистывая, подошёл к воротам, за ним следят, медленно с разных сторон приближаясь к нему, ещё два мальчика.

14

Язев и два его товарища идут по улице. Навстречу им – старуха с узелком под мышкой. Язев говорит товарищам:

– Повёртывай в проулок.

Они быстро идут вперёд, а Язев разминулся со старухой, оборотился, вырвал узелок из-под мышки её и бежит.

15

Старуха – кричит:

– Батюшки, проклятые...

Пустырь. Посредине его – полуразрушенная печь, торчит труба, вокруг разбросаны кирпичи, за печкой – остатки полуобгоревшей стены дома, в ней зияют двери и два окна. За стеной сидит группа беспризорных, перед ними бочонок солёных огурцов, валяется бутылка из-под водки, другая ещё не начата, стоит на кирпиче. Парень лет 16–17 – Казимир – держит в руке новенькую эмалированную кружку и говорит, трое ребят жуют хлеб, едят огурцы. Узбек задумчиво курит папиросу.

Казимир. Лучше быть вором, а не нищим. Мы ведь не старики, чтобы милостыню просить. Верно?

Узбек. Это – верно. Очень.

Казимир. То-то!

Узбек. Просить – стыдно. Воровать не стыдно.

Казимир. Во-от!

Беспризорные

1

Улица в Москве. Рядом с тротуаром три котла. При свете фонаря видно, как в котлах укладываются спать ребята. На мостовой у котлов разложен костёр, около него сидят ребята повзрослее.

(Показать отдельные типы крупным планом.) Язев в изломанной шляпе-котелке, женской ватной кофте. Поп – неуклюжий увалень, брови нахмурены, грязное лицо – угрюмо.

2

Беседа у костра

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Поп. Схватил он меня, трясёт: «Ты воровать?» Я говорю: «Так я ж голодный, что мне делать?» А он сильно выпимши, качается; притиснул меня к стене. «Верно, говорит, с голода и мышь ворует. Сейчас, говорит, я тебе дам на хлеб». Он выпустил меня, сунул руку в карман, а я – лататы.

Один из мальчиков:

– Дурак ты всё-таки, от денег убежал.

Поп. Плевать мне на его копейку.

Язев, слушая, тихонько насвистывает.

3

Изредка проходят обыватели, некоторые, приостановись, сердито поглядывают на беспризорных.

4

Быстро подходит паренёк, одетый сравнительно приличнее, – в нём можно узнать Петра, – зовёт:

– Поп!

Шепчется с Попом.

Поп. Ещё одного надо. Тут – есть из детдома, новичок.

Пётр. Зови.

5

Поп, Язев и Пётр на углу улицы у лесов какой-то постройки. На мостках лежит полупьяный. Пётр присел рядом с ним, обшаривает карман. Пьяный шевелится, бормочет. Пётр сорвал с него фуражку, отскочил. Пьяный рычит, стараясь подняться. Поп бросил в лицо его горсть пыли. Все трое бегут в разные стороны.

6

Другая улица. Котёл. В нём укладывается спать Лёнька, мальчик лет 10, расстилает газетную бумагу, расправляет газету на груди, как бы надевая жилет. Тут же на куче песка группа ребят играет в карты. Возле них на корточках у костра сидит мальчик лет 12, лицо его, освещённое костром, устремлено вдаль, и слышно тихий напев восточного мотива. Костёр горит плохо. Один из играющих командует:

– Эй, Узбек, огня побольше – не видно ничего.

Узбек увлечён песней и думами своими, не шевелится. Один из картёжников встал, толкнул его в плечо ногой, опрокинул. Узбек вскочил, ударил его.

– Эге, драться. Ты – драться.

Узбек готов к обороне, но картёжники кричат:

– Огня, черти.

7

На панели стоит прилично одетый человек лет за сорок. Это – Лисица. Присматривается к мальчикам.

8

Узбек и ещё двое подкладывают дрова в костёр, огня ещё меньше. Один из картёжников срывает с Лёньки и из-под него газетную бумагу. Лёнька обозлён, отбивается руками и ногами. Крики, гвалт.

9

Лёньку вышвырнули из котла. Ругаясь, он идёт прочь. Наткнулся на Лисицу, тот взял его за плечо.

Лисица. Ну что, оголец. Обидели тебя. Идём-ко со мной. Ловко ты дрался с ними.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
лёнъка (упирается). Не хочу! Пусти, больно.

Лисица. А ты – иди.

лёнъка. В милицию ведёшь, а после – в детдом? Всё равно убегу.

Лисица. Правильно. Ну, ну – иди. А то – тресну по башке...

10

Утро. Рынок. Сухонький старичок раскладывает колбасы на лотке, рядом с ним ларёк; толстая женщина и курчавый, сонный мальчик, вынимают из корзины булки, уронил одну, получил подзатыльник.

Женщина. Жизнь–то какая ожесточённая, Василий Степанович, вчерась в трамвае беспризорников поймали: один, знаете, поёт, а другой, в ту же минуту, по карманам шарил. Так, знаете, начали их бить (дёргает мальчика за вихор).

Старичок. И певца?

Женщина. И его. (Мальчику.) Косой чёрт.

Старичок. Так и надо. Развелась – что армия... Хуже клопов.

Женщина. Ожесточённая жизнь.

11

За углом – беспризорные, человек девять. Среди них – Пётр, Язев.

Пётр (осматривая свой отряд). Маловато нас. Ну – ладно. Значит: берём на шарап и булки и колбасу. Хватай и сыпь кто куда.

лёнъка. Знаем.

язев. Ну – раз... два...

12

Стремительно бегут мимо колбасника и булочника, хватают товар, разбегаются в разные стороны. Старик и женщина топают ногами, кричат, мальчик смотрит на исчезающих беспризорников с улыбкой восхищения.

13

Мясницкая или другая бойкая улица. Мальчуган беспризорник пристаёт к прохожим:

– дай копейку. Гражданка – давай копейку. Эй, сытая, давай, а то вошами осыплю.

За ним наблюдают издали двое беспризорных старше его.

14

Прилично одетая женщина на углу проулка, уступая назойливости маленького беспризорника, вынула из сумочки кошелёк, достаёт деньги. Один из беспризорных вырвал кошелёк. Маленький бежит за угол. Его товарищи скрылись в толпе.

15

Берег Москвы–реки. Группа беспризорников. К ним осторожно подходит курчавый мальчик булочницы. Ребята будто бы не замечают его, но двое исподлобья следят за ним. Один встал, пошёл навстречу.

– Ты, пацан, чего тут трёшься, а?

16

Курчавый мальчик в кругу беспризорников, говорит:

– я хочу с вами жить. Тётка дерётся, я вот украл у неё червонец и убежал.

Один из ребят ударил его ладонью по макушке:

– Значит – к нам захотел. Ну – снимай сапоги.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy17

«Гоп-скок». Лунная ночь на одной из Садовых. Четверо беспризорных. Один прикрепляет проволоку к трамвайному столбу, двое других натягивают её поперёк панели, на высоте полуаршина над землёй. Поп – курит, командует:

– Туже натягивайте.

– Готово.

Спрятались в тень.

18

Идёт человек, запнулся за проволоку, упал. На него бросаются беспризорные. Поп бьёт его по темени, остальные сдирают пальто, пиджак, сняли ботинки, брюки – скрылись. Человек, полежав, приподнимает голову, осторожно садится, затем вскочил на ноги, бежит и орёт:

– Милиция... караул... граждане...

19

«Так уходят часы». Рынок. Человек продаёт часы. За ним наблюдают Казимир и Сергей. К нему подошёл прилично одетый парень.

– Ходят?

– Отлично ходят.

– Не врешь?

– Гляди.

Парень берёт часы, прикладывает их к своему уху, другой парень, стоя сзади его, вынимает часы из его руки, быстро передаёт их Казимиру. Первый парень ковыряет пальцем в ухе. Продавец ошарашенно смотрит на руку его и кричит:

– А часы где?

– Какие?

– Стой!

– Да я же не бегу!

– Ты их за ворот опустил! Граждане, держите...

– А зачем держать меня?

– Он часы украл.

– Я? С ума сошёл человек!

– Обыщите... Обыскать.

– Пож-жалуйста.

Добровольцы обыскивают парня, он посмеивается.

– Вот на сумасшедшего наскочил! Часы у него пропали.

– А были часы?

20

«Как покупают яйца». На Малой Никитской у паперти закрытой церкви сидит женщина, перед нею – корзина яиц. К ней подходит девушка, за углом ограды Поп и Узбек. Девушка отбирает яйца, рассматривая их на свет, отобранные кладёт в пригоршни торговки.

Торговка. Ты скорее. Чего роешься.

Девушка. Тухлых мне не нужно..

Из-за угла выбежал Узбек, схватил корзину и снова скрылся за углом. Торговка, держа яйца в руках, вытянув их, кричит. Девушка быстро уходит.

21

Сергей и Лёнька около памятника Гоголя прячут в мешок маленькую собаку.

22

Рынок. Мужик держит под мышкой поросёнка, другой – в мешке у его ног. Поросёнка покупают двое: толстая женщина и человек в фуражке инженера. Лёнька заходит сзади продавца и колет поросёнка гвоздём. Толкает мужика, животное дёргается, визжит, продавец оглянулся. Сергей деловито взял его мешок, положил свой – исчез. Покупатель, указывая на мешок:

– А тот – крупнее?

– Этот потяжелше.

– Ну-ка покажи..

Мужик вытряхивает из мешка собаку – хохот. Мужик ошарашенно смотрит вслед собаке, встряхивает мешок, кричит:

– Ба-атюшки. Сукины дети.. И мешок не мой..

Учителя

1

Квартира Лисицы. За столом, у самовара: Лисица, его жена, Козел – вор-профессионал лет 50, сухощавый, с бородкой.

Козел. Значит, шлёпнули Арапа.

Лисица. Шлёпнули. Пошёл по мокрому, ну и поскользнулся.

Козел. Дурак.

Лисица. Верно. Теперь распрекрасно можно работать с огольцами, с беспризорными, их – сотни.

Козел. Учить их трудно.

Лисица. Помучишь, так научишь.

2

Шалман. Это должны изображать сами ребята. Пение, пляски, девицы, вино.

3

Подвал. Молодой вор обучает мальчиков карманным кражам.

Среди мальчиков – Пётр, Язев, Казимир, две девочки. Лисица и Козел наблюдают за обучением, изучают мальчишек.

Козел (Лисице). Вон из того, тоненького, форточник хороший будет.

4

Ночь. Воры «берут магазин на вывоз». Среди них – Сергей, Пётр.

5

«Засыпались».

6

Камера несовершеннолетних в Бутырской тюрьме. Ребята поют:

Сижу я, целый день страдаю.

7

В углу Сергей, Яков и ещё один.

яков (Сергею). Вот где встретились!

Начало конца беспризорщины
«ВСЕ НА ПОМОЩЬ ДЕТЯМ»

Обращение комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей

Ко всем трудящимся СССР, Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодёжи, Межрабпому

Товарищи!

Наша молодая рабочая республика вышла победительницей из ожесточённой кровавой борьбы с её заклятыми врагами – внутренней и внешней контрреволюцией. С новой силой, неизвестной умирающему буржуазному миру, забился пульс рабочей общественной жизни, застучали станки, зашумели машины, спокойнее и свободнее заходил плуг, взрывая тучную землю.

Но эта великая победа трудящихся досталась не даром. В результате титанической борьбы на организме страны остались глубокие раны, для окончательного излечения которых ещё долгое

время будут требоваться громадные усилия со стороны рабочих и крестьян Советской России. Одной из этих ран является далеко ещё не полная обеспеченность детского населения страны.

На долю первой в мире республики труда досталось тяжёлое наследие царского строя; войны и голод усилили его, и в результате их, несмотря на героические усилия, проявленные советской властью в деле обеспечения всеми необходимыми материальными благами, в деле воспитания и охраны жизни и здоровья, всё же на территории Союза социалистических республик осталось ещё громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора. Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи.

Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах, как детская преступность, проституция, угрожает подрастающему поколению самыми тяжёлыми последствиями и заставляет бить тревогу.

Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых не хватает средств.

Более того: и существующие учреждения, дающие приют более чем миллиону детей-сирот, недостаточно обеспечены самым необходимым, как диетпитание, бельё, обувь, оборудование и т. п.

Кроме указанного кадра беспризорных детей, имеется ещё большой контингент нуждающихся в помощи детей, имеющих родителей или родственников, но хозяйственная мощь которых разрушена войной и голодом (инвалиды, беженцы войны и голода, безработные); им также нужна скорая действительная помощь.

Кроме того, всем детям вообще нужна организованная медицинская помощь. Различные эпидемические заболевания косят детей. Как и до войны, так, к нашему глубокому сожалению, и теперь ещё детская смертность чрезвычайно, а местами угрожающе велика. На эту опасность для детей нельзя закрывать глаза, необходимо теперь же, немедленно, пока ещё не поздно, общими усилиями устранить её.

Учитывая это тяжёлое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, деткомиссия ВЦИК, организуя совместно с НКПросом и НКЗдравом, при деятельном участии партийных и профессиональных организаций, с 30 апреля по 6 мая с.г. «Неделю беспризорного и больного ребёнка», обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской республики с горячим призывом придти во время её на помощь детям.

Не стесняйтесь ни формой, ни размерами вашей помощи. Помните, что только общими объединёнными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy из борьбы на этом тяжёлом фронте детской беспризорности.

Одновременно с этим деткомиссия ВЦИК обращается с просьбой к Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодёжи и Межрабпому взять на себя задачу информировать наших товарищей рабочих и крестьян за границей о целях и задачах настоящей кампании и привлечь их к участию.

Деткомиссия надеется, что трудящиеся за границей откликнутся на её призыв своей материально-финансовой помощью и помогут ей в борьбе с детской беспризорностью в России.

Деткомиссия обращается также ко всем заграничным организациям помощи голодающим в России с просьбой усилить до возможных пределов свою работу в части помощи детям.

Все на помощь детям!

Председатель комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей Ф.Дзержинский».

Эстрада, на ней – лицом к публике – кинооператор.

– Итак, товарищи: беспризорников создали семь лет войны, четыре года империалистической и три года борьбы рабочих и крестьян за власть, борьбы против русской буржуазии, которую вооружал против нас европейский капитал.

Количество беспризорных увеличил поволжский голод. У нас, товарищи, образовалась огромная армия бездомных и – в большинстве безграмотных – детей-подростков.

За счёт сил этой армии живёт и развивается преступный мир, развращая ребятшек, превращая их в социально опасных. На борьбу с беспризорностью мы тратили десятки миллионов, но это не даёт должных результатов. Мы должны принять другие меры борьбы с этой социальной болезнью, и сегодня мы начнём борьбу. (Пауза.) Предлагаю вам, товарищи, помнить, что беспризорные дети, каковы бы они ни были, – всё-таки ещё дети.

В огромном большинстве они – сироты рабочих и крестьян. Это маленькие пролетарии, но анархисты. Наверное, вы встретите жестокое сопротивление с их стороны. Вы обязаны встретить это сопротивление сдержанно и терпимо. Каждый из вас, кто проявит грубость, а тем более жестокость в отношении к беспризорным, – будет строго наказан. Я – кончил. За дело, товарищи.

Дело одной ночи

1

К полуразрушенному дому подъехал автомобиль, агенты угрозыска и чекисты будят беспризорных, выводят их на улицу, беспризорные энергично сопротивляются. Лёнька вырвался, бежит прочь. Чекист вслед ему:

– Эй, зря бежишь, всё равно поймает.

Другой чекист:

– Вон ещё под воротами двое.

Из-под ворот выбегают трое, одного чекист поймал, другой – бежит, третий успел перепрыгнуть через забор.

2

Глухой переулочек. Два грузовика. Чекисты выгоняют из ворот «хазовки» беспризорных. Один авто уже нагружен и охраняется милицией, беспризорные орут, бьют друг друга, некоторые из них плюют на милиционеров, бросают в них шапками, опорками, пытаются сорвать фуражки с чекистов. Визг, свист, ругань.

Чекист. Вам бы, обезьяны, с буржуями сражаться, а не с нами...

В числе захваченных прилично одетый Язев и Поп. Они стоят рядом и оживлённо

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy перешёптываются. Пред ними картина боевой схватки. Чекисты и милиционеры едва справляются с мальчишками.

3

Вагонный двор. Милиционеры и чекисты осматривают пустые вагоны, извлекают из них сонных ребят. В стороне, под конвоем, стоят и сидят человек десять мальчишек. Один просит у милиционера:

– Дай папиросу.

– Не курю.

– я тебя не спрашиваю: куришь – не куришь, я говорю: папиросу дай, чёрт.

Другой чекист. Хочешь, по затылку дам.

Беспризорный. Драться не смеешь.

Чекист. Верно, пацан! Ну, получи папиросу...

Двое беспризорных вскочили и бегут в разные стороны. Товарищи свистят и кричат вслед им.

Беспризорный. То-то, мы свои права знаем!

Чекисты, милиционеры смеются.

4

Светаёт. Трое чекистов ведут группу малышей, человек 20.

Из-за угла выбежал Лёнька, за ним, должно быть, кто-то гнался. Лёнька, подбегая к чекисту:

– Берите и меня.

Чекист. Шагай, сявка.

Лёнька. Я не сявка.

Чекист. Ну, урка.

Лёнька. И не урка.

Чекист. Значит – туз.

Лёнька. Дурак. Что ты, не видишь, что я маленький.

Чекист. Тузы-то старики – говоришь – а как их зовут?

Лёнька. Так я тебе и скажу, ишь ты.

5

Воинская площадка вокзала. У площадки вагоны 3 класса.

Подъезжают машины, разгружая беспризорных. Мальчишки проходят в ворота, между шеренгами беспризорных. Чекисты и милиционеры обыскивают их, отбирают ножи, ремни, деньги, монету бросают в какой-то чемодан, бумажные деньги – рвут в мелкие клочья, – это очень удивляет ребятшек. Мальчик кричит из окна вагона:

– Зачем червяки рвете?

Чекист. А чтобы вам видно было: не берём себе.

Беспризорный. Ну и – дурачьё.

6

Внутри вагона. Тесно. Толкотня, борьба, крики.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
– Поехали-и!

– Братук! Куда нас везут?

– В болото.

– Топить, как щенят...

– Эхма!

– Ребята – смирно! Слушай команду... Раз... два-три! Делай тарарам!

Выбивают стёкла из окон, орут, пытаются ломать скамьи, полки, адский шум, которому чекисты и милиция не мешают.

7

Внутри другого вагона. Здесь ребята постарше, настроение серьёзное. Одна из групп слушает объяснение Язева:

– Едем, конечно, в Соловки.

– Хитро сделано!

– Сразу всех забарабили.

– Всех – не всех, а тысяч пять загребли...

В дверях – чекист:

– Ребята – слушай – сейчас поезд остановится, будет прицеплен вагон с продовольствием и одеждой. Организуйтесь так, чтобы всё распределить в порядке, без драк – ладно?

Молчание. Ребята недоверчиво рассматривают чекиста, удивлённо, испуганно перешёптываются. Кто-то громко говорит:

– Значит – верно: в Соловки! И-эх-х, мать...

8

Третий вагон. Здесь среди ребят – Лёнька, Язев, Поп, Узбек. Поезд стоит.

Поп. У меня червяк в затырке был.

Вынимает изо рта червонец, один из мальчиков согнулся, подставил спину, червонец разглаживают на его спине.

Язев. Водочки бы купить, а?

Голоса: – Верно! Дело! Хорошо бы погорчить!

– А как отсюда вылезешь? Двери заперты, под окошками – менты.

Узбек. Пол надобно ломать! Ну? Начинай!

Язев. Правильно! Делай!

Голоса:

– Не шуми слишком. А кого пошлём?

– Лёньку. Лёнька – идёшь?

Лёнька. Обязательно!

9

Из-под вагона вылезает Лёнька, бежит по железнодорожным путям. Стоит на углу улицы, под фонарём, рассматривая червонец. Нерешительно оглядывается. Раздумывает: вернуться к товарищам, в вагон, или не стоит? Вернуться – наверняка

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy отправят в какой-нибудь детдом. А может быть, и в тюрьму. Убежать с червонцем – нехорошо пред товарищами. Вероятно, убежит ещё кто-нибудь, станет известно, что он украл у «своих» – изобьют. Да и стыдно у своих воровать. Решил. Бежит по улице.

10

Ленька в «хазе». Какая-то баба подвязывает к его лохмам бутылки за горлышки.

Лисица. Гляди не разбей.

Лёнька. Знаю!

Лисица (бабе). Лишили нас помощников, дьяволы.

11

Вагон. Поезд в пути.

Узбек (рассказывает). Он мне сказал: «Приедем – дадут всем кило хлеба, фунт колбасы, одёжу выдадут, мыть будут».

Голоса:

– А ты верь, дурак! Ему чаю с вареньем обещали. Пирожных...

Лёнька (выпивши). Дадут всем кашки из поганой чашки, пожрём, охнем, да и – подохнем! Эх – ребята! Не верь милиции, держи свои позиции! Споёмте – что ли?

12

Вид Звенигорода.

13

Звенигородский монастырь.

14

Вокзал Звенигорода. Перрон. Чекисты и местная милиция ждут поезда.

Старший чекист. С этим поездом прибудет пятьсот, сразу направить в монастырь. Следить, чтобы не разбежались.

Голоса:

– Пятьсо-от. Держись, город Звенигород.

– Да-а, зададут встряску здешним жителям. Разграбят городишко.

Старший чекист. Решительно воспрещается применение каких-либо физических мер воздействия – поняли? Не бить, не толкать, не орать! Сразу, по разгрузке вагонов, давать каждому хлеб и колбасу. Авось – не побегут, если едой займутся.

15

Эшелон беспризорных идёт улицей города. Все жуют. Из ворот, из окон неодобрительно смотрят обыватели. Некоторые выражают сочувствие и сожаление:

– Эх, бедняжки! Куда это вас ведут?

– Господи, грязные какие.

Беспризорные отвечают сочувствующим руганью, свистом, показывают языки, кулаки. Вслед им обыватели говорят:

– Жульё всё! Это на горе наше привезли их.

– Заставят нас кормить ораву такую.. А ведь!

– Пожалуй, и заставят. Да и обуть, одеть тоже нам велят... Эх, жизнь...

16

Двор монастыря. Беспризорники ошеломлённо разбились по группам, хмуро озираются,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921-1935. Максим Горький gorkiy перешёптываются, в общем ведут себя тихо. Их раздевают и лохмотья бросают в костёр среди двора. Восемь парикмахеров стригут их. После стрижки голых ведут в баню.

17

Баня. Ребят – моют. Охотно моются единицы, в их числе – Узбек, Лёнька, – большинство сопротивляется, хулиганит, плещет друг на друга водой из шаек. Дикий визг, шум, брань, попытки петь.

18

Ребята выходят из бани на двор, одетые в однообразные костюмы и шапочки. Вид у большинства ошарашенный.

Голоса:

– К чему это готовят нас? Во святые, что ли? В монахи постригли. Чёрт их знает чего они выдумали.

Лёнька. Братишки! Знай своё дело: ни в чём не уступайте. Нас хотят в миленькие перекрестить.

Старший чекист. Ребята! Рассчитывайтесь по десяткам и выберите десятников.

Голоса:

– Это можно! В этом плохого не видно. Увидишь, погоди.

19

Заметно выделяются группы ребят, которые довольны тем, что вымылись, одеты в чистое. Доволен Узбек, он смотрит в кадку с водой, любуется своим отражением, хохочет, рядом с ним – Язев и Куманёк – парень лет 15.

Язев. Чего же это будет?

Куманёк. Увидим.

Узбек. Хорошо будет.

Язев. Тебе, Узбек, немного надо...

Узбек. Мне? Мне всё надо.

Язев. Тебе дать кусок, ты и не лаешь.

Узбек. Врёшь.

20

Васька Кабан, тупорылый, низкорослый парень, лет 20, ухмыляясь, агитирует в группе ребят. Их человек двадцать.

– Ну вот, пацаны, значит – прокатились мы на дураках, в бане помылись, пожрали, чуть-чуть оделись. Чего надо делать? Ну, надо, значит, бежать – кто куда! Прямо – сади всей массой! Всех не переловят, а если и поймают которых – ноги не оторвут, опять можно бежать. У них нет такой силы, чтобы сладить с нами. Верно?

Голоса:

– Верно... Когда бежать? Надо сговориться, чтобы – сразу всем.

21

Старший чекист (кричит). Эй, братишки, обедать!

С криком, свистом – толпа бежит.

22

Лёнька – десятник. Намеренно неправильно режет пшеничный хлеб, неровными порциями. Куски прячет за пазуху. Бросает их через головы ребят, вызывая этим протесты.

Лёнька (орёт). Вы что здесь – у родной бабушки? Жри, что дают, пока по мордам не дали. Наелся – уходи...

23

Чекист докладывает старшему:

– Там Лёнька хулиганит...

Старший чекист. Дан приказ в еде не отказывать – никаких конфликтов! Подайте хлеба дополнительно. Они хотят разыграть нас на хлебе.

24

Чекист, Узбек и Куманёк несут хлеб. Лёнька, поняв, что его затея сорвана, бросает нож, идёт прочь с куском хлеба в руках. Кричит:

– Смотрите, Узбек с Куманьком в лакеи нанялись...

25

За углом церкви Кабан, Лёнька, Язев и ещё человека три.

Лёнька (угрюмо говорит). Сегодня ничего не будет. Все сытые, разморило всех... Да и охраны за стенами много...

Язев. Это верно. Обмякли все.

Кабан. Н-да... значит – надобно солить им, ментам, всяко, кто что придумает, чтоб им невтерпёж солоно пришлось.

Лёнька. Чтоб не мы от них, а они от нас бежали!

26

Лунная ночь. Трапезная монастыря превращена в спальню, тесно набита беспризорными. Кое-где ребяташки спят. В углу группа слушает, что рассказывает Куманёк.

– А этот, Мартынов, который застрелил Лермонтова, похоронен здесь...

Голоса:

– Сукин сын, выкинуть его из могилы!

– Да это – давно было, от него и костей не осталось.

27

В другом углу фабрикуют карты из страниц евангелия. Один мальчик аккуратно режет их, другой – растирает кирпич в порошок – готовит красную краску, третий – размешивает сажу в коробке из-под ваксы, четвёртый – готовит трафареты для печатания карт. У двери стоят на стрёме двое мальчиков.

Голоса:

– Эх, покурить бы.

– Водочки бы хлебнуть кусочек!

28

Идёт игра на одежду. Выигрывает Кабан. Около него лежит несколько гимнастёрки, ботинки, брюки. Человек пять уже проигралось, раздеты, с угрюмой завистью смотрят на играющих.

Стрёма (кричит). Зекс!

Суматоха. Выигрыш покрывается телами играющих, карты исчезают.

Ребята дружно начинают петь:

В воскресенье мать-старушка...

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Стрёма делает успокоительные знаки. Игра продолжается.

29

Утро. Две деревенские бабы привезли на монастырский двор солому и дрова. Кабан отводит одну из них за угол, показывает гимнастёрки, ботинки.

Баба. Сколько просишь?

Кабан. Пять бутылок водки.

Баба. Да ты с ума сошёл! За этокое! Пять?

Кабан. А сколько!

Баба. Две.

Кабан. Ты, тётка, не шути, а то я тебя по башке кокну. Видишь, сколько нас тут? Мы, гляди, неласковые. Мы те избу подпалить можем и вообще... Ну?

Баба. Не стражай. Три – принесу.

Кабан (толкнув её). Пять, поняла?

30

В зарослях монастырского сада – человек двадцать. Выпили. Кабан ораторствует:

– Ограды, решётки на кладбище вокруг могил – ломайте, вооружимся и прямо, напролом...

Язев. Я порох умею делать.

– А стрелять из чего?

Лёнька. Он не врёт! Он – может!

Начали работать

С этого места необходимо очень наглядно и даже резко провести линию разрыва между беспризорными. Наиболее взрослые и анархизированные организуются под водительством Кабана и Язева в целях побега и вооружаются, чем попало, на случай сопротивления.

Большинство, следуя за Куманьком, Лёнькой, Узбеком, чувствуя себя хозяевами положения, увлечено процессами разрушения, ломки всего, что можно сломать, и процессами изобретательства.

1

Группа Кабана ломает решётки кладбищенских оград. Некоторые натачивают железные прутья о могильные плиты.

2

Мальчуган забрался на купол колокольни, зацепился ногами за перекладину креста и, вися вниз головой, орёт песню.

3

Двое ребят, изготовив рогатки, спрятались за углом стены и выбивают стёкла из окон церкви.

4

Кое-где, по углам, играют в карты, ссорятся, дерутся.

5

По двору, по саду расхаживает старший чекист, пощипывая усики, почёсывая затылок. Пробует разговориться с ребяташками, это плохо удаётся ему, – ребята настроены враждебно. Добродушнее других относятся к нему Куманёк и Лёнька. Он беседует с ними о чём-то вполголоса. Лёнька, отрицательно качнув головой, показывает ему кукиш и уходит.

6

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
К завхозу приходят проигравшиеся в карты, босые, в одном белье, требуют
обмундирования.

– Что вы издеваетесь над нами? Голыми ходим! Давайте наше старое барахло!

Завхоз. Да ведь вы же видели, что мы его сожгли?

– Ничего мы не видели! Давай!

Им выдают новую форму, некоторые получают её в третий раз.

Куманёк (кричит). Ребята! Вот он где похоронен, Мартынов, который Лермонтова убил!

Лёнька. Давай сюда кости его! Давайте выроем, выкинем их из земли! Давай лопаты...

Разрывают могилу.

7

Язев. Бросьте, ребяташки, это – не дело покойников тревожить!

Лёнька. Боишься покойников-то? Мы на тебя, когда спать будешь, положим одного, который посвежее. И-эх, ты! Работай, братишки!

8

Язев в углу сада устроился на могильной плите, толчёт в жестянке уголь. Лохматый парнишка режет зазубренным ножом водопроводную трубу. Третий мальчик затёсывает полено, – делает приклад ружья. Подбегает ещё один – кричит:

– Вот – сера! Фунта два будет...

Бежит пятый:

– Братцы! Айда Мартына хоронить, – вот здорово!

9

Похороны Мартына. Кладбищем, между могил, идёт толпа беспризорных; впереди – Куманёк, в руках его – палка, на палке – череп. Рядом с ним Лёнька в рогоже на плечах, в изломанной камилавке [17], в руке его – маленький горшок на верёвочке, из горшка поднимается дым. Дальше – десятка полтора мальчишек с палками, концы палок намазаны смолой или сапожным варом. Зажжены, дымят. На многих ребятах – монашеские клобуки, скуфейки, на плечах рогожи, тряпьё, мешки. Орут, свистят, приплясывают:

Эх, ох, эх, ох!

Мартын подох!

Он был рыженький такой.

Со святыми упокой

Сукиного сына – Мартына!

10

Процессия вышла на монастырский двор, окружила помойную яму, и под свист, крик, пляску бросают череп в яму. Особенно возбуждены двое: Лёнька и Узбек.

Лёнька (Куманьку). Что теперь делать? Придумывай.

Куманёк (оглядываясь). А где менты-агенты?

Лёнька. Попрятались! Вся наша воля! Действуй.

11

Кабан, Язев и другие подбегают:

– Ребята! Валяй напролом. В город. Погуляем. Бери палки.

Язев. У нас шпалера есть!

Прикладывает к плечу оружие, – полено с отрезком водопроводной трубы, – зажигает спичку, из трубы извергается огонь и дым. Язев плашмя, спиной, падает на землю,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy часть ребятишек бросается во все стороны, – крик, свист, смех.

12

Кабан, как военачальник, действует в тылу своей армии, толкает ребят в спины, бьёт по затылкам, действует пинками, орёт, гоня армию к воротам:

– Айда, черти! Дружно, все сразу. Ну! Прямо на лавки, бей стёкла, хватай, что под руку попало...

13–14

Старший чекист появился откуда-то из-за монастырской гостиницы и кричит, приставив ладони рупором ко рту:

– Выдают махорку, папиросы!

15

В толпе – смятение. Множество ребят обратилось вспять, окружая старшего чекиста, он что-то кричит, смеётся, указывая за угол гостиницы. Ребята бросаются туда.

16

Три агента арестуют Кабана, Язева, ещё троих взрослых, уводят их за ворота. Ворота закрываются. Лёнька выглядывает из-за угла.

17

Старший чекист ведёт Язева, за ними толпа ребятишек.

– Ну-ка, герой, раздевайся! Язев снимает блузу – под ней другая.

Старший чекист. Дальше!

Куманёк снял ещё блузу – под ней третья.

Голос. Эх, чёрт. Вроде кочна капусты.

Язев, ухмыляясь, снимает ещё одну блузу – под ней четвёртая.

Старший чекист. А штанов сколько на тебе? А куда выигранные ботинки спрятал?

Мальчики смеются.

Старший чекист. Вот, ребята, в этом и вся беда жизни: у одного – лишнее, а другой – голый.

Голос. Голый, да весёлый.

Старший чекист. Тепло – так весел, а холодно – нос повесил. Ну-ка, давайте поговорим о деле, о жизни... Вы бы сели, в ногах правды нет.

Лёнька. Правды нигде нет.

Старший чекист. А ты где её искал?

Лёнька. Везде.

Старший чекист. А как? Какую правду искал?

Лёнька. А ты какую нашёл?

Старший чекист. Вот послушай!

18

Беседуют. Народа собралось много. Слушают внимательно. Подходит дядя Иван, старик-сапожник.

– Нет ли охотников сапожному делу поучиться? Я бы взял человек пяток. А?

Голоса:

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
– Пошёл к чёрту! Проваливай, старикан, не мешай сказки слушать.

История большевской колонии ГПУ

1

Контора тюрьмы. За столом – чекист и двое представителей тюремной администрации. Перед ними стоят и сидят человек двадцать заключённых, всё молодёжь, среди неё Сергей, Яков.

Чекист. Так вот, ребята, поняли?

Яков. Что-то мудрено...

Сергей. Трудно понять – чего тебе надо. Ну – поймали нас, потом по закону придётся выпустить.

Чекист. Верно. Выпустим, а вы снова приметесь воровать, а мы снова поймаем вас, и так будет до конца ваших дней, а конец этот – недалёк! Ведь вы будете всё хуже, придётся держать вас за шиворот всё туже – так?

Яков. Как будто – так.

Чекист. А парни вы – не глупые, здоровые, нужды-горя отведали много, знаете, почём сотня гребешков. Как будто и жалко вас. Так вот, попробуйте пожить трудом, а не воровством.

Один из группы. От трудов праведных...

Чекист...не наживёшь домов каменных! Это – известно. Так вот и сделана Октябрьская революция, чтобы власть над жизнью взял в свои руки трудовой народ. Попробуйте-ка и вы включить свои силы в работу трудового народа по строительству новой жизни, в которой единственным хозяином всей страны будет только рабочий народ. Идёт, что ли?

Голоса:

– Ну, чтоже... Ни хрена не выйдет... В тюрьме сидя – добра не высидишь, конечно... Попробуем. Ошибёмся – раскаемся.

2

Просёлочной дорогой идут почти десятка полтора тюремных жителей, среди них чекист. Он настроен весело, его команда – мрачно, подозрительно оглядывается по сторонам, перешёптывается.

3

Усадьба бывшая Крафта. Детально показать её заброшенность, старые здания, службы, засоренный парк и так далее.

4

Пришли. Продолжают осматриваться ещё более мрачно.

Сергей. А где стража?

Чекист. А зачем стража?

Яков. И решёток на окнах нет.

Чекист. А зачем решёток? Хотите – живите, не хотите – бегите, это – ваша воля.

Один из группы. Фокусы какие-то...

5

В усадьбу въехал грузовик, привёз продовольствие: хлеб, колбасы, большой самовар, посуду. Ребята, ухмыляясь, разгружают очень лениво. Чекист, работая с ними, поторапливает:

– Дружнее, ребята, на себя работаете!

Начали хозяйничать. Метут пол. Устанавливают койки. Настроение недоверчивое,

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
посмеиваются друг над другом.

– Эй ты, горничная, не пыли...

– Поджечь рухлядь эту...

– Неплохо бы...

Сергей. Поджечь всегда успеем.

Яков. Интересно, чёрт их драл, чего они затеяли? Чего хотят добиться?

Сергей. Поживём – увидим.

7

В комнате. На одной из её стен – портрет Ленина.

Сергей. Мы здесь будем жить?

Чекист. Можно и здесь.

Сергей. Убирай образа – мы неверующие.

Чекист. Здесь Ленин жил.

Сергей. Это нам всё равно – кто.

Яков. В тюрьме чище было, чем здесь.

Один из группы. Вычистить не трудно, а вот как жить будем?

Сергей. Может, и не будем...

8

Утро. Ребята один за другим выходят из дома на волю.

Голоса:

– Ну, что же, чай пить надо.

– А кто самоваром займётся?

– Ну его к чёрту, я чаю не хочу.

– Выпить бы.

– На какие деньги?

– Н-да-а...

Сергей. Сделаем жеребьёвку, кому самовар ставить.

9

Яков ставит самовар. Остальные греются на солнце, лениво бродят по парку. Сергей, стоя под деревом, курит, размышляет о чём-то, поглядывая на товарищей. Из окна смотрит чекист, спрашивает:

– Скушно?

Сергей. Не весело.

Чекист. Займитесь делом – веселее будет. Вы, конечно, понимаете, что дармоедов кормить рабочее государство не будет. За всё, что вы здесь получите, надо будет отработать. Это – обязательно. Кто не работает – не ест.

Сергей. Богатые не работают, а едят хорошо.

Чекист. Вот за то рабочий класс и послал их к чёртовой матери.

Один из группы. Думаешь – не вернуться они? Вернутся. Не бывало этого, чтобы мир без богатых жил.

Чекист. Мало ли чего не бывало! Вот и тебя не было, а теперь и ты украшаешь землю.

Ребята смеются – оппонент чекиста невзрачен, истощён, оборван.

10

Сергей, Яков и невзрачный паренёк, Кашевар, засыпают землей и щебнем выбоины на дороге перед крыльцом.

Сергей. Чекист этот не дурак.

Яков. Весёлый.

Парень. Обманывает. Вот – работать заставил.

Сергей. Не работай.

Парень. А ты зачем работаешь?

Яков. Захотелось, ну и работаем.

11

Кашевар – на коньке крыши, угрюмо смотрит вниз. Ему видно, что почти все товарищи заняты каким-нибудь делом: двое укрепляют расшатанную ступень крыльца, человек пять сносят в кучу старые доски, метут двор метлами. Всё делается не торопясь, неумело, от скуки. В парке под кустами: двое – спят, трое – беседуют.

– Ночью мы обошли вокруг – нет ли где надзирателей спрятано?

– Нет?

– Чёрт их знает, чего они затеяли.

– Н-да...

– И никто из нас не сбежал отсюда...

– Раскисли.

12

Через несколько дней. На крыльце – чекист, перед ним – колонисты.

Кашевар (жалуется). Ты пойми: в тюрьме – скушно, так там заперты мы. А здесь будто на воле, однако – связаны.

Чекист. Ну, что ты? Чем связаны?

Кашевар. Чёрт его знает.

Сергей. Ты бы нам газет дал, что ли.

Чекист. Газет – можно! И книг – можно. Только за ваш счёт. После взыщем с вас, когда вы работать начнёте. Ведь вы не нищие, не милостину просите, да? Ну вот, завтра будут книги и газеты. А вы устройте читальню в тех комнатах, где Ленин жил.

Яков. Ты бы рассказал нам про Ленина-то.

Чекист. Можно.

13

Лунная ночь. Колонисты собрались на крыльце. Некоторые курят.

Сергей. Значит, ребята, мы всерьёз решаем жить здесь дружно, работать, учиться.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Попробуем встать на другие рельсы. Так?

Два голоса:

Один (нерешительно). Что ж. Видно – так!

Другой. Решили. Довольно трепаться!

Сергей (остальные молчат). Чекист ясно рассказал нам, кто мы и какие дороги лежат перед нами. Одна – в Соловки, а то и под пулю. Другая – к рабочим, а рабочие и в самом деле стали хозяевами, везде они правят, это – видно. Ежели начат бой между богатыми и бедными – середины не может быть, и – нет её. Не с богатыми же нам идти.

Яков. Да если богатых не будет, так у кого же воровать?

Кашевар. На наш век богатых хватит.

Сергей. Ну, ребята, – как? Подымай руки, кто за работу?

Руки подняли все.

Яков (кричит). Здорово!

14

Колонисты поют песню. Она звучит грустно, как будто парни прощаются с прошлым.

15

Кашевар и ещё один отходят в сторону, шепчутся, его собеседник отрицательно мотает головой, отмахивается, идёт к поющим.

16

Кашевар стоит, отшвыривая носком сапога камешки. Сергей поёт и следит за ним.

Устраиваются

1

Организуют ленинский уголок.

2

Организуют кооператив.

3

Приход ещё одной группы из тюрьмы. В этой группе – девушки, немного – три, пять.

4

Утро. Просыпаются. Вбегает Яков.

– Ребята! Кашевар уплыл. Нагрузился одеялами, одеждой, и – нет его. В деревню, надо думать, пошёл, продавать.

Общее возмущение.

– Вот – курва, сукин сын!

– Надо ловить!

– Где его поймаешь?

Сергей. Ребята, мы друг за друга отвечаем, так или нет?

Яков. Поступок его – не товарищеский. У своих воровать, – вы знаете, что за это следует?

5

Лес. На опушке, в кустах – Кашевар, сидит и курит, поглядывая в поле.

6

Из леса подкрадывается Сергей и ещё один парень. Схватили Кашевара. Сергей

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy свистит. Подбегают ещё двое. Кашевар прижат к земле, распластан на ней, но его не бьют.

Сергей. Ты, сволочь, что же сделал? Опять хочешь в тюрьму загнать нас?

Голоса. – У своих, сукин сын!

– Не стыдно – у своих-то!

– Вздуть его!

– Башку свернуть.

Сергей. Погодите! Разденем догола, и пускай идёт куда хочет.

Крики:

– Верно!

Смех.

7

Кашевар, голый, стоит в кустах, смотрит в поле.

8

Полям идут четверо. Сергей несёт большой узел, другой парень – одежду Кашевара.

9

Ночь. Идёт Кашевар в костюме Адама, перевязанный ветками рябины.

10

Ленинский уголок. За двумя столами пятеро читают газеты, книги. Сергей, Яков. Двое – пишут письма. Вбегает девушка:

– Ребята, Кашевар пришёл. (Хохочет.) Ой, издохну! Идите скорей... Ох...

11

На дворе собрались все колонисты. Перед ними – Кашевар. Хохот, крик, свист:

– Судить его!

– Чего судить! Повесить – и всё тут.

Сергей. Надо позвонить в ГПУ. (Ушёл.)

12

Сергей у телефона. Рядом с ним Яков и ещё двое.

Сергей (угрюмо). Как же мы его поведём к вам, товарищ? Мы не агенты угрозыска, не милиция. Чего? Неловко нам. Сами посудите: воры вора в ГПУ ведут. Как? Бить, действительно – били. Чего? Ну, бывало, и убивали... Я слышал. Так это – доносчиков, шпионов, а он... Сам?

Повесил трубку, оттирает потный лоб.

– Ф-фу чёрт! Уговорил. Согласился, что нам нельзя конвоировать Кашевара. Говорит: пошлите его, пускай сам придёт, а?

Яков. Не придёт, убежит.

Голоса:

– Куда?

– На воле знают наши, что он своих обокрал.

– Не убежит! В ГПУ целее будет, а свои – башку оторвут.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
13
На дворе.

Сергей (Кашевару). Ты, сволочь, завтра утром пойдёшь в ГПУ. Сам пойдёшь – понял?
Ну – ступай к чертям, ангел голопузый.

Кашевар идёт в спальню, его провожают криками, свистом.

14
Кашевар в ГПУ перед лицом следователя.

Следователь. Ну что, парень? Солоно пришлось. Выучили, как у своих воровать?
Получишь пять суток ареста. Иди!

15
Несколько картин строительства Болшевской колонии. Показать вербовку новых членов старыми и количественный рост колонистов.

16
Картины оборудования деревообделочного, трикотажного и обувного цехов.

17
Картины работы. Работает девица на трикотажном станке. Перед её глазами возникают картины прошлого. Она танцует с парнем, в круг танцующих врывается другой, выпивши, вырывает её из рук партнёра, тот ударил его, но оказался слабее, сбит с ног, сидит на полу и кричит:

– Сашка, не смей плясать с ним!

Она пробует вырваться, новый партнёр схватил её за волосы:

– Куда, стерва?

Зрители хохочут. Кончив танцевать, партнёр отталкивает её. Она ищет первого партнёра. Его – нет. Выходит на двор, освещённый фонарем с улицы и огнями окон.

Садится на какой-то ящик, плачет. Появляется первый, подходит к ней.

– Что, сволочь, ты опять с ним? Бьёт её, она падает с ящика в грязь.

В деревообделочном парень строгаёт фуганком доску. Устал, стирает пот с лица, присел на верстак, закуривает. Видит себя в прошлом: его поймали на рынке, бьют, является агент угрозыска, вырвал его из толпы, ведёт, угрожая:

– Добьёшься, болван, что тебя ногами растопчут!

Затем видит себя прилично одетым около цирка, на Садовой. Тот же агент, положив ему руку на плечо, спрашивает:

– Ага, это ты, старый приятель? Третий раз я тебя ловлю. Ну-ка ты, что тут делаешь? Что в карманах добыл?

Парень, не торопясь, достаёт из бокового кармана «ксиву».

Агент читает:

«Предъявитель сего столяр деревообделочного цеха колонии ГПУ № 1»...

Агент, усмехаясь, говорит:

– Вот как? Ну – прошу извинить!

В металлическом кузнец прокаливает пластинки для коньков. Он же в прошлом – взламывает дверь магазина. Ему помогает ещё один, третий – на стрёме. Стрёмщик тихо свистит. Оба бегут. Взломщик поскользнулся, упал, на него бросился дворник, но откатился в сторону. Взломщик бежит, в его руке – фомка. Навстречу

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorikiy милиционер. Взломщик бьёт его фомкой по голове, но попадает в руки другого дворника, схвачен.

Спальня девушек, одна из них, сидя на койке, читает книгу. Перестала читать, закрыла глаза. Проходит ряд картин: пьяный отец, больная мать. Девушке лет 12. Её первое воровство: украла булку с лотка. В 14 лет она трамвайная воровка. В 16 – популярна среди товарищей как искусная профессионалка. Её любовник – наркотоман, грабитель. Она «захороводила» на улице гостя, ведёт его за собой. В глухом переулке на гостя бросаются двое, бьют, он – падает. Девушка помогает обыскивать его, раздевать. Любовник с товарищем бегут, услышав шум шагов, она схвачена за юбку ограбленным, бьёт его ногой, но безуспешно. Он кричит, подбегают люди, её схватили.

18
Общежитие.

19
Заводы в оконченном виде.

20
Вечер самодеятельности колонистов. Пение, пляски, музыка. Маслов за работой. Стенгазета.

21
Политграмма.

22
Посещение Болшевской колонии колонистами Николо-Угрешской. Пришло человек пятнадцать. Среди них – Куманёк, Язев и Лёнька. Он особенно внимательно присматривается ко всему и ко всем. Отношение большевцев к ним – снисходительное, ироническое. Куманёк увидел знакомую девушку, бросился к ней, облапил:

– Нюрка! Ты? Здесь?

Девушка. Прочь! Не лапай. Я замужем...

Куманёк ошеломлён. Перед его глазами – встаёт прошлое. Он гуляет с этой девушкой, обняв её за талию.

23
Лёнька в стороне допрашивает парня, лет 17:

– Бьют?

– Нет.

– А сами друг друга бьёте?

– Тоже не бывает.

– Врёшь?

Парень говорит с Лёнькой улыбаясь.

– И – не воруете?

– Не требуется. Всё наше, а у себя – не воруют.

Лёнька рассердился, толкнул парня кулаком в живот, кричит:

– Ты чего мне врешь, пузатый чёрт? Что я – маленький? Скажи на милость – не пьёт он, не дерётся, не ворует, во святые попал, сукин кот!

Парень хохочет. Его и Лёньку окружают другие.

24
Другой парень, тоже встретив старого приятеля; беседуют:

– Как же вы с девицами? Свободно?

– Мы не собаки, мы от собачьей жизни отказались.

– Холостыми живёте?

– Женимся. Только с разрешения общего собрания. Женимся и на деревенских. Вот сегодня свадьба будет, наш парень деревенскую берёт...

25

А в начале жизни колонии: пришли мужики и сердито говорят заведующему:

– Вы, товарищи, воров поселили тут под боком у нас. Это нам – вредно. Мы упреждаем, что ежели воровство начнётся – заведение это со всех концов вспыхнет, а вора череп побьём. Мы это честно упреждаем.

26

Свадьба. Пляски, пение, музыка. Лёнька внимательно смотрит на всё. Говорит соседке, девице:

– Это зачем тут мужики?

– Отец невесты, родные её. А – что?

– Ничего. Балаган это. Подстроено всё. Вроде цирка... Обманываете.

Отошёл прочь.

27

Узбек разговаривает с негром:

– Почему чёрный? Это больной ты?

– Я негр потому что.

– Ну? Били тебя?

– Нет, природа такая.

– Смеются над тобой?

– Нет. Здесь товарищи хорошие.

Узбек, сплюнув, отходит прочь, останавливается, размышляя. Мимо идёт девица, остановил её:

– Подожди. Ты – проститутка?

– Я трикотажница, а ты – глупый мальчишка. Дурак – понял?

– Подожди. Если я тебя обидел, надо меня бить. Почему не бьёшь?

Девица смеётся, спрашивает:

– Ты кто?

Взяла его под руку, кричит кому-то:

– Миша, поди-ка сюда!

28

Лёнька около духового оркестра, рассматривает корнет-а-пистон. Музыканты готовятся играть, корнетист взял инструмент из рук Лёньки. Играет. Лёнька, очарованно улыбаясь, смотрит на корнетиста.

29

Кипит свободное веселье.

30

Куманёк и Узбек – в стороне, к ним идёт Лёнька.

Куманёк. Ловко устроились.

Узбек. У меня голова колесом вертится – так!

Показывает руками, как вертится голова.

Лёнька. Весело живут, черти! Музыка своя. И – всё.

Куманёк. Книг – до тысячи.

Лёнька. Буду проситься сюда...

Куманёк. Не примут.

Узбек. Здесь работать надо, мы не умеем.

Лёнька. В музыканты попросимся.

Снова в Николо-Угреше

1

Человек пятнадцать парней, раскачивая бревно, вершков четырёх толщиной, таранят им стену монастыря. Сыплется разбитый кирпич.

2

На дворе ломают койки монахов, делают из них санки. Но некоторые уже чинят поломанные койки, не давая их ломать. Из-за этого дерутся. Подходит мастер, слесарь.

– Не так, ребята. Дайте поучу.

3

В одном из помещений монастыря человек двадцать столярят, делают инкубаторы. Один из парней сделал шкатулку для себя, любит её. Другой – табуретку. Сравнивают работу, хвастаются.

4

Лёнька достал где-то измятую валторну, пробует играть на ней, ничего не выходит. Идёт к инструктору-слесарю:

– Ну-ка, почини, чтобы играла.

– Этого я не умею сделать.

– Так чего же треплешься здесь?

5

Всё время слышны глухие удары тарана в стену. В общем для большинства скучно. Ребята валяются на дворе группами, кое-где пробуют петь. В одной группе беседует Куманёк, в другой – Узбек.

6

На дворе появились Яков и Сергей.

7

Стену протаранили, образовалась большая дыра. Один из мальчиков лезет в неё, но раком пятится назад. Вылез, отряхивается.

– За стеной – мент с прутом в руке. Зря долбили.

8

Идут двое ребят. У одного на поясе шесть ложек, на шее несколько полотенец. Другой обернут простынёй, одеялом. Сергей спрашивает их:

– Куда же вы?

– Гуляем.

– А это – вещи куда?

– Выиграли в карты. Продаём. Купи?

9

Человек триста собралось в церкви. Яков на амвоне. Ловит муху: ему рукоплещут. Кто-то кричит: «Эх, гармошки нет! Сплясать бы».

Яков. Вы бы, черти, работали, тогда и музыка будет.

Крики: – Ребята – «Берёзку»!

10

Явился Лёнька с трубой, ещё один с барабаном, третий – с гитарой. Всё это вместе звучит дико. У Лёньки отняли трубу и сломали.

Крик. Ребята – спать!

Яков. Давайте завтра займёмся, организуем хоришко.

Голоса:

– Дело! Можно! Идёт!

11

Разошлись. На амвоне остался Яков, его окружают Куманёк, Узбек, подошёл Лёнька и ещё четверо, затем явился Сергей.

Яков. Ну, что?

Куманёк. Поддаются.

Узбек. Не очень.

Сергей. Вы говорите им: будете работать – всё будет!

12

Спальная. Ребята укладываются на койках, но некоторые на полу.

13

Входит Лёнька с паршивенькой собачкой на руках, подошёл к своей койке, подумал. Положил собаку на койку, укутал её одеялом, сам лёг на пол. Сосед спрашивает его:

– Ты что это?

– Ничего. Мне – всё равно, как спать, а она никогда на постели не спала.

14

Все спят. Лёнька встал, подошёл к окну, открыл. Сел на подоконник, ноги за окно.

15

Стена дома. Окно. В нём Лёнька сидит и тихонько поёт.

16

Показать Николо-Угрешу в его современном виде. Затем – так же Болшево. Дать цифры производства.

[Картинки к инсценировке П.С. Сухотина «В людях»]

[Первая картина]

Десятка полтора грузчиков, большинство – спит. Грохало чинит подушку, в руке – шило, дратва, рядом с ним – молодой парень негромко играет на гармошке, повыше их – Сергей.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Грохало. Брось, надоел.

Парень. Не любишь музыку-то?

Грохало. Весёлую – люблю.

Парень. Весёлая, она – трудная.

Сергей. Чем – трудная?

Парень. Быстроты требует.

Сергей (передразнил). Быстроты требует!

Парень. Чего дразнишься?

Сергей. Не люблю вот эдаких кислых чертей.

Парень. Мы – не черти, а крестьяне, значит – хри-стияне, да-а!

Сергей (дразнит). Да-а! Бя-а!

Парень. Опять драку затеять хочешь? (Встаёт, отходит прочь.)

Грохало. Зачем ты дразнишь их, в самом деле? Изобьют, как прошлый раз.

Сергей. Зря ты трёшься тут. У них у всех – душа милостину просит, душа просит, а рука – не даёт. В каждом таком бычке – мироед сидит. Я их – знаю, работал по деревням. Трое суток потерпишь, на четвёртые – думаешь: не поджечь ли деревеньку-то? И уходишь от соблазна дальше... Ничего ты, Лексей, не понимаешь.

Грохало. Кое-что, пожалуй, могу понять.

Сергей. Ну, а что?

Грохало. Вот понимаю, что ты анархист.

Сергей. Чего-о? Какой там мархист?

Грохало. Я тебе объяснял...

Сергей. Ах, это... Ну, это – врешь. Ты – дай мне власть, так я те покажу, какой я безвластник! Сделай-ко меня губернатором, а то хоть исправником, я тогда...

(Женщина выбегает из-за склада, прыгает через спящих, Сергей схватил её за подол, она даёт ему пинок ногой...)

Сергей. Ух ты, чёрт! Тпру... (Свалил её рядом с собой.)

Женщина. Пусти!

Сергей. Куда?

Женщина. Пусти, говорю!

Грохало. Не балуй, Серёга, подожди. (Женщине.) Как будто мы встречались...

Сергей (крепко обнял женщину, она вырывается). Тише... тихонько... ту-ту-ту.

Женщина. Чего тебе надо, дикая рожа? Чего? Пу-усти!

Сергей. Ну, куда я тебя пущу? Заплутаешься!

Грохало. Вы не бывали в будке Никифорыча в Казани?

Женщина (перестав сопротивляться Сергею, присматривается, удивлена, обрадовалась). Ой, милый, я тебя узнала! Слушай, скажи ему... Мне спрятаться надо.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorikiy
Сергей. В реке? В Волге? Там, радость моя, сыровато.

Грохало. Пусти, Сергей. Идём.

Сергей. Ты её в Карс веди...

Грохало. Знаю.

(За время этой сцены проснулись грузчики, не все.)

Старый грузчик. Чего случилось?

Сергей. Звезда с неба спустилась.

Другой грузчик. Украла она, что ли?

Сергей. Ощупай себя, всё ли цело?

Старик. Чего ты, милачок, вертишься около нас, а? И вчерась был, и сегодня явился?

Грузчик. Мало ему наложили вчера.

Сергей. Земля эта – не ваша.

Старик. Земля – не наша, а место – наше. Ты иди-ко прочь!

Сергей. Можно.

Старик. Во-от! Иди. А то – украдёшь чего.

Сергей (уходя). Украл бы ума, да у вас его нема.

Парень с гармонией. У этого, грамотея нашего, знакомые-то все как будто жулики.
(Наигрывает.)

Старик. Грамотеи – все жуликоваты, для того и учатся. У нас, в селе, парнишко один учился, потом – в город, в Симбирской, поехал, через некоторо время вернулся, так уж сам в чине учителя, да-а! А через четыре, что ли, года подал прошение, чтобы в дьякона его вписали. А тепериче он – попом в Промзине; живодеёр – на сто вёрст в округе не найти равного.

Грузчик. Способный, значит, оказался.

Старик. Наука им способствует...

Грузчик. Вот трактирщики тоже...

Старик. Поп трактирщика умнее. Попы да землемеры – самый опасный народ.

Грузчик. Учёному – легко. Сдал экзаменты, и готово дело, хошь – иди в судьи, хошь – в добрые люди.

Старик. В добрые-то люди не больно легко идут. Судей-то больше, чем докторов...

Молодой грузчик (напевает частушку).

Поддыхает детвора,
Потому что – доктора!
Гармонист. Споём, что ли, Митя?

Молодой грузчик. Можно!

Вот пташки-канарейки
Везде в лесах поют,
Хоша им ни копейки
За это не дают!
Старик. Дурак кудрявый! Придумал бы чего новое.

Молодой грузчик. Тебе, дядя, ничего нового не требуется, кроме гроба.

Гармонист (запевает).

Не ласков был осенний ветер,
И сеял он колючий снег.
Вдвоём.

Лесной просёлочной дорогой
Бежали двое рекрутов.
Старик. Завыли! Ещё когда вас призовут...

Гармонист (поёт).

Один сказал: прощай, товарищ!
Хор.

Прощай! Я силы потерял.
Пускай меня погоня схватит,
А ты – беги домой один!
Гармонист.

И там скажи моей подруге...
Голос из склада. Эй, лежебоки, работать!

Вторая картина
Кустарник у полуразрушенной стены кремля. Грохало, Сергей, пекарь Цыганок,
Женщина. На земле, на листьях лопухов, хлеб, огурцы, вобла; Сергей зажал ногами
бутылку водки, другая – пустая – надета горлышком на ветку.

Сергей. Не люблю слушать бабьи истории, скушно бабы врут.

Женщина. Не для тебя рассказываю, а ему. (Кивает головой в сторону Грохало.)

Цыганок. А я никаких историй не люблю, потому – сам ловок выдумывать. Ты на что
водку ногами греешь?

Женщина. Было мне о ту пору лет четырнадцать. Вошла в детскую, – на столе книжки
с картинками. Наклонилась я поглядеть, а юнкер неслышно подкрался да по затылку
меня, я – носом в книгу, даже кровь из носа пошла. А он меня взбросил на стол,
ноги ломает...

Цыганок. Лакомый, сволочь...

Сергей (посвистывая, наливает водку в жестяной стаканчик). Отбилась?

Женщина. Застигла его мамаша, генеральша. Меня – в полицию, и как я – сирота,
чтобы выслать из города. А – куда? Ну, взял меня себе помощник пристава,
Николин. И вот с той поры девять лет...

Сергей. Идём с нами на рыбные промысла, и – конец делу!

Женщина. А пачпорт?

Сергей. Там – не требуется. Если спросят – достанем и пачпорт.

Женщина. Место я могу найти и здесь, в любом публичном доме...

Грохало. Неплохо придумала.

Женщина. А – что? Ведь я вашему брату не противна, я сама себе противна. (После
паузы.) Нет: за что мне такая жизнь? За что? За какие грехи? Распутница я? А –
хотела я этого? Не хотела, да и не хочу. Распутницей меня сделали.

Сергей. Замуж тебе надобно пристроиться, щи варить, портки чинить, огурцы
солить, по церквам ходить.

Женщина. Насмехаешься? А – кроме этого – что умеешь?

(Сергей посвистывает, глядя на неё.)

Женщина. Замужем я не жила, а жизнь эту – знаю, видела. Ну что же, ты сказал верно: невесёлая, трудная жизнь! А – ты знаешь другую, лучше? Ты сам-то умел бы веселее, легче с женой жить?

Сергей. Это – не твоё дело. Вот, давай со мной жить – увидишь.

Цыганок. Коли не помрёшь. (Зевает.)

Женщина. Как же это у тебя выходит? Я спрашиваю: можешь ты по-иному, лучше других с бабой жить? А ты мне говоришь: это не моё, бабье, дело. Так это, милый друг, всякий мужик скажет. Эх ты, хамова рожа...

Сергей. Не лайся!

Женщина. А то – бить будешь? Была бита, это не в диковинку мне. И не стращай. Я с тобой говорю для парня, я вижу – он серьёзный.

Сергей. Дура! Эдак-то бабы в сорок лет говорят, – куда торопишься?

Женщина. Душу открыть тороплюсь...

Цыганок. Душа – не кабак, открывать её незачем.

Женщина. Хочется сказать: сволочи все вы, мужики, будь вы прокляты! Наладили вы на бабьих животах, на шеях несносную, стыдобную жизнь. Бездельники, бесстыдники, лентяи вы, – вот что! Баба, как пчела, соты строит, мёд копит, а ты, да и все трое вы – бродяги, и тысячи таких на земле. Бесплодная сволочь! Хоть бы в шайки собрались, города грабили...

Цыганок. Гляди, Грохало, это тебе чёрт бяку послал!

Сергей. Студентов наслушалась.

Женщина. Вы – глядите: в бродягах, в босяках бабы – есть? Нет. В чиновниках есть? Тоже нет. И в попах – нет. Бесплезное бабье только в господском быту, где им делать нечего, а где работают, там бабе вдвое достается каторги. Вот, Сергей, ты – умный...

Сергей. Кончай на этом месте!

Женщина. Будто – смелый, а – какая тебе цена в жизни? Groш цена!

Сергей. Кончай, говорю!

Цыганок. Упрямая.

Женщина. Ты – не ори! Ты – кто? Полицейский?

(Сергей схватил её за волосы, а Грохало тотчас же его за горло, Цыганок отодвинулся, схватив бутылку с водкой. Несколько секунд Сергей, Женщина и Грохало, не двигаясь, смотрят друг на друга, затем Сергей снимает свою руку с головы Женщины, Грохало – свою с горла Сергея. Сергей растирает горло правой рукой.)

Цыганок. Не случилось драки, и то – барыш! (Наливает водку в стакан.)

Женщина (приглаживая волосы, усмехается в лицо Сергея). Что? Ни в руке, ни в головке, ни силы, ни сноровки?

Сергей. Подразни ещё! (Протягивает руку за стаканом.)

(Цыганок отвёл его руку, выпил водку и положил стакан боком на его ладонь. Сергей, всё ещё растирая горло, замахнулся на него кулаком.)

Грохало. Перестань, Серёга...

Сергей (угрюмо). За дерзкую ручку твою тебе, дружок, череп разобьют.

Женщина. Какие вы все несчастные, какие никчемные! Потопить бы вас всех в Волге, да – Волгу жалко. Ну, прощайте! Авось – не встретимся... (Встала, идёт прочь.)

Цыганок. Зверь-баба.

Сергей. Куда она? Грохало!

Грохало. Ну, что?

Сергей. Ты бы... тово... сказал бы ей чего-нибудь!

(Грохало уходит. Пауза.)

Цыганок. Закурим?

Сергей. Свёртывай.

Цыганок. Да у меня – нету.

Сергей (бросил ему кiset). А эта бабочка – знает жизнь...

Цыганок. Кто её, суку, не знает! Все знают! На руках – мозоли, на душе ещё боле.

Третья картина

[I]

Песчаный, холмистый берег моря – рыбные промысла. За холмами – гробоподобные крыши двух барачков. На песке – разбитая бочка, обручи, клёпка, рогожи. Ярчайший солнечный день.

На первом плане – новенькая избёнка в два окна, дверь и окна открыты, на пороге двери приказчик промыслов Матюша Романов, сухонький человечек неопределённого возраста, перед ним – Подросток.

Матюша. Значит – так: вот тебе депеша. Заверни во что-нибудь, а то – смочишь потом, чернила расплывутся. Значит: влезь на крышу и – седи, гляди, ежели я махну платком, садись на коня и дуй во весь дух, значит, на брандвахту, на телеграф – понял?

Подросток. Понял. Не первый раз.

Матюша. А ты – не разговаривай! Постой, это кто там идёт? Нижегородский?

Подросток. Он.

Матюша. Кричи его сюда.

Подросток. Эй, Нижегородской, вали сюда-а! Не хочет. Отмахнулся.

Матюша. Кричи ещё: приказчик зовёт.

Подросток. Прика-азчик зове-ет! Там ещё другие идут.

Матюша. Других, дурак, не надо. А он идёт?

Подросток. Идёт.

Матюша. Ну, пошёл прочь. (Отталкивает его ногой в зад. Жмурится, глядя в небо, крестится.)

(Подошёл Нижегородский, это Грохало, на голове – мешок.)

Матюша. Здорово. Жарища-то? Адова. Вот что, брат... значит. Слышал я намерни, как

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy ты уговаривал мужичье рыбную требуху прибрать, закопать, значит. Это ты... разумно говорил, да-а! Действительно: гниёт требуха, запах от неё такой, что даже стыдно дышать...

Нижегородский. Зачем же вы запретили убрать её?

Матюша. Зачем? А это дело не твоё. Это, милачок, дело хозяйское. Я здесь вместо самого Беззубикова действую, значит – хозяинов дух. Помнишь: дух в виде голубине. Ты грамотный, должен помнить.

Нижегородский. На голубя вы мало похожи.

(Сергей и Мальва за углом.)

Матюша. И это опять же не твоё дело, на кого я похож, хоша бы и на верблюда али на калмыка, всё едино, всё – от бога, и схожесть и различие.

Нижегородский. Ну, и от нас тоже много.

Матюша. От нас? Ты вот что, ты лучше слушай, а говорить буду я. Так вот, значит: насчёт требухи ты правильно говорил, даже совсем как умный. За это будет тебе награда: в субботу получишь лишний целковенький. А потом, значит, я и вообще об тебе подумаю, может – в помощники возьму на осень. Да-а. Спасибо не скажешь?

Нижегородский. Да вы ещё целковый-то не дали, а в помощники-то, может, и не возьмёте.

Матюша. Правильно. Не верь гречихе в поле, верь на столе в чашке. Не глупый ты, и за ум я тебе два целковых дам. Сейчас и получи. (Достаёт деньги из кармана, говоря.) За это ты мне сделай вот что, значит: артель не соглашается ямы рыть для селёдки, которой, значит, не хватило тары... Третьи сутки лежит рыба на солнце, гниёт, дышать стыдно, зараза! Вот, значит, ты их уговори. Конечно, трудно песок рыть, да ведь – неглубоко, ну и не днём, ночью можно. Верно? Вот мы её и похороним, очистим и воздух и землю. Правильно? Сделаешь?

Нижегородский. Я поговорю.

Матюша. Старайся. Я вот старался, и – видишь...

Нижегородский. Вижу.

Матюша. Погоди, – ты куда?

Нижегородский. Говорить.

Матюша. Ага-а... Ты, значит, сначала по отдельности хочешь, а после со всеми? Это, брат, правильно. Валяй, валяй... (Смотрит вслед уходящему, напевает.) «Пресвятая богородица, моли бога о нас». Стервец какой, а? (Говорит в окно.) Малаша – слышала? Какой дерзновенный, волчья морда! А ты, Малаша, опять голая? Экая ты, право... неосторожная! Заглянет кто-нибудь, а меня – нет, я ушёл! Чего? От жары умереть невозможно, это только так говорится – умираю от жары! Это барыни для интересности говорят. Чего? Ты – не ругайся! Жара требует тёплой одежи, вон гляди на калмыков...

(Из окна вылетает подушка, туфля, медный ковшик.)

Матюша (отходит за угол, бормочет). Фу ты, господи, царица небесная...

II

Берег моря. Около барака – человек полсотни рыбаков. Настроение угрюмое.

Нижегородец (стоя на бочке, говорит). Пожадничали, заставили нас выловить сотни тысяч рыбы, а тары для неё – будто бы – нет, соли – не хватает, лежит рыба под солнцем, гниёт, даже воздух загнил, глядите, всякая малая царापина рыбьей костью нагноение вызывает. Теперь рыбу эту заставляют нас схоронить в песок.

Голоса. – Дело обыкновенное.

– А – куда её?

– Он жалаит, чтоба мы задохнулись воню.

– Погодите! Он до сути не дошёл...

Нижегородец. Вы подумайте, что же выходит? В стране у нас...

Голоса. – Где?

– Сказано – в стране, стало быть, в России.

Нижегородец. В России – голод, тысячи людей вымирают, а мы пищу будем в землю зарывать. Хороши у нас хозяева?

(Молчание.)

Нижегородец. И врут они, что соли не хватает, тары нет! Всё – есть, любой из вас может убедиться в этом, до складов недалеко. Зарывают рыбу для того, чтоб цену на неё поднять, теперь селёдка пять и семь копеек идёт, а если Беззубиков с Марковым весь улов пустят в продажу – пойдёт сельдь копейки по три. Смотрите, какие горы селёдки гниют, подумайте, какие могилы придётся рыть для неё? Хороши хозяева?

Голоса. – Они знают, как торговать.

– Хозяин зря работать не заставит...

– Конечно, он за работу деньги даёт.

– Не то говорите, братцы! Не то!

Мальва. Вам, чертям, ясно доказывают, что Беззубиков да Марков грабят народ, – вот что доказывают!

– А ты бы торговала, так не грабила?

Сергей (Мальве). Не ори зря!

Мальва. Пошёл к чёрту!

Голоса. – Она товар свой даром даёт, бери кто хошь!

– Эх, братцы, слушали бы человека!

Нижегородец. Приказчик подкупал меня за два целковых, чтоб я вас уговорил хоронить рыбу...

Голоса. – Ну, это Матюша зря!

– Он бы нам дал ведра на два...

Нижегородец. Вот они его, иудины, деньги.

(Бросил комок денег, Сергей наступил на него, Сергея толкают, но он уже отшвырнул рубли под ноги Мальве. Началась маленькая драка. Нижегородца столкнули с бочки, вместо него вскарабкался старичок.)

Голоса. – Тише, эй! Староста хочет покалякать!

– Тише, черти!

– Мы не черти!

– Эх, был староста, да стар он стал, не в себе бывает, правду забывает...

– Вот бы тебя, Касьянов, на его место, – а?

Староста (преодолевая шум). Теперь спросите сами себя: какая же происшествия произошла? Рыбьих могил тут вокруг по берегу – много можно сосчитать, рыбы в них закопано – горы! Это – всегда было. Наша фамилия – Мироновы – от времён царицы Лизаветы ходит сюда рыбачить. Про рыбьи могилы я от деда слышал. Рыба живёт без расчёта...

Голоса. – Сказывай сказки!

– Ты – не ори, не тебе говорят!

– Мы здесь – коренные, а вы – кто?

Староста. Она, рыба, прёт и прёт, сама себя не жалея. И жалеть её – причины не видно. А бродяжка этот будто жалеет рыбу. И это он – врёт. Он – слышали мы – про хозяина говорил и – нехорошо говорил. Это значит – подослали его, другой хозяин подослал, нашему – враг и злодей.

Нижегородец (кричит). Врёшь, старый чёрт!

(Мальва выталкивает Нижегородца из толпы.)

Сергей (идёт сзади, говоря). Ты, брат, улепётывай, а то – вздуют.

Мальва. Уходи, уходи...

Сергей. Дай мне записку, – я заработок твой получу, в Астрахани встретимся – отдам...

Нижегородец. Погодите, дайте послушать.

Пожилый рыбак. Они тебе дельно советуют – уходи! Тут – артель.

Староста. Я говорю: хозяин зря работать не заставит, он за работу деньги даёт. Рыбу зарывать – надо, от неё – вонь. Приказчик поставит нам ведёрка два...

Голоса. – Мало-о!

– Три!

– Требуем три...

– Тиш-ша-а!

Староста. А смутьянам по шеям надобно... Гнать их, к чертям на хутор. Нам бродяги – не компания! Мы – нижегородские, сергачские старинные ловцы! От веков царицы Лизаветы... Гони их, ребята, на кой они нам? Мы, слава те, господи... мы своё дело знаем. Гоните... Айда к приказчику!

(Толпа – рычит, быстро двигается за угол барака. Из барака вышел пожилой рыбак, кричит в дверь: «Можно!» Выходят Сергей, Мальва, Нижегородец с палкой в руке, с котомкой за плечами.)

Рыбак. Вот и шагай прямо берегом, а там – за бугры. Догонять – не станут, жарко, да и водку пить начнут.

Сергей. Он говорит: избить тебя давно решили.

Рыбак. Давно – не давно, а – в то воскресенье.

Нижегородец. Ну – я пошёл. (Протянул руку рыбаку, тот хлопает его по ладони.)

Рыбак. Шагай. Насчёт хозяев – правильно говоришь, это ты должен помнить. Это, брат, правда! Мы для них – тоже вроде лишней рыбы, да! И могилы сами себе роём... Прощай... Это – не забывай!

Мальва. Ну, будет вам болтать, уходи скорей... (Толкнула Нижегородца в плечо.)

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy Сергей. В Астрахани встретимся.

(Нижегородец уходит. Сергей набивает трубку, закуривает.)

Рыбак. Пошёл.

Мальва. Он – пробьётся.

Сергей. Коли не сопьётся.

Комментарии

Сомов и другие

Впервые напечатано в книге «Архив А.М. Горького, том II, Пьесы и сценарии», Гослитиздат, М. 1941.

Пьеса «Сомов и другие» отражает один из важнейших периодов борьбы за социалистическое строительство в СССР, когда был раскрыт ряд заговоров, направленных к подрыву экономической мощи СССР с целью ослабления, а затем и свержения Советской власти и восстановления капитализма.

Так, в 1928 году «была раскрыта крупная вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском районе Донбасса[18]. Шахтинские вредители были тесно связаны с бывшими собственниками предприятий – русскими и иностранными капиталистами, с иностранной военной разведкой. Они ставили целью сорвать рост социалистической промышленности и облегчить восстановление капитализма в СССР. Вредители неправильно вели разработку шахт, чтобы уменьшить добычу угля. Они портили машины, вентиляцию, устраивали обвалы, взрывы и поджоги шахт, заводов, электростанций. Вредители сознательно задерживали улучшение материального положения рабочих, нарушали советские законы об охране труда» («История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 279).

Раскрытие шахтинской вредительской группы и вслед за тем вредительских организаций в целом ряде других отраслей промышленности (в оборонной, текстильной, судостроительной, химической, золото-платиновой, нефтяной, пищевой и др.) повело к выявлению широко разветвлённой вредительно-шпионской организации верхушечной части буржуазной технической интеллигенции, действовавшей в СССР с 1926 по 1930 год по заданиям французской разведки и носившей название «Промпартии» (промышленной партии); был раскрыт и центр этой партии. Процессом «Промпартии» завершился разгром контрреволюционных организаций буржуазной технической интеллигенции.

М. Горький был знаком со следственными материалами «Промпартии» и откликнулся на него обращением «К рабочим и крестьянам», опубликованным одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» 25 ноября 1930 года (том 25 настоящего собрания).

Точная дата начала работы М. Горького над пьесой «Сомов и другие» неизвестно. В феврале 1931 года М. Горький усиленно работал над пьесой и к 1 марта того же года закончил её (Архив А.М. Горького).

В Архиве А.М. Горького сохранились рукопись пьесы с значительной правкой М. Горького и заново отредактированная и подписанная им машинопись.

В собрания сочинений пьеса не включалась.

Печатается по тексту авторизованной машинописи, сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

Егор Булычов и другие

Впервые напечатано отдельной книгой в издании «Книга», 1932. В 1933 году пьеса была вновь отредактирована М. Горьким и опубликована в альманахе «Год шестнадцатый. Альманах первый», М. 1933.

В начале тридцатых годов М. Горький задумал написать драматический цикл, который должен был отобразить большой исторический период – от кануна Великой Октябрьской социалистической революции до событий современности. Началом этого цикла явилась пьеса «Егор Булычов и другие», продолжением – пьеса «Достигаев и другие».

В Архиве А.М. Горького сохранились заметки и наброски писателя, свидетельствующие о том, что в последние годы своей жизни он работал над продолжением этого цикла.

Первые сведения о работе М. Горького над пьесой «Егор Булычов и другие» (первоначальное название «Накануне») относятся к началу 1931 года. Некоторое время М. Горький работал одновременно над этой пьесой и пьесой «Сомов и другие», начатой им ранее. Летом 1931 года писатель закончил первую редакцию пьесы «Егор Булычов и другие». Тогда же пьеса была передана автором в Государственный театр им. Евг. Вахтангова, директор которого – в письме, датированном 10 июля 1931 года, – известил М. Горького о принятии пьесы к постановке (Архив А.М. Горького). По просьбе театра М. Горький внёс в пьесу некоторые дополнения, в частности – во втором действии ввёл сцену с Лаптевым. В связи с введением этой сцены в тексте пьесы оказалось несоответствие, не замеченное автором: в этом же действии идёт речь о том, что Лаптев ночью арестован.

Пьеса «Егор Булычов и другие» была также передана для постановки Ленинградскому Большому драматическому театру. Премьера пьесы в обоих театрах состоялась 25 сентября 1932 года. В 1934 году эта пьеса была поставлена Московским Художественным театром. В Архиве А.М. Горького сохранились наброски двух вариантов первого действия незаконченной пьесы, относящиеся к двадцатым годам, под названием [«Евграф Букеев»] и [«Христофор Букеев»] (опубликованы в «Архиве А.М. Горького, т. II, Пьесы и сценарии», Гослитиздат, М. 1941). Образ главного героя задуманной пьесы близок образу Егора Булычова.

Большой интерес представляет письмо М. Горького К.А.Федину о «Егоре Булычове...» от 21 декабря 1932 года.

В Архиве сохранилась выправленная М. Горьким стенограмма его замечаний, сделанных 19 сентября 1932 года, после просмотра генеральной репетиции пьесы «Егор Булычов и другие» в театре им. Евг. Вахтангова. (см. отрывки из стенограммы)

Ряд писателей и деятелей искусства – А.Н. Толстой, К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, А.П. Чапыгин, Л.Н. Сейфуллина, С.Н. Сергеев-Ценский и другие – откликнулись на появление пьесы письмами к её автору. В письме М. Горькому, датированном 22 декабря 1932 года, В.И.Немирович-Данченко писал:

«...давно не читал пьесы такой пленительной. Право, точно Вам только что стукнуло 32 года! До того свежи краски. Молодо, ярко, сочно, жизненно, просто, – фигуры как из бронзы... И при всём том, – это уже от 60-летнего возраста и это уже на пятнадцатом году: – мудро, мудро, мудро! Бесстрашно, широкодушно. Такая пьеса, такое мужественное отношение к прошлому, такая смелость правды – говорят о победе, окончательной и полнейшей победе революции больше, чем сотни плакатов и демонстраций. И опять: молодо, свежо и – пленительно...

Все образы до единого замечательно ярки...

«Сцены»? Нет! Сценами привыкли называть нечто, что – не пьеса. Это цельное драматическое произведение, – но больше пьесы. Это надо назвать как-то иначе» (Архив А.М. Горького).

В феврале 1933 года А.Н. Толстой писал А.М. Горькому:

«На днях видел у вахтанговцев «Булычова». Вы никогда не поднимались до такой простоты искусства. Именно таким должно быть искусство, – о самом важном, словами, идущими из мозга, – прямо и просто – без условности форм. Спектакль производит огромное и высокое впечатление. Изумительно, что, пройдя такой путь, Вы подошли к такому свежему и молодому искусству...» (Архив А.М. Горького.)

При жизни автора пьеса «Егор Булычов и другие» в собрания сочинений не включалась.

Печатается по тексту альманаха «Год шестнадцатый», сверенному с рукописью и авторскими корректурами (Архив А.М. Горького).

Достигаев и другие

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
Впервые полностью напечатано в альманахе «Год семнадцатый. Альманах третий», М.
1933.

По данным Архива А.М. Горького, работа над пьесой была начата автором не ранее второй половины 1931 года. Весной 1932 года М. Горький уже подробно рассказывал о характерах и судьбах действующих лиц пьесы работникам Ленинградского Государственного Большого драматического театра (ныне – имени М. Горького), посетившим писателя в связи с подготовлявшейся театром постановкой пьесы «Егор Булычов и другие».

Работа над пьесой «Достигаев и другие» закончена не позднее конца 1932 года, когда текст пьесы был передан для постановки театру им. Евг. Вахтангова в Москве и Большому драматическому театру в Ленинграде. В печати сначала появился отрывок из пьесы – конец 3-го акта, от слов: «Яков Лаптев стоит в правой двери, с револьвером в руке» (журнал «Рабочий и театр», 1933, номер 33, ноябрь).

На сцене пьеса впервые была представлена 6 ноября 1933 года Ленинградским Государственным Большим драматическим театром.

25 ноября 1933 года состоялась премьера пьесы в Московском театре им. Евг. Вахтангова.

В 1938 году пьеса была поставлена на сцене Московского Художественного Академического театра им. М. Горького.

6 февраля 1933 года Б.Е. Захава, ставивший пьесу в театре им. Евг. Вахтангова, просил М. Горького ответить на следующие вопросы:

1). Как связать слова Нестрашного по поводу речи Звонцова: «...Лениным да большевиками кадеты пугают нас», – с той оценкой, которую даёт этой речи Варвара;

2). Каким образом раскрыть в Зыбине тип помещика и как надо понимать следующий его диалог с Варварой:

«Зыбин. Что, вы уже решили отрубить мне голову?

Варвара. Я – нет! Это Нестрашный и его черная сотня решает»;

3). Что означает разговор между Варварой и Достигаевым в 1-м акте:

«Варвара. А как же тётка Мелания?

Достигаев. Подумай – сама догадаешься, умница. (Быстро прошёл в буфет)»;

4). Как следует толковать образ Пропотея?

5). Зачем ходит Достигаев к Мелании?

6). Чем объясняется выстрел Звонцова во 2-м акте?

7). Слышала ли Елизавета выстрел Антонины в 3-м акте?

8). Какой характер должен носить обыск в финале пьесы?

Кроме того, Б.Е. Захава просил М. Горького сделать два добавления к тексту пьесы: показать столкновение между Звонцовым и кем-либо из черносотенных купцов и дать небольшой диалог между Звонцовым и каким-нибудь эсером.

К своему письму Б.Е. Захава приложил детально разработанный им режиссёрский план спектакля. Пьеса открывалась по предложению Б.Е. Захавы доносившимися из зала двумя-тремя заключительными фразами из речи Звонцова, но самый текст этой речи не был указан.

Сцена столкновения Рубина с Нестрашным рисовалась в режиссёрском плане следующим образом: Нестрашный при появлении Губина прячется в углу за портретом Николая II, подвыпивший Губин вооружается бутафорским шлемом и мечом, поливает через окно публику водой из графина; заметив шевелящийся портрет Николая II, протыкает

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.ucoz.ru его мечом, в дальнейшем выпихивает Нестрашного через окно и держит его за ноги висящим головой вниз, Нестрашный издаёт отчаянные вопли и т. д.

В декорации 2-го акта Б.Е. Захава предполагал дать ряд комнат бульчовского дома, сделав основным местом действия кухню, а в углу проходной комнаты повесив большой портрет Егора Булычова.

В декорации 3-го акта вместо указанной в ремарке М. Горького репродукции с картины Бёклина предполагался большой портрет Антонины, на полу валялись принадлежности крокета, тенниса. Антонина, оставшись на сцене одна, по режиссёрскому замыслу, должна была перебирать валявшиеся на столе книги и читать какие-нибудь декадентские стихи. В плане подчёркивалась искренняя взволнованность и расстроенность Достигаева в момент, когда он узнаёт о смерти дочери.

Заканчивался спектакль, по плану, следующей сценой: Достигаев «машинально замурлыкал себе под нос: «Это бу-удет после-едний и реши-и-и...» – поймал взгляд Лаптева и оборвал. Лаптев, иронически глядя на него, закончил: «...тельный бой». 26 февраля 1933 года М. Горький ответил Б.Е. Захаве большим письмом. К письму была приложена дописанная М. Горьким по просьбе театра «сцена с эсерами».

Театр использовал в спектакле эту вставку М. Горького, разбив её на две части и превратив в 1-й и 3-й эпизоды 1-го акта.

22 сентября 1933 года артисты Ленинградского Государственного Большого драматического театра вместе с режиссёром посетили М. Горького в Горках под Москвой для беседы о характере и плане постановки пьесы «Достигаев и другие». Познакомив работников театра с текстом своего письма к Б.Е.Захаве и дав ряд указаний относительно оформления спектакля и трактовки отдельных персонажей, М. Горький охарактеризовал дальнейший жизненный путь Достигаева фразой: «При нэпе – опять в сёдла!» Писатель предостерегал театр от опасности слишком «утончить» образ Достигаева: «Его культура? Тёпленькое винцо бордо и энциклопедический словарь для мудрости...»

(См. запись беседы с М. Горьким, хранящуюся в музее Ленинградского Большого драматического театра им. М. Горького)

7 октября 1933 года М. Горький присутствовал на одной из генеральных репетиций спектакля пьесы «Достигаев и другие» в театре им. Евг. Вахтангова в Москве. После просмотра спектакля он выступил перед труппой театра с детальными замечаниями о большинстве персонажей пьесы. Сохранился текст выступления М. Горького по стенограмме, опубликованной в газете «Вахтанговец» от 28 марта 1938 года с минимально необходимыми исправлениями, поскольку самим М. Горьким стенограмма не правилась.

При жизни автора пьесы «Достигаев и другие» в собрания сочинений не включалась.

Печатается по тексту альманаха «Год семнадцатый», сверенному с авторской рукописью и авторизованной машинописью 1-го и 2-го актов пьесы (Архив А.М. Горького).

Васса Железнова. Второй вариант
Впервые напечатано в альманахе «Год девятнадцатый. Альманах девятый», М. 1936.

Пьеса закончена в декабре 1935 года в Крыму. В конце того же года коллектив Второго МХАТ приступил к репетициям пьесы «Васса Железнова» в её дореволюционной редакции. 22 декабря 1935 года М. Горький телеграфировал И.Н. Берсеневу: «Прошу приостановить репетиции. В январе дам совершенно новый текст с новыми фигурами. Не вижу никакого смысла ставить пьесу в её данном виде» (Архив А.М. Горького).

1 января 1936 года, посылая пьесу В.И.Немировичу-Данченко, М. Горький писал, что он исполнил обещание, данное им И.Н. Берсеневу (сб. «Ежегодник Московского Художественного театра. 1943», М. 1945, стр.223).

В апреле 1936 года театр им. ВЦСПС [19], готовя к постановке второй вариант пьесы «Васса Железнова», обратился к автору с вопросами. М. Горький в ответном письме, адресованном артистке С.Г.Бирман, дал характеристики некоторых действующих лиц пьесы.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

В сюжете пьесы использован эпизод, рассказанный Горьким в 1930 году в статье «Беседы о ремесле» [20]:

«Н. Новгород – город купеческий, о нём сложена поговорка: «Дома каменные, люди железные».

..Быт «железных» вставал предо мною кошмарно, жизнь их, в главном её напряжении, сводилась к драме «борьбы плоти с духом». Плоть закармливали жирными щами, гусями, пирогами, заливали ведрами чая, кваса и вина, истощали обильной заботой «продолжения рода», укрощали постами, связывали цепями дела, и она покорствовалась «духу» десять, двадцать лет.

Жирный, сытый, беспощадный к людям, «железный» человек жил благочестиво, смиренно, в театры, в концерты не ходил, а развлекался в церкви пением певчих, громогласней дьяконов, дома развлекался жаркой баней, игрою «в стуколку», винным питием и, попутно со всем этим, отращивал солидную бороду.

Но «седина-то в бороду, а бес в ребро», бес – это и есть «дух». Наступал какой-то роковой день, и благочестивая жизнь взрывалась вдребезги, в чад, грязь, дым. Обнаруживалось, что железный человек уличён в каторжном деле растления малолетних, хотя у него нестарая дородная жена, дочери-невесты. И вот, охраняя честь дочерей, жена, добродушная, благожелательная, говорит грешнику:

«Что же делать будем? Дочери – невесты, кто их замуж возьмёт, когда тебя на каторгу пошлют? Прими порошок?»

Грешник принял «порошок» за несколько дней до вручения обвинительного акта, и «дело о растлении малолетних» прекратилось «за смертью обвиняемого»

(Архив А. М. Горького).

Пьеса «Васса Железнова» во втором варианте в собрания сочинений при жизни автора не включалась.

Печатается по тексту альманаха «Год девятнадцатый».

Степан Разин. Народный бунт в Московском государстве 1666–1668 гг
Впервые напечатано в книге «Архив А.М. Горького, т. II, Пьесы и сценарии», Гослитиздат, М. 1941.

Сценарий был написан в 1921 году. Из сохранившегося черновика письма к С.Горону (по-видимому, представителю французской кинофирмы) видно, что М. Горький перерабатывал сценарий и закончил его незадолго до переезда из Берлина в Шварцвальд, имевшего место 9 декабря 1921 года.

М. Горький писал Горону:

«...Я сделал всё, что нашёл возможным:

Прибавил вводную картину нравов пограничных городов.

Ввёл новое лицо: песенника Бориса, который проходит почти сквозь весь сценарий, являясь как бы стражем добрых чувств Разина, затем уходя от него и, впоследствии, – заключительная картина – славословя Разина.

Везде, где это можно было сделать, не нарушая истины, я смягчил характер Разина. Подчеркнул фигуру матери, которая, конечно, знала роль казаков в эпоху «смуты» 1606 – 13 годов, знала и то, что Михаил Романов был выбран на царство под давлением казачества.

...Костюмы запорожцев можно взять с картины Репина «Запорожцы». Я ввёл в группу запорожцев одноглазого бандуриста.

...У меня возобновился туберкулёзный процесс в лёгких, и я должен немедленно ехать на юг, в Шварцвальд, лечиться»

(Архив А.М. Горького).

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

Образ Степана Разина привлекал внимание М. Горького с юношеских лет.

А.С. Деренков в своих воспоминаниях сообщает, что М. Горький, принимая участие в кружке по самообразованию, «любил слушать рассказы по истории народных движений, о вдохновителях этих движений...» «В русской истории, – пишет А.С.Деренков, – его особенно привлекали Емельян Пугачёв, Степан Разин. История последнего настолько интересовала его, что он, работая в булочной у Семёнова, читал рабочим о жизни и жестокой казни Степана Разина» (газета «Горьковская коммуна», 1945, 17 июня).

В рассказе «Коновалов» (1896) рассказчик читает пекарю Коновалову книгу Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Автор говорит о сильном впечатлении, которое производил на слушателя образ «вольного сокола», «князя волжской вольницы».

В одном из писем 1910 года М. Горький, спрашивая о специальных исследованиях, посвящённых Степану Разину, указывал на свой глубокий интерес к нему и сообщал о своём намерении написать произведение о Степане Разине.

В архиве А.М. Горького сохранились небольшие наброски художественного произведения о Разине. Значительная часть записей – заготовки реплик, написанных размером былинного стиха. Вверху одного листа – авторская пометка: «К С [тепану] Р [азину]». В публикуемом сценарии наброски не использованы.

В собрания сочинений сценарий не включался.

Печатается по рукописи второго, переработанного варианта (Архив А.М. Горького).

При публикации упорядочена нумерация сцен (устранены пропуски и повторения порядковых номеров).

[Пропагандист]

Впервые напечатано Архивом А.М. Горького в журнале «Новый мир», 1940, номер 8, август.

Название дано редакцией.

Сценарий не был закончен автором. Предположительное время написания сценария – 1920-ые годы.

В собрания сочинений сценарий не включался.

Печатается по рукописи (Архив А.М. Горького).

По пути на дно

Впервые напечатано в газете «Правда», 1938, номер 85 от 27 марта, и в литературно-художественном альманахе «Год двадцать первый. Альманах тринадцатый», Гослитиздат, М. 1938.

Публикация в альманахе сопровождается примечанием И.П.Ладыжникова, издателя и помощника М. Горького. В примечании И.П. Ладыжников даёт краткие сведения о сохранившейся рукописи, содержащей начало сценария «На дне» для «немой» кино постановки. Сообщив, что намерение написать сценарий «На дне» возникло у М. Горького после неоднократных обращений к нему за разрешением переделать для кино пьесу «На дне», И.П. Ладыжников продолжает:

«В процессе работы над сценарием у Горького явилась мысль дописать новые сцены, в которых он задумал дать характеры типов – Луки, Сатина, Барона, Насти, Василисы, Костылёва и других, – какими они могли быть в жизни до того, как оказались «на дне», – кем они были, как жили, чьи интересы защищали.

Эти новые сцены Алексей Максимович и назвал «По пути на дно».

Написаны сцены были, как можно предполагать, в период времени между 1928–1930 годами.

Рукопись «По пути на дно» не была закончена, так же как и сценарий не был дописан».

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorki.u
Рукопись сценария «На дне», о которой идёт речь в примечании И.П. Ладыжникова, озаглавлена «Надпись». Она содержит реплики действующих лиц пьесы «На дне», воспроизводящие полностью или с перестановками, сокращениями и небольшими изменениями реплики из первого действия пьесы «На дне».

В собрания сочинений сценарий «По пути на дно» не включался.

Печатается по авторской рукописи (Архив А.М. Горького). Исправлена нумерация сцен: в первом эпизоде – за сценой, обозначенной цифрой IX, в рукописи следует сцена с обозначением цифрой XI, далее нумерация идёт подряд. Во втором эпизоде автором пропущены при нумерации сцен цифры V и XI. В публикуемом тексте сцены пронумерованы подряд.

Преступники

Части сценария, сохранившиеся в рукописи, опубликованы в книге: «Архив А.М. Горького, т. II, Пьесы и сценарии», Гослитиздат, М. 1941. Картины «Через двадцать лет», «Ещё через десять лет», «19 – 21-й год», «Бог и хлеб», «Голодный год», «Беспризорные», «Учителя» и «Начало конца беспризорщины» публикуются впервые. Последняя картина начинается обращением председателя комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей Ф.Э. Дзержинского «Все на помощь детям» («Известия ВЦИК и ЦИК СССР», 1923, номер 71 от 31 марта) в соответствии с указанием автора: в машинописной копии есть пометка рукой М. Горького: «Начать запиской Ф.Э. Дзержинского».

По-видимому, к работе над сценарием М. Горький приступил в конце 1931 – начале 1932 годов.

Первоначальный вариант сценария обсуждался 14 мая 1932 года на собрании бывших беспризорных, ставших членами – работниками большевской и звенигородской трудкоммун ОГПУ. Эта дата указана в записке, приложенной к стенограмме обсуждения, часть которой хранится в Архиве А.М. Горького. На полях стенограммы имеются отметки и неоднократно повторяющаяся запись рукой М. Горького: «Взять». При обработке сценария М. Горький учёл многие замечания, сделанные участниками совещания.

13 сентября 1932 года в «Известиях ВЦИК СССР» было сообщено: «Максим Горький написал сценарий художественного звукового фильма «Преступники». Вероятно, в сентябре 1932 года Горький заканчивал свою работу над сценарием. Однако некоторые сцены в последней части сценария даны только в виде заголовков.

В полном виде сценарий сохранился в двух машинописных копиях; одна из них имеет многочисленные исправления и вставки, сделанные рукой М. Горького; в другой – копии первой, – воспроизводящей все исправления и вставки первой, имеется небольшая правка автора.

В собрания сочинений сценарий не включался.

Печатается по тексту последней авторизованной машинописи, сверенному с рукописью и машинописными копиями, правленными автором (Архив А.М. Горького).

[Картины к инсценировке П.С.Сухотина «В людях»]

Впервые напечатано в книге «Архив А. М. Горького, т. II, Пьесы и сценарии», Гослитиздат, М. 1941.

Заглавие дано редакцией.

Публикуемые «картины» написаны М. Горьким в 1932 году для инсценировки П.С.Сухотина «В людях», подготовленной по предложению Московского Художественного академического театра СССР. Инсценировка была построена на основе произведений М. Горького: автобиографической трилогии[21], рассказов «Страсти-мордасти», «Хозяин», «Двадцать шесть и одна», «Коновалов» и других.

М. Горький читал инсценировку в рукописи, внёс в неё значительное количество исправлений, сделал указания к доработке инсценировки и написал четыре сцены.

Первая постановка инсценировки «В людях» состоялась 25 сентября 1933 года. Сцены, написанные М. Горьким, в спектакль не вошли.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy
В собрания сочинений не включались.

Печатаются по рукописи (Архив А.М. Горького).

Примечания

1
добрый день (франц.) – Ред.

2
извините (франц.) – Ред.

3
полукруглый, треугольный или многогранный остеклённый выступ в стене здания на
высоту одного, двух и более этажей – Ред.

4
Как дела (франц.) – Ред.

5
это дурной тон (франц.) – Ред.

6
wasim (нем.) – почему? – Ред.

7
головной убор – Ред.

8
Генрих IV (франц.) – Ред.

9
церковное песнопение – Ред.

10
сосуд для мочи, ночной горшок – Ред.

11
грубый деревенский холст, по реденькой основе; идёт на мешки, на подстилку и на
застилку – Ред.

12
чиновник уездной полиции, заведующий в полицейском отношении станом,
определённой частью уезда – Ред.

13
лотерея с результатом, который становится известным сразу после приобретения
лотерейного билета. итал. Allegri – будьте веселы – Ред.

14
приспособление для игры, состоящее из стержня с чашечкой и привязанным на шнурке
шариком; подбрасывая последний, стараются поймать его в чашечке – Ред.

15
т. е. буквой «П» – Ред.

сочинений в тридцати томах. Том 18. Пьесы, сценарии, инсценировки 1921–1935. Максим Горький gorkiy

16

Разумеется, эту сцену нужно разработать с участием специалистов – Прим. М.Г.

17

головной убор духовенства, расширяющийся кверху цилиндр без полей. Чёрную – носят монахи. Фиолетовая даётся в награду священникам. – Ред.

18

вошло в историю как «шахтинское дело» – Ред.

19

Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов, сначала театр назывался им. МОСПС – Ред.

20

том 25 настоящего собрания – Ред.

21 «Детство», «В людях», «Мои университеты» – Ред.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!